

МЕТАМОРФОЗЫ ИСТОРИИ

5/2014

Министерство образования и науки
Российской Федерации
Псковский государственный университет
Псковское региональное отделение Российского
общества интеллектуальной истории
Научно-образовательный центр
социальной истории

МЕТАМОРФОЗЫ ИСТОРИИ

Научный альманах

Выпуск 5

Псков
2014

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

- Демьяненко Ю. А.** (председатель) (Россия, Псков, ректор Псковского государственного университета, кандидат социологических наук);
- Истомин А. В.** (заместитель председателя) (Россия, Псков, проректор по научной работе Псковского государственного университета, доктор биологических наук, доцент);
- Гарбузов В. Н.** (заместитель председателя) (Россия, Москва, заместитель директора Института США и Канады РАН, доктор исторических наук, профессор);
- Габелко О. Л.** (Россия, Москва, профессор кафедры истории древнего мира Российского государственного гуманитарного университета, доктор исторических наук, профессор);
- Кашенко С. Г.** (Россия, Санкт-Петербург, заведующий кафедрой источниковедения Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук, профессор);
- Мухамедов Ш. Б.** (Узбекистан, Ташкент, заместитель директора Института истории Академии наук Республики Узбекистан);
- Никитина Н. П.** (Россия, Псков, декан исторического факультета Псковского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент);
- Никоноров В. П.** (Россия, Санкт-Петербург, старший научный сотрудник отдела археологии Центральной Азии и Кавказа Института истории материальной культуры РАН, кандидат исторических наук, доцент);
- Ольбрыхт М. Я.** (Польша, Жешув, заведующий кафедрой древней истории и востоковедения Жешувского университета, доктор исторических наук, профессор);
- Пьянков И. В.** (Россия, Великий Новгород, профессор кафедры всеобщей истории Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, доктор исторических наук, профессор).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

- Дмитриев В. А.** (главный редактор) (Россия, Псков, доцент кафедры всеобщей истории и регионоведения Псковского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент);
- Михеев Д. В.** (заместитель главного редактора) (Россия, Псков, доцент кафедры всеобщей истории и регионоведения Псковского государственного университета, кандидат исторических наук);
- Губарев В. К.** (Украина, Донецк, доцент кафедры истории и права Донецкого национального технического университета, кандидат исторических наук, доцент);
- Ермаченко И. О.** (Россия, Санкт-Петербург, доцент кафедры всеобщей истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, кандидат исторических наук, доцент);
- Колпаков М. Ю.** (Россия, Псков, заведующий кафедрой всеобщей истории и регионоведения Псковского государственного университета, кандидат исторических наук);
- Райкова В. А.** (Россия, Санкт-Петербург, доцент кафедры всеобщей истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, кандидат исторических наук).

Альманах основан в 1997 г.

Идея издания: В. Н. Гарбузов, А. В. Юрасов

Альманах индексируется в Национальной информационно-аналитической системе «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) и Международной базе данных «Index Copernicus Journals Master List» (IC JML)

Издатель: Псковский государственный университет
(180000), Россия, г. Псков, пл. Ленина, 2)

© Псковский государственный университет, 2014;

© Авторы, 2014

The Ministry of Education and Science of
the Russian Federation
Pskov State University
Pskov Regional Branch of the Russian Society of
Intellectual History
Research and Educational Center for
Social History

METAMORPHOSES of HISTORY

Scientific Almanac

Issue 5

Pskov
2014

-

EDITORIAL COUNCIL:

- Yury A. Demyanenko** (chairman) (Pskov State University, Pskov, Russia);
Anatoly V. Istomin (vice chairman) (Pskov State University, Pskov, Russia);
Valery N. Garbuzov (vice chairman) (Institute for US and Canadian Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia);
Oleg L. Gabelko (Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia);
Sergey G. Kaschenko (Saint-Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia);
Shuhrat B. Mukhamedov (Institute of History of Academy of Sciences of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan);
Natalia P. Nikitina (Pskov State University, Pskov, Russia);
Valery P. Nikonorov (Institute for History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia);
Marek J. Olbrycht (University of Rzeszow, Rzeszow, Poland);
Igor V. Pyankov (Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia).

EDITORIAL BOARD:

- Vladimir A. Dmitriev** (editor-in-chief) (Pskov State University, Pskov, Russia);
Dmitry V. Mikheev (managing editor) (Pskov State University, Pskov, Russia);
Viktor K. Gubarev (Donetsk National Technical University, Donetsk, Ukraine);
Igor O. Ermachenko (Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia);
Maxim Yu. Kolpakov (Pskov State University, Pskov, Russia);
Vera A. Raikova (Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia).

The almanac was founded in 1997

The idea of the almanac: Valery N. Garbuzov, Andrey V. Yurasov

---

The almanac is indexed in Russian National Information and Analytical System «**Russian Index of Science Citation**» (RISC) and International scientific journal database «**Index Copernicus Journal Master List**» (IC JML)

Publisher: Pskov State University
(Lenin Square, 2, Pskov, 180000, Russia)

© Pskov State University, 2014

© Authors, 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
К 100-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	
<i>Хришкевич Т. Г.</i> Первая мировая война в культурных проектах современной Германии	12
<i>Абашева Ж. В.</i> Участие женщин в воинских формированиях российской армии в период Первой мировой войны	24
<i>Королёва Н. А.</i> Первая мировая война и «движение за новую культуру» в Китае	43
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ	
<i>Данилов Е. С.</i> Античность в исследовании Эрнста Канторовича по политической теологии	56
<i>Грачёв А. Ю.</i> Восприятие войны в позднем средневековье (на материале «Мемуаров» Филиппа де Коммина)	71
<i>Михеев Д. В.</i> Образ елизаветинской Англии в переписке испанского посла Гусмана де Сильвы (середина XVI в.)	87
<i>Толстокорова А. В.</i> На грани миров: вклад украинских образованных женщин в «обмен знаниями» между Западной и Восточной Европой	97
<i>Митин В. В.</i> Научные связи СССР и МНР в 1920–1950-е гг. Академия наук СССР и Монгольский учёный комитет	111
ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА	
<i>Александрова О. И.</i> Афинская колония на Самосе в V в. до н. э.: миф или реальность?	134
<i>Хрусталёв В. К.</i> «Египетский вопрос» в римской политике в 60-е гг. до н. э.	142
<i>Kubik A. L.</i> About One Group of Iranian Maces in the Context of the New Find from Sivas, Turkey: an Analysis from the Sasanian to the Safavid Period	154
<i>Дмитриев В. А.</i> Ещё раз к вопросу об истоках сасанидской элефантерии	181
ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ	
<i>Омельченко Д. М.</i> Арианские правители как «значимые другие» в «Житии Цезария Арелатского»	195
<i>Пилипчук Я. В.</i> Кыпчаки в Китае	217
<i>Прохоров А. А., Перепелица М. С.</i> «Дюнамюндские анналы» как источник по истории Ливонии XIII–XIV вв.	236

<i>Колтаков М. Ю.</i> «Ветвь королевских родов» Гийома Гиара как памятник капетингского историописания	249
<i>Голубева И. В., Крупа Т. Н.</i> Исследование археологического текстиля из раскопок Цареборисова в 2012 г.	258
НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ	
<i>Антипов В. С.</i> Социальная база контрреформ в странах просвещённого абсолютизма	270
<i>Позняк О. С., Райкова В. А.</i> Провозглашение королевства Исландия в отражении исландских газет	286
<i>Коханова Е. А.</i> Положение женщины советской Украины в условиях трансформации советского общества (20-е гг. XX в.)	302
<i>Яковлева Г. Н.</i> Традиционные бытовые практики евреев Витебщины в контексте советских реалий 1920-х гг.	317
<i>Косов А. П.</i> Политика США в отношении КНР в период президентства Р. Никсона	343
РОССИЯ В МИРОВОЙ ИСТОРИИ	
<i>Чепель А. И.</i> «Пастухов те воры били до умертвия...»: криминальная обстановка в шведско-русском приграничье после Столбовского мира	370
<i>Космач В. А.</i> Великая Российская революция 1917–1922 гг. и её последствия: опыт сравнительно-исторического анализа	391
<i>Филлимонов А. В.</i> «Ингерманландское» население в северо-западных областях РСФСР в конце Второй мировой войны и первые послевоенные годы (1944–1948 гг.)	424
<i>Медведева Н. М.</i> Советско-восточногерманские общественные связи во второй половине 1960-х гг.	452
ИЗУЧЕНИЕ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ В ВУЗЕ	
<i>Филиттова Т. В.</i> Использование технологии кооперативного обучения в вузе (на примере изучения темы «Холодная война»: вчера и сегодня)	467
ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ	
<i>Кудрявцева Т. В.</i> Рецензия на: Кессиди Ф. Х. Философия истории Фукидида. СПб.: Алетейя, 2008. 272 с.	477
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	491
АВТОРЫ ВЫПУСКА	493
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	500

CONTENTS

PREFACE	9
100th ANNIVERSARY OF THE OUTBREAK OF WORLD WAR I	
<i>T. G. Khrishkevich.</i> World War I in Modern Germany's Culture Projects	12
<i>Zh. V. Abasheva.</i> Participation of Women in Military Formations of the Russian Army during World War I	24
<i>N. A. Korolyova.</i> World War I and the «New Culture Movement» in China	43
INTELLECTUAL HISTORY	
<i>E. S. Danilov.</i> Antiquity in Ernst Kantorowicz's Research on Political Theology	56
<i>A. Y. Grachev.</i> Perception of War in the Late Middle Ages (on the Material of «Memoirs» of Philippe de Commines)	71
<i>D. V. Mikheev.</i> The Image of Elizabethan England in the Correspondence of the Spanish Ambassador Guzman de Silva (in the Mid-XVI century)	81
<i>A. V. Tolstokorova.</i> On the Edge of Two Worlds: Contribution of Ukrainian Educated Women into «Knowledge Exchange» between Western and Eastern Europe	97
<i>V. V. Mitin.</i> Scientific Relations between the USSR and the MPR in the 1920–1950 s. The Academy of Sciences of the USSR and Mongolian Scientific Committee	111
ANCIENT HISTORY	
<i>O. I. Aleksandrova.</i> Athenian Colony on Samos in V B.C.: Myth or Reality?	134
<i>V. K. Khrustalyov.</i> The «Egyptian Question» in Roman Policy in the 60 s B. C.	142
<i>A. L. Kubik.</i> About One Group of Iranian Maces in the Context of the New Find from Sivas, Turkey: an Analysis from the Sasanian to the Safavid Period	154
<i>V. A. Dmitriev.</i> The Problem of Sasanian Elephantry Origins Revisited	181
MEDIEVAL AND EARLY MODERN HISTORY	
<i>D. M. Omelchenko.</i> Arian Sovereigns as «Significant Others» in «Life of Caesarius of Arles»	195
<i>Ya. V. Pylypchuk.</i> The Qipchaqs in China	217
<i>A. A. Prokhorov, M. S. Perapialitsa.</i> The Annals of Dünamünde as a Source for the History of Livonia in XIII–XIV centuries	236

<i>M. Y. Kolpakov</i> «A Branch of Royal Lineage» by Guillaume Guiart as a Literary Monument of Capetian Historiography	249
<i>I. V. Golubeva, T. N. Krupa.</i> Analysis of a Fragment of Archaeological Textile Fabrics from Tsareborisov Excavations of 2012	258
MODERN AND CONTEMPORARY HISTORY	
<i>V. S. Antipov.</i> Counter Reforms' Social Base in Enlightened Absolutism Countries	270
<i>O. S. Poznyak, V. A. Raikova.</i> Establishment of the Kingdom of Iceland in the Icelandic Press	286
<i>E. A. Kokhanova.</i> The Status of Women in the Soviet Ukraine in the Transformation of Soviet Society (in the 20s of XX century)	302
<i>G. N. Yakovleva.</i> Traditional Domestic Practices of the Jews of the Vitebsk Region in the Context of Soviet Realities of the 1920 s	317
<i>A. P. Kosov.</i> U. S. Policy towards PRC during the R. Nixon Presidency	343
RUSSIA IN THE WORLD HISTORY	
<i>A. I. Chepel.</i> «The Shepherds Were Beaten to Death by These Criminals...»: Criminal Situation in the Swedish-Russian Border Area after the Treaty of Stolbovo	370
<i>V. A. Kosmach.</i> The Great Russian Revolution 1917–1922 and its Consequences: Experience of Comparative-Historical Analysis	391
<i>A. V. Filimonov.</i> The «Ingrian» Population in the North-West of the RSFSR at the End of World War II and the Early Postwar Years (1944–1948)	424
<i>N. M. Medvedeva.</i> Soviet and East-German Relations in the Second Half of 1960 s	452
THE STUDY OF THE WORLD HISTORY IN UNIVERSITY	
<i>T. V. Filippova.</i> Using Cooperative Learning Technology in Higher Education (Case Study on the Topic «'Cold War': Yesterday and Today»)	467
REVIEWS&NOTICES	
<i>T. V. Kudryavtseva.</i> Book Review: F. Kessidy «The Thucydides' Philosophy of History». St. Petersburg: Aletheia, 2008. 272 p.	477
LIST of ABBREVIATIONS	491
CONTRIBUTORS	493
GUIDELINES for AUTHORS	500

| ПРЕДИСЛОВИЕ

Данный выпуск альманаха выходит в свет на необычайно знаковом историческом фоне. Прежде всего, в 2014 г. отмечается 100-летие со дня начала одного из переломных и наиболее трагических событий всемирной истории — Первой мировой войны. Подобные даты всегда заставляют ещё раз обратиться к событиям далёкого прошлого, поскольку в нём, как известно, могут скрываться ответы на самые актуальные вопросы дня сегодняшнего. В связи с этим мы (редколлегия и коллектив авторов), разумеется, не могли пройти мимо этой даты, и потому настоящий выпуск открывается рубрикой «К 100-летию начала Первой мировой войны».

Вместе с тем, на 2014 г. приходится ещё один исторический юбилей, связанный с историей Второй мировой войны, — 70 лет освобождения территории Советского Союза от немецко-фашистских захватчиков. В одной из вошедших в данный выпуск альманаха статей повествуется о связанных с этой датой малоизвестных событиях (репатриация ингерманландцев из Финляндии в СССР).

Наконец, сегодня все мы являемся свидетелями драматических событий на Украине, в ходе которых, по сути, выкристаллизовываются новые векторы исторического развития не только самой Украины, и даже не только Европы, но и всего мира. Украинский кризис, судя по всему, ещё очень далёк от своего завершения, и делать какие-то исторические выводы на сей счёт преждевременно, а потому статей, посвящённых происходящим на Украине событиям и процессам, в данном выпуске нет. Однако явная тенденция к переосмыслению феномена славянства, обогнавшаяся в связи с украинскими событиями в европейском общественно-политическом, социально-философском и культурно-историческом дискурсе, нашла своеоб-

разное (причём совершенно произвольное — так уж сложились обстоятельства) проявление и на страницах «Метаморфоз истории» — все авторы статей, вошедших в данный выпуск альманаха, являются представителями четырёх славянских государств, теснейшим образом связанных во многом общей исторической судьбой, — России, Украины, Белоруссии и Польши, в связи с чем настоящий выпуск «Метаморфоз» в определённом смысле можно считать «славянским». Надеемся, что это — хороший знак, указывающий на «обречённость» славянских стран и народов быть добрыми соседями, невзирая на все хитросплетения и метаморфозы их непростой истории.

Отличительной чертой данного выпуска альманаха является и то, что в нём несколько увеличилась доля статей, подготовленных молодыми учёными и аспирантами, а также написанных в соавторстве преподавателями и работающими под их руководством студентами. Это не только говорит о стремлении молодых и будущих учёных-историков к повышению своего профессионального научного уровня, но и свидетельствует о сохранении и развитии научных школ, без которых у любой науки, в том числе и исторической, просто нет будущего. Мы планируем и в дальнейшем привлекать к участию в альманахе талантливых представителей научной молодёжи — как российской, так и зарубежной.

Безусловной благодарности заслуживают наши авторы — коллеги из вузов, с которыми исторический факультет Псковского государственного университета традиционно поддерживает научные связи; прежде всего, это — Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Белорусский государственный университет и Витебский государственный университет им. П. М. Машерова. В последнее время хорошие

контакты у исторического факультета ПсковГУ сложились с Харьковским национальным педагогическим университетом им. Г. С. Сковороды, о чём свидетельствует ряд статей, поступивших в редакцию из этого вуза. Мы надеемся, что география авторов «Метаморфоз истории» и впредь будет неуклонно расширяться.

*В. А. Дмитриев,
главный редактор альманаха
«Метаморфозы истории»*

К 100-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

УДК 94 (430)

Хришкевич Т. Г.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В КУЛЬТУРНЫХ ПРОЕКТАХ СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ

В статье представлен обзор основных культурных мероприятий в ФРГ, посвящённых 100-летию начала Первой мировой войны. Статья анализирует изменение общественного мнения в Германии в отношении событий Первой мировой войны через выставки, музейные экспозиции, телевизионные и интерактивные интернет-проекты, фотогалереи и пр.

Ключевые слова: Первая мировая война, общественное мнение, ФРГ, выставки, музеи.

На 2014 г. в Германии приходятся три памятные даты: 100 лет с начала Первой мировой войны, 75 лет с начала Второй мировой войны и 25 лет падения Берлинской стены. Эта комбинация подняла вопросы о последствиях столь значительных для Германии событий. На поиск ответов брошен весь интеллектуальный потенциал страны. Пока научный мир рассуждает об ответственности за развязывание войн и их итогах, общественность поднимает проблему памяти — в памятниках, книгах, выставках.

События 1914–1918 гг. в Германии по-прежнему называют «Великая война». Несмотря на название, она долгие годы оставалась в тени для научного сообщества. Только тень отбрасывала не революция 1918 г., а приход к власти национал-социалистов и Вторая мировая. Дело не столько в проигрыше, экономической разрухе, репарациях, сколько в наследии, которое она оставила — преступ-

лениях против человечности. В отличие от бельгийцев и французов, например, немцы не испытали Первую мировую войну столь непосредственно, на своей собственной территории. Жителей кайзеровской Германии война коснулась лишь в виде пропущенных цензурой фронтовых писем и лаконичных извещений о смерти. В некоторой степени ещё и поэтому Вторая мировая война с её ночными бомбёжками и эвакуациями затмила воспоминания об окопах Первой мировой.

Сегодня жителей Германии продолжают волновать события Первой мировой войны. В январе 2014 г. журнал «Штерн» провёл опрос, согласно которому 69 % всех респондентов испытывают интерес к событиям Великой войны. 77 % — в возрастной категории от 14 до 29 лет. Разделилось мнение по наиболее острому до сего дня вопросу «На ком лежит ответственность за развязывание войны?». 58 % считают, что ответственность лежит на всех участвовавших в войне государствах. 19 % считают, что виновата Германия, и 9 % — другие страны¹.

Поднимая эту тему, немцы отмечают, что в Германии долгие годы говорили о войне вскользь и между строк. Это привело к тому, что, например, ныне крайне мало памятных мест, посвящённых Великой войне. В стране не стремились увековечить причину своего «виноватого» прошлого. На всю Германию не так много (в отличие от Франции, Бельгии или Великобритании) постоянных монотематических музеев Первой мировой войны. И преимущественно это военные музеи: Баварский Музей Армии в Ингольштадте, дрезденский Военно-исторический музей бундесвера.

---

¹ Deutsche interessieren sich für den Ersten Weltkrieg.

URL: <http://www.stern.de/politik/deutschland/stern-umfrage-deutsche-interessieren-sich-fuer-den-ersten-weltkrieg-2083233.html>

(дата обращения: 12.03.2014)

Заполняя лакуны, в юбилейный год музеи от Аахена до Вупперталя открывают экспозиции к памятной дате². Баварский музей армии обратился к теме поставленных под ружье солдат (в одной Баварии на войну было призвано 13 % населения). В 2014 г. постоянная выставка будет дополнена ещё тремя тематическими. В Нюрнберге в июне откроется инсталляция в центре документации Райхспартайтагсгелэнде под заголовком «Лето 14. Рождение ужаса модерна». Выставочный павильон будет представлять собой 40-метровое стереоскопическое изображение.

Дрезденский Военно-исторический музей бундесвера стал площадкой для большого европейского телевизионного проекта «14 – дневники Первой мировой». В августе 2014 г. здесь стартует выставка под названием «14 – люди войны».

В регионе Рура пятнадцать различных учреждений объединились для проекта «1914 – в центре Европы». Выбор земли не случаен, поскольку именно Рурская область стала разменной картой по итогам Версальской конференции, перейдя под управление Лиги наций. Несмотря на название, выставка охватила более широкий временной отрезок и обратилась к периоду наибольшего значения Рура для Германии: с 1880 по 1930 гг.

Немецкий литературный архив в Марбахе совместно с Библиотекой Бодлера в Оксфорде и Библиотекой национального университета в Страсбурге открывает выставку «Август 2014. Литература и война».

В Штутгарте в Историческом музее земли Баден-Вюртемберг откроется выставка «Карнавал преисподней:

---

² Die wichtigsten Ausstellungen. URL: <http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/debatten/100-jahre-erster-weltkrieg/100-jahre-erster-weltkrieg-die-wichtigsten-ausstellungen-12742689.html> (дата обращения: 11.03.2014)

Первая мировая война и чувства». Организаторы с помощью нескольких сотен экспонатов пытаются показать, как война действовала на чувства и ощущения людей, как звучали взрывы снарядов, пахли разлагающиеся трупы, ощущались голод и телесные страдания.

В Бонне откроются две художественные выставки: «1914. Авангард в борьбе» (в ней будут представлены картины, рисунки и скульптуры М. Бекмана, О. Дикса, В. В. Кандинского, Э. Л. Кирхнера, П. Клее, Ф. Марка, П. Пикассо) и «1914: мир в красках» (фотографии из архива французского банкира Альберта Кана).

Значительное число выставок сосредоточено в столице. Берлинский исторический музей проводит выставку, посвящённую коммуникациям, которые использовались для управления армиями времён войны (телефонам, оптическому телеграфу, радио), а также её техническим средствам: самолётам, подводным лодкам³. Государственный музей Берлина планирует одиннадцать выставок: «Великая война в монетах и медалях», «Война и одежда» и др. Кроме того, пройдут выставки на других площадках: «Фотографии в Первой мировой войне» (Музей фотографии), «Первая мировая война в детской литературе» (Государственная библиотека Берлина), «Латинская Америка и Первая мировая война» (Иберо-Американский институт), «Прочувствованная война», «Великая война 1914 — картины между пропагандой, искусством, общим благом и реальной жизнью» (Музей европейской культуры)⁴.

---

³ 1914–1918. Der Erste Weltkrieg.

URL: <http://www.dhm.de/ausstellungen/1914-1918/>
(дата обращения: 02.04.2014)

⁴ Museum Europäischer Kulturen.

URL: <http://www.smb.museum/museen-und-einrichtungen/museum-europaeischer-kulturen/ausstellungen.html> (дата обращения: 11.04.2014)

Но если музеи и выставки являются, скорее, поводом для дискуссии, то книги призваны дать профессиональные ответы на серьёзные вопросы. В преддверии памятной даты в 2013–2014 гг. в ФРГ был опубликован целый ряд научных и художественных произведений (Оливер Янц «14 – Великая война», Эрнст Юнгер «В стальных грозах»). Общий итог всех публикаций прост – Германия сама виновата в развязывании бойни, но она не должна в одиночку нести за это ответственность, другими словами – немцы виноваты в том, что произошло, но не более чем другие.

Самой спорной стала публикация Кристофера Кларка «Лунатики. Как Европа вступила в Первую мировую». Она ставит под вопрос вину немцев в развязывании Первой мировой войны и её неизбежность⁵. Книга сразу же вызвала шквал дискуссий, в центре которых стояло слово «вина».

Автор объяснил название книги тем, что так же, как и лунатики, державы в начале века действовали (т. е. принимали политические решения), не осознавая последствий. Государства были уверены, что поступали под принуждением, тем самым они как бы действовали автоматически. К. Кларк указывает, что по обе стороны фронта, во всех европейских странах в 1914 г. наблюдался оборонительный патриотизм, готовность защитить свою родину, причём не только у представителей элиты. Доминировали опасения оказаться объектом нападения. Намного реже встречалась готовность ввязаться в агрессивную войну на стороне нападения.

---

⁵ Christopher Clark über den Ersten Weltkrieg. Die Jahrhundertkatastrophe. URL: <http://www.tagesspiegel.de/kultur/christopher-clark-ueber-den-ersten-weltkrieg-die-jahrhundertkatastrophe/8964830.html> (дата обращения: 07.03.2014)

К. Кларк опровергает миф о том, что европейские народы с воодушевлением вступили в войну, несмотря на многочисленные свидетельства, например, фотографии, запечатлевшие людей, празднующих её начало. По его мнению, намного важнее была реакция в провинции. Кларк считает мифом, что ставка на краткосрочную войну не принимала в расчёт многие жертвы. Автор приводит данные, согласно которым в австрийском исследовании рассчитывалось, какое количество жизней унесёт с собой война, и они исходили из миллионов погибших. Речь шла об Армагеддоне, разрушении европейской цивилизации. Историк также сравнивает современный мир с началом XX в. своим беспокойным развитием и геостратегическим доминированием отдельных держав.

Кристофер Кларк согласен с утверждением Хольгера Аффлербаха, автора книги «Невероятная война», что война не была неизбежна. По его мнению, развязывание войны было более невероятным, чем отказ от неё. В 1914 г. всё говорило о разрядке, например, медийные войны между немецкими и британскими газетами сбавили обороты; между Австрией и Сербией начались переговоры о государственных вопросах и обмене политическими заключёнными; союзы стали более свободными и могли легко распасться.

В итоге книга не оправдывает немецкую внешнюю политику; по мнению автора, вопрос скорее стоит в том, как дело дошло до войны, поскольку нет одного, ответственного за всё. Но есть те, кто вообще не несёт ответственность, например, Бельгия, на которую напала Германия. К. Кларк считает, что Первая мировая напоминает нам о том, что войны всегда означают для людей провал в силу невозможности их контролировать. Ни одна другая война не показывает это так ясно, как Первая мировая война с 20 миллионами погибших.

Иной подход наблюдается у политолога Херффрида Мюнклера. В своей девятистотраничной работе он также обращается к теме вины Германии. Его «Великая война»⁶ отвечает на старые вопросы: в чём ещё, кроме немецкой внутренней политики, причина развязывания войны? Кто несёт ответственность за это? Можно ли рассматривать начало войны как превентивный удар?

По его словам, Германия принадлежала летом 1914 г. к самым главным агрессорам, но «тем сильнее распространяется ответственность за войну на все европейские великие державы». Х. Мюнклер анализирует «страхи» великих держав, называя причины войны: беспокойство России о потере влияния после поражения в русско-японской войне, беспокойство Австро-Венгрии о потере статуса великой державы. В Великобритании господствовал страх перед упадком и «окружением» её немцами. Главными виновниками внутри Германии автор называет кайзера Вильгельма II, рейхсканцлера Т. фон Бетман-Гольвега и начальника генерального штаба Х. фон Мольтке.

Значительное место в работе занимает анализ так называемой «стратегии двойного окружения», которая подогрела и без того острые взаимоотношения. Под этим Х. Мюнклер подразумевает окружение австро-венгерской монархии Балканским союзом, находящимся под «протекцией» Российской империи, и окружение великой Германии, расположенной в центре Европы, союзом Франции, России и Великобритании.

Готовность к превентивной войне Х. Мюнклер объясняет желанием «протиснуться» в ряды европейских колониальных держав, но при этом Германия не являлась

---

⁶ Schröder C. Herfried Münkler über den Ersten Weltkrieg. Das große Sterben. URL: <http://www.tagesspiegel.de/kultur/herfried-muenkler-ueber-den-ersten-weltkrieg-das-grosse-sterben/9154582.html> (дата обращения: 07.03.2014)

«единственной империалистически действующей властью в Европе». В заключении своей работы Мюнклер просит немцев интенсивнее заниматься изучением Первой мировой войны, чтобы они видели в ней не только начало Второй мировой. Автор считает, что теме Великой войны не хватает нового прочтения.

К иному жанру относится работа Вильгельма Крулля, который выступил составителем книги «Война со всех сторон»⁷. Она представляет собой собрание довоенной немецкой прозы. Её открывает отрывок из сочинения Вильгельма Ламшуса «Человеческая бойня» (1912 г.), детально описывающая действие пулемётов, бомб и снарядов начала XX в. В. Круль включил в своё издание многих классиков довоенной антимилитаристской прозы, например Леонгарда Франка «Человек добр», Мартина Берадта «Землекопы». Все работы объединяет одна мысль: все участники войны, кроме генералов, — жертвы.

Работа Крулля говорит словами довоенных авторов не только о фронтовых буднях. Например, Альфред Фрид, анализируя причины начала войны, предвосхитил роль международных организаций в такого рода конфликтах. А. Фрид описал механизм возможного посредничества авторитетной организации наподобие будущей ООН. В противовес пацифисту Фриду, Круль приводит дневниковые записи барона Манфреда фон Рихтгофена, его восторженные описания воздушных боёв.

Интерес к переизданию литературы периода войны, безусловно, является весьма показательным, так как ещё в 2007 г. публикация романа Эриха Мария Ремарка «На за-

---

⁷ Krieg – von allen Seiten. Prosa aus der Zeit des Ersten Weltkrieges. Herausgegeben von Wilhelm Krull. URL: <http://www.wallstein-verlag.de/9783835313460-krieg-von-allen-seiten.html> (дата обращения: 07.03.2014)

падном фронте без перемен» не вызвала резонанса у немецких читателей. Проект выпуска сборника романов о Первой мировой войне, написанных в 1920-х — 1930-х гг., даже не нашёл своего издателя.

В рамках подготовки к юбилейной дате в Германии запущен проект «European Film Gateway 1914». В нём заняты 26 организаций из 15 стран. Проект реализуется при поддержке уполномоченного федерального правительства Германии по вопросам культуры и СМИ, а также министерства науки и искусства федеральной земли Гессен. На реализацию проекта выделены средства как из бюджета ЕС (2,1 млн. евро), так и из казны ФРГ.

Создатели проекта оцифровали более двух тысяч фильмов, снятых с 1914 по 1918 гг. Эти исторические киноматериалы будут выставлены в Интернет для свободного доступа. По данным Немецкого киноинститута, общая их продолжительность составит более тысячи часов⁸. Коллекция представляет собой собрание полнометражных художественных, документальных, а также анимационных фильмов. Проект является уникальным, так как сегодня в Европе сохранилось не более 20 % фильмов, снятых во время Великой войны.

Образы войны сохранились не только в кинохронике. Обильный материал дают фотографии, письма, рисунки, карикатуры, записные книжки, дневники, сувениры с фронта, хранящиеся не столько в музеях, сколько в частных архивах. Для того чтобы сделать эти источники доступными для всех, запущен проект «Europeana 1914–1918». Европейская инициатива «Europeana 1914–1918» — это виртуальный цифровой музей, посвященный Первой

---

⁸ EFG — The European Film Gateway. URL: <http://deutsches-filminstitut.de/projekte-festivals/efg-the-european-film-gateway/> (дата обращения: 11.04.2014)

мировой войне⁹. Электронные копии материальных свидетелей войны уже выложены во всемирную сеть. К 2014 г. доступными стали более 90 тыс. объектов. Фотографии и документы из домашних архивов — это история семей в неразрывной связи с историей Германии. Проект поддерживают 20 европейских стран. Его участниками являются Оксфордский университет, Национальная библиотека в Париже и Государственная библиотека в Берлине. Важным показателем изменения общественного мнения о событиях далёкой войны является тот энтузиазм, с которым жители Германии, в чьих семьях хранятся памятные вещи, участвуют в этом проекте.

В изменении отношения современных жителей Германии к своему прошлому заметна положительная тенденция. Они не замалчивают его. Они его увековечивают. Конечно, каждому новому поколению сложно принять поражения предков, но сегодня, подводя итоги, они стремятся сконцентрироваться в своих научных и общественных дискуссиях на положительных последствиях, пусть и весьма отдалённых по времени: восстановлении экономики в начале 1950-х, на возрождении демократических парламентских традиций, на торжестве права.

Первая мировая война оставила огромный след в истории. Она ярко и эмоционально жива в памяти европейских народов, что хорошо заметно по тем памятным мероприятиям, которые сегодня, спустя сто лет, проходят в Германии, Франции и других странах. Присутствие Великой войны ощущается в обращении к фотографиям, фильмам, книгам. Несмотря на трагедию и негативные коннотации,

---

⁹ Europeana 1914–1918 — Unbekannte Geschichten und offizielle Dokumente zum Ersten Weltkrieg. URL: <http://www.europeana1914-1918.eu/de> (дата обращения: 11.04.2014)

война остаётся духовным ориентиром и коллективным опытом, в котором по-прежнему нуждаются современники. По мнению французского историка Николя Оффенштадта, это возвращение к прошлому, безусловно, означает, что у общества есть сомнения насчёт своего будущего. Первая мировая война стала ресурсом, потому что память о ней сопровождается мистификацией социальной связи, которая в тот момент позволила обществу сохранить единство, несмотря на сложности и разногласия.

В Германии, где Первой мировой войне не отдавалось должное на протяжении десятилетий, где история государства «началась» в 1945 г., нынешнее напоминание жителям страны о событиях столетней давности через выставки и музеи можно рассматривать как попытку вновь сделать Великую войну частью своей истории, о чём свидетельствует успех запущенных проектов.

Литература

- 1914–1918. Der Erste Weltkrieg. URL: <http://www.dhm.de/ausstellungen/1914-1918> (дата обращения: 02.04.2014).
- Christopher Clark über den Ersten Weltkrieg. Die Jahrhundertkatastrophe. URL: <http://www.tagesspiegel.de/kultur/christopher-clark-ueber-den-ersten-weltkrieg-die-jahrhundertkatastrophe/8964830.html> (дата обращения: 07.03.2014).
- Deutsche interessieren sich für den Ersten Weltkrieg. URL: <http://www.stern.de/politik/deutschland/sternumfrage-deutsche-interessieren-sich-fuer-den-ersten-weltkrieg-2083233.html> (дата обращения: 12.03.2014).
- Die wichtigsten Ausstellungen. URL: <http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/debatten/100-jahre-erster-weltkrieg/100-jahre-erster-weltkrieg-die->

- wichtigsten-ausstellungen-12742689.html (дата обращения: 11.03.2014).
- EFG – The European Film Gateway.
URL: <http://deutsches-filminstitut.de/projekte-festivals/efg-the-european-film-gateway> (дата обращения: 11.04.2014).
- Europeana 1914–1918 – Unbekannte Geschichten und offizielle Dokumente zum Ersten Weltkrieg.
URL: <http://www.europeana1914-1918.eu/de> (дата обращения: 11.04.2014).
- Krieg – von allen Seiten. Prosa aus der Zeit des Ersten Weltkrieges. Herausgegeben von Wilhelm Krull.
URL: <http://www.wallstein-verlag.de/9783835313460-krieg-von-alen-seiten.html> (дата обращения: 07.03.2014).
- Museum Europäischer Kulturen. URL: <http://www.smb.museum/museen-und-einrichtungen/museum-europaeischer-kulturen/ausstellungen.html> (дата обращения: 11.04.2014).
- Schröder C.* Herfried Münkler über den Ersten Weltkrieg. Das große Sterben. URL: <http://www.tagesspiegel.de/kultur/herfried-muenkler-ueber-den-ersten-weltkrieg-das-grosse-sterben/9154582.html> (дата обращения: 07.03.2014).

Tatiana G. Khrishkevich

World War I in Modern Germany's Culture Projects

The article presents a review of the main cultural events in Germany devoted to the 100th anniversary of the beginning of World War I. The article gives the analysis of changes in public opinion in Germany concerning World War I events by means of exhibitions, museum expositions, television and interactive Internet projects, photo galleries, etc.

Key words: World War I, public opinion, Germany, exhibitions, museums of Germany.

Абашева Ж. В.

УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН В ВОИНСКИХ ФОРМИРОВАНИЯХ РОССИЙСКОЙ АРМИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена исследованию деятельности женщин-добровольцев, которые брали в руки оружие и становились рядом с мужчинами в борьбе с врагом в период Первой мировой войны. Показано, что одной из причин появления женщины на фронте в новом качестве стало падение уровня патриотизма среди воинов-мужчин. Автор приходит к выводу, что годы Первой мировой войны коренным образом изменили большинство стереотипов, сложившихся в то время в обществе: возник вопрос об усилении роли женщины в общественно-политической, военной сферах жизни Российской империи.

Ключевые слова: Первая мировая война, фронт, женщины-добровольцы, воинские формирования, российская армия.

История знает много примеров участия женщин в разных войнах. На протяжении длительного периода их участие в военных конфликтах носило характер частного, исключительного случая, но в годы Первой мировой войны привлечение представительниц «слабого пола» на военную службу стало весьма распространённым явлением. Тема участия российских женщин в событиях Первой мировой войны вызывает значительный интерес, так как впервые в истории Российской империи женщины в массовом порядке принимали участие в военных действиях, что послужило толчком к подвигам во время Великой Отечественной войны.

С началом Первой мировой войны многие женщины взяли в руки оружие и стали в один ряд с мужчинами для борьбы с врагом. В периодических изданиях военных лет всё чаще стали появляться небольшие рассказы о героических

подвигах хрупких женщин. Однако попасть в эпицентр военных событий, имея статус женщины, было практически невозможно, поэтому находчивые девушки с целью оказаться на поле боя отрезали косы и переодевались в мужчин.

В 1917 г., когда российская армия потеряла моральный дух, Временное правительство приняло решение бросить на фронт женские боевые отряды, задачей которых было активизировать армию и уменьшить количество солдат-дезертиров примером своего героизма¹. Ярким примером таких воинских формирований стали женские «батальоны смерти», образованные летом того же года. Не все они смогли попасть на фронт, а принять активное участие в боевых действиях удалось только Ударному женскому «батальону смерти» Марии Бочкарёвой. Тем не менее, дамам из Московского женского «батальона смерти» пришлось прожить тяжёлую жизнь солдата на войне.

Исторический аспект деятельности женщин-добровольцев в армии Российской империи представлен в научной литературе весьма скудно. В российской дореволюционной, советской, а также постсоветской исторической науке военные эпохи рассматривались через призму изучения военно-политических, идеологических, мобилизующих факторов, оставляя за пределами исследования участие женщин в воинских формированиях. Женщина выступала хранительницей семейного очага и «воином» трудового фронта и никак не могла быть солдатом-героем.

Новый этап исследовательского интереса к теме участия «слабого пола» в военных событиях Первой мировой войны наступил только в 90-е гг. XX в., когда в центре внимания оказались самые различные аспекты «женского вопроса». Современные российские историки Ю. М. Ива-

---

¹ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 2003. Оп. 2. Д. 347. Л. 8–9.

нова², Г. Батракова³, В. Ермолов⁴, Е. С. Сенявская⁵, Е. Б. Лазарева, С. В. Дроков, О. А. Хасбулатова и др. акцентируют внимание на появлении женских ударных частей, упуская из виду подвиги отдельных девушек-добровольцев в составе разных родов войск российской армии. Анализ исследований по данной проблематике свидетельствует о том, что опыт участия женщин в воинских формированиях армии Российской империи в годы Первой мировой войны недостаточно изучен; в частности, не до конца выяснены причины, современная интерпретация и последствия этого явления с использованием гендерного подхода к изучению «женской проблемы» военной эпохи и реализации эмансипации женщин через призму военного фактора. Вне поля зрения исследователей остались особенности деятельности представительниц женского пола на передовой, их роль в военных событиях 1914–1917 гг. Отдельным аспектам этих проблем и посвящено данное исследование.

Особую роль в качестве источников выполняют архивные материалы Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) и периодические издания военных лет, которые дают возможность более детально изучить женское добровольческое движение 1914–1917 гг.

Целью статьи является освещение особенностей участия женщин в деятельности различных воинских формирований российской армии в годы Первой мировой

---

² Иванова Ю. Н. Женщины России в войнах Отечества. М., 1993.

³ Батракова Г., Краснова Г. Женщины на военной службе в России: исторический аспект // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 3. С. 46–49.

⁴ Ермолов В. Женщины и дети в сражениях Первой мировой войны // История. Приложение к газете «Первое сентября». 2003. № 9. С. 3–7.

⁵ Сенявская Е. С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997; она же. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999.

войны, в том числе с использованием периодических изданий 1914–1917 гг. и мемуаристики.

Количество женщин-добровольцев определить сложно, поскольку большинство из них находились на фронтах под мужскими именами. Когда солдатки разоблачались, об их поступках писали в прессе и дореволюционных женских журналах, таких как «Женское дело», «Дамский мир»⁶, «Женщина»⁷, «Женщина и война»⁸, «Женская жизнь»⁹ и т. п. Пресса информировала о непосредственном участии женщин в боевых действиях; так, в 1915 г. журнал «Женский вестник» писал, что сестра милосердия Костицына спасла полковника Ш.; Александра Ивановна Широхова переделалась в мужскую одежду и ушла на фронт¹⁰. Из страниц журнальной периодики Первой мировой войны читатель узнал о таких ярких личностях, как Е. Чернявская, А. Пальшина, А. Цебржинская, А. Шидловская, С. Морозова, С. Смирнова, К. Райская, А. Красильникова.

Вышеуказанные журналы являются важной источниковой базой для изучения роли женщин в период Первой мировой войны, определения влияния военных событий на политические взгляды, общественную и личную жизнь женской части населения Российской империи. Редакционные коллегии этих периодических изданий следили за военными событиями, некоторые авторы были в эпицентре боевых действий, собственными глазами виде-

---

⁶ Женщина-прапорщик // Дамский мир. 1915. № 6. С. 25–26.

⁷ Курсистка Тычинина // Женщина. 1915. № 3. С. 32.

⁸ Красильникова А. А. // Женщина и война. 1915. № 15. С. 15.

⁹ Солдат Стягина. Хроники женской жизни // Женская жизнь. 1915. № 20. С. 9–10.

¹⁰ *Смеюха В. В.* Первая мировая война в освещении российской женской прессы начала XX в. // Народы юга России в отечественных войнах: Материалы Международной научной конференции. Ростов н/Дону, 2012. С. 379.

ли героинь войны и отражали модификацию деятельности женского населения. Анализируя материалы прессы начального этапа войны, стоит отметить, что авторы с осторожностью подходили к описанию подвигов девушек и детей на фронте, так как это могло вызвать массовое подражание. Многие журналы приходили к выводу о том, что война жестока, жертвы огромны, женщинам и детям на фронте не место¹¹.

Неудачи российской армии на Юго-Западном, Восточном, Кавказском фронтах в 1917 г. вызвали новый подъём патриотических чувств, охвативший девушек, которых не пускали на фронт, опираясь на то, что они имеют статус женщины. Значительное количество лиц женского пола после гибели мужчин на фронте подавали прошение или самостоятельно шли добровольцами в действующую армию и несли солдатскую службу. Женщины разных социальных слоёв активно участвовали в этой войне, на передовую рвались из городов, станиц и сёл необъятной России. В архивных материалах РГВИА часто встречаются письма, прошения девушек о приёме их в действующую армию¹². Например, Валентина Петрова, женщина-доброволец 21-го Сибирского стрелкового полка, служила ротной телефонисткой в окопах на передовой. В 1917 г. в письме военному министру она ходатайствовала о создании женского батальона «Чёрных гусар смерти». Женщина вспоминала о том, что поступила на военную службу ещё при старом режиме, когда он был гораздо строже. Прежде чем отправиться на фронт, Валентина два месяца пробыла в учебной команде одного из запасных Петроградских полков. За героизм при подрыве австрийских окопов Петрова была награждена георгиевской медалью 4-й степени¹³.

---

¹¹ Колоколова Е. Доброволец Попов // Нева. 1985. № 5. С. 77.

¹² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 349. Л. 7.

¹³ Гончаров В. Л. 1917. Разложение армии. М., 2010. С. 358.

В поисках приключений на фронт убегали несовершеннолетние ученицы гимназий. Так, в Москве задержали шестнадцатилетнюю гимназистку пятого класса, дочь богатого фабриканта, Стефанию Уфимцеву. Девушка утверждала, что всё равно рано или поздно будет на войне. Там же, на Рязанском вокзале, была разоблачена девушка в форме моряка, а на станции «Минеральные Воды» была задержана послушница женского монастыря. На фронт сбежала дочь сенатора Герарда — семнадцатилетняя Рита Герард. Из Томска убежала пятнадцатилетняя дочь борца Родионова. В Ессентуках полиция задержала двух переодетых девушек, пытавшихся нелегально пробраться на передовую¹⁴.

В «Вестнике Красного Креста»¹⁵ в 1915 г. был изложен материал о побеге на фронт без ведома родителей двенадцати совсем юных москвичек, девушек-гимназисток. Им помогли солдаты, которые согласились замаскировать их под мальчиков, дать одежду и винтовки и научить стрелять. Гимназисткам повезло беспрепятственно добраться до австрийской границы. Во Львове о них узнало полковое руководство, но убедить девушек вернуться домой ему не удалось. Вскоре они получили разрешение идти в поход с полком под мужскими именами. В тяжёлых карпатских боях первой погибла Зина Морозова. Потом ещё четыре девушки были ранены, среди них была Зоя Смирнова. Она попала в госпиталь, где пробыла около месяца. После этого гимназистка снова двинулась искать свой полк на передовой, но застать его ей не удалось. Одинолчане вместе с девушками были отправлены на другой фронт. В штабе Смирнову убедили перейти на работу в дивизионный лазарет. О судьбе своих подруг-гимназисток девушка так и не узнала¹⁶.

---

¹⁴ Ермолов В. Указ. соч. С. 7.

¹⁵ Двенадцать подруг // Вестник Красного Креста. 1915. № 10. С. 4428–4431.

¹⁶ Там же.

Жёны, дочери и сёстры военных, разделяя участь близких мужчин, шли в армию. Интересно, что родственные связи с солдатами открывали дамам двери на фронт. Аполлония Исольцева стала добровольцем в полку, которым командовал её отец. Александра Данилова, жена резервиста из Баку, написала прошение о зачислении её в Добровольческую армию. Храбрая кубанская казачка Елена Чоба стала в ряды армии вместе со своим мужем, она была одной из многих казачек, которые получили разрешение стать солдатами¹⁷.

Стоит отметить, что в архивных документах есть упоминания о раскрытии тайн героинь Первой мировой войны; например, в приказе по войскам российской армии от 10 июня 1915 г. № 867 отмечено: «19-го сентября 1914 года с одной из маршевых рот прибыл на укомплектование 186-го пехотного Асландузского полка фельдшер-доброволец Цетнерский»¹⁸. Тут же указано, что со дня своего прибытия в полк фельдшер-доброволец, находясь при 7-й роте, в высшей степени добросовестно исполнял свои специальные обязанности как в походе, так и в бою, причём не только в роте, к которой был причислен, но и везде, где только он узнавал, что нужна медицинская помощь. Все тяготы походной боевой жизни названный фельдшер-доброволец нёс наравне со строевыми нижними чинами, часто подавая пример выносливости, хладнокровия и бодрости духа»¹⁹. После ранения при перевязке в 12-м передовом отряде Красного Креста названный фельдшер-доброволец оказался женщиной. Это была жена военного врача, дворянка Елена Константиновна Цебржинская. В де-

---

¹⁷ Корсакова Н. Казак-девица из станицы Роговской // Станица. 2004. № 1. С. 23–24.

¹⁸ Герои и трофеи великой народной войны // Летопись войны 1914–1916 гг. 1916. Вып.1. С. 22–24.

¹⁹ Батракова Г., Краснова Г. Указ. соч. С. 46.

кабре 1914 г., узнав, что её муж попал в плен в Восточной Пруссии, она оставила двоих малолетних детей на попечение родителей и ушла на фронт. Оправившись от ран, Цебржинская заявила о своем желании служить Родине в боевой линии в форме санитар-добровольца, но ей, как женщине, было отказано. По приказу императора Е. Цебржинская была награждена Георгиевским крестом 4-й степени. В дальнейшем она была назначена со 2 июня 1915 г. фельдшерницей 3-го Кавказского передового отряда Красного Креста²⁰.

Среди героинь Первой мировой оказалась Александра Алексеевна Данилова, которая в августе 1914 г. поступила на службу санитаром в полевом госпитале принца Ольденбургского в Лобачеве, где пробыла две недели. Во время штыковой атаки на передовых позициях девушка отличилась и была переведена в разведывательную команду. Во время ожесточённого штурма солдатка столкнула с коня австрийского офицера, отвела животное в своё расположение и захватила пулемёт. Была представлена к награждению Георгиевским крестом 3-й степени. В разведкоманде пробыла 2 месяца. В декабре во время разведки под Краковом она была тяжело ранена в правую ногу и получила контузию, представлена к чину прапорщика и Георгиевскому кресту 4-й степени.

Что касается отношения воинов-мужчин к девушкам на фронте, то оно было весьма противоречивым: с одной стороны — скептицизм, с другой — снисходительная опека и покровительство. В своих воспоминаниях русский офицер, полковник Генерального штаба С. Н. Раснянский так отзывался о женщинах-добровольцах: «Какое неприглядное и странное сочетание воина с женским именем. С

---

²⁰ *Белавенец П.* Кавалер Георгиевского креста 4 ст. Цебржинская Елена Константиновна. URL: http://rysarhipelag.ucoz.ru/publ/kavaler_georgievskogo_kresta_4_st_cebrzhinskaja_elena_konstantinovna/24-1-0-4360 (дата обращения: 27.04.2014).

болью и стыдом сжимается сердце при этих словах. Ведь это из-за нас, мужчин, пошли девушки на подвиг бранный». Офицер упоминает имена некоторых девиц: «Окончила жизнь самоубийством Евгения Тихомирова, не перенеся отказа в приеме её в армию. На часах убита во Владикавказе Анна Алексеева. Баронесса де Бодэ пала в знаменитой конной атаке 31 марта. Убита Вера Мерсье, одна из двух сестёр, вторая была несколько раз ранена. Была также ранена в Кубанском походе Семёнова»²¹.

В своём желании попасть на передовую девушки проявляли завидную настойчивость и изобретательность. Хотя в обществе частично укрепилось положение женщины, тем не менее, в понятиях и суждениях о роли женщины на войне ещё не был совершён окончательный перелом. В связи с этим многим пришлось пойти на обман, чтобы стать солдатами. Анна Алексеевна Красильникова, дочь шахтёра с Урала, переделалась мужчиной и представлялась как Анатолий Красильников. Эта девушка приняла участие в девятнадцати сражениях и была награждена Георгиевским крестом за доблесть. Многие женщины маскировались настолько успешно, что их пол долго оставался под секретом. Так было с Марфой Малко, женой младшего офицера. О том, что она женщина, узнали только в немецком лагере военнопленных²².

Известен случай из жизни дочери подполковника Морозова — Нины Морозовой. Она была ученицей 5 класса Пермской гимназии. Её отец был ранен в одном из кровопролитных боёв Первой мировой, после чего Нина ушла на фронт под именем Василия Морозова. Когда девушка получила серьёзные увечья, она, дабы не быть разоблачённой, скрыла этот факт и перевязывала свои раны само-

---

²¹ Волков С. В. Россия забытая и неизвестная. Белое движение. Первый кубанский «Ледяной» поход. М., 2001. С. 354.

²² Ермолов В. Указ. соч. С. 7.

стоятельно. Но вскоре командование раскрыло её тайну и отправило домой. Гимназистка была награждена двумя Георгиевскими медалями за храбрость²³.

Следует подчеркнуть, что до сих пор неизвестно точное количество представительниц слабого пола, награждённых Георгиевскими крестами. Этими знаками отличия женщин награждали крайне редко. А так как девушки служили под мужскими фамилиями, их и награждали как мужчин. Только те, которые были ранены, убиты или попадали в госпиталь, упоминаются в источниках.

В октябре 1914 г. ученица 5 класса Царицынской 1-й Мариинской гимназии Екатерина Райская без разрешения родителей сбежала на фронт и под видом мальчика присоединилась к одному из пехотных полков, который находился на австрийском фронте под Перемышлем. В боевых действиях во время разведывательной операции женщина была ранена, но смогла остаться в строю. Вскоре за участие в военных операциях гимназистка получила Георгиевскую медаль 4-й степени. Узнав её пол, армейское командование возвратило девушку домой, где она продолжила обучение.

Известна ещё одна история, главной героиней которой стала Мария Смирнова, ученица 6 класса Новочеркасской гимназии. Девушка, благодаря мужским чертам, была принята под именем Сергея Смирнова в Добровольческую армию и отправлена на Восточно-Прусский фронт. Мария была участницей многих боёв. Её пол, впрочем, как и всех остальных девушек, был раскрыт во время ранения, которое она получила в руку²⁴.

---

²³ *Макеев С.* Красны девицы, белы девицы // Совершенно секретно. 2012. № 6. С. 47-52.

²⁴ *Лазарева Е. Б.* Героини Первой Мировой войны // Доброволец – XX век: Издание военно-исторического клуба «Доброволец – XX век». 2005. № 1-2. С. 23.

В декабре 1914 г. Киру Башкирову, ученицу 6 класса Виленского Мариинского высшего училища, под именем Николая Попова зачислили добровольцем в один из стрелковых полков. 20 декабря 1914 г. во время ночной разведки стрелок Попов проявил героизм и мужество, за что был награждён орденом Св. Георгия 4-й степени. Вскоре полковое начальство раскрыло тайну девушки, и она была отправлена в г. Вильно как не имеющая права на службу. Но пожалованная ей боевая награда — орден Св. Георгия 4-й степени — была за нею признана и при письме начальства полка переслана ей по месту жительства. Но Башкирова домой так и не явилась, а вновь, выдавая себя за юношу Николая Попова, поступила добровольцем в новую часть, где была ранена в одном из боёв и отправлена в госпиталь²⁵.

Некоторым женщинам, дабы попасть на фронт, пришлось не только назваться чужим именем, поменять одежду и отрезать косы, а и полностью изменить свою жизнь, и почти в прямом смысле «превратиться в мужчин». В частности, киевлянка Л. П. Тычинина, прежде чем попасть на фронт, основательно подготовилась к будущей службе, научилась выражаться, ходить по-солдатски. В журнале «Нева» № 8 за 1915 г. был описан следующий случай из военных будней: «13 сентября 1914 года, во время нахождения одного из стрелковых полков в Австрии, в полк прибыла партия запасных нижних чинов в составе 116 человек. В конце списка, сверх означенных запасных, приписан был доброволец Анатолий Павлович Тычинин. Этот доброволец прибыл в солдатском обмундировании и снаряжении, но без ружья, и обратил на себя внимание молодостью и недостаточным физическим развитием. В виду явной слабости добровольца, командир роты предполагал назначить его на должность ротного писаря и отправить в обоз, но

---

²⁵ Колоколова Е. Указ. соч. С. 74.

Тычинин, узнав, что обоз находится всегда далеко сзади полка и в боях не участвует, настойчиво просился в строй. Тогда командир роты исполнил желание Тычинина, причём ему была выдана винтовка и показано обращение с нею. 21-го сентября 1914 года во время боя под г. Опатовым Тычинин был назначен подносить патроны, что выполнял очень усердно и быстро, невзирая на сильный ружейный и артиллерийский огонь. Кроме того, Тычинин перевязывал раненых и под огнём выносил их с поля сражения. Будучи ранен в руку и ногу, он не оставил своей самоотверженной работы до тех пор, пока неприятельская пуля не поразила его в грудь навывлет»²⁶. Как пояснялось далее, под именем добровольца скрывалась девица. Её пол и настоящее имя выяснились только после тяжёлого ранения. Тычинина была отправлена на лечение в Москву, но после госпиталя собиралась вернуться на фронт²⁷.

Героической следует считать историю несовершеннолетней Александры Ефимовны Лагеревой, которая под псевдонимом Александр Ефимович Лагеръ была зачислена разведчиком в кавалерийский полк. Во время боёв на Восточном фронте в Сувалкской губернии отряд из четырёх казаков под командованием Лагеревой столкнулся с немецкими войсками и был взят в плен. Под её руководством был организован побег из плена. На пути домой отряд встретился ещё с тремя казаками, отставшими от своей части. Уже приближаясь к своим позициям, они взяли в плен 18 немецких солдат, за что Александре Ефимовне было присвоено звание прапорщика. Кроме того, женщина отличилась и в других боях, награждена двумя степенями Георгия. Была ранена в руку и доставлена в Киев, где выяснилось, что она девица²⁸.

---

²⁶ Колоколова Е. Указ. соч. С. 78.

²⁷ Макеев С. Указ. соч. С. 48.

²⁸ Лазарева Е. Б. Указ. соч. С. 24.

В феврале 1915 г. Людмила Черноусова, уроженка Томской губернии, бежала из родительского дома; переодевшись в одежду своего брата-близнеца и забрав его документы, вступила в ряды действующей армии. Во время разведывательной операции Черноусова взяла в плен австрийского офицера, за что была награждена Георгиевским крестом 4-й степени и получила звание младшего унтер-офицера. В одном из боёв она получила серьёзное ранение. На перевязочном пункте девушку узнали. За этот подвиг Черноусова получила Георгиевский крест 3-й степени.

Благодаря своему поступку, получила известность Надежда Дегтярёва, которая с детства воспитывалась в театральной семье. Мать её служила в малороссийской труппе под фамилией Украинка. После выпуска из приюта Дегтярева поступила в патриотическую школу, где пробыла около пяти лет. Собиралась стать учительницей, но с началом боевых действий отправилась добровольцем на фронт под именем Николая Дегтярёва. Была участницей боёв на Карпатском фронте и, получив там ранения, вернулась в Киев. В действующей армии на Кавказе добровольцем служила циркачка, укротительница тигров Александра Алексеева²⁹.

К победе над немецкими захватчиками стремились девушки разного возраста, национальности, вероисповедания, уровня образования и культуры. Основная масса русских женщин продемонстрировала уникальные возможности и силу духа. Предоставляя помощь фронту, каждая женщина преследовала свои субъективные цели. Некоторые девушки попали на фронт в связи с тяжёлым материальным положением или смертью родных, кто-то искал приключений и ярких переживаний, но большинство героинь шли на войну из патриотических побуждений.

---

²⁹ Лазарева Е. Б. Указ. соч. С. 23.

Дамы из высшего общества также не остались в стороне. Легендой стала княжна Евгения Михайловна Шаховская — единственная женщина, служившая в авиации во время Первой мировой войны. Она родилась в знатной семье, окончила Смольный институт благородных девиц, имела хорошие вокальные данные, занималась спортом, автомобильными гонками и стрельбой из огнестрельного оружия. Затем увлеклась авиацией. В июне 1912 г. она успешно сдала экзамен и получила диплом авиатора. С началом войны пыталась попасть во фронтовой авиаотряд летчицей, но её просьба была отклонена. В дальнейшем, не оставляя своей мечты о службе в авиации, она работала сестрой милосердия на санитарном поезде имени Великой Княжны Анастасии Николаевны. После ускоренной подготовки в военной авиашколе ей присвоили звание прапорщика инженерных войск и направили в 1-й авиаотряд. Она летала на самолёте «Фарман-16», но полётов было мало из-за непогоды³⁰. Через некоторое время была приговорена к смертной казни по обвинению в шпионаже в пользу Германии. Дело было сфабриковано контрразведкой. Однако Николай II заменил расстрел заключением в монастыре. После февральских событий 1917 г. Е. М. Шаховскую освободили³¹. Судя по всему, пребывание княжны на фронте было в некотором роде авантюрой, своеобразным путешествием с приключениями.

Была трижды ранена баронесса Евгения Петровна Толь, которая стала известна в армейских кругах под фамилией своего погибшего мужа Коркина. За храбрость и мужество она была награждена Георгиевским крестом 4-й степени и представлена к Георгиевским Крестам 3-й и 2-й степеней³².

---

³⁰ Женщина авиатор и военный шофёр // Женщина и война. 1915. № 1. С. 5.

³¹ Там же.

³² Лазарева Е. Б. Указ. соч. С. 25.

Дочь знаменитого русского писателя Александра Львовна Толстая, став сестрой милосердия, ушла на фронт. Работала в санитарном поезде Северо-Западного фронта операционной и перевязочной сестрой. В ноябре 1915 г. Главный комитет Всероссийского Земского Союза помощи больным и раненым избрал Александру Толстую своим уполномоченным. В конце 1915 г. с санитарным отрядом была отправлена на Кавказский фронт. Толстая была награждена двумя Георгиевскими крестами³³.

Как мы видим, в ходе войны наблюдался не один подобный случай. В периодических изданиях 1914–1915 гг. встречаются рассказы о героических поступках княгини Кудашевой, Е. П. Самсоновой, мещанки И. И. Потёмкиной, Е. О. Гиренковой, А. Т. Пальшиной, М. Л. Бочкарёвой. Все эти девушки своим характером, героизмом и энергией ломали традиционные взгляды общества на второстепенную роль женщины в нём. До Первой мировой войны считалось, что появление женщины на передовой будет способствовать угасанию боевого духа и ослаблению военной дисциплины.

До весны 1917 г. добровольческое движение среди российских женщин было немногочисленным и не оказывало особого влияния на политическую и моральную обстановку на фронтах. Но весной 1917 г. начался процесс разложения армии, что проявилось в массовом дезертирстве, неповиновении приказам офицерского корпуса, братании и т. д.³⁴. Весь этот негатив делал армию неспособной к выполнению долга по защите страны от врага, а развал экономики и государства создавал реальную опасность поражения Российской империи в войне. Чувствовалась необходимость в идейной консолидации патриотических сил. Реакцией на вышеуказанные процессы стало издание Вер-

---

³³ *Макеев С.* Указ. соч. С. 50.

³⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 348. Л. 26.

ховным главнокомандующим русской армии генералом А. А. Брусиловым приказа об организации особых батальонов тыла из добровольцев 22 мая 1917 г.³⁵ В октябре 1917 г. в регулярных войсках русской армии числились: 1-й Петербургский женский батальон смерти, 2-й Московский женский батальон смерти, 3-й Кубанский женский ударный батальон. Были организованы и женские команды связи: в Петербурге — 2, Москве — 2, Киеве — 5, Саратове — 2. В Полтаве даже существовала Первая команда разведчиков-добровольцев из женщин³⁶. Стихийное формирование женских отрядов шло в Киеве, Минске, Харькове, Смоленске, Иркутске, Баку, Одессе, Мариуполе и других городах³⁷.

Но далеко не всегда судьба улыбалась тем, кто, не задумываясь, бросал ей вызов. Во время боя получила ранения и умерла Ольга Шишмарёва. Девятнадцатилетняя Вера Семёнова погибла от бомбы, брошенной из вражеского аэроплана. При затоплении в Чёрном море госпитального судна погибла сестра милосердия баронесса Романенко. Восемнадцатилетняя Любовь Васильева была убита во время боя на австрийском фронте. Дочь генерал-майора Панаева умерла на передовых позициях прусского фронта. При исполнении служебных обязанностей в санитарном поезде умерла графиня Екатерина Николаевна Игнатьева, сестра министра народного просвещения³⁸.

Таким образом, основная масса российских женщин продемонстрировала в годы Первой мировой войны уникальные возможности и силу духа. Предоставляя помощь фронту, каждая женщина осуществила свой вклад в победу над врагом. Правительство и военное командование, призвав добровольцев женского пола на фронт, ставили

---

³⁵ Гончаров В. Л. Указ. соч. С. 452.

³⁶ Ивановна Ю. Н. Женщины России в войнах Отечества М., 1993. С. 224.

³⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 349.

³⁸ Лазарева Е. Б. Указ. соч.

перед собой другие задачи: примером женских формирований вернуть воинов в окопы, уменьшить количество случаев дезертирства и ослабить революционные настроения в армии. На пути интеграции женщин в армию главным препятствием стали устойчивые гендерные стереотипы и предрассудки относительно военной службы женщин. Но, несмотря на это, годы Первой мировой войны коренным образом изменили большинство этих стереотипов, возник вопрос об усилении роли женщины в общественно-политической и военной сферах жизни Российской империи. Женщины смогли продемонстрировать способность наравне с мужчинами выполнять сложные задачи на войне, в некоторых случаях даже превосходили их своей дисциплиной и желанием биться до последнего вдоха.

Источники

РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 347.

РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 348.

РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 349.

Герои и трофеи великой народной войны // Летопись войны 1914–1916 гг. 1916. Вып. 1. С. 22–24.

Двенадцать подруг // Вестник Красного Креста. 1915. № 10. С. 4428–4431.

Девушка – герой. Хроники столицы // Женская жизнь. 1915. № 3. С. 7.

Женщина авиатор и военный шофёр // Женщина и война. 1915. № 1. С. 5.

Женщина-прапорщик // Дамский мир. 1915. № 6. С. 25–26.

Красильникова А. А. // Женщина и война. 1915. № 15. С. 15.

Курсистка Тычинина // Женщина. 1915. № 3. С. 32.

Солдат Стягина. Хроники женской жизни // Женская жизнь. 1915. № 20. С. 9–10.

Литература

- Батракова Г., Краснова Г.* Женщины на военной службе в России: исторический аспект // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 3. С. 46–49.
- Белавенец П.* Кавалер Георгиевского креста 4 ст. Цебржинская Елена Константиновна. URL: http://russarhipelag.ucoz.ru/publ/kavaler_georgievskogo_kresta_4_st_cebrzhinskaja_elena_konstantinovna/24-1-0-4360 (дата обращения: 27.04.2014).
- Волков С. В.* Россия забытая и неизвестная. Белое движение. Первый кубанский «Ледяной» поход. М., 2001.
- Гончаров В. Л.* 1917. Разложение армии. М., 2010.
- Ермолов В.* Женщины и дети в сражениях Первой мировой войны // История. Приложение к газете «Первое сентября». 2003. № 9. С. 3–7.
- Иванова Ю. Н.* Женщины России в войнах Отечества. М., 1993.
- Колоколова Е.* Доброволец Попов // Нева. 1985. № 5. С. 75–79.
- Корсакова Н.* Казак-девица из станицы Роговской // Станица. 2004. № 1. С. 23–24.
- Лазарева Е. Б.* Героини Первой Мировой войны // Доброволец – XX век: Издание военно-исторического клуба «Доброволец – XX век». 2005. № 1–2. С. 21–25.
- Макеев С.* Красны девицы, белы девицы // Совершенно секретно. 2012. № 6. С. 47–52.
- Сенявская Е. С.* Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997.
- Сенявская Е. С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999.
- Смеюха В. В.* Первая мировая война в освещении российской женской прессы начала XX в. // Народы юга России в отечественных войнах: Материалы Международной научной конференции. Ростов н/Дону, 2012. С. 376–382.

Zhanna V. Abasheva

Participation of Women in Military Formations of the Russian Army during World War I

The article is devoted to the study of the activities of female volunteers who took up arms and which became close with men in combat with the enemy during the years of World War I. The article determines that one reason of the appearance of women at the front in this new capacity was the fall of the level of patriotism among soldiers. The author concludes that World War I radically changed most of the stereotypes that had developed in the community. Gradually the question arose how to increase women's role in social, political and military spheres of the Russian Empire's life.

Key words: World War I, front, women volunteers, military formations, Russian army.

Королёва Н. А.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И «ДВИЖЕНИЕ ЗА НОВУЮ КУЛЬТУРУ» В КИТАЕ

Реформаторское движение в Китае в конце XIX в., Синьхайская революция 1911–1913 гг., положившая конец монархической форме правления в Китае, привели к распространению буржуазно-либеральных идей среди китайской интеллигенции. В годы Первой мировой войны эти настроения приобретают общенациональный характер в связи с колониаторской политикой иностранных держав по отношению к Китаю. Учёные и литераторы страны организуют «Движение за новую культуру», участники которого видели возможность обновления страны и распространения западноевропейских научных знаний посредством использования разговорного языка китайцев в научном и литературном творчестве. Движение за новую культуру положило начало распространению леворадикальных настроений, приведших к буржуазно-национальной революции 1925–1927 гг.

Ключевые слова: Юань Шикай, оккупация Шаньдуня, кризис официального конфуцианства, Сунь Ятсен, Лу Синь, «Движение за новую культуру».

К настоящему времени события 1914–1918 гг. в Китае нашли подробное освещение в работах отечественных историков¹. Факты, касающиеся истории возникновения и деятельности участников движения за новую культуру, а также публикация переведённых на русский язык работ участников и современников движения, широко пред-

---

¹ Тихвинский С. Л. Новая история Китая. М., 1972. С. 527–597; Ефимов Г. В. Сунь Ятсен. Поиск пути. 1914–1922. М., 1981; История Китая / Под ред. А. В. Меликсетова. М., 2002; Непомнин О. Е. История Китая. Эпоха Цин. М., 2005; Бокщанин А. А., Непомнин О. Е., Степугина Т. В. История Китая. Древность, Средневековье, Новое время. М., 2010. С. 450–544; Чудодеев Ю. В. Крах монархии в Китае. М., 2013.

ставлены в отечественной историографии². Огромное значение для Китая в первое десятилетие XX в. имела Синьхайская революция 1911–1913 гг., в результате которой маньчжурская династия Цин отрёклась от престола, и в Китае была провозглашена республика. Перемены, произошедшие в Китайской империи, а затем мировая война, в годы которой Китай стал объектом военной агрессии, привели к тому, что образованная часть населения страны находилась под огромным влиянием идей национального самосознания и понимала необходимость национального обновления. Одним из таких представителей китайской интеллигенции в это время был Лу Синь (1881–1936), писатель, поэт, публицист, основоположник современной китайской литературы. Важным, на наш взгляд, обстоятельством является то, что предтечей революционных настроений, сформировавшихся среди части участников движения за новую культуру, стали идеи массовых народных движений в XIX в. — крестьянской войны тайпинов (1850–1864), восстания ихэтуаней (1898–1901).

Общеизвестно, что Первая мировая война явилась результатом глубочайших противоречий между крупнейшими державами мира в борьбе за передел колониальных владений. Китайская республика, учрежденная в результате Синьхайской революции 1911–1913 гг., объявила о нейтралитете. Тем не менее, в ноябре 1914 г. провинция Шаньдун, родина Конфуция, основоположника официальной имперской доктрины, в течение тысячелетий освящавшей и укреплявшей государственную власть в Китае, была оккупирована Японией, которая поспешила установить контроль над бывшей сферой влияния Германии. В 1915 г. Япония предъявила Китаю «21 требование», выполнение условий которого превратило бы страну в

---

² *Сунь Ятсен*. Избранные произведения. Изд. 2-е. М., 1985; *Ли Дачжао*. Избранные произведения. М., 1989.

японскую колонию. Юань Шикай, президент Китайской республики, принял требования Японии, что вызывало недовольство широких слоёв населения. В марте 1917 г. Китай объявляет войну Германии, но страны-победительницы на Парижской мирной конференции 1919 г. отказались возвратить Китаю Шаньдун и признать суверенитет Китая.

В годы войны население Китая испытывало трудности экономического характера. К тому же политическая ситуация в стране была крайне сложной. В конце 1890-х гг. страна была разделена на сферы влияния иностранных государств, что привело к децентрализации Китая после Синьхайской революции. К тому же Юань Шикай, избранный постоянным президентом страны 6 октября 1913 г., 4 ноября 1913 г. распустил партию Гоминьдан, созданную Сунь Ятсеном. 10 января 1914 г. был распущен парламент, а 1 мая 1914 г. была принята новая конституция страны, установившая фактически диктатуру Юань Шикая³. К 1916 г. Юань Шикай готовился провозгласить себя основателем новой императорской династии, но осуществлению этой идеи помешала его неожиданная смерть. Таким образом, политика Юань Шикая, находившая поддержку со стороны европейских государств, должна была привести к восстановлению в Китае системы управления государством, сложившейся в соответствии с канонами конфуцианства. Описание представлений о совершенномудрых правителях-шэнах, способных реализовать социально-утопические идеи о Великом спокойствии, представлено в интересном исследовании А. Э. Терехова⁴. Автор подчеркивает, что «...совершенно мудрые люди...

---

³ Ефимов Г. В. Указ. соч. С. 13–14.

⁴ Терехов А. Э. Представление о совершенномудрых правителях-шэн // Процесс формирования официальной идеологии имперского Китая / Сост. М. Е. Кравцова. СПб., 2012. С. 156–215.

окончательно окружаются божественным ореолом, становятся существами иного по сравнению с человеком порядка, «сверхлюдьми»⁵. Эти суждения, присутствующие в древнейших апокрифических текстах, позднее были закреплены в конфуцианских трактатах. В учении о Великом спокойствии (тайпин), пишет исследователь, «...кроется целостный комплекс социально-политических взглядов, получивших широкое распространение как в классическом конфуцианстве, так и в религиозном даосизме»⁶. Мироустройство Поднебесной проходит три этапа: сначала в мире царит период упадка и смуты, затем наступает период приближающегося спокойствия, и, наконец, «совершенно мудрые императоры и просвещённые правители» приводят Поднебесную к состоянию Великого спокойствия⁷. По мнению А. Э. Терехова, сторонник идей западного буржуазного либерализма Лян Цичао (1873–1923) толковал понятие «тайпин» «исключительно в политическом ключе»⁸. Таким образом, превращение президента Юань Шикая в основателя новой монархической династии должно было осуществиться в соответствии с конфуцианской традицией смены «мандата Неба».

А между тем в Китае ко времени Первой мировой войны среди интеллигенции уже были те, кто получил образование в Японии, в странах Европы и США, находился под влиянием достижений зарубежной философии, науки и литературы и считал возможным развитие Китая по пути западноевропейских государств. Среди них был и Сунь Ятсен (1866–1925), организатор революционной партии «Союзная лига Китая», идеолог Синьхайской революции, первый временный президент Китайской респуб-

---

⁵ Терехов А. Э. Указ. соч. С. 172.

⁶ Там же. С. 203.

⁷ Там же. С. 209–211.

⁸ Там же. С. 214.

ки, основатель партии Гоминьдан. В течение 1917–1919 гг. Сунь Ятсен создает свою программу строительства государства⁹. Среди проектов преобразований в экономике, государственном устройстве, важная роль, как считал Сунь Ятсен, принадлежит литературному творчеству¹⁰. Однако в Китае государство ослабело, так как большинство талантливых и одарённых людей «не занималось ничем другим и всецело отдавалось литературе», в результате, в «гражданских делах народа наступил застой»¹¹. К тому же, китайская иероглифическая письменность, которая «существует более четырёх — пяти тысяч лет», которая запечатлела «подробно и достоверно события четырёх — пяти тысяч лет истории Китая» и является основой духовной культуры Китая¹², с течением времени стала отставать в своем развитии от разговорного языка. В результате, в начале XX в. существовал огромный разрыв между письменным (вэньянь) и разговорным языком (байхуа). Этому способствовали расширение территории страны, нашествия варваров в древности и их расселение среди ханьцев, наличие большого числа иероглифов и отсутствие грамматики¹³. Китайцы учили иероглифы, умели их писать, но не умели писать сочинения и анализировать события, факты.

В 1915 г. вокруг журнала «Новая молодёжь» объединилась группа учёных и литераторов, которые основали «Движение за новую культуру» и публиковали свои произведения и научные труды на байхуа — разговорном языке. Цель, которую они перед собой поставили, — сделать литературу и научные исследования доступными для понимания простых людей. К 1918 г. все статьи в журнале

---

⁹ Сунь Ятсен. Указ. соч. С. 145–284.

¹⁰ Там же. С. 172–178.

¹¹ Там же. С. 172.

¹² Там же. С. 173.

¹³ Там же. С. 179.

«Новая молодёжь» печатались на байхуа. В отечественной историографии деятельность в этом направлении участников движения за новую культуру получила высокую оценку. Так, А. В. Меликсетов, известный исследователь истории Китая первой половины XX в., писал: «Движение за новую культуру» охватило значительные слои китайской интеллигенции, особенно молодой, поставило перед образованной частью общества острые проблемы обновления страны, нанесло удар по традиционной идеологии и тем самым открыло возможности для демократизации сознания передовой части китайской нации», «это был важный этап становления буржуазно-демократического сознания»¹⁴.

Под влиянием Великой революции 1917 г. в России (Февральская буржуазная революция, Великая Октябрьская социалистическая революция), а также по причине возникновения политического кризиса в Китае из-за социально-экономических последствий Первой мировой войны и подъёма антииностранных выступлений в связи с событиями 4 мая 1919 г., среди участников движения за новую культуру формируется революционно-демократическое направление. Одним из представителей этого направления в течение 1920-х — середины 1930-х гг. был Лу Синь.

Имя и творчество Лу Синя хорошо известны в нашей стране: его произведения неоднократно издавались и переиздавались на русском языке¹⁵. Биографические сведения о писателе, переводы на русский язык, вступительные статьи и комментарии к его произведениям осуществлялись известными учеными-китаистами, историками и филологами: Н. Т. Федоренко, С. Л. Тихвинским, Л. З. Эйдлиным, В. В. Петровым, В. Н. Роговым, А. П. Рогачёвым, В. Ф. Сорокиным и др.

---

¹⁴ История Китая. М., 2002. С. 400.

¹⁵ См., напр.: Лу Синь. Избранное. М., 1952; *он же*. Избранные произведения. М., 1981; *он же*. Избранное. М., 1989.

Родился Лу Синь (настоящее его имя Чжоу Шужэнь) 25 сентября 1881 г. в уезде Хуэйцзи округа Шоусин провинции Чжэцзян, в семье бедного интеллигента. «Псевдоним Лу — это фамилия его матери, деревенскому происхождению которой писатель обязан своими связями с китайской деревней»¹⁶. Отец умер, когда Чжоу Шужэнь был ещё подростком и воспитывал его старый слуга семьи. На детские годы приходится тяжёлое время для семьи Чжоу, так как его дед по отцу Чжоу Фуинь, служивший в столичной академии Ханьлинь, был обвинён в коррупции и арестован¹⁷. В 1898–1902 гг. Лу Синь обучался в Нанкине в военно-морском колледже и в школе горного дела и железных дорог, где изучал английский и немецкий языки. В 1902 г., получив стипендию от Цин, династии, правившей Китаем, уехал в Японию, где изучал японский язык, а затем поступил в медицинскую академию в г. Сендай в 1904 г. В 1906 г. переехал в Токио, прекратив учёбу в медицинской академии. В течение 1902–1906 гг. опубликовал первые эссе на вэньяне, сделав окончательный выбор в пользу литературного творчества. Себастиан Вег в рецензии на книгу Дэвида Полларда¹⁸ пишет о том, что в 1903 г. Лу Синь отрезал свою косу, что означало разрыв с маньчжурскими традициями, но ещё в 1901 г. в одной из своих статей он написал: «Я отдаю свою жизнь за императора Сюаньюаня». Сюаньюань, известный как Хуанди, — это мифический предок ханьцев¹⁹.

После возвращения в Китай в 1909 г. Лу Синь преподавал в средних школах в провинции Чжэцзян. В 1911 г.

---

¹⁶ Лу Синь. Избранные произведения. М., 1981. С. 6.

¹⁷ Месенко Данила. Лу Синь (1881–1936). URL: <http://www.infokitai.com/lu-sin.html> (дата обращения: 12.05.2014).

¹⁸ Pollard D. The True Story of Lu Xun. Hong Kong, 2002.

¹⁹ Veg S. [Рец. на кн.:] «The True Story of Lu Xun» by David Pollard // China Perspectives [Online]. 2004. № 51. January–February. URL: <http://chinaperspectives.revues.org/794> (дата обращения: 12.05.2014).

служил в министерстве образования и переехал вместе с ним в Пекин, где прожил до 1920 г. и занимался преподаванием в Пекинском университете и Женском педагогическом колледже²⁰. К этому времени Лу Синь уже хорошо был известен в Китае как писатель и переводчик художественных произведений с европейских языков на байхуа, опубликовал статьи о творчестве Пушкина, Лермонтова, Гоголя. Большое влияние на Лу Синя в этот период времени оказали профессора Пекинского университета Ху Ши (1891–1962) и Чэнь Дусю (1879–1942), которые после публикации на байхуа в 1918 г. первого рассказа Лу Синя «Записки сумасшедшего» в журнале «Новая молодёжь», говорили о свершившейся литературной революции в Китае²¹. Дэвид Поллард в рецензии на книгу Глории Дэвис²² отмечает, что в середине 1910-х гг. Лу Синь переводил на байхуа романы Жюль Верна, рассказы русских писателей. Сочиняя фантастические сюжеты, в основе сюжетов которых была китайская мифология, Лу Синь использовал взъязы. Но в конечном итоге, пишет рецензент, «народный язык одержал победу над литературным языком»²³.

В 1925–1927 гг. в Китае происходили события, характер которых исследователи определяют как буржуазно-национальная революция. Единым фронтом Гомиьдан и созданная в 1921 г. КПК выступили против Пекинского милитаристского правительства, за объединение страны, за национальный суверенитет. Гуанчжоуское национальное правительство, представлявшее Гомиьдан и КПК, начина-

---

²⁰ Месенко Данила. Указ. соч.

²¹ Сорокин В. Ф. Лу Синь // *Духовная культура Китая*. Т. 3. М., 2008. С. 152.

²² *Davis Gloria*. *Lu Xun's Revolution. Writing in a Time of Violence*. Cambridge; L., 2013.

²³ *Pollard D.* [Рец. на кн.:] «*Lu Xun's Revolution: Writing in a Time of Violence*» by Gloria Davies. Cambridge, MA and London, England: Harvard University Press, 2013. Pp. xxvi + 408. \$35.00/£24.95 // *Journal of Chinese Studies*. 2013. № 57. July. P. 361.

ет Северный поход, в результате которого южные провинции были освобождены, и гоминьдановское правительство из Гуанчжоу переезжает в Ухань. Чан Кайши, который был главой правительства в Гуанчжоу после смерти Сунь Ятсена в марте 1925 г. и главнокомандующим национально-революционной армии, в апреле 1927 г. совершает переворот в Шанхае и разрывает отношения с коммунистами. Чан Кайши формирует своё правительство, и с 1928 г. все милитаристские группировки признают власть Чан Кайши, столицей Китая становится город Нанкин.

18 марта 1926 г., когда на юге Китая шло успешное наступление национально-революционной армии, в Пекине была расстреляна войсками милитариста Дуань Цижуня массовая антиимпериалистическая демонстрация, многие коммунисты были арестованы, и среди них был Ли Дачжао (1889–1927), участник движения за новую культуру, один из основателей КПК, директор библиотеки Пекинского университета. Ли Дачжао был казнён 28 апреля 1927 г.

Лу Синь после событий 18 марта бежит из Пекина, ему удаётся уехать на юг, и в течение нескольких месяцев он преподаёт в Амоиском университете Сямыня. С 1927 г. и до своей кончины 19 октября 1936 г. Лу Синь жил в Шанхае. В Шанхае находится и гробница Лу Синя. В Шаосине, родном городе писателя, в 1988 г. был создан музей, который посещают не только простые граждане страны, но и руководители КНР.

В апреле 1913 г. Лу Синь опубликовал на вэньяне сяошо (рассказ-байку), который на русском языке был впервые опубликован в 1961 г. и переиздан под названием «Былое» в 1989 г.²⁴ Перевёл на русский язык произведение В. Ф. Сорокин. Рассказ ведётся от имени восьмилетнего мальчика Чжоу Шужэня, с которым занимается вэньянем учитель, прозванный ребёнком Лысый. Чжоу Шужэнь читает иероглифы из заданного для изучения отрывка из

---

²⁴ Лу Синь. Избранное. М., 1989. С. 456.

произведения Конфуция «Луньюй», а учитель растолковывает содержание. На улице вечерняя прохлада, ребёнку хочется поиграть в тени «своего» любимого дерева. И тут раздаётся крик сына соседа-богача, которому 22 года, но он бесплоден, что будто бы длинноволосые (так называли тайпинов) пришли в Хэсуй. Учитель советует сыну богача не торопиться с приготовлением угощения для длинноволосых и уходит в город. Урок заканчивается, ребёнок идёт играть во двор и слышит разговор старого слуги Вана, которому под 80 лет, и доброй няни Ли о тайпинах, которые наводили ужас на обывателей. Но потом оказывается, что это не длинноволосые, а какие-то беженцы шли в Хэсуй. Учитель возвращается и выговаривает Чжоу, что тот целый день не занимался. Лу Синь так характеризует учителя: «Учитель мог бы отлично ужиться в любую эпоху, не понеся при этом ни малейшего ущерба. Хотя с той поры, как Паньгу сотворил небо и землю, бесчётной чередой сменялись войны и кровавые походы, периоды порядка и смут, возвышения и упадка государств, тем не менее, род Лысого не погиб в борьбе, защищая законную власть, и не был истреблён за то, что присоединился к мятежникам»²⁵.

Известный специалист по философии и истории Китая, политэмигрант, приехавший в СССР в 1925 г. и в силу обстоятельств оставшийся в нашей стране навсегда, Го Шаотан (А. Г. Крымов), участник революционного движения в Китае, а затем работник Коминтерна, в своей книге так же пишет о том, как он в детстве встречался с тайпинами²⁶. Го Шаотан (1905–1980) родился также в провинции Чжэцзян в бедной крестьянской семье, которая всё-таки смогла дать ему образование, но с ранних лет пришлось зарабатывать на жизнь. В результате Го Шаотан стал активным участником революционного движения в Китае. По этой причине в его воспоминаниях о встрече с

---

²⁵ Лу Синь. Избранное. М., 1989. С. 41.

²⁶ Го Шаотан (А. Г. Крымов). Историко-мемуарные записки китайского революционера. М., 1990. С. 18–19.

тайпинами преобладают сочувствие и восхищение, хотя он тоже говорит о разбоях и беспорядках на территориях, занятых тайпинскими властями.

В провинцию Чжэцзян тайпинские отряды пришли в 1862–1863 гг., когда государство тайпинов рушилось под ударами маньчжуро-цинских и иностранных войск. Дневники, хронологические записи современников крестьянской войны тайпинов, авторами которых были, как правило, шэньши, чиновники, сторонники маньчжурской династии и враги «длинноволосых разбойников», содержат многочисленные свидетельства о грабежах, поборах, убийствах жителей деревень, через которые проходили тайпинские солдаты. Иногда местное население подвергалось насилию со стороны разбойных отрядов, которые не имели никакого отношения к тайпинам. Вместе с тем, биографические сведения о Сунь Ятсене, лидере революционно-демократического течения в национально-освободительном движении в Китае, а также многих участниках событий первых десятилетий XX в., свидетельствуют о глубоком влиянии на них идей тайпинов о равенстве, справедливости, национальной независимости.

Первая мировая война — событие глобального масштаба. События 1914–1918 гг. повлияли на историю развития всех стран мира. Не являясь исключением и Китай. Именно в начале XX в. начинается длительный, героический и трагический путь Китая к обновлению и независимости, к прогрессу и достижениям в науке и общественно-экономических преобразованиях, закончившийся к началу XXI в. взлётом в науке, технике, ведущей ролью в мировой политике.

Источники

Го Шаотан (А. Г. Крымов). Историко-мемуарные записки китайского революционера. М., 1990.

Ли Дачжао. Избранные произведения. М., 1989.

Лу Синь. Избранное. М., 1952.

Лу Синь. Избранное. М., 1989.

Лу Синь. Избранные произведения. М., 1981.
Сунь Ятсен. Избранные произведения. Изд. 2-е. М., 1985.

Литература

- Бокищанин А. А., Непомнин О. Е., Степугина Т. В. История Китая. Древность, Средневековье, Новое время. М., 2010.
- Ефимов Г. В. Сунь Ятсен. Поиск пути. 1914–1922. М., 1981.
- История Китая / Под ред. А. В. Меликсетова. М., 2002.
- Месенко Данила. Лу Синь (1881-1936). URL: <http://www.infokita.i.com/lu-sin.html> (дата обращения: 12.05.2014).
- Непомнин О. Е. История Китая. Эпоха Цин. М., 2005.
- Сорокин В. Ф. Лу Синь // Духовная культура Китая. Т. 3. М., 2008.
- Терехов А. Э. Представление о совершенномудрых правителях-шэн // Процесс формирования официальной идеологии имперского Китая / Сост. М. Е. Кравцова. СПб., 2012.
- Тихвинский С. Л. Новая история Китая. М., 1972.
- Чудодеев Ю. В. Крах монархии в Китае. М., 2013.
- Davis G. Lu Xun's Revolution. Writing in a Time of Violence. Cambridge; L., 2013.
- Pollard D. The True Story of Lu Xun. Hong Kong, 2002.
- Pollard D. [Рец. на кн.:] «Lu Xun's Revolution: Writing in a Time of Violence» by Gloria Davies. Cambridge, MA and London, England: Harvard University Press, 2013. Pp. xxvi + 408. \$35.00/£24.95 // Journal of Chinese Studies. 2013. № 57. July. P. 359–364.
- Veg S. [Рец. на кн.:] «The True Story of Lu Xun» by David Pollard // China Perspectives [Online]. 2004. № 51. January–February. URL: <http://chinaperspectives.revues.org/794> (дата обращения: 12.05.2014).

Nina A. Korolyova

World War I and the «New Culture Movement» in China

The reform movement in China at the end of the XIX century and Xinhai Revolution (1911-1913) led to the spread of bourgeois-liberal ideas among the Chinese intellectuals. During World War I these sentiments became national in scope due to the colonial policies of foreign powers towards China. Scholars and writers of the

country organized the «New Culture Movement», whose members intended to modernize the country and spread Western scientific knowledge using vernacular language (báihuà) in Chinese scientific and literary works. The new culture movement initiated the spread of radical leftist sentiments that led to the bourgeois national revolution of 1925-1927.

Key words: Yuan Shikai, the occupation of Shandong, the crisis of official Confucianism, Sun Yat-sen, Lu Xun, «New Culture Movement».

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 930

Данилов Е. С.

АНТИЧНОСТЬ В ИССЛЕДОВАНИИ ЭРНСТА КАНТОРОВИЧА ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОЛОГИИ

Немецко-американский медиевист прошлого столетия Эрнст Канторович являлся одним из представителей школы интеллектуальной истории, которая ориентировалась на изучение развития идей, абстрактно-теоретических систем и коллективных ментальностей. Обратившись к проблеме «политической теологии» Средневековья, Канторович углубился в исследование религиозно-правовых традиций классической древности. В настоящей статье прослеживаются взгляды автора «Двух тел короля» на особенности рецепции античного наследия в политических теориях постантичной Европы.

Ключевые слова: Штефан Георге, Эрнст Канторович, Карл Шмитт, Античность, политическая теология.

*Он носит вместо царственной порфиры
Лазурные сирийские шелка –
Вольна от украшений лишь рука –
На нём повсюду сарды и сапфиры.*

Ш. Георге. Дни (пер. Н. Пилявского)

Личность Эрнста Хартвига Канторовича (1895–1963) широко известна в мировом историческом сообществе. Цель настоящего очерка — дать некий контекстуализирующий комментарий к вопросу о роли античных сюжетов в доказательной базе Канторовича.

Можно сказать, что первое серьёзное приобщение к древней истории состоялось, когда Канторович учился в

Гейдельбергском университете, где посещал семинары Альфреда фон Домашевского¹. В студенческие годы будущий писатель познакомился с поэтом Штефаном Георге и долгое время входил в его литературный кружок². «Героанцы» отводили особую роль в истории «героям», сильным лидерам, и среди обсуждаемых ими персон было множество деятелей классической древности. Явный антиквизированный модус присутствует в некоторых произведениях символиста Георге, посвятившего отдельный сборник фигуре Антонина Гелиогабала³. Именно Георге побудил Канторовича написать свою первую книгу, биографию императора Фридриха II Штауфена⁴. Заглавие последовавшей незаконченной работы – «Interregnum» – о смутной поре в Германии второй половины XIII в.⁵, воз-

---

¹ *Boureau A. Kantorowicz: Stories of a Historian / Transl. by S. G. Nichols and G. M. Spiegel. Baltimore, 2001. P. 66.*

² О так называемом George-Kreis см., напр.: *Михайловский А. В. Три принципа «политической теологии» в круге Штефана Георге // В Ф. 2013. № 5. С. 149–160.*

³ В стихотворениях «Гимн ночи», «На террасе», «Закрываются сады», «Лица», «Предостережение», «Ауспиции» и некоторых других античные мотивы несомненны. Подробнее см.: *Георге С. Седьмое кольцо. Избранные книги / Пер. В. Летучий. М., 2009; Георге Ш. Альбагал / Пер. Н. Пилявского. М., 2014. «Сам Георге от своего обязательного гимназического набора античности... двинулся на восток и в эллинизм. Его «Албагал» следует либертинской моде эпохи, восхищаясь и ужасаясь Элагабалом..., эфемерным декадентским римским императором III века, возродившим человеческие жертвоприношения. На рубеже веков Георге активно посещает кружок «мюнхенских космистов», в котором... Альфред Шулер культивировал тёмную, нутряную и страшную античность, противопоставляя её подсознательный «подвал» лучочным изображениям à la Винкельман. Многие члены Круга... отмечали незаурядные антиковедческие познания Георге...» (*Маяцкий М. А. Спор о Платоне: Круг Штефана Георге и немецкий университет. М., 2012. С. 41–42).**

⁴ *Kantorowicz E. H. Kaiser Friedrich der Zweite. Berlin, 1927.*

⁵ *Lerner R. E. Kantorowicz and Continuity // Ernst Kantorowicz: Erträge der Doppeltagung / R. L. Benson, J. Fried (Hrsg.). Stuttgart, 1997. S. 104 f.*

можно, было навеяно римским междуцарствием. Впрочем, такие периоды вакантности престола были не в одной стране. Более явные античные аллюзии обнаруживаются во второй монографии Канторовича⁶. В исследовании литургических аккламаций, средневековых *laudes*, историк обращался к древней практике торжественного прославления правителей. На содержании третьего опубликованного труда я остановлюсь подробнее.

Книга «Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии» была издана более полувека назад⁷. Основной круг вопросов, рассматриваемых Канторовичем, связан с эволюцией представлений о сакральной сущности королевской власти. Выражение «политическая теология» (*politische Theologie*) впервые было использовано юристом Карлом Шмиттом. Он считал, что все понятия современного учения о государстве представляют собой секуляризированные теологические понятия⁸. К. Шмитт неоднократно обращался к опыту прошлого, античным представлениям об авторитете власти и источниках права⁹. Теолог Эрик Петерсон, споря со Шмиттом, писал о невозможности превращения истинного христианского богословия в политическое¹⁰. Христианское богословие было недолжным образом использовано светской властью в период поздней Античности и, таким образом,

---

⁶ *Kantorowicz E. H. Laudes regiae. A Study in Liturgical Acclamations and Medieval Ruler Worship. Berkeley; Los Angeles, 1946.*

⁷ *Kantorowicz E. H. The King's Two Bodies. A Study in Mediaeval Political Theology. Princeton, 1957.* Рус. изд.: Канторович Э. Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии / Пер. М. А. Бойцова и А. Ю. Серединой. М., 2014.

⁸ *Шмитт К. Политическая теология. Сборник / Пер. А. Ф. Филиппова. М., 2000. С. 57.*

⁹ *Он же. Государство: Право и политика / Пер. О. В. Кильдюшова. М., 2013. С. 40, 192, 237, 302, 323.*

¹⁰ *Рейти Ф. Э. Бог в XX веке: Человек – путь к пониманию Бога. (Западное богословие XX века) / Пер. Ю. А. Ромашева. СПб., 2002. С. 133–135.*

искажено. Языческая «политическая теология» исчезла после победы над арианством¹¹. Э. Канторович применил данное понятие к эпохе Средневековья, иногда оперируя греко-римскими аналогиями. Но начнём по порядку.

Важную часть книги составляют экскурсы в *историю римского права*. Часть обширная и, если так можно выразиться, «неизбежная», учитывая юридическую направленность вопроса о фикции «двух тел короля». Собственно, первоначальный план исследования предполагал упор именно на выявление предшественников и параллелей английской юридической фикции XVI в.¹² По мнению Канторовича, христоцентричный идеал королевской власти разрушился под влиянием римского права. Цивилисты, основываясь на лексике некоторых античных авторов, к началу XIII в. стали именовать императора *deus in terris, deus terrenus* или *deus praesens*. Титулы *vicarius Christi* и *Christus in terris* закрепились за папским престолом¹³. Из римского права была заимствована идея судьи-квасисвященника, нашедшая отображение в «Зерцале правителя» Иоанна Витербского¹⁴. Уравнием прелата и государя Лука де Пенна указал на свой источник, т. е. на Декрет Грациана, который частично воспроизводит письмо Киприана Карфагенского¹⁵. Некоторые глоссаторы и комментаторы древних текстов были склонны смешивать *sacerdotes* и *pontifices* античного Рима с пресвитерами и епископами своего времени. Или вспоминали о былой роли

---

¹¹ Подробнее см.: Peterson E. Der Monotheismus als Politisches Problem: ein Beitrag zur Geischichte der Politischen Theologie im Imperium Romanum. Leipzig, 1935.

¹² Канторович Э.Х. Два тела короля. С. 64.

¹³ Там же. С. 168–169.

¹⁴ Там же. С. 205.

¹⁵ Там же. С. 566.

императора в качестве *pontifex maximus*¹⁶. Средневековые юристы стремились применить римский религиозный этос свода Юстиниана к условиям их собственного образа мыслей¹⁷. Иоанн Солсберийский не отрицал максимы римского права, провозглашающей государя *legibus solutus* — не связанным законами, однако считал, что он должен почитать закон и правосудие из любви к справедливости¹⁸. Антифразис «*pater et filius Iustitiae*» из Мальфийских конституций Фридриха II означал, что цезарь должен быть одновременно и Отцом, и Сыном Правосудия, его господином и слугой¹⁹. То, как клирики и придворные понимали «культ Правосудия», было проявлением рецепции римского права. Двойственная функция императора выводилась из *lex regia*, согласно которому квириды передавали принцепсу *imperium* вместе с правом на законотворчество и освобождением от подчинения действию законов²⁰. В «Ассизах» Рожера II законы Юстиниана были взяты за основу для того, чтобы подтвердить священные привилегии королевской власти²¹. Канторович досконально изучил сочинение Генри Брактона «О законах и обычаях Англии», его теорию двойственности королевской власти в отношении имущества и обратил внимание на зависимость юриста от римского права на примере использования понятий *usucapio* и *res nullius*. Историк отметил, что различию между *fiscus*, *patrimonium* и *res privatae* императо-

---

¹⁶ О священническом характере королевской власти и возможных римских истоках этой средневековой идеи см.: Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространённых преимущественно во Франции и в Англии / Пер. В. А. Мильчиной. М., 1998. С. 284, сн. 310.

¹⁷ Канторович Э. Х. Два тела короля. С. 209–210.

¹⁸ Там же. С. 173–175.

¹⁹ Там же. С. 177–179.

²⁰ Там же. С. 180–181.

²¹ Там же. С. 200–204.

ра даже в древности не хватало чёткости²². Для него было очевидно, что частота употребления слова «фиск» в средневековых документах говорит не более, чем о живучести античной административной лексики. Сложное фискальное право римлян, тем не менее, было ответственно за появление обоснования существования «бессмертного фиска», отделённого от личности правителя²³.

Отдельный сектор античных сюжетов связан с *историей древней церкви*. Английские юристы, стремившиеся дать точное определение понятию «двух тел короля», актуализировали христологические проблемы, относящиеся к двум природам Иисуса²⁴. Канторович оперирует высказываниями Тертуллиана и Оригена, чтобы указать на представления о правителе как *Deo secundus* и о Христе как *deuteros theos*²⁵. Примечательны его выкладки о сравнении нормандским анонимом Тиберия с Иисусом. Император оказывается «удвоенным» существом в той же степени, что и Богочеловек. Тиберий как человек нечестив; но он божественен как воплощение власти, он есть *deus* и, по отношению к Иисусу, одновременно *dominus*²⁶. От Орозия до Данте средневековые авторы размышляли о том предполагаемом факте, что Христос был римским гражданином и в соответствии с этим подчинялся римским законам²⁷. Христос как *gigas geminae substantiae* («исполин двух природ») предстает у Амвросия Медиоланского и Августина Блаженного²⁸. Лактанций рассуждал о воплощённом Сыне Божиим как посреднике между божественным Правосуди-

---

²² Канторович Э. Х. Два тела короля. С. 256, 262, 282–284.

²³ Там же. С. 270–271, 281.

²⁴ Там же. С. 86–87.

²⁵ Там же. С. 120.

²⁶ Там же. С. 126–129, 154.

²⁷ Там же. С. 246, 594, 624.

²⁸ Там же. С. 145–149.

ем и правосудием земным²⁹. О *res publica* и *fiscus* Христа в духовном смысле писал тот же Августин. Его пассаж также был воспринят позднейшими канонистами и юристами³⁰. Считалось, что после смерти какого-либо носителя церковного сана собственность конкретной церкви, как и достоинство прелата или аббата, переходит либо к вышестоящему лицу, либо к вселенской церкви, либо к главе церкви. Христос в конечном счёте выступал в течение этого интервала в качестве *interrex*³¹. Изображения Христа в облачении римского императора служат отголосками традиции представлять античных богов в военной форме³². Канторович не видит в божественном ореоле чисто христианский атрибут. В искусстве поздней Античности нимб украшал персонификации сверхличностных идей, абстрактных понятий, отмечал гения определённой провинции. Нимб византийского императора связывался с *tyche* и *genius imperatoris*³³. Украшенная нимбом сущность древнего Рима на Тибре или же его вечный *genius* были перенесены в новый Рим на Босфоре, потом в Москву³⁴. Представление о государе как подобии Бога или исполнителе его воли опиралось как на древний культ правителя, так и на Библию³⁵. И поэтому титулы с использованием слова

---

²⁹ Канторович Э. Х. Два тела короля. С. 212.

³⁰ Там же. С. 268.

³¹ Там же. С. 425, 449, 452.

³² Там же. С. 148.

³³ Там же. С. 154–156, 413. О нимбе см.: Опианс Р. Б. На коленях богов: истоки европейской мысли о душе, разуме, теле, времени, мире и судьбе / Пер. Л. Б. Сумм. М., 1999. С. 152–165. О *genius Augusti* см.: Гуськов Е. А. Фигура императора в культуре ранней Римской империи: сакрально-религиозный аспект. Дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2013. С. 56, 83, 88, 107.

³⁴ Канторович Э. Х. Два тела короля. С. 158–160.

³⁵ «Наделённый властью полулитургической природы, которая ставит его вне всех остальных князей, его соперников, сочетая суверенитет (римское право) с властью сюзерена, что позволяет ему монархически

Deus можно обнаружить в любом столетии Средневековья³⁶. Император являлся наместником Бога³⁷. В «*Liber augustalis*» миссия короля как *executor divinae Providentiae* («исполнителя божественного Провидения») была сформулирована словами Сенеки³⁸.

Весьма занимательны отступления о *сущности различных метафор, содержаниях понятий, заимствовании терминологии*. Обмен политическими символами прослеживается Канторовичем в двух сферах — временной (Античность → Средневековье) и институциональной (Церковь ↔ Государство). Стремление снабдить государственные институты неким религиозным ореолом привело теоретиков светского государства к отнюдь не поверхностному усвоению не только римского и канонического права, но и теологии в целом³⁹. Анализируя трагедию У. Шекспира «Ричард II», Канторович обращает внимание на то, что «восходящее Солнце» на штандарте короля иногда сравнивается с соляными символами на римской монете *Oriens Augusti*⁴⁰. При обращении к трактату «Об освящении епископов и королей» немецкий историк отмечает, что анонимный нормандский автор XII в. описывает деификацию наподобие греческого *apotheosis* и древнерим-

---

пользоваться феодальной логикой, король занимает положение, отличающееся от других и придающее отличия, что само по себе обеспечивает начальное накопление символического капитала» (*Бурдые П. Социология социального пространства / Пер. Н. А. Шматко. М., СПб., 2007. С. 261*).

³⁶ Канторович Э. Х. Два тела короля. С. 166–169.

³⁷ См. также: Дагрон Ж. Император и священник. Этюд о византийском «цезарепапизме» / Пер. А. Мусина. СПб., 2010.

³⁸ Канторович Э. Х. Два тела короля. С. 197–198.

³⁹ Там же. С. 304.

⁴⁰ Там же. С. 103, 110. См. также: *Kantorowicz E. H. Oriens Augusti — Lever du Roi // DOP. 1963. Vol. 17. P. 119–177; Hutson L. Imagining Justice: Kantorowicz and Shakespeare // Representations. 2009. № 106. P. 118–142.*

ского *consecratio*⁴¹. Понятие *honor* в законе вестготского короля Рецесвинта от 653 г. приближается к значению слова *dignitas* в позднейшей политической теории⁴². Сравнивая несколько изображений из Библий каролингского времени с фигурой человека, держащего над головой завесу, Канторович возводит указанный образ к небесному покрову древнеримского божества *Caelus*⁴³. Гигантские фигуры германских и византийских правителей на средневековых миниатюрах напоминают ему традицию изображения античных басилевсов и принцепсов в виде исполнинов⁴⁴. Канторович подробно изучает образы богини Правосудия (*Iustitia*) в средневековых юридических трактатах, фресках, миниатюрах и находит явные отсылки к наследию Аристотеля, Цицерона, Авла Геллия, Юстиниана⁴⁵. Расхожая метафора «Рим там, где император», впервые появившаяся у Геродиана, зафиксирована Канторовичем в комментариях де Убальдиса в виде фразы «Где фиск, там и империя»⁴⁶. Это и подобные ему умозаключения были выработаны юристами, которые, в ходе рассуждения о неотчуждаемости фискальной собственности, пришли к возрождению античной идеи брака правителя с его государством⁴⁷. Чино Пистойский, комментируя Кодекс Юстиниана, рассматривал избрание государя со стороны

---

⁴¹ Канторович Э. Х. Два тела короля. С. 119, 121.

⁴² Там же. С. 131, сн. 34.

⁴³ Там же. С. 144.

⁴⁴ Там же. С. 145.

⁴⁵ Там же. С. 187–196, 217–224. Различные метафорические формулы Средневековья были заимствованы из политической концепции Аристотеля (Там же. С. 217–224, 307–309, 408–411, 485–487 и др.). О персонификации Правосудия в трудах средневековых схоластов см. также: Ямпольский М. Физиология символического. Кн. 1. Возвращение Левиафана: Политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима. М., 2004. С. 66–68.

⁴⁶ Канторович Э. Х. Два тела короля. С. 301.

⁴⁷ Там же. С. 323.

respublica как подобие взаимного соглашения мужа и жены⁴⁸. Для Луки де Пенна государь являлся *maritus reipublicae* (супругом государства), и он иллюстрировал свои доводы выдержками из Лукана и Сенеки⁴⁹.

Развитие определённых идей заслужило у Канторовича пристального рассмотрения. Это — *patria*, объединяющая в себе все религиозные, этические и моральные ценности граждан античных полисов, но плохо соответствующая политическим реалиям средневековой Западной Европы⁵⁰. Это различные представления о времени: *tempus, aevum, aeternitas*. *Lex regia* утверждала вечность римского народа, и благодаря переносу этой претензии от римлян также на другие народы, вечность любого народа, по мысли Канторовича, была юридически обоснована⁵¹. Иными словами, наиболее существенная черта персонифицированных коллективов и корпоративных тел заключалась в том, что они проецировались в прошлое и будущее, что они сохраняли свою тождественность вопреки переменам и что поэтому они были юридически бессмертными⁵². Понимая «народ» как *universitas*, которая «не умирает никогда», правоведы пришли к представлению о вечности как всего политического тела, так и отдельных составляющих его частей. Римское право признавало *aeternitas* за принципом, что относилось только к его сану⁵³. Закон императоров Диоклетиана и Максимиана провозглашал, что *respublica* применяет к себе права несовершеннолетних. В XIII в. появилось шаблонное положение, что *universitas* всегда является ребёнком, т. к. она нуждается в попечителе. Позднее учение о вечном несовершеннолетии Церкви и

---

⁴⁸ Канторович Э. Х. Два тела короля. С. 310–311.

⁴⁹ Там же. С. 312–314.

⁵⁰ Там же. С. 333–377.

⁵¹ Там же. С. 381–411.

⁵² Там же. С. 422–423.

⁵³ Там же. С. 425–427.

respublica было перенесено на Корону, которой соответствовал вечно взрослый король-попечитель⁵⁴. Принципы постоянной смены индивидов и корпоративной неизменности коллектива соединялись в понятии *Dignitas*⁵⁵. Достоинство — это «идеальная» личность, обладающая независимым существованием, когда должность не занята, хотя в остальное время она нерасторжимо соединена с правителем. *Dignitas* привязана к нему, как древнее божество, появлявшееся на монетах в качестве *comes Augusti*⁵⁶. Долгое время теологи считали подлинными только *virtutes infusae*, добродетели, которые могут быть дарованы Божественной Благодатью: Вера, Надежда, Любовь. Фома Аквинский под влиянием Аристотеля порвал с этой традицией, первым придав морально-политическим добродетелям полную ценность. Данте, близкий Аквинату, обозначил путь к земному раю главными добродетелями классической Античности: Благоразумием, Стойкостью, Умеренностью и Справедливостью. Итальянский поэт представлял себе потенциально возможным возвращение *Saturna regna* — царства Сатурна под руководством *Iustitia*, воплощённой в монархе⁵⁷. А на одной из фресок Перуджино свита четырёх добродетелей составлена из языческих героев и мудрецов⁵⁸.

Величие и достоинство средневековых монархов подчёркивали заимствованные античные инсигнии — пурпур, скипетр, диадема, фибула⁵⁹. Известным подобием королевских регалий считались красные мантии четырёх

---

⁵⁴ Канторович Э. Х. Два тела короля. С. 491–503.

⁵⁵ О древнеримском концепте *dignitas* см.: *Gnilka Ch. Dignitas // Hermes. 2009. Bd. 137. S. 190–201.*

⁵⁶ Канторович Э. Х. Два тела короля. С. 505–523, 635–636.

⁵⁷ См. также: *Davis Ch. Kantorowicz and Dante // Ernst Kantorowicz: Erträge der Doppeltagung / R. L. Benson, J. Fried (Hrsg.). Stuttgart, 1997. S. 240–264.*

⁵⁸ Канторович Э. Х. Два тела короля. С. 597–602.

⁵⁹ См., напр.: *Мареева О. В. Генезис венца как регалии власти // Священное тело короля: ритуалы и мифология власти. М., 2006. С. 419–429.*

президентов Парламента, которые при погребении своего сюзерена не являли в одежде знаки траура⁶⁰. Высшие судьи Французского королевства не облачались в чёрное, потому что представляли Короля, который никогда не умирал, и были распорядителями Правосудия, служение которому не может быть прервано. «Парламент (верховный суд. — Е. Д.) во Франции не соблюдает праздников» — гласила сентенция, основанная на римском праве. Один из способов «удвоения» короля, распространённый в Англии и Франции, также брал начало в имперском Риме. Выставление погребальных «эффигий» на королевских похоронах соответствует античному обычаю помещать изображение правителя в комнатах дворца, тем самым обозначая его вездесущность. Геродиан, Дион Кассий, Евсевий Кесарийский описывали ряд церемониальных служб, выполнявшихся по отношению к «кукле» умершего правителя. К античным образцам восходит использование триумфальной колесницы, на которую как на катафалк помещалась эффигия умершего⁶¹. Многие наставления, даваемые живым правителям, сводились к латинскому напоминанию: «*Memento quod es homo*». Фрэнсис Бэкон, использовавший его в эссе «Об империи», не мог не знать, при каких обстоятельствах эта фраза звучала в Риме⁶².

В общем и целом, Канторович признавал, что у дихотомического представления о власти могли быть корни

---

⁶⁰ О красном цвете и пурпуре см.: *Пастуро М.* Символическая история европейского Средневековья / Пер. Е. Решетниковой. СПб., 2012. С. 123, 137, 142, 160, 170, 217–218, 403–404.

⁶¹ *Канторович Э. Х.* Два тела короля. С. 540–556. Подробнее см.: *Бойцов М. А.* Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009. С. 438–448; *Фёдоров С. Е.* Посмертные изображения монарха в раннеюэпоэвской Англии // *Королевский двор в Англии XV–XVII вв.* СПб., 2011. С. 366–381.

⁶² *Канторович Э. Х.* Два тела короля. С. 628–629.

в классической Античности⁶³. При этом он не стремился составить детальный обзор древних параллелей. Он не дал однозначного ответа на вопрос: совпадало ли в эпоху Античности бессмертное сверхтело правителя с его предполагаемой божественной природой? Он допускал, что та или иная из античных формул приобретала действительность в эпоху Высокого Возрождения и что классическая модель порой помогала рационализировать определённые явления, возникавшие в совершенно другой среде. Однако он считал, что сумма всех отдельных античных проявлений идеи «удвоения» не могла вылиться в стройную концепцию, и теория двух тел короля является производной от христианской теологической мысли.

Безусловно, реалии античного мира стали отправной точкой для теоретических построения Эрнста Канторовича. Его сочинение о сакральных атрибутах власти, не потерявшее своей научной значимости в XXI в., должно стать настольной книгой не только медиевистов, но и антиковедов. Для последних чётко вырисовывается несколько магистральных направлений будущих исследований: составление исчерпывающего перечня персонифицированных добродетелей Древнего мира, выявление этапов эволюции абстрактных понятий и дальнейшее изучение предметно-вербальных структур образа правителей (греческих, эллинистических, римских).

Источники

Kantorowicz E. H. Kaiser Friedrich der Zweite. Berlin, 1927.

Kantorowicz E. H. Laudes regiae. A Study in Liturgical Acclamations and Medieval Ruler Worship. Berkeley; Los Angeles, 1946.

Kantorowicz E. H. The King's Two Bodies. A Study in Mediaeval Political Theology. Princeton, 1957.

---

⁶³ Канторович Э. Х. Два тела короля. С. 630–639.

- Kantorowicz E. H. Oriens Augusti – Lever du Roi // DOP. 1963. Vol. 17. P. 119–177.*
- George C. Седьмое кольцо. Избранные книги / Пер. В. Летучего. М., 2009.*
- George Ш. Альбагал / Пер. Н. Пилявского. М., 2014.*
- Канторович Э. Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии / Пер. М. А. Бойцова и А. Ю. Серегинной. М., 2014.*
- Шмитт К. Политическая теология. Сборник / Пер. А. Ф. Филиппова. М., 2000.*
- Шмитт К. Государство: Право и политика / Пер. О. В. Кильдюшова. М., 2013.*

Литература

- Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространённых преимущественно во Франции и в Англии / Пер. В. А. Мильчиной. М., 1998.*
- Бойцов М. А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009.*
- Бурдьё П. Социология социального пространства / Пер. Н. А. Шматко. М., СПб., 2007.*
- Гуськов Е. А. Фигура императора в культуре ранней Римской империи: сакрально-религиозный аспект. Дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2013.*
- Дагрон Ж. Император и священник. Этюд о византийском «цезарепапизме» / Пер. А. Мусина. СПб., 2010.*
- Мареева О. В. Генезис венца как регалии власти // Священное тело короля: ритуалы и мифология власти / Отв. ред. Н. А. Хачатурян. М., 2006. С. 419–429.*
- Маяцкий М. А. Спор о Платоне: Круг Штефана Георге и немецкий университет. М., 2012.*
- Михайловский А. В. Три принципа «политической теологии» в круге Штефана Георге // ВФ. 2013. № 5. С. 149–160.*
- Онианс Р. Б. На коленях богов: истоки европейской мысли о душе, разуме, теле, времени, мире и судьбе / Пер. Л. Б. Сумм. М., 1999.*
- Пастуро М. Символическая история европейского Средневековья / Пер. Е. Решетниковой. СПб., 2012.*

- Реати Ф. Э.* Бог в XX веке: Человек – путь к пониманию Бога. (Западное богословие XX века) / Пер. Ю. А. Ромашева. СПб., 2002.
- Фёдоров С. Е.* Посмертные изображения монарха в ранне-стюартовской Англии // Королевский двор в Англии XV–XVII вв. / Ред. и сост. С. Е. Фёдоров. СПб., 2011. С. 366–381.
- Ямпольский М.* Физиология символического. Кн. 1. Возвращение Левиафана: Политическая теология, презентация власти и конец Старого режима. М., 2004.
- Boureau A.* Kantorowicz: Stories of a Historian / Trans. by S. G. Nichols and G. M. Spiegel. Baltimore, 2001.
- Davis Ch.* Kantorowicz and Dante // Ernst Kantorowicz: Erträge der Doppeltagung / R. L. Benson, J. Fried (Hrsg.). Stuttgart, 1997. S. 240–264.
- Gnilka Ch.* Dignitas // Hermes. 2009. Bd. 137. S. 190–201.
- Hutson L.* Imagining Justice: Kantorowicz and Shakespeare // Representations. 2009. № 106. P. 118–142.
- Lerner R. E.* Kantorowicz and Continuity // Ernst Kantorowicz: Erträge der Doppeltagung / R. L. Benson, J. Fried (Hrsg.). Stuttgart, 1997. S. 104–123.
- Peterson E.* Der Monotheismus als Politisches Problem: ein Beitrag zur Geischichte der Politischen Theologie im Imperium Romanum. Leipzig, 1935.

Evgeny S. Danilov

Antiquity in Ernst Kantorowicz's Research on Political Theology

A German and American medievalist of the 20th century Ernst Kantorowicz was one of the representatives of the school of intellectual history that directed its attention to studying development of ideas, abstract systems and collective mentality. When analyzing the problem of «political theology» Kantorowicz concentrated on religious and legal traditions of classical antiquity. His view on peculiarities of reception of ancient heritage by political theories of post-classical Europe expounded in «The King's Two Bodies» is considered in this article.

Key words: Stefan George, Ernst Kantorowicz, Carl Schmitt, Antiquity, political theology.

ВОСПРИЯТИЕ ВОЙНЫ В ПОЗДНЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (НА МАТЕРИАЛЕ «МЕМУАРОВ» ФИЛИППА ДЕ КОММИНА)

В «Мемуарах» де Коммина отразилась позднесредневековая смена традиционного «рыцарского» восприятия войны новым, «прагматическим». Средневековую войну — рыцарский поединок, войну за веру и справедливость — вытесняет война как средство достижения политических целей, продолжение дипломатии, в котором исход решает не Божья воля, а соотношение сил сторон.

Ключевые слова: история, война, позднее Средневековье, Филипп де Коммин, мемуары, рыцарство, ментальность.

Война и военное дело в истории человеческого общества всегда занимали и продолжают занимать чрезвычайно важное место. Классическая история предстаёт перед нами, прежде всего, как вереница войн, прерываемых кратковременными периодами мира, которые обычно использовались для подготовки к новой войне. Значение войн трудно переоценить. Война служит своего рода мерилем прочности как отдельного человека, так и целого общества, его способности отвечать на вызов извне.

Средние века — время, когда война, в самых разных её проявлениях и последствиях, являлась важнейшим фактором развития западноевропейского общества. Но как война воспринималась средневековым обществом? И особенно интересно — как она воспринималась в переломный момент истории перед необходимостью выбора нового пути развития?

Именно таким моментом становится для Европы «осень Средневековья» — время позднего Средневековья. Начиная с первых лет XIV и до конца XV вв. и далее, специалист по истории Западной Европы в своём распоряже-

нии имеет всё более и более значительную и разнообразную документацию, которая позволяет ему отвечать на большее число вопросов. Появляются трактаты, посвящённые искусству войны, охоты, священной истории и истории политической. Но особой популярностью начинают пользоваться жанры мемуаров, автобиографий и биографий – воспоминания о прожитой жизни, полные историй и поучений. Эти жанры по своей популярности как среди читателей, так и среди писателей оставляют позади не только эпическую литературу, но и переживающий в это время глубокий кризис рыцарский роман. Чем же это обусловлено?

Начиная с XIV в. во Франции резко возрастает интерес к истории, и наблюдается расцвет исторических жанров. В предшествующий период времени на литературном поприще господствовала приверженность к всемирно-историческим хроникам и энциклопедическим компиляциям. Новое же историографическое направление, истоки которого мы находим в трудах Жуанвиля и Виллардуэна, тяготело к современности, к актуальным событиям своего времени и происшествиям недавнего прошлого¹. В результате этого распространение получают такие литературные жанры, как мемуары, биографии, автобиографии и другие исторические сочинения, ввиду сложившихся традиций всё ещё называемые хрониками и историями, а по сути являющиеся, главным образом, отражением современных событий. Именно в ориентировке на современность и частичном освобождении от нарочитого провиденциализма современная историческая наука видит значение историографии XIV–XV вв.

Но даже в формате нового историографического направления, среди всего разнообразия мемуаров, автобиографий и биографий, особняком стоят «Мемуары» Фи-

---

¹ Шишимарев В. Ф. Избранные статьи. М.; Л., 1965. С. 368–369.

липпа де Коммина, являющиеся замечательным памятником французской исторической мысли конца XV в.

Анализ «Мемуаров» позволяет понять, каково было отношение к войне в обществе позднего Средневековья, представителем которого был де Коммин.

Увидев свет в 1524 г., «Мемуары» в мгновение ока обретают поразительную популярность. На протяжении XVI–XVII вв. они претерпели более 120 изданий, и были переведены практически на все европейские языки². Успех и популярность этого произведения были обусловлены тем, что Коммин находился в самой гуще политических событий второй половины XV в., служил у двух могущественных государей, участвовал в нескольких войнах, успел побывать послом и отбыть тюремное заключение. Но главное — он «создал своеобразное историческое и социально-политическое учение, которое обеспечило ему славу одного из проницательнейших умов своего времени»³. Это учение охватывает всю жизнь средневекового общества второй половины XV в. Нет такого аспекта, который не был бы затронут Коммином в его «Мемуарах». Особое место в них занимает война. Коммин не формулирует напрямую вопросы, связанные с войной и военными действиями и не выделяет войну как отдельную категорию, он аккуратно вписывает её в канву повествования.

Прежде чем переходить непосредственно к «Мемуарам», стоит отметить, что само понятие «война» и его восприятие в период позднего Средневековья начинают претерпевать сильные изменения.

Куртуазная культура, со своим особым пониманием войны, переживает глубокий кризис. В основу этого кризиса ложится процесс эстетизации рыцарской культуры,

---

² Малинин Ю. П. Филипп де Коммин и его «Мемуары» // Филипп де Коммин. Мемуары. М., 1986. С. 385.

³ Там же. С. 385.

что постепенно приводит к её вырождению в «пышное представление с тщательно обученными актёрами, наслаждавшимися своей игрой и постоянно старавшимися убедить себя в её серьезности»⁴. Время позднего Средневековья — «один из тех завершающих периодов, когда культурная жизнь высших слоёв общества почти целиком сводится к светским забавам»⁵. Ослепительные по красоте и изобретательности оформления придворные празднества и турниры, театрально пышные приёмы послов, а в случае военных действий, что для нас особо важно отметить, — сборы больших армий и устройство лагерей, напоминавших города и игравших яркими красками шатров и палаток (как например лагерь герцога Карла Бургундского при Нейсе в 1474 г.⁶), — всё это создавало тот ореол величия и рыцарственности, о воздействии которого говорит применительно к себе Коммин: «Я лишь поражался, что кто-то осмеливается сражаться с моим господином (герцогом Карлом Бургундским. — А. Г.), поскольку считал его величайшим из всех»⁷. Стоит отметить, что это говорит человек, впоследствии склонный к осуждению столь крайнего излишества во всём и критически настроенный к этой своеобразной «рыцарской игре».

Постепенное разложение рыцарской культуры и превращение её, по сути, в театрализованное представление приводит к крушению существующих в этой культуре идеалов. Таким образом, проблема восприятия войны непосредственно связана с понятием культурных ценностей эпохи Средневековья. Упадок традиционных институтов или их постепенное загнивание и утрата привычными

---

⁴ *Kilgour R.* The Decline of Chivalry as Shown in the French Literature of the Late Middle Ages. Cambridge, 1937. P. 227.

⁵ Хэйзинга Й. Осень Средневековья. М., 1995. С. 85.

⁶ Коммин Ф., де. Мемуары. М. 1986. С. 134.

⁷ Там же. С. 28.

идейными ценностями их прежнего значения порождали чувство неуверенности в настоящем и будущем или, в более редких случаях, надежду, что всё идёт к лучшему. Это были те важные побудительные мотивы, которые ставили человека перед выбором: отстаивать и утверждать старые ценности и их восприятие, или пробить путь новым понятиям и представлениям. По сути, именно эта проблема побуждает позднесредневековых авторов браться за перо.

Из наличия противопоставления взглядов мы можем сделать вывод, что восприятие войны в позднем Средневековье было различно. Это различие выражается в приверженности старым, утвердившимся, или новым, набирающим силу, ценностям. Наличие различных взглядов даёт нам право говорить о двух позициях восприятия войны в позднем Средневековье: традиционной — назовём её «рыцарской», и новой — «прагматической».

Наличие двух позиций, отражающих старое и новое, характерно для позднесредневекового общества. Для более детального изучения восприятия войны в позднем Средневековье мы должны рассмотреть каждую из позиций отдельно, разобравшись, на чём она основывалась и что именно в ней заключалось.

Традиционное восприятие войны складывается постепенно, по мере того, как растёт и набирает мощь рыцарское сословие. Своеобразное восприятие войны этим сословием представляет собой синтез христианских идей и варварских представлений, где от христианства взята морально-этическая составляющая, освещающая проблематику справедливости и несправедливости войны, возможности и невозможности убийства и т. д., а другая, более архаичная, составляющая заключает в себе отношение к войне как единственному достойному делу, поощряет чувственное восприятие, радость войны, жажду боя.

Таким образом, «рыцарское» восприятие имеет ряд особенностей, берущих своё начало в дохристианский период. К XIII в. оно достигает своего апогея и постепенно начинает затухать. Дуалистическое восприятие войны сохраняется и в позднем Средневековье, что характерно выражается в двух обязательных аспектах «традиционной» позиции. Первый из них: война должна быть справедлива. Второй: война — единственное занятие, достойное рыцаря, приносящее ему радость. Рассмотрим их более подробно.

Первый постулат «традиционной» позиции: война должна быть справедлива. Соблюдение справедливости, данной Богом, вменялось в обязанности всем членам средневекового общества, на рыцарство же возлагалась функция её поддержания. Существовало даже представление, что рыцарство было учреждено именно с этой целью после первого акта несправедливости на земле — убийства Авеля его братом Каином⁸.

В литературе XV в., как и во всей предшествующей средневековой литературе, одним из горячо обсуждавшихся вопросов был вопрос о справедливых и несправедливых войнах. В христианской традиции, восходящей своими корнями к Аврелию Августину, зло, принесённое войной, могло быть оправдано только её справедливостью: «Необходимо, чтобы предмет тяжбы был очень справедлив, основан на праве и угоден Богу, дабы можно было удовлетворительно ответить за столь великие жестокости, чинимые во время войны»⁹. Таким образом, любая «рыцарская» война должна быть обязательно справедливой, иначе она становится злодеянием против людей и Бога.

Вторым постулатом «традиционного» восприятия войны является представление о ней как об истинном и

---

⁸ Малинин Ю. П. Указ. соч. С. 403.

⁹ G. de Lannoy. Oeuvres / Ed. Ch. Potvin. Louvain, 1878. P. 389.

единственно возможном занятии рыцаря, приносящее ему «joie» – радость и упоение битвой. Эта радость сродни любовному упоению. Такое отношение к войне начинает складываться в конце XII – начале XIII вв., в период расцвета рыцарской культуры. Знаменитый трубадур конца XII в. Бертран де Борн в своих сервентах пел «о стычках и битвах, прославляя войну и рыцарскую отвагу»¹⁰:

И нравится мне видеть на полях
Поставленные палатки и шатры;
И я чувствую большую радость,
Когда вижу выстроенных в поле
Вооружённых всадников и лошадей.
И мне нравится, когда дозорные
Заставляют бежать людей с их добром.
И мне нравится, когда, позади них,
Вижу, как идут много вооружённых людей.
И я радуюсь,
Когда вижу осаждённые мощные крепости
И сломанные, обрушившиеся стены,
И когда вижу армию на берегах,
Окружающих ров (с водой),
И палисады, закрытые крепкими кольями ...
Я вам говорю, что не нахожу столько удовольствия
В еде, питье и сне,
Чем когда слышу, как кричат «В атаку!»¹¹.

В XV в. мы видим другие слова, но содержание остаётся таким же: рыцарская культура не изменяет себе. «Весёлая вещь война. На войне любишь так крепко. Если видишь добрую схватку и повсюду бьётся родная кровь, сможешь ли ты удержаться от слёз! Сладостным чувством самоотверженности и жалости наполняется сердце!.. И ведомо тебе такое чувство восторга, какое сего не познавший

---

¹⁰ Пуришев Б. Лирическая поэзия Средних веков // Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия вагантов. М., 1974. С. 5.

¹¹ Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия вагантов. М., 1974. С. 315.

передать не может никакими словами ... Ведь обретаешь ты такую силу и окрылённость, что более не ведаешь, где находишься...»¹². Как в XII, так и в XV вв. рыцарская культура воспринимает войну как своеобразный праздник жизни, где можно «ощутить сладостное чувство любви и жертвенности». Таким образом, «рыцарская» война должна быть доблестна, иначе она перестаёт быть рыцарской.

Восприятие войны как сражения, прежде всего, рыцарей широко распространено в позднесредневековой историографии. Такой её описывают Фруассар, д'Эскуши, Монстреле, Шателлен, Оливье де Ла Марш. Война ими описывается в основном при помощи «старых» понятий и ценностей, и является, в первую очередь, поприщем доблести, верности, долга, подвигов во имя справедливости — основных добродетелей «рыцарской» войны. С самого начала позднесредневековые авторы заявляют, что будут писать «о благородных деяниях, победах, доблестных поступках и воинских подвигах»¹³, «величайших чудесах и прекрасных воинских подвигах, кои произошли в ходе величайших баталий»¹⁴.

Повествуя об ужасах средневековой войны, они обрамляют их восхвалением сеньоров, красочно описывая славные деяния, дорогую одежду, богатую утварь. Реалии средневековой войны отходят на второй план и идут фоном к прославлению рыцарских добродетелей. Это — попытка приукрасить войну, спрятать саваны в шелка и бархат. Средневековые авторы «наряжали войну, как одевали в наряд крепости — их декор изобиловал арабесками, а над ними хлопали на ветру знамёна и вымпелы, развева-

---

¹² *Biieil J., de. Le Jouvencel / Ed. C Favre et L. Lecestre. 2 vos. P., 1887-1889. P. 63. (Пер. Сильвестрова).*

¹³ *Хёйзинга Й. Политическое и военное значение рыцарских идей в позднем средневековье // Человек. 1997. № 5. С. 69-79.*

¹⁴ *Хёйзинга Й. Осень Средневековья. С. 73.*

лись султаны»¹⁵. «Рыцарское» восприятие представляет войну как акт справедливости, где доблестные воины, обретая славу, повергают своих врагов, человеческими руками свершая божественное правосудие.

Помимо столь куртуазного восприятия войны было и другое. Война к концу XV в. приобретает всё более жестокий характер, выбивая почву из-под ног певцов старой «рыцарской» войны, срывая с себя красочность и позолоту игры. Война теперь внушала страх. Впервые её истинное лицо показал Жан Колумб на одной из страниц «Великолепного часослова», рядом с молитвами двадцатого часа всеобщей за усопших изобразив, как «сражающиеся воины в страхе отступают, в то время как армия призраков, выстроившись в боевые порядки, наступает, ведомая всадником на белом коне»¹⁶.

Новая концепция зарождается постепенно в результате планомерного упадка традиционных институтов и утраты привычными идейными ценностями их прежнего значения. Всё это порождало чувство неуверенности за настоящее и будущее, заставляя средневековых авторов переосмысливать окружающую действительность и создавать новые концепции её восприятия. Одну из таких концепций содержат «Мемуары» Филиппа де Коммина — своеобразное историческое, этическое и социально-политическое произведение, охватывающее все сферы общественной жизни позднего Средневековья и служащее прекрасным источником, сообщающим о развитии новых идей в позднесредневековой литературе.

Как же воспринимает войну «проницательнейший ум своего времени», проводник новых идей — Филипп де Коммин?

---

¹⁵ Дюби Ж. Европа в средние века. Смоленск, 1994. С. 244.

¹⁶ Там же. С. 243.

Проблемы восприятия войны у Коммина неразрывно связаны с обществом, ведущим эту войну. Говоря в своих «Мемуарах» об обществе, Коммин чётко выделяет только два класса: дворянство и народ, под которым понимает преимущественно горожан. По Коммину, дворянство наделено властью над народом, поскольку несёт бремя военной службы. Отводя дворянству главную роль в обществе, Коммин не придает никакого значения «старому» рыцарству. Сами понятия «рыцарь» и «рыцарство» он если и употребляет, то крайне редко. Как военная организация, рыцарство утратило в его глазах свой смысл существования, и ему он противопоставляет регулярную армию, большинство в которой, с его точки зрения, должны составлять лучники: «По моему мнению, в бою лучники являются решающей силой, когда их очень много...»¹⁷. Коммин реалистично смотрит на вещи, понимая, что в силу развивающихся военных технологий рыцарство теряет свое ключевое значение и должно отойти на второй план.

Одно из главных новшеств в восприятии войны Коммин вносит благодаря своей новой концепции человека. Если его предшественники определяли мотивацию поступков, исходя из христианско-рыцарской, «традиционной» шкалы этических ценностей, то Коммин, не отрицая эту шкалу ценностей, сам анализирует поступки людей. Исходя из того, что люди по своей природе более склонны к злу, нежели к добру, он видит побудительную причину их действий, прежде всего, в стремлении к личному благу, личной выгоде и очень редко — в желании следовать нравственным заповедям¹⁸. Поэтому и войну он видит не как торжество доблести и справедливости, а как «грязное» и «злодейское» деяние, где каждый «всё сжигает повсюду,

---

¹⁷ Коммин Ф., *де*. Указ. соч. С. 17.

¹⁸ Рогинская А. Е. Исторические взгляды Коммина // СВ. 1946. Вып. 11. С. 282.

где только проходит»¹⁹. Рассматривая человеческую жизнь с рационалистической позиции, Коммин изображает её в том виде, в каком она предстаёт его пронизательному взору: со всем присущим ей злом, войнами, распрями и борьбой, не считая это чем-то ненормальным. Считая, что жизнь — это постоянная борьба противоположностей, Коммин создаёт концепцию всеобщего взаимного противодействия людей и государств, осуществляющегося по воле Бога. «В общем, мне кажется, что Господь не сотворил в этом мире ни одного человека, ни животного, которым не дал бы какую-либо противоположность, чтобы держать их в страхе и смирении»²⁰. Таким образом, каждое государство имеет себе противостоящее. В противовес Франции Бог дал Англию, в противовес Англии — Шотландию, государям Италии противостоят города-коммуны, в Германии друг другу противостоят княжества и т. д.²¹

Война воспринимается Коммином как результат естественного столкновения частных интересов и интересов отдельных человеческих сообществ, прежде всего — государств, а отнюдь не как способ восстановления божественной справедливости.

Война для Коммина — это средство урегулирования противоречий между государствами, причём не самое лучшее. К войне, по Коммину, нужно прибегать лишь в крайнем случае. Военные действия часто зависят от случайностей, и военные поражения имеют слишком тяжёлые последствия, поэтому «нужно остерегаться сражений и не полагаться на их превратности, если только их можно избежать»²². В 1475 г. французский король Людовик XI «побеждает» англичан 600 бочками вина и пенсией, вы-

---

¹⁹ Коммин Ф., *де*. Указ. соч. С. 111.

²⁰ Там же. С. 207–208.

²¹ Там же. С. 208–210.

²² Там же. С. 121.

данной английскому королю²³. После заключения мирного договора с англичанами, даже не успевшими достать меч из ножен, Людовик «говорил, посмеиваясь, что он гораздо проще изгнал англичан, чем его отец (Карл VII. — А. Г.), ибо он изгнал их, накормив пирогами с дичиной и напоив добрым вином»²⁴. Его позицию полностью одобряет Коммин, приложивший немало сил к заключению этого договора. При этом он добавляет, что если бы король не проявил мудрости, то могло бы случиться то, что было в прошлом, когда дворянское ополчение выступило против англичан и проиграло в 1415 г. битву при Азенкуре, что имело самые бедственные последствия для страны²⁵.

Коммин не противопоставляет дипломатию и войну, исходя из того, что одна должна продолжать другую. Военные победы закрепляются за столом переговоров, и он приводит в пример англичан, которые, хотя чаще всего и побеждали французов на полях сражений, никогда не умели удержать за собой все плоды победы, ибо, «когда бы ни велись переговоры между англичанами и французами, умом и искусностью французы всегда брали верх над англичанами»²⁶.

Войну как политическое средство Коммин признаёт лишь в случае её неизбежности, что, однако, не мешает ему преклоняться перед государями, сделавшими её основой своей политики и добившимися успеха, такими, как Мухаммед II — турецкий султан, взявший Константинополь. Но и для успешного ведения войны требуется, прежде всего, большое умение, ибо «при наличии всего необходимого для завоеваний, если нет очень большого ума, то

---

²³ Коммин Ф., *де*. Указ. соч. С. 154.

²⁴ Roy J., *de*. Journal (Chronique scandaleuse). Т. 2. Р. 1896, Р. 344.

²⁵ Коммин Ф., *де*. Указ. соч. С. 241.

²⁶ Там же. С. 221.

всё прочее ничего не стоит...»²⁷. Для Коммина и его «нового» восприятия войны не существует справедливых и несправедливых войн, поскольку он отказывается от самого понятия нравственной справедливости. Коммин иногда представляет войны как акт божественного правосудия, но никогда — человеческого.

Коммин вносит в восприятие войны определённую цель: война имеет цель — победить. Война теперь воспринимается и ведётся по-другому. Рыцарская гордость, высокомерие, в котором Йохан Хейзинга видит основу рыцарской идеи и самого понятия «рыцарь» («сердцевиной рыцарского идеала остаётся высокомерие... Возвышенное высокомерие превращается в честь, она-то и есть основная точка опоры в жизни человека благородного звания»²⁸), отсутствует у Коммина: «Когда шествует гордыня, следом за ней идут бесчестье и убыток»²⁹; «... в ответ на одного посланца, которого они прислали бы мне, я отправил бы им двоих ... враг от этого возгордится. Меня это не трогает. Зато я буду иметь больше сведений о нём, — заключает Филипп де Коммин, — таким образом, честь достаётся тому, кто получает выгоду от войны»³⁰. Это кардинальное изменение отношения к войне: победа любыми средствами. Больше не существует понятия честная сдача (поражение) — честь достаётся лишь победителю.

Таким образом, если предшественникам Коммина война представлялась ареной борьбы добродетели и порока, доблести и вероломства, то в его глазах она — средство достижения личных целей.

Исходя из анализа «Мемуаров» Филиппа де Коммина, можно отметить значительные изменения в историогра-

---

²⁷ Коммин Ф., *де*. Указ. соч. С. 189.

²⁸ Хейзинга Й. *Осень Средневековья*. С. 75.

²⁹ Коммин Ф., *де*. Указ. соч. С. 121.

³⁰ Там же. С. 108.

фической мысли, произошедшие на закате Средних веков. Коммин сознательно предпочёл жанр мемуаров жанру исторических хроник при описании событий, свидетелем которых был сам.

Не претендуя на выражение общечеловеческой точки зрения, автор оставил за собой право на личную оценку описываемых им событий, поступков и мотивов действующих лиц. Значительное место в «Мемуарах» занимает не простое изложение фактов, а авторская оценка и анализ событий, поиск причинно-следственных связей, скрытых мотивов.

Жанр мемуаров предполагает некоторую вольность в изложении фактов. Коммин прямо заявляет, что не всегда соблюдает хронологию при изложении событий, не пересказывает ничего с чужих слов (что было свойственно хроникам до него).

Однако удаленностью от историографической традиции новизна работы Коммина не исчерпывается. В «Мемуарах» заключается ещё и отнюдь не типичное для Средних веков восприятие человека, политики и войны.

Отступая от прежней, условно названной нами «традиционной», позиции в восприятии военных действий, Коммин является предвестником активно развившейся в Новое время «практической» позиции. Не украшая войну, не пытаясь изобразить её как красивый и пёстрый праздник рыцарской доблести и чести, Коммин изображает её такой, какая она была на самом деле, без прикрас. Война для него — больше не поприще для подвигов благородного сословия, а средство политического соперничества, к которому государи прибегают лишь в крайнем случае. Отмечая все превратности и отрицательные последствия развязывания войны, Коммин одобряет дипломатические средства разрешения конфликтов, не разделяя средневековой рыцарской любви к войне как почётной и доблестной самой по себе.

Такой взгляд на военные действия, являющийся отражением изменений, происходящих на закате Средних

веков в социально-политической и культурной жизни общества, получит широкое распространение и развитие в последующие эпохи.

Источники

Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия вагантов. М., 1974.

Коммин Ф., де. Мемуары. М., 1986.

Biieil J., de. Le Jouvencel / Ed. C. Favre et L. Lecestre. 2 vos. P., 1887-1889.

Lanroy G., de. Oeuvres / Ed. Ch. Potvin. Louvain, 1878.

Roy J., de. Journal (Chronique scandaleuse). T. 2. P., 1896.

Литература

Война и армия. Философско-социологический очерк. М., 1977.

Денисон Дж. История конницы. М., 2001.

Дюби Ж. Европа в Средние века. Смоленск, 1994.

Малинин Ю. П. Филипп де Коммин и его «Мемуары» // Филипп де Коммин. Мемуары. М., 1986. С. 384-437.

Пуришев Б. Лирическая поэзия Средних веков // Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия вагантов. М., 1974. С. 5-28.

Рогинская А. Е. Исторические взгляды Коммина // СВ. 1946. Вып. 2. С. 278-291.

Хёйзинга Й. Осень Средневековья. М., 1995.

Хёйзинга Й. Политическое и военное значение рыцарских идей в позднем средневековье // Человек. 1997. № 5. С. 69-79.

Шушмарев В. Ф. Избранные статьи. М.; Л., 1965.

Kilgour R. The Decline of Chivalry as Shown in the French Literature of the Late Middle Ages. Cambridge, 1937.

Artem Y. Grachev

Perception of War in the Late Middle Ages (on the Material of «Memoirs» of Philippe de Commines)

The «Memoirs» of de Commin reflects the changes of late medieval traditional «knightly» conception of war by new «pragmatic»

one. Medieval war regarded as a joust, or war for faith and justice was displaced by war as a means of achieving political goals, the continuation of diplomacy, in which the outcome was determined not by God's will but the correlation of forces.

Key words: war, the Late Middle Ages, Philippe de Commines, memoirs, knighthood, mentality.

Михеев Д. В.

ОБРАЗ ЕЛИЗАВЕТИНСКОЙ АНГЛИИ В ПЕРЕПИСКЕ ИСПАНСКОГО ПОСЛА ГУСМАНА ДЕ СИЛЬВЫ (СЕРЕДИНА XVI В.)

В статье рассматривается проблема формирования образа Англии в переписке постоянного посла Испании Гусмана де Сильвы. Де Сильва стал достойным представителем своего короля на Туманном Альбионе, хорошо ориентировавшимся в хитросплетениях английской политики, понимавшим тонкую игру королевы и её советников. Его действия способствовали сохранению англо-испанского союза и сближению двух стран.

Ключевые слова: Англия, Гусман де Сильва, Елизавета Тюдор, Испания, посол, Филипп II.

Для многих европейских стран XVI в. стал периодом оформления дипломатической службы, центральных и местных учреждений, которые обслуживали внешнюю политику государства. В то же время, организация постоянного дипломатического представительства требовала немалых расходов, достаточно развитой системы почтового сообщения и, что немаловажно, способных, подготовленных дипломатов¹. Наличие постоянного дипломатического представительства в стране ставило отношения государств на новый, более высокий уровень. Подобные тесные дипломатические отношения связывали Англию и Испанию в XVI в.

В ноябре 1558 г. английский престол унаследовала Елизавета Тюдор. Несмотря на то, что королевой Англии стала протестантка, старинный англо-испанский союз, получивший второе дыхание при Марии Тюдор, продолжал

---

¹ История дипломатии. Т. 1. М., 1959. С. 175.

существовать. Позиции молодой королевы внутри страны были неустойчивы, существовала реальная угроза французского вторжения, и Елизавета не могла отказаться от союза с сильнейшим монархом Европы — Филиппом II.

Стремление к сохранению союзнических отношений было свойственно и для испанской внешней политики на рубеже 50-х — 60-х гг. XVI в. Филипп II, находясь в Испании, полагал, что сможет эффективно вмешиваться в английские дела. Благодаря своему опыту пребывания королём Англии, Филипп считал себя экспертом в английских делах². Впрочем, он понимал, что расстояния, отделявшие его от мест, где разворачивались события, не позволят всегда принимать оперативные решения по английским вопросам. Таким образом, особенно важной для поддержания безопасности испанских владений и отстаивания интересов испанского короля в регионе становится деятельность постоянных представителей Филиппа II на территории Туманного Альбиона. Вопросы о замужестве королевы, о её намерениях в отношении религиозного урегулирования, о возможных действиях подданных Елизаветы, направленных на дестабилизацию морского сообщения и торговли, были наиболее частыми в переписке испанских послов и короля Филиппа II.

Первый кризис в англо-испанских отношениях, возникший в 1561 г., удалось быстро разрешить. Не последнюю роль в этом сыграли действия испанского посла в Англии — епископа де Куадра.

Очередное обострение в отношениях союзников наступило в связи с началом так называемой «Ньюхейвенской авантюры» осенью 1562 г. Подданным королевы было дозволено выходить в море, дабы наносить ущерб кораб-

---

² *Parker G. The Grand Strategy of Philip II. L., 1998. P. 151.*

лям французских католиков³. Английские каперы, чувствуя свою безнаказанность, нападали не только на французские, но и на нейтральные испанские корабли, нарушая испанский суверенитет.

На фоне назревавшего дипломатического конфликта летом 1563 г. де Куадра скончался. Учитывая сложность ситуации, возникшей в отношениях двух стран, необходимо было срочно найти достойную кандидатуру на пост посла. Выбор пал на Диего Гусмана де Сильву, каноника кафедрального собора в Толедо⁴. Отметим сразу несколько особенностей данного назначения. Де Сильва — несомненно, образованный человек 43 лет от роду, католический священнослужитель, должен был направиться ко двору королевы-протестантки. Сведения о том, что де Сильва прежде посещал Англию, отсутствуют. По всей видимости, он даже плохо знал английский язык (первое общение Елизаветы и нового испанского посла проходило на итальянском языке и латыни). Назначение в условиях возросшей напряженности между двумя королевствами достаточно спорное. Впрочем, сам испанский король объяснял свой выбор следующим образом:

«Будучи осведомлёнными, что вы обладаете необходимыми качествами, а также достойным происхождением, благоразумием и опытом в делах, знаниями об этой [Англии. — Д. М.] и других странах, и сверх того, преданностью и желанием служить нам, мы выбрали вас и назначили нашим постоянным послом к указанной королеве Англии»⁵.

Таким образом, испанского короля интересовали в первую очередь личные качества нового посланника и,

---

³ Documents Relating to the Law and Custom of the Sea. Vol. 1. L., 1915. P. 174.

⁴ Fernandez Alvarez M. Tres Embajadores de Felipe II en Inglaterra. Madrid, 1951. P. 137.

⁵ Calendar of Letters and State Papers Relating to English Affairs, Preserved Principally in the Archives of Simancas. Vol. I. 1558-1567. L., 1892. P. 349.

несомненно, его преданность и способность чётко выполнять распоряжения.

Особый интерес представляют инструкции, полученные новым послом накануне прибытия в Англию, поскольку де Сильва должен был действовать, исходя из их содержания. В документах излагалось описание текущего положения дел в стране, давалась характеристика королеве и её советникам. Фактически, в инструкциях, полученных де Сильвой, создавался образ Туманного Альбиона, сложившийся в представлении Филиппа II и его ближайших советников.

В инструкциях, полученных де Сильвой в январе 1564 г., Филипп II чётко определял круг лиц, с которыми следовало консультироваться новому послу. Помимо самого испанского короля, де Сильва мог в случае особой необходимости обращаться напрямую к герцогине Пармской, наместнице Испанских Нидерландов, или кардиналу Гранвелю⁶.

Отметим, что позиция испанского короля в отношении Англии отличалась заметной мягкостью. В то же время, кардинал Гранвель и Маргарита Пармская относились к англичанам более настороженно. Конфликт 1563–1564 гг. был спровоцирован именно их действиями. В ноябре 1563 г. под предлогом начавшейся в Англии эпидемии чумы Гранвель наложил эмбарго на весь английский импорт. Действия были прямой инициативой кардинала и Маргариты Пармской. Постоянного испанского посла в Англии не было, а распоряжение Филиппа II о частичной приостановке торговых отношений достигло Нидерландов уже после введения эмбарго⁷.

---

⁶ Calendar of Letters... P. 349–350.

⁷ *McDermott J. England and the Spanish Armada. The Necessary Quarrel. L., 2005. P. 60.*

Одним из первоочередных вопросов, которые, по мнению Филиппа II, новому послу следовало разрешить, являлся вопрос о положении католического населения Англии, которое подвергалось «притеснениям и жестокому обращению»⁸. В вопросе об английских католиках испанский король пытался выступать посредником между английской королевой и папой римским. В значительной степени сказывалось и то, что Филипп II выступал покровителем английских католиков как их бывший суверен.

В любых действиях Филипп II призывал нового посла поступать осторожно и с максимальным тактом. Для успеха миссии де Сильве, по мнению испанского короля, необходимо было завоевать не только расположение королевы, но и её советников, и в первую очередь — фаворита Елизаветы Роберта Дадли, который, по мысли Филиппа II, оказывал огромное влияние на политику молодой королевы⁹.

Вторая развернутая инструкция была получена де Сильвой от Маргариты Пармской и кардинала Гранвеля. Она содержала обвинения в адрес англичан, нападавших на фламандских подданных короля и нарушавших старинный мир, существовавший между двумя странами¹⁰. Действия английских властей, повысивших таможенные пошлины, возобновление обычая салютовать английским кораблям в море воспринимались представителями короля в Нидерландах как акт агрессии. Подобное объяснение английских действий позволяет понять, что именно представители испанского короля в Нидерландах в начале 1560-х гг. выступали как основные инициаторы обострения англо-испанских отношений, в то время как Филипп II предпочитал действовать в первую очередь путём убеждения.

---

⁸ Calendar of Letters... P. 352–353.

⁹ Ibid. P. 352.

¹⁰ Ibid. P. 355.

Именно этими инструкциями и руководствовался де Сильва, прибыв в Лондон 18 июня 1564 г.

Важным фактором в формировании образа страны, помимо первоначальных сведений, предоставленных послу в инструкциях, несомненно, являлись впечатления, полученные им сразу после прибытия и первой аудиенции при дворе.

Ещё до встречи с Елизаветой де Сильва смог лично познакомиться с Дадли, на советы и опыт которого опирался в первые месяцы пребывания в Англии. Впрочем, не стоит преувеличивать влияние последнего. Испанский посол понимал, что дружелюбие Дадли, как и многих англичан, является только маской, скрывающей их истинные намерения. Спустя несколько месяцев, в донесениях королю де Сильва не без иронии отмечал, что при встрече англичане часто начинали свой разговор с послом с «обычных заверений» о желании служить его Величеству¹¹.

Первая встреча с королевой, по словам посла, состоялась в Ричмонде, где в тот момент пребывал королевский двор. Де Сильва был встречен королевой достаточно благосклонно. Елизавета наслаждалась музыкой. Подозвав посла, она обратилась к нему на итальянском языке, сказав, что не знает на каком языке с ним лучше обращаться. Дальнейшая беседа была продолжена на латыни:

«Затем я передал ей (королеве Елизавете – Д. М.) письмо Вашего величества, которое она взяла и передала Сесилу, чтобы открыть. Когда оно было открыто, он передал его обратно, и она читала его и отвечала мне на латыни изящно и легко...»¹².

Королева отмечала, что очень рада видеть де Сильву, получить новые вести от его Величества и приобрести советника его Величества при себе. Она обратила его внимание на то, что представители некоторых дружественных

---

¹¹ Calendar of Letters... P. 388.

¹² Ibid. P. 364.

держав пытались убедить её, что его Величество никогда более не пришлёт своего посланника сюда. Все действия королевы говорили о том, что она проявляла доброе расположение к послу своего союзника короля Испании.

После того, как королева удалилась, к послу по очереди подходили и представлялись её советники, поздравляя его с прибытием в страну и выражая своё расположение. Таким образом, официальная церемония первой аудиенции у королевы была завершена.

Примечательно донесение испанского посла от 10 июля 1564 г. В нём содержалось описание очередной аудиенции, предоставленной испанскому послу. Королева сама пригласила его ко двору и беседовала с ним во время прогулки по саду. Елизавета просила беседовать с ней не как с королевой, но как с обычной дамой, на что де Сильва отметил, что монарх всегда остаётся монархом, чем очень повеселил королеву. Разговор длился более часа, за ним последовал обед. Де Сильва не без удовольствия отмечал, что французского посла к столу не пригласили, хотя он прибыл раньше него и ждал аудиенции. Описывая в своём донесении обед, де Сильва отмечал пышность и музыку, сопровождавшие трапезу. Затем было театральное представление и вновь роскошный стол¹³.

Пышность и веселье, царившие при дворе Елизаветы, простота в общении с королевой, приятные де Сильве, пронизывают первые донесения испанского посла.

В первые же месяцы пребывания в стране де Сильва, исполняя поручения короля, погрузился в проблемы английских католиков. Опираясь он в первую очередь на донесения агентов, оставшихся ещё со времён прежнего посла, и сообщения представителей английской знати, симпатизировавших католикам, либо делавших вид, что симпатизируют им.

---

¹³ Calendar of Letters... P. 368.

Де Сильва старался действовать максимально аккуратно, чтобы не спровоцировать негативную реакцию королевы. Основной его задачей было определить реальное положение католиков в стране и попытаться наладить диалог королевы и папы римского.

Анализируя то тяжёлое положение, в котором оказалось католическое население Англии, де Сильва отмечал, что католики значительно превосходят по численности и силе сторонников новой религии, но они разрозненны и не имеют достойного лидера. Он писал Филиппу II, что очень важно расположить английскую королеву, дать ей понять, что она рассматривается как союзник, и ей ничто не угрожает. Именно в подобных действиях посол видел залог безопасности католического населения страны¹⁴.

В своих донесениях основным противником Испании в вопросах религиозного урегулирования в Англии посол считал государственного секретаря сэра Уильяма Сесила и его сторонников при дворе, покровительствовавших протестантской религии.

Проблема морского сообщения, торговли и английского пиратства была второй по значимости в ранних донесениях посла¹⁵.

В своих попытках урегулировать отношения двух стран по поводу Фландрии де Сильва обращал внимание короля на то, что, несмотря на все заверения в заинтересованности англичан в этом вопросе, на их добрую волю в отношении его Величества, они действуют слишком медленно в решении возникших проблем¹⁶.

Пытаясь оказать давление на королеву и её советников, де Сильва был вынужден прибегнуть к завуалированным угрозам, сообщив, что многие подданные короля обращались

---

¹⁴ Calendar of Letters... P. 369-370.

¹⁵ Ibid. P. 394, 397, 402.

¹⁶ Ibid. P. 368.

к нему с просьбой выдать им репрессальные грамоты, чтобы с подобными документами выйти в море для возмещения своего ущерба. Подчёркивая доброе расположение испанского короля, посол отметил, что Филипп II отказался выдавать подобные грамоты, дабы избежать «зла, которое может быть сотворено, если вооружить всех». Здесь же де Сильва отметил, что если ситуация не изменится, то король будет вынужден изменить своё мнение¹⁷.

Только под давлением подобных угроз королева пообещала, что в море будут направлены корабли для наведения порядка.

Впрочем, нежелание англичан отправлять в море корабли для борьбы с пиратами отчасти объяснялось банальным отсутствием средств в казне¹⁸. Нехватка средств была обычным явлением для Англии середины XVI в. Де Сильва отмечал, что королева была вынуждена брать деньги внутри страны, во Фландрии; спонсировали Елизавету и немцы, под 13–17 % годовых. Основными поручителями за королеву выступали богатые торговцы Лондона.

Подводя краткий итог своему пребыванию в стране в октябре 1564 г., де Сильва сообщал королю, что если не считать ставших обычными притеснений в отношении католиков, сами англичане говорят, что «эта страна не была в столь цветущем состоянии, как сейчас, уже долгие годы»¹⁹.

Выбор, сделанный в пользу де Сильвы, оказался удачным. 2 февраля 1565 г. Филипп II писал своему послу в Англии:

*«Я выражаю удовлетворение тем, как урегулирован вопрос о торговле по вашему совету. Я также рад тому, как королева доброжелательна во всём, что касается нас... Я очень доволен вашей заботой, усердием и тактом»*²⁰.

---

¹⁷ Calendar of Letters... P. 373.

¹⁸ Ibid. P. 377, 380.

¹⁹ Ibid. P. 388.

²⁰ Calendar of Letters... P. 404.

Придерживаясь инструкций испанского короля, де Сильва смог разобраться в хитросплетениях английской политики, расположить к себе не только королеву, но и многих видных английских сановников и способствовал заметному потеплению англо-испанских отношений в середине 60-х гг. XVI в.

Источники

Calendar of Letters and State Papers Relating to English Affairs, Preserved Principally in the Archives of Simancas / Ed. by M. Hume. Vol. I. 1558–1567. L., 1892.

Documents Relating to the Law and Custom of the Sea. Vol. 1. L., 1915.

Литература

История дипломатии. Т. 1. М., 1959.

Fernandez Alvarez M. Tres Embajadores de Felipe II en Inglaterra. Madrid, 1951.

McDermott J. England and the Spanish Armada. The Necessary Quarrel. L., 2005.

Parker G. The Grand Strategy of Philip II. L., 1998.

Dmitry V. Mikheev

The Image of Elizabethan England in the Correspondence of the Spanish Ambassador Guzman de Silva (in the Mid-XVI century)

The article examines the problem of forming the image of England in the correspondence of Guzman de Silva, the ordinary Spanish ambassador to England. De Silva became a worthy representative of his king in Albion, he was well-posted in the cobwebs of English policy and understood the subtle game of the Queen and her advisers. His actions helped preserve the Anglo-Spanish alliance and bring about a rapprochement between the two countries.

Key words: England, Guzman de Silva, Elizabeth Tudor, Spain, ambassador, Philip II.

Толстокорова А. В.

НА ГРАНИ МИРОВ: ВКЛАД УКРАИНСКИХ ОБРАЗОВАННЫХ ЖЕНЩИН В «ОБМЕН ЗНАНИЯМИ» МЕЖДУ ЗАПАДНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПОЙ

В работе исследуется процесс трансфера знаний посредством академической женской миграции из Украины в Западную Европу в конце XIX – начале XX вв. Рассматривается роль украинских женщин, получивших образование в западноевропейских университетах, в модернизации украинского общества. Показано, что, представляя в европейском контексте украинское интеллектуальное и творческое наследие, украинские студентки способствовали репрезентации самобытности и значимости украинской национальной культуры и менталитета в среде европейской творческой элиты.

Ключевые слова: академическая миграция, украинские женщины, западноевропейские университеты, трансфер знаний.

Введение

Социально-экономические трансформации периода индустриализации на рубеже XIX–XX вв. существенно повысили требования государства к уровню образования его граждан и способствовали постепенному изменению отношения общества к образованной женщине. Эти процессы затронули и Украину, где в этот период сформировалась целая плеяда выдающихся женщин, получивших высшее образование в университетах Западной Европы. Многие из них после обучения возвратились домой и внесли существенный вклад в социальные изменения, модернизацию и демократические реформы у себя на родине. Тем самым они способствовали как «трансферу знаний» европейского уровня с запада на восток, так и популяризации украинского интеллектуального и творческого на-

следия в Западной Европе. Однако, роль украинских женщин в обмене культурным и интеллектуальным капиталом между западом и востоком Европы ещё не получила отражения в академической литературе. Следовательно, актуальность данной работы обусловлена потребностью в исследовании социально-культурной истории украинской женской интеллектуальной элиты в гендерной перспективе. Целью работы является исследование роли украинских женщин, получивших образование в университетах западной Европы, в модернизации украинского общества в конце XIX — начале XX вв.

Основные этапы истории академической миграции украинских женщин в Западную Европу

В 1861 г. под давлением общественного мнения и женских организаций университеты крупных научно-культурных центров Украины открыли свои двери для женщин. Первым высшим учебным заведением, предоставившим женщинам возможность обучения, стал киевский университет св. Владимира, примеру которого позже последовали и другие вузы. Многие студентки воспользовались этой возможностью в полной мере. Как свидетельствуют исторические документы, на лекциях лучших профессоров девушек зачастую собиралось больше, чем юношей¹.

Однако очень скоро царское правительство усмотрело опасность в возможной «радикализации» женщин в университетских стенах. Воспользовавшись нараставшими студенческими волнениями, оно отказало им в праве получения академического образования. Новый университетский статут от 18 июня 1863 г. запретил университетам принимать на учёбу женщин и выдавать им разрешения на посещение занятий. Несмотря на многочисленные возмущения и протесты, этот запрет оставался в силе до

---

¹ Смоляр Л. Минуле заради майбутнього. Жіночий рух наддніпрянської України II пол. XIX — поч. XX ст. Сторінки історії. Одеса, 1998.

1905 г., но опыт первых лет обучения высшим наукам не прошёл даром. Политика правительства, направленная на ограничение образовательных устремлений женщин, не могла убить в них жажду познания. Для женской молодёжи, изведавшей вкус интеллектуальной свободы, она стала не просто данью моде, а жизненной необходимостью. Вдохновлённые просветительскими идеями революционно-демократического движения того времени, многие девушки были движимы искренним стремлением приносить пользу Родине. В получении высшего образования они видели средство достижения революционных целей, возможность служить своему народу, занимаясь просвещением и здравоохранением. Единственной возможностью для этого была учёба за рубежом. Не имея возможности продолжать обучение у себя дома, девушки устремились в университеты Швейцарии, Франции и Германии. Среди основных причин, побуждавших молодых женщин уезжать на учёбу за границу, выделяются следующие: сложность или невозможность доступа в отечественные университеты; распространение нового образа женщины и её постепенное освобождение от традиционных гендерных ролей; интерес к общественной работе и желание участвовать в общественных изменениях; стремление к личной эмансипации и экономической независимости².

Как отмечают исследователи³, академические миграции являются результатом взаимодействия культурных, социальных, политических и экономических факторов.

---

² Эндерлайн Э. Русские женщины в Швейцарии в XIX веке // Российские женщины и европейская культура: Материалы V конференции, посвящённой теории и истории женского движения / Сост. и отв. ред. Г. А. Тишкин. СПб., 2001. С. 71-78.

³ *Tikhonov-Sigrist N. Academic Migrations to Switzerland 1870-1914. The Networks behind the Numbers // Networking Across Borders and Frontiers. Demarcation and Connectedness in European Culture and Society. Frankfurt am Main, 2009. P. 67-76.*

Для украинских женщин выбор университетов для академической миграции во многом предопределялся лингвокультурными факторами⁴. Представители образованной части городского населения Российской империи хорошо владели французским языком как *lingua franca* того времени, в меньшей степени был популярен немецкий язык, а английский распространения фактически не имел. Кроме того, французские и немецкие университеты пользовались популярностью по причине высокого уровня преподавания истории, географии, философии и филологии⁵. Поэтому первая «волна» женской академической миграции была направлена в университеты Франции и Швейцарии, особенно в Цюрихский и Бернский, одними из первых предоставивших свои аудитории женщинам⁶, за что вскоре заработали репутацию «славянских школ для девочек»⁷. Пальма первенства в деле женского высшего образования принадлежала Парижской Сорбонне, куда женщин стали допускать уже в 1863 г. Позже многие украинские студентки устремились также в университеты Нанси и Монпелье во Франции. Первые студентки медицины из Европейской части Российской империи появились во французских университетах в начале 1870-х гг., а в 1880-х гг. женщины обучались уже на всех факультетах.

---

⁴ Tolstokorova A. Women's Professionalization as an Entrance into the Public Space in Ukraine: A Historical Retrospective // World History Bulletin. 2010. Vol. 26. № 1. P. 59–65.

⁵ Кирьяш О. А. Практика путешествия как способ формирования представлений о пространстве русскими историками второй половины XIX века // Диалог со временем. 2012. Вып. 39. С. 183–195.

⁶ Tikhonov-Sigrist N. Les universités suisses, pionnières de l'introduction de la mixité dans l'enseignement supérieur (1870–1930) // École et mixités / Dir. Houel A., Zancarini-Fournel M. Lyon, 2001. P. 27–35.

⁷ Буховцев А. В мире закрытых дверей (из серии публикаций «Русские ученые в Швейцарии») // Обучение за рубежом. 2000. Т. 2, № 14. С. 62–65.

Всего лишь за 20 лет (с 1890 по 1910 гг.) число обучавшихся в Сорбонне женщин увеличилось в 17 раз⁸.

И всё же украинские студентки предпочитали Франции Швейцарию, привлекавшую их своими либеральными порядками. Примечательно, что хотя эта страна была пионером женского высшего образования, возможность поступления в университеты была предоставлена исключительно иностранкам, в то время как швейцарки получили её значительно позже. По этой причине первыми студентками Цюрихского университета стали женщины из Российской империи⁹. Позже к ним стали присоединяться подруги из других регионов Европы, в частности – из Польши¹⁰. В Скандинавии доступ к высшему образованию был предоставлен женщинам в 1870–1880 гг., и некоторые украинские женщины уехали учиться в Хельсинки и Стокгольм, но из-за языкового барьера их количество было незначительным. В 1890-е гг., когда для женщин открылись двери университетов в Германии и Австрии, поток женской академической миграции переместился в немецкоязычные университеты: Венский, Берлинский, Гейдельбергский. Британские университеты не относились к числу приоритетных направлений, т. к. Кембридж и Оксфорд начали приём студенток только после Первой мировой войны.

Настоящей «Меккой» для академической миграции украинских студенток стали университеты Цюриха и

---

⁸ Агамова Н. С., Аллахвердян А. Г. Российские женщины в науке и высшей школе: историко-научные и науковедческие аспекты (к 150-летию со дня рождения С. В. Ковалевской) // ВИНЕТ. 2000. № 1. С. 141–153.

⁹ Эндерлайн Э. Указ. соч.

¹⁰ Suchmiel J. Books and Periodical on the Women's Movement and a Changing model of a Women's Education on Polish Territories at the Turn of the Nineteenth Century // Women's Movements: Networks and Debates in Post-Communist Countries in the 19th and 20th Centuries. L'Homme Schriften. Vol. 13. Köln; Weimar; Wien, 2006. P. 541–557.

Берна, начавшие зачисление студенток в 1867 г. Возрастающее количество женщин, уезжавших на учёбу в Швейцарию, обеспокоило царское правительство, поскольку Цюрих в то время считался центром социалистической пропаганды среди иммигрантской молодёжи из Российской империи — студентки в Цюрихе не только овладевали науками, но и впитывали дух европейского вольнодумия. Поэтому было принято решение о создании специальной правительственной комиссии, деятельность которой должна была быть направлена на изучение гендерного состава студенческой общины Цюриха. По результатам её работы в 1873 г. российское правительство запретило студенткам обучаться в Цюрихе как «рассаднике революции» и обязало их вернуться на родину до 1 января 1874 г.¹¹ Не желая оставлять учёбу, девушки были вынуждены переместиться в Бернский университет¹². Согласно данным этой комиссии, в период с 1869 по 1873 гг. в Цюрихе обучалось 103 студентки из Российской империи. Выдающийся украинский мыслитель и общественный деятель М. П. Драгоманов, работавший в Цюрихе в этот период, отмечал, что 2/3 студенток Цюрихского университета были украинского происхождения¹³. Его современница, известная писательница Олёна Пчилка подтверждала эти данные, ссылаясь на статистику 1860-х гг., свидетельствующую о том, что украинских студенток в западноевропейских университетах было даже больше, чем из собственно России. Большинство из них обучались медицине в Цюрихском университете. Кроме того, Пчилка отмечала, что украинские и русские студентки пользовались положительной репутацией у европейских профессоров,

---

¹¹ *Вороніна М.* Мешканки міст харківської губернії: гендерна дискримінація та динаміка змін (1861–1917 рр.). Дис. ... канд. іст. наук. Харків, 2005.

¹² *Буховцев А.* Указ. соч.

¹³ См.: *Смоляр Л.* Указ. соч.

считавших их более способными и трудолюбивыми, нежели их соотечественников-мужчин¹⁴.

Обучение за границей обходилось девушкам и их семьям недёшево, учитывая, что, помимо платы за занятия, нужно было платить ренту за жильё, приобретать учебные пособия и даже оплачивать занятия в анатомическом кабинете. Поэтому позволить себе такую роскошь могли лишь состоятельные особы — представительницы элитных слоев общества, от которых во многом зависела интеллектуальная атмосфера общества и успехи его модернизации.

«Украинские пионерки» академической миграции в западноевропейские университеты

Исследователи отмечают, что женская академическая миграция имеет важное значение не только с точки зрения конкретных знаний или учёных степеней, полученных за рубежом, но и в плане приобретения зарубежного опыта, который способствовал расширению профессиональных возможностей женщин и признанию их квалификаций в различных отраслях знаний¹⁵. Это верно и по отношению к украинским женщинам, получившим образование в Западной Европе и использовавшим свои знания и опыт на благо родины. Как свидетельствуют исследования, первые украинские женщины-врачи получили образование в Швейцарии¹⁶. Одной из них была тернопольчанка Софья Окуневская-Мораевская (1865–1926) — первая из украинок, сумевшая стать доктором медицины и первая женщина-врач Буковины и Галиции, принадлежавших Австро-Венгрии. Успешно экзаменовавшись при

---

¹⁴ Смоляр Л. Указ. соч.

¹⁵ Tikhonov-Sigrist N. Academic Migrations to Switzerland 1870-1914. P. 76.

¹⁶ Кобченко К. Початки вищої медичної освіти українського жіноцтва (кінець XIX — початок XX сторіччя) // Українознавчий альманах. 2011. Вип. 5. С. 128-133.

Львовской академической гимназии, что стало сенсационным событием, она поступила в Цюрихский университет, где в 1895 г. закончила медицинский факультет. Хотя в Австро-Венгрии её заграничный диплом не был признан, С. Окуневская-Мораевская подтвердила его в Краковском университете. После этого она 20 лет трудилась в лечебных заведениях Львова и ряда других городов. Работала над созданием словаря украинской медицинской терминологии. Создала школу акушеров-гинекологов, разработала методику обучения среднего медицинского персонала. Впервые на Западной Украине она организовала курсы сестёр милосердия и курсы для акушерок. Активно работала во «Врачебной комиссии» – первой организации украинских врачей.

Доротея Исааковна (Игнатъевна) Аптекман (1852 – после 1910) – земский врач, революционерка и народница, родилась в городе Бахмут Екатеринославской губернии (ныне Артёмовск Донецкой области). По окончании Харьковской женской гимназии поступила на медицинский факультет Цюрихского университета, где вошла в кружок русских студенток «Фричи» и сблизилась с В. Н. Фигнер. Отказавшись подчиниться требованию царских властей вернуться в Россию, она продолжила учёбу в Бернском университете, где получила диплома врача, и затем вернулась в Харьков. Была членом петербургской группы народнической организации «Земля и воля». Несмотря на то, что из-за участия в деятельности русской эмиграции в Цюрихе над Д. И. Аптекман было установлено негласное наблюдение полиции, она, тем не менее, смогла получить звание женщины-врача.

Мария Константиновна Валицкая (1861–1912), происходившая из семьи одесских врачей, в 1882 г. выехала в Цюрих, где слушала курс медицинских наук и принимала активное участие в деятельности российских эмигрант-

ских организаций. После обучения в Цюрихе она завершила образование в Петербурге, где училась у В. М. Бехтерева, и в 1884 г. была удостоена степени доктора в области медицины. Впоследствии М. К. Валицкая работала врачом-психиатром в Чернигове и Санкт-Петербурге и написала ряд научных работ по вопросам здравоохранения.

В Цюрихе обучалась и Серафима Шахова, уроженка Ектеринослава (ныне – Днепропетровск). Продолжив образование в Берне, она вернулась на родину и работала врачом в Харькове. С. Шахова стала одной из первых женщин, имевших официальное разрешение на медицинскую практику на Украине.

Харьковчанка София Петровна Дмитриева также обучалась медицине в Цюрихе, но после правительственного решения 1873 г. продолжила обучение в Парижском университете, где получила степень доктора медицины. Следует отметить, что харьковчанки составляли весьма значительную группу среди женщин, получивших высшее образование в Западной Европе. Возможно, это объясняется тем, что на Слобожанщине существовала большая диаспора выходцев из разных европейских стран, которые были сосредоточены в академических кругах и внесли существенный вклад в развитие университетской науки¹⁷.

Так, уроженка Харькова Кристина Алчевская (1882–1932), неординарная личность и литературный деятель (поэтесса, прозаик, драматург, публицист, переводчица и педагог), получила педагогическое образование на учительских курсах в Париже. Она была известна своей неутомимой деятельностью на ниве народного образования. С 1860-х гг. К. Алчевская возглавляла харьковскую вос-

---

¹⁷ *Машикін О. М.* Роль вихідців з Європи у розвитку української прикладної науки та педагогіки (1796–1856 рр.) // Проблеми історії України XIX – початку XX ст. Вип. 19. Київ, 2011. С. 265–293.

кресную школу, в которой по её инициативе была введена система педагогических советов и педагогических дневников учащихся. По предложению К. Алчевской и при её деятельном участии был издан указатель книг для народного и детского чтения «Что читать народу?», включавший в себя ряд рецензий на «народные книги» и отзывы о них самих читателей из народа.

Ещё одна харьковчанка, Мария Иванова-Раевская (1840–1912), художница и педагог, получила высшее художественное образование в Дрездене и стала первой женщиной Российской империи, имевшей степень искусствоведа. По возвращении домой она основала в Харькове художественную школу, позже реорганизованную в художественное училище, была автором ряда книг по искусству для детей и внесла значительный вклад в становление художественного образования на родной Слобожанщине.

Другая художница, полтавчанка Мария Башкирцева (1858–1884), известная как «парижанка из-под Диканьки», обучалась изящным искусствам в частной Академии живописи Рудольфа Жюльена в Париже, где уже в первом учебном году на академическом конкурсе получила большую медаль, опередив своих старшекурсников. Семилетний курс обучения в этом престижном заведении она завершила за 4 года, каждый год получая медаль за успехи в учёбе. М. Башкирцева стала первой художницей – уроженкой Украины, чьи работы попали в наиболее авторитетные музеи Франции, в частности, в Лувр. Она оставила после себя 150 картин, 200 рисунков, многочисленные акварели. Во Франции, Голландии, Англии прошли её посмертные выставки. Дневник, опубликованный во Франции спустя три года после кончины М. Башкирцевой, вскоре перевели на все европейские языки, а затем издали в Америке.

Искусством живописи овладевала в Париже и София Филипповна Левицкая (1874–1937), происходившая из Житомирщины. Обучаясь в Парижской школе изобразительных искусств, она не получила высшего образования. Тем не менее, Левицкая во многом способствовала раскрытию самобытности и значимости украинского изобразительного искусства и его интеграции в мировой художественный процесс. Украинская художница получила признание на многих международных выставках и салонах, но особую известность приобрела как переводчик на французский язык и автор иллюстраций к повести Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки». Благодаря ей и другим украинским художницам, жившим и творившим в Париже (Софии Терк-Делоне, Софии Зарёцкой, Александре Экстер), украинское искусство поднималось до уровня наилучших мировых достижений начала XX в., подтверждая этим высокий духовный и профессиональный уровень украинских женщин — мастеров изящных искусств.

Уроженка Херсонской губернии Анна Чикаленко-Келлер (1884–1964), журналистка, переводчица и библиограф, обучалась в Лозанне, Женеве и Эдинбурге. В 1931 г. она занималась научной работой в университетской библиотеке Тюбингена в Германии, а в 1918–1920 гг. с дипломатической миссией пребывала в Швейцарии. Являясь участницей многих женских конгрессов, она своей деятельностью во многом способствовала распространению идеи украинского женского движения.

Галичанка Наталья Кобринская-Озаркевич (1855–1920) — «украинская Ариадна», получила высшее образование в Венском университете. Она стояла у истоков женского движения на территории Украины, подавала петиции о разрешении женщинам доступа в университеты, писала повести на тему женской эмансипации. Совместно с Олёной Пчилкой она стала соучредительницей альмана-

ха женской литературы «Первый венок», заложившего основы украинской «женской периодики», которую писали, редактировали и издавали исключительно женщины, в том числе кузина Кобринской, вышеупомянутая Софья Окуневская-Мораевская.

Несколько позже в Венском университете получила степень доктора философии Милена Рудницкая (1898–1976) — украинская журналистка, политик, социолог, педагог, учёный, посол Украины в польском Сейме, редактор журнала «Женщина». В 1920–1930-е гг. М. Рудницкая преподавала на Высших педагогических курсах во Львове, была идеологом украинского женского движения, являясь организатором и многолетним руководителем «Союза украинок» во Львове. Возглавляла «Украинский женский конгресс» в Станиславе и «Всемирный союз украинок». Как делегат украинского парламентского представительства она защищала украинские петиции в Лиге Наций.

Заключение

На протяжении веков интеллектуальный труд считался привилегией, доступной узкому кругу избранных, из числа которых женщины исключались патриархальной традицией. Их умственная деятельность не поощрялась даже в высших слоях общества. Однако с началом индустриальной революции наблюдаются изменения в отношении к женскому образованию, иницируются социальные реформы, призванные предоставить женщинам доступ к интеллектуальному капиталу общества. На территории Украины в результате длительной борьбы за право на высшее образование и интеллектуальный труд к началу XX в. женщины постепенно интегрируются в образованный класс. Однако непоследовательная политика правительства в предоставлении женщинам доступа к университетским аудиториям заставила их отправиться на поиски знаний в Западную Европу, где отношение к образованным женщинам было более доброжелательным. Пред-

ставляя в европейском контексте украинское интеллектуальное и творческое наследие, они способствовали репрезентации самобытности и значимости украинской национальной культуры и менталитета в среде европейской творческой элиты. Таким образом, эти женщины сыграли роль «послов доброй воли», интенсифицировавших циркуляцию знаний между Восточной и Западной Европой. Их академическая мобильность внесла существенный вклад в транснациональную диффузию передовой научной мысли того времени и реформатирование географии талантов в Европе.

Литература

- Агамова Н. С., Аллахвердян А. Г.* Российские женщины в науке и высшей школе: историко-научные и науковедческие аспекты (к 150-летию со дня рождения С. В. Ковалевской) // ВИЕТ. 2000. № 1. С. 141–153.
- Буховцев А.* В мире закрытых дверей (из серии публикаций «Русские ученые в Швейцарии») // Обучение за рубежом. 2000. Т. 2. № 14. С. 62–65.
- Кирьяш О. А.* Практика путешествия как способ формирования представлений о пространстве русскими историками второй половины XIX века // Диалог со временем. 2012. Вып. 39. С. 183–195.
- Эндерлайн Э.* Русские женщины в Швейцарии в XIX веке // Российские женщины и европейская культура: Материалы V конференции, посвящённой теории и истории женского движения / Сост. и отв. ред. Г. А. Тишкин. СПб., 2001. С. 71–78.
- Воронина М.* Мешканки міст харківської губернії: гендерна дискримінація та динаміка змін (1861–1917 рр.). Дис. ...канд. іст. наук. Харків, 2005.
- Кобченко К.* Початки вищої медичної освіти українського жіноцтва (кінець XIX — початок XX сторіччя) // Українознавчий альманах. 2011. Вип. 5. С. 128–133.
- Машкін О. М.* Роль вихідців з Європи у розвитку української прикладної науки та педагогіки (1796–1856 рр.) // Про-

блеми історії України XIX – початку XX ст. Вип. 19. Київ, 2011. С. 265–293.

Смоляр Л. Минуле заради майбутнього. Жіночий рух наддніпрянської України II пол. XIX – поч. XX ст. Сторінки історії. Одеса, 1998.

Suchmiel J. Books and Periodical on the Women's Movement and a Changing model of a Women's Education on Polish Territories at the Turn of the Nineteenth Century // *Women's Movements: Networks and Debates in Post-Communist Countries in the 19th and 20th Centuries.* L'Homme Schriften. Vol. 13. Köln; Weimar; Wien. 2006. P. 541–557.

Tikhonov-Sigrist N. Les universités suisses, pionnières de l'introduction de la mixité dans l'enseignement supérieur (1870–1930) // *École et mixités* / Dir. Houel A., Zancarini-Fournel M. Lyon, 2001. P. 27–35.

Tikhonov-Sigrist N. Academic Migrations to Switzerland 1870–1914. The Networks behind the Numbers // *Networking Across Borders and Frontiers. Demarcation and Connectedness in European Culture and Society.* Frankfurt am Main, 2009. P. 67–76.

Tolstokorova A. Women's Professionalization as an Entrance into the Public Space in Ukraine: A Historical Retrospective // *World History Bulletin.* 2010. Vol. 26. № 1. P. 59–65.

Alissa V. Tolstokorova

On the Edge of Two Worlds: Contribution of Ukrainian Educated Women into «Knowledge Exchange» Between Western and Eastern Europe

The key goal of the article is to study the cross-border transmission of knowledge by means of independent academic migration of Ukrainian women to West European academies. The paper spotlights the role of women educated in the West in the modernization of the Ukrainian society. It shows that the exposure of Ukrainian intellectual and creative legacy by Ukrainian female students in the European context facilitated the representation of the specificity of national Ukrainian culture and its mentality among European intellectual elites.

Key words: academic migration, Ukrainian women, West-European Universities, knowledge transfer.

НАУЧНЫЕ СВЯЗИ СССР И МНР В 1920–1950-е гг. АКАДЕМИЯ НАУК СССР И МОНГОЛЬСКИЙ УЧЁНЫЙ КОМИТЕТ

Статья рассматривает период исследований советских учёных в Монголии, которые организуются Российской Академией наук (РАН) (позднее – АН СССР) в 1920–1950-х гг. В это время были проведены обширные советско-монгольские исследовательские работы по изучению МНР, в результате которых были получены важные сведения по самым различным научным направлениям. Полученные материалы позволили создать основу для дальнейших широких исследований в Монголии.

Ключевые слова: Академия наук СССР, Монгольская комиссия, Комитет наук МНР, Ц. Жамцарано, С. В. Киселёв, И. А. Ефремов, В. Л. Комаров, В. А. Обручев.

В отношениях, складывавшихся между нашей страной и Монголией в XX в., немалое значение имело научное сотрудничество. Само появление и дальнейшее становление монгольской науки проходило под прямым влиянием и при постоянном взаимодействии с наукой российской, советской. Однако нельзя не отметить, что это взаимодействие далеко не всегда было беспроблемным, а влияние не всегда полезным. Тем не менее, это было временем начала по-настоящему научного изучения Монголии, ставшего возможным при помощи и непосредственном участии советских учёных.

Монгольская революция 1921 г. сблизила эту страну кочевников с Советским государством. При этом новое монгольское руководство стремится наладить отношения с разными странами, и в самой Монголии значительные позиции сохраняет иностранный капитал, особенно американский. Советская Россия в этих условиях пытается укрепить своё влияние здесь, кроме других способов, и через научные контакты.

Как известно, эта страна имела в то время большое значение для нашей страны: идейный союзник, буфер от милитаристского Китая. В середине 1920-х гг. Монголия начинает идти по пути некапиталистического развития, который должен привести её к социализму. Следовательно, она должна стать образцом для других стран Востока, и поэтому необходимо было скорейшим образом способствовать развитию производительных сил страны. В этом интересы СССР и Монголии полностью совпадали. Монголия крайне нуждалась в советской помощи и в советских специалистах. Независимость страны могла основываться только на прочной социально-экономической базе. Советский Союз нуждался в политическом союзнике и выгодном экономическом партнёре. В решении этих задач не последняя роль отводилась советской науке.

Развитию науки в новой послереволюционной Монголии сразу уделили значительное внимание. 9 ноября 1921 г. Народное правительство приняло постановление о создании Учёного Комитета (МУК или Учком — как его именовали в сокращении) — центрального научного учреждения в стране. Первоначальной его задачей было распространение грамотности, перевод книг на монгольский язык¹.

Складывание тесных контактов Комитета и Российской Академии наук было, по сути, предопределено. Это происходило не только по причине установления особых отношений между Монголией и Советским Союзом. У истоков монгольской науки стояли люди, получившие российское образование и лично близко знакомые с видными российскими учёными, руководителями РАН. Так, Учёным секретарем Комитета стал Цыбен Жамцарано. Фактически он и являлся его организатором и душой всей работы. Бурят по национальности, он в числе лучших учеников Чи-

---

¹ Революционные мероприятия Народного правительства Монголии в 1921-1924 гг. М., 1960. С. 177-178.

тинского городского училища был направлен в частную гимназию П. А. Бадмаева в Петербурге, но в 1897 г. отчислен за отказ изучать Закон Божий (являлся буддистом). Тем не менее, именно в это время он, видимо, знакомится с С. Ф. Ольденбургом, при содействии которого в 1902–1908 гг. получает возможность в качестве вольнослушателя прослушать курсы на юридическом, физико-математическом, историко-филологическом и восточном факультетах Петербургского университета. Здесь в числе его знакомых оказываются также крупные исследователи Монголии: В. Л. Котвич, Б. Я. Владимирцов, В. В. Бартольд. Затем Жамцарано в 1909–1912 гг. активно участвует в экспедиционной деятельности в Бурятии и Монголии Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии, Этнографического отдела Русского музея, Русского Географического общества. До 1917 г. он на просветительской работе в Монголии, а в 1920–1921 гг. — участник революционных событий (с 1917 г. — левый эсер). Ц. Жамцарано являлся одним из идеологов революции и творцов первой программы МНП. После победы революции он занимал посты в государственных учреждениях Монголии. Именно он был одной из ключевых фигур, определявших характер советско-монгольских научных контактов до конца 1920-х гг.²

И Жамцарано, и другие политические и научные деятели новой Монголии понимали, что без помощи извне возрождение страны невозможно. Уже с 1922 г. начинают завязываться контакты Учёного Комитета с научными учреждениями СССР, прежде всего, по поводу совместного изучения Монголии. Деятели Монгольского Учёного комитета в 1922 г. закладывают основу для будущего сотрудничества с Российской Академией наук, выступив инициаторами взаимовыгодного обмена научными мате-

---

² Решетов А. М. Наука и политика в судьбе Ц. Ж. Жамцарано. Исследователи Центральной Азии в судьбах России // Orient. Альманах. Вып. 2–3. СПб., 1998. С. 5–55.

риалами³. Монголия при этом поставляла необходимые источники для исследования и получала результаты работ советских научных институтов.

Особое значение для нового государства с господствовавшим кочевым образом жизни имел кадровый вопрос. Страна практически не имела специалистов, которые могли бы взять на себя научные исследования, не было также и научных учреждений. Разрешить эту проблему можно было путём использования научного потенциала Советского государства: привлечение советских учёных на работу в Монголию, направление монгольской молодёжи на учёбу в Россию. Однако подготовка национальных кадров требовала значительного времени, а задачи, стоявшие перед страной, требовали безотлагательного решения или хотя бы движения в этом направлении. Поэтому решить проблему нехватки кадрового состава монгольской науки были призваны советские специалисты. Они пополнили число сотрудников Учёного комитета и внесли немаловажный вклад в познание монголами своей собственной страны.

Интерес российских научных кругов к этой стране значительно возрастает. Сложившаяся новая ситуация позволяла обратить более серьёзное внимание на продолжение исследований, начатых в дореволюционное время и прерванных войной и революцией. Однако теперь у русских учёных-монголоведов был иной статус. Они отправлялись в Монголию не просто как исследователи, но и как помощники в экономическом и культурном строительстве независимого Монгольского государства. Так, к примеру, первые коллекции растений в новой Монголии были собраны сотрудниками МУКа лесничим А. Гнадсбергом и инженером-мелиоратором В. Лисовским в 1922–1924 гг. в окрестностях Урги и в Хэнтэе. Кроме того, они разработали организацию лесной службы и мероприятия по сохра-

---

³ История советско-монгольских отношений. М., 1981. С. 49–51.

нению лесов в МНР. В 1923 г. на работу в Монгольский Учёный комитет прибыли студенты-монголоеды Ленинградского института живых восточных языков (ЛИЖВЯ) В. А. Казакевич, Н. Н. Бабынин, А. В. Петров. Помимо собственных задач, направленных на совершенствование знаний монгольского языка, изучение народа и страны, они должны были способствовать выполнению целей МУКа — осуществлять перевод с европейских языков на монгольский нужных для страны книг⁴. Помимо этого они участвовали в экспедиционных работах Комитета. Особенно активно работал В. А. Казакевич, совершивший пять поездок в составе таких экспедиций. Сведения, собранные им, были самые разнообразные. Так по итогам одной из экспедиций в Гоби В. А. Казакевич составил отчёт, содержащий географические, ботанические, зоологические и этнолингвистические сведения по маршруту. Кроме научных ему приходилось выполнять поручения социально-политического свойства. Монгольское правительство проводило политику привлечения бурятского населения СССР на жительство в Монголию. В. А. Казакевич вошёл в состав одной из комиссий, проводивших это мероприятие в жизнь. Он изучал районы расселения бурят в восточной части страны, исследовал конфликты между монголами и бурятами-эмигрантами⁵.

Вполне логичным в развитии этих связей было создание в 1925 г. при СНК СССР Комиссии по научному изучению Монголии (Монгольская комиссия — МОНК, с 1927 г. в системе АН СССР), которая сосредоточила в своих руках во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг. исследовательские работы советских учёных в этой стране. В научном сотрудничестве СССР и МНР в этот период

---

⁴ Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. 1. 1921–1940. М.; Улан-Батор, 1975. С. 84.

⁵ Архив Востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института Востоковедения РАН (далее — АВ СПбФ ИВ РАН). Ф. 69. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–6.

взаимоотношения Комиссии Академии наук и Учёного Комитета являлись одним из важнейших факторов.

Этот первый период — вторая половина 1920-х гг. — был наиболее плодотворным и активным в сотрудничестве двух научных центров. В соответствии с идеей комплексных экспедиций ежегодно в Монголию отправлялись 5–6 отрядов. Монгольская сторона всячески показывала свою заинтересованность в постоянном расширении исследований. Ц. Жамцарано, поддерживавший регулярную переписку с С. Ф. Ольденбургом, подчёркивал в октябре 1928 г.: «...Какую колоссальную работу проделывает Академия Наук для Монголии, и как Ваш слабый ученик дорожит этим, и хотел бы, чтоб такие исследования продолжались дальше»⁶.

Учёный Комитет постоянно обращается с просьбами о кадровой помощи: указывалось на необходимость продолжения исследований М. И. Тубьянского по изучению тибетской философии и медицины на материалах монгольских монастырских библиотек, С. А. Кондратьева по изучению монгольской музыки. Жамцарано сетует на нехватку собственных кадров: «Учком жалок, не встал на ноги»⁷!

В целом советские учёные встречали в Монголии самое доброжелательное отношение, однако был ряд моментов, вносящих сложность в характер взаимных контактов. Несмотря на крайнюю необходимость в советской помощи, монгольская сторона в 1920-е гг. всячески старалась выступать в качестве равноправного партнёра и защищать свои национальные интересы. Особенно такая позиция была характерна для всё того же Ц. Жамцарано, являвшегося, несмотря на своё бурятское происхождение (а может быть, благодаря ему) ярким националистом и патриотом Монголии. В 1926 г. он подчёркивает, что важно только одно — чтобы в срок были возвращены коллек-

---

⁶ Решетов А. М. О переписке Ц. Ж. Жамцарано // Orient. Альманах. Вып. 2–3. СПб., 1998. С. 80.

⁷ Там же. С. 78.

ции и отдельные предметы, увезённые для изучения или обработки в СССР. Недовольный в этом плане работой группы ботанического отряда под руководством Н. В. Павлова, Жамцарано пишет о ней: «Пусть уж лучше отдохнёт подольше в России»⁸!

Впрочем, в этом не было ничего странного. Ведь почти до конца этого десятилетия многие ключевые посты в руководстве Монголии занимали националисты, выступавшие за равноправные, а не покровительственные со стороны СССР отношения. Период наибольших трений падает на время т. н. «правого уклона» в МНРП (1926–1928 гг.). Это не могло не сказаться на научных контактах. Советская сторона, расширяя исследования, ставит Монголию в определенную зависимость. На этой почве нередко возникали сложности во взаимоотношениях научных центров двух стран.

Особенно щепетильны были монголы в вопросах, касавшихся судьбы материалов, собранных на территории МНР. Во всех договорённостях между МОНК и МУК, заключённых в 1920-е гг., предусматривается сохранение за Монголией всех материалов, составлявших национальное достояние страны. Закон об охране памятников старины, утверждённый монгольским правительством в 1924 г., распространялся на советские экспедиции, как и на все прочее. Стремление к равноправности проглядывалось и в изыскании Комитетом средств для финансирования исследований. Для организации экспедиции в Гоби, которой монгольская сторона придавала большое значение, МУК выделял АН СССР 10000 тугриков и транспорт (1 автомобиль). На изучение наречий монгольских племён и издание фольклорных памятников Комитет перечислил АН СССР 1000 рублей⁹.

---

⁸ Решетов А. М. О переписке Ц. Ж. Жамцарано. С. 77.

⁹ Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. 1. 1921–1940. С. 148.

Монголы, хотя и нуждаются в советских экспедициях, организуют заключение договоров между АН СССР и Монгольским Учёным Комитетом по поводу исследовательских работ советских учёных на территории МНР, в которых стараются защитить монгольские интересы. При рассмотрении некоторых из этих договоров можно увидеть отражение в них политических отношений СССР и МНР.

5 июля 1926 г. подписано Соглашение между Монгольской комиссией при СНК СССР и Учёным Комитетом МНР об организации экспедиций в Монголию¹⁰. Важный момент в документе, который позволяет нам сравнить его с последующими договоренностями, — это судьба собранного экспедициями материала. Пятый пункт Соглашения указывает, что все материалы, кроме зоологических и ботанических, должны быть сданы Учёному Комитету. Учком выбирает из них нужное для собственного Музея, затем всё отдаёт советской стороне для обработки, после которой отобранное возвращается МНР, а остальное переходит в собственность АН СССР. Все материалы по древней истории безоговорочно возвращаются Монголии. Соглашение, на наш взгляд, достаточно выгодное для обеих сторон: МНР пользуется специалистами и средствами Советского Союза и получает необходимые материалы и результаты обработки. СССР имеет право на почти монопольные изыскания, любые исследования и получает часть материалов в собственность.

В дальнейшем наблюдается стремление монголов к большей защите своих интересов. В это время усиливаются позиции националистов в руководстве страны. В декабре 1927 г. Ц. Жамцарано шлёт письмо в АН СССР по поводу организации экспедиции в Гоби на монгольские средства¹¹. Соответственно, при этом предлагаемые им условия более выгодны для монгольской стороны: все материалы

---

¹⁰ Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. 1. 1921–1940. С. 127–128.

¹¹ Там же. С. 148.

передаются Учкому, советские учёные оставляют себе только свои дневники, фотоматериалы, планшеты, причём копии всех материалов передают Учкому. Советская сторона может взять себе также дублиеты и остальной материал только для обработки. Здесь явно просматривается стремление быть равноправным партнёром.

Ещё больше это видно по Договору, подписанному весной 1928 г.¹² По его условиям часть материала, отобранная Учкомом, сразу же поступает в его Музей без обработки в СССР, а часть после обработки в Ленинграде возвращается в Монголию.

Советская сторона соглашается на все эти условия, поскольку они были выгодны и для неё. Кроме того, в это время позиции СССР в Монголии были недостаточно прочны, чтобы осуществлять какое-либо давление для достижения лучших условий. Монгольское руководство и так выражало недовольство директивными методами, которыми пользовались некоторые официальные представители СССР и Коминтерна в Монголии. Иногда эту сложность во взаимоотношениях испытывали на себе и участники советских экспедиций. Летом 1926 г. участник этнолингвистической экспедиции, чл.-корр. АН СССР В. М. Алексеев был подвергнут агентом Государственной Внутренней Охраны МНР телесному и вещевому обыску, «имевшему исключительно бесцеремонный характер», которым был нанесён значительный ущерб научным материалам учёного¹³. Возможно, именно такая ситуация привела к ликвидации Комиссии по научному исследованию Монголии в январе 1927 г. в структуре СНК СССР. Уже весной того же года она была восстановлена, но уже в составе АН СССР. Таким образом, Комиссия была освобождена от той политической окраски, которую придавала ей непо-

---

¹² Советско-монгольские отношения. 1921-1974. Документы и материалы. Т. 1. 1921-1940. С. 151.

¹³ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 446. Оп. 37. Д. 34. Л. 115.

средственная принадлежность к правительственной структуре и которая могла вызывать беспокойство в Монголии. Хотя фактически зависимость в организации исследований от политических органов, хотя и в меньшей степени, сохранялась.

На рубеже 1920-х — 1930-х гг. происходят изменения в характере взаимоотношений СССР и МНР, отразившиеся и на связях Комиссии и Комитета. Новый договор (1929 г.) МОНК и МУК, казалось, свидетельствовал о расширении научного сотрудничества¹⁴. Но Ц. Жамцарано, олицетворявший монгольский национализм, был обвинён в «правом уклонизме» и смещён с руководящих постов, сначала политических, а затем и в Учёном комитете. Соответственно, вся работа Учкома в 1920-е гг. была признана вредной и ненужной. Обвинялся Жамцарано и во вредительской работе при подготовке кадров монгольской науки — посылал молодежь на учёбу в капиталистические страны, где она подвергалась соответствующей обработке. Правда, когда 10 монгольских аспирантов были посланы на учёбу в СССР, «не учтя их моральной и политической устойчивости, часть их были вынуждены отозвать до окончания срока, так как они совершенно разложились морально и перестали работать, ведя весёлую жизнь «знатных иностранцев»»¹⁵. В ноябре 1930 г. было принято новое положение об Учёном Комитете МНР, который теперь именовался Комитетом наук МНР (хотя многие по старинке называли его Учёным комитетом) и переходил под жёсткий контроль правительства. Одновременно это означало и установление большего влияния со стороны СССР в научных работах в Монголии, чему ранее так сопротивлялись монгольские учёные-националисты. Но к тому же некоторые из них и сами сознают, что без совет-

---

¹⁴ Международные научные связи Академии наук СССР 1917–1941. М., 1992. С. 202–206.

¹⁵ Архив Российской Академии наук (далее — АРАН). Ф. 277. Оп. 3. Д. 281. Л. 4–9.

ского содействия наука в Монголии существовать пока не может.

В июле 1929 г. Жамцарано, как кажется, в отчаянии пишет Б. Я. Владимирцову: «Молодых людей, желающих избрать себе карьеру учёного, очень мало ... Да сверх того не каждый начинающий учёный в состоянии угодить бурному революционному духу времени. Чтобы спасти собранные культурные ценности и чтобы научно-исследовательская деятельность Учкома стала прочной, я в согласии с другими товарищами остановился на мысли теснее связаться с Академией наук и, если можно, образовать что-то вроде акционированного научного учреждения. Быть может самое лучшее, если Академия наук или Институт Буддологии откроет свой филиал и путём договора установит тесный контакт с Учкомом с правом руководства и инструктирования научной деятельности Учкома до тех пор, пока из среды монголов не появятся свои квалифицированные научные сотрудники, примерно на 15–20 лет»¹⁶. Любопытно, что когда в 1925 г. подобная идея (создание Института по изучению Монголии в Урге) возникла в АН СССР, монголы отнеслись к ней крайне негативно. Подобное учреждение рассматривалось ими как инструмент влияния. Тогда монгольская сторона с изрядной долей подозрительности относилась ко многим заключаемым с Советским Союзом соглашениям, которые, по сути, устанавливали монополию СССР во внешних связях Монголии и в научной сфере. Так, согласно Договору 1929 г., исследования советских экспедиций должны были охватить все возможные области научных изысканий. Но фактически предполагалось проведение только тех работ, которые были способны дать практический результат. Остальные же были поставлены в план, чтобы не допустить в Монголию соответствующие экспедиции других стран — американцев, немцев, японцев и др.

---

¹⁶ Решетов А. М. О переписке Ц. Ж. Жамцарано. С. 86.

Место учёного секретаря Комитета занял советский учёный М. И. Тубьянский, хорошо известный в Монголии специалист. С этого времени возможности влияния на Комитет с советской стороны значительно возросли.

Нельзя, однако, сказать, что на этом этапе Комитет наук оказался в подчинённом от АН СССР положении. Нередко выдвигались достаточно серьёзные претензии по выполнению советской стороной обязательств по договорённостям об исследованиях. Так, в предложениях МУК по заключению нового договора в 1934 г. явно указывалось на незавершённость программ договора 1929 г.¹⁷ Неоднократно отмечалось игнорирование телеграмм и писем, направляемых Комитетом Монгольской комиссии¹⁸. Здесь нужно заметить, что данные проблемы были порождены не какой-то особой позицией МОНК или АН СССР, а изменением руководством страны политики научного сотрудничества с МНР. С 1933 г. АН СССР постепенно отстраняется от исследовательской работы в Монголии; соответственно, и Монгольская комиссия лишается возможности отправлять туда экспедиции.

Тем не менее, контакты между двумя учреждениями не прерываются. В 1930-е гг. Комитет всё более активизирует собственную экспедиционную работу, к которой привлекаются советские специалисты, бывшие в составе МОНК или участвовавшие в её экспедициях, — С. А. Кондратьев, А. Д. Симуков, М. И. Тубьянский и др. При этом, испытывая нехватку научных кадров и констатируя ослабление взаимных связей, МУК продолжал обращаться к Комиссии и АН СССР с просьбами о возобновлении исследований, необходимых для республики¹⁹. Комиссия, в свою очередь, несмотря на фактическое свёртывание экспедиций, продолжала свою организационную

---

¹⁷ Советско-монгольские отношения 1921–1974. Документы и материалы. Т. 1. С. 292–293.

¹⁸ ПФА РАН. Ф. 339. Оп. 1(1935). Д. 17. Л. 34.

¹⁹ АРАН. Ф. 227. Оп. 4. Д. 587. Л. 1.

деятельность по планированию работ своих отрядов и обработке полученных ранее научных данных. 1937 г. нанёс удар как по МОНК, так и по Комитету наук. Многие специалисты, работавшие в Монголии, были репрессированы — М. И. Тубянский, П. И. Воробьёв (позже и А. Д. Симук) и многие другие. Сама Монгольская комиссия в это время была на грани исчезновения. Но при всём этом координация её деятельности с Комитетом не прекращалась. Уже весной 1941 г. председатель МОНК, президент АН СССР В. Л. Комаров сообщал полпреду МНР в Советском Союзе о намечаемой в 1941 г. комплексной экспедиции в Монголию согласно пятилетнему плану, разработанному совместно Комиссией и Комитетом наук²⁰, но война внесла свои коррективы.

В годы Великой Отечественной войны Монгольская комиссия АН СССР практически прекращает функционировать, хотя формально она не была ликвидирована. Следует, однако, отметить, что война вовсе не привела к прекращению всех работ советских учёных в Монголии. Ещё в 1940 г. начинается исследования сенокосно-пастбищная экспедиция под руководством И. А. Цаценкина, занимавшаяся изучением пастбищ, оценкой их кормовой ценности. Экспедиция работала до 1943 г. Даже в самый разгар войны немало экспедиционных маршрутов по Монголии проложили географ Э. М. Мурзаев, зоолог А. Г. Банников, почвовед Н. Д. Беспалов.

По сути, работы периода войны, начатые советскими научными учреждениями, переходят в ведение Комитета наук МНР, что закладывает основу будущих равноправных совместных исследований. Кроме того, ряд советских учёных работал в Монголии непосредственно по заданиям Комитета наук²¹.

---

²⁰ АРАН. Ф. 227. Оп. 3. Д. 283. Л. 1.

²¹ Шубин В. Ф. Земледелие Монгольской Народной республики // Труды Монгольской комиссии. Вып. 52. М., 1953.

В годы войны продолжались и работы в рамках совместной Восточной геологоразведочной экспедиции, которая начала свою деятельность в 1932 г., заменив в Монголии геологов Монгольской комиссии АН СССР. Однако результаты её исследований держались в секрете²². Кроме этих, проводились и другие работы, но опять же по заданию Комитета наук МНР.

Можно видеть, что работы советских учёных в Монголии не прерывались даже в период войны, когда все силы, в том числе и научные, были брошены на оборону. Особенность заключается в том, что главным распорядителем работ являлся Комитет наук МНР, и исследования затрагивали, в основном, сферы, имевшие наиболее важное практическое значение. В это время в работу всё больше втягиваются монгольские научные учреждения и кадры, т. е. продолжает закладываться основа совместных экспедиций.

В послевоенное время начинается новый этап экспедиционного изучения Монголии. Это этап более глубоких исследований, время, когда происходит переход от работ преимущественно АН СССР к совместным советско-монгольским экспедициям.

29 октября 1947 г. между СССР и МНР было подписано Соглашение об усилении научного сотрудничества и проведении совместных научных исследований. На этом комплексе договорённостей строились послевоенные научные контакты²³.

Монгольская комиссия разработала план комплексной экспедиции²⁴, которая должна была проводить пятилетние исследования в МНР. Он предусматривал отправку четырёх геологических отрядов, Монгольского филологического отряда Института востоковедения. Предполагалось также включить в состав комплексной экспедиции и

---

²² АРАН. Ф. 642. Оп. 3. Д. 109. Л. 24, 27.

²³ История советско-монгольских отношений. М., 1981. С. 186.

²⁴ АРАН. Ф. 339. Оп. 1. Д. 1. Л. 62-70.

палеонтологическую экспедицию, организованную с особого разрешения Совета Министров СССР.

Однако в Монголию в 1946 г. выехала только Палеонтологическая экспедиция под руководством И. А. Ефремова (крупного учёного-палеонтолога, который кроме этого, был известен как выдающийся писатель-фантаст, автор романов «Туманность Андромеды», «Час Быка», «Таис Афинская» и др.), которая, по всей видимости, действовала независимо от МОНК.

Эта экспедиция планировалась ещё до войны. В горных породах Монголии под воздействием атмосферного выветривания открыто много следов господства ящеров Мелового периода, и видна вся история млекопитающих. Сами монголы давно обратили внимание на останки вымерших животных. Они называли их «лууны яс» — кости дракона, или «чулутуин яс» — каменные кости²⁵. В 1894 г. В. А. Обручев во время экспедиции Г. Н. Потанина сделал ряд палеонтологических находок. Особенно удачной была работа Американской экспедиции 1922–1925 гг., принёсшей сенсационные результаты. В 1932 г. геолог Б. М. Чудинов пересёк Монголию с севера на юг и обнаружил кладбище динозавров. Поблизости от великих озёр северо-запада Монголии геологическая экспедиция И. П. Рачковского открыла гряду с подобными же останками. Несколько выпусков «Трудов Монгольской комиссии» были посвящены палеонтологическим проблемам.

После войны правительство МНР обратилось к советским учёным-палеонтологам с предложением провести в Монголии исследования ископаемых животных. Академией наук СССР было решено направить с этой целью специальную экспедицию. Непосредственным организатором стал Палеонтологический институт АН СССР.

---

²⁵ Ефремов И. А. Дорога ветров (гобийские заметки). М., 1962. С. 12.

В 1946 г. были проведены предварительные разведывательные работы, которые подтвердили, что Монголия является богатейшей кладовой останков древних животных²⁶.

В 1947–1948 гг. экспедиция была продолжена. Раскопки проводились в уже обнаруженных местонахождениях ископаемых животных, проводилась также новая разведка. Параллельно с палеонтологическими экспедиция вела и геологические наблюдения, и археологические работы (найден древний могильник, несколько тысяч кремневых орудий). Археологические данные, собранные экспедицией, позволили обеспечить в 1949 г. весьма успешную работу одного из отрядов Историко-археологической экспедиции АН СССР²⁷. Итогом работ палеонтологической экспедиции стала масса материалов, опровергнувших целый ряд прежних представлений.

Монгольская сельскохозяйственная экспедиция являлась крупнейшей из отправленных АН СССР на работы в Монголию экспедиций в первые послевоенные годы. Вопросы экономического развития были одними из самых насущных в МНР. Особенно это касалось важнейшей отрасли хозяйства — животноводства. Исследованиям именно этой отрасли, а также сфере, тесно с ней связанных, и была посвящена работа сельскохозяйственной экспедиции АН СССР.

Вопрос о крупной экспедиции для изучения экономики МНР ставился уже сразу по окончании Второй мировой войны. Ему придавалось большое политическое значение. Об этом свидетельствует внимание, уделявшееся ему в высших партийных органах Советского Союза. Это было связано с довольно сложной обстановкой, имевшей место в экономической сфере МНР. Центральный комитет ВКП(б) делал запросы соответствующим специалистам по Монголии. П. В. Погорельский, доктор эконо-

---

²⁶ *Рождественский А. К.* Исследования советских палеонтологов в Центральной Азии (Монгольская палеонтологическая экспедиция Академии наук СССР). М., 1952. С. 8.

²⁷ Там же. С. 30.

мических наук, старший научный сотрудник Института Географии АН СССР, имел серьёзный опыт экономических исследований, в том числе и в Монголии. Он возглавлял Экономический отряд экспедиции МОНК ещё в 1931–1932 гг. Его исследования нередко были связаны с заданиями политического характера. И теперь «в соответствующем аппарате» не раз обращались к П. В. Погорельскому по вопросам, связанным с Монголией и Тувой²⁸.

П. В. Погорельский в одном из своих писем, датированном 6 июля 1945 г., говорит о большом значении экономических работ в Монголии, которые представлялись ему крайне сложными. При этом он достаточно чётко отделяет их от других экспедиционных исследований в МНР — палеонтологических, геологических и прочих. Главное в данных работах, считал учёный добиться максимального эффекта для развития экономики Монголии, в отличие от предыдущих исследований, которые оцениваются им весьма невысоко. Основным фактором успеха П. В. Погорельский считает правильную организацию экспедиционных работ, на которую должны обратить особое внимание партийные структуры и Президент АН СССР²⁹.

Совершенно ясно, что экономическая сфера в МНР — стране развивающегося социализма — всегда была тесно связана с политической стратегией, со всеми изменениями политического курса, с теми рекомендациями, которые Монголия получала от своего «старшего брата». П. В. Погорельский доказывает особое значение экономических исследований, по его мнению, имеющих приоритет по сравнению с другими сферами. Таким образом, можно видеть, что исследования в области экономики имели важнейшее значение, в том числе и политическое. Они были напрямую связаны с планированием дальнейшего пути социаль-

---

²⁸ АВ СПбФ ИВ РАН. Ф. 104. Оп. 3. Д. 15. Л. 21.

²⁹ АРАН. Ф. 339. Оп. 1. Д. 4. Л. 138.

но-экономического развития страны, с предполагаемыми социалистическими преобразованиями.

Первоначально, до 1947 г., сельскохозяйственные исследования должны были иметь важную, но отнюдь не главную роль в планируемой комплексной экспедиции МОНК. Но в конце 1946 г. в очередном плане пятилетних работ в Монголии на 1947–1952 гг., экономические исследования, прежде всего в области животноводства, выходят на первое место.

Возникновение экспедиции объяснялось научными интересами институтов АН СССР (Географического, Ботанического, Почвенного и Института эволюционной морфологии), пожеланиями официальных органов МНР, Договором между АН СССР и Комитетом наук МНР о научном сотрудничестве (1947 г.). Организация работ облегчалась тем, что большую часть расходов брала на себя монгольская сторона³⁰.

Основная цель определялась как увеличение поголовья скота и улучшение его качества. Но при рассмотрении плана и других документов становится ясно, что она была значительно шире. Можно провести определенную аналогию данных исследований с экспедициями, проводимыми МОНК по пятилетнему плану 1929 г. в течение 1930–1932 гг. Работы тех лет должны были способствовать выполнению задач коренного социалистического преобразования монгольского общества, но, по сути, показали неготовность Монголии к подобным шагам. Монгольской сельскохозяйственной экспедиции предстояло изучить изменения, произошедшие с МНР, и подготовить мероприятия, аналогичные тем, которые предпринимались в 1930-е гг. Серьезные трудности в основной экономической отрасли страны требовали изменений в политике государства. Предполагалось также, что за прошедшие годы раз-

---

³⁰ АРАН. Ф. 339. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

вития по пути социализма монгольское общество созрело для новых, более глубоких шагов в этом направлении.

Интересно, что большое значение придавалось этнографическому фактору: особенностям отдельных этнических групп, социальным и хозяйственным традициям и взаимоотношениям, без учёта которых, по мнению учёных, политика преобразований, да и оценка ситуации не могут быть успешными³¹.

Монгольская сельскохозяйственная экспедиция проработала в МНР с 1947 по 1951 гг. Её сотрудники провели большую исследовательскую работу, на материалах которой были созданы серьёзные, иногда даже фундаментальные труды, такие как, например, книга И. Ф. Шульженко «Животноводство МНР», основательнейшая работа В. Ф. Шубина «Земледелие Монгольской Народной республики» и др.

К числу несомненно значимых по части полученных материалов относится совместная историко-археологическая экспедиция под руководством С. В. Киселёва, работавшая в Монголии в 1947–1949 гг., решавшая задачи изучения древнемонгольских городов, само наличие которых ранее отрицалось. Основные раскопки проводились на территории, где располагалась столица Монгольской империи Каракорум. Был открыт дворец, предположительно принадлежавший кагану Угэдэю, с 64 колоннами, павильонами и искусственным озером, мастерские и торговые постройки, найдено оружие, орудия труда, украшения, печати, монеты.

Многочисленные находки металлических изделий, особенно предметов вооружения, позволили С. В. Киселёву сделать вывод о значении Каракорума как военно-металлургической базы государства. Благодаря находкам, удалось установить функциональное значение отдельных районов города, был пересмотрен вопрос о времени его основания, которое ранее датировалось 1234–1235 гг., ко-

---

³¹ АВ СПБФ ИВ РАН. Ф. 104. Оп. 1. Д. 162. Л. 30–31.

гда был построен дворец Угэдэя, а теперь было отнесено к эпохе Чингиз-хана³².

Раскопки Каракорума до сих пор остаются самыми масштабными и результативными исследованиями монгольского города. Но ими они не ограничились — на территории обширного района Центральной Монголии им были начаты обширные планомерные обследования археологических памятников различных периодов, а на ряде из них были проведены весьма результативные раскопки. Прежде всего, это касается столицы Уйгурского ханства IX в. Хара-Балгасуна.

Важнейший вывод, сделанный по результатам раскопок, говорил о значительной роли городов в истории Монголии. Были обнаружены остатки более 300 оседлых поселений и городищ, крепостей. Все эти исследования позволили С. В. Киселёву прочно обосновать тезис о длительной градостроительной традиции, развивавшейся в этой части Центральной Азии и воспринятой монголами в период возникновения их государственности.

В коллективной монографии «Древнемонгольские города» С. В. Киселёв критически относится к существовавшим в то время взглядам о «незакономерности возникновения городов в условиях кочевого феодализма», а в процессе изложения авторы приводят данные об архитектуре, строительных материалах, ремесле и аргументировано доказывают существование городской жизни в монгольской империи³³.

С середины 1950-х гг. в советской науке происходят изменения, приведшие к новому этапу в её развитии. Научная деятельность, подготовка научных кадров, накопленный опыт исследований выдвигают на ведущие роли в структуре Академии наук исследовательские институты, которые проводят свои работы самостоятельно. Чрезмерная централизованность в организации исследований стала мешать их эффективности. С другой стороны, много-

---

³² Мерперт Н. Я. С. В. Киселев в Монголии // РА. № 4. 1995. С. 172–176.

³³ Древнемонгольские города. М., 1965.

летнее сотрудничество позволило и Монголии перейти к самостоятельным исследованиям.

Оценивая сотрудничество советской и монгольской науки, нельзя, конечно, не заметить определённое неравноправие в отношениях Монгольского учёного комитета и АН СССР. Роль России в появлении независимой Монголии обусловила приоритетную ориентацию на сотрудничество с ней. Всё это было вполне естественно, учитывая уровень развития науки.

Но, несмотря на то, что в составе Монгольского Учёного комитета в тот период было достаточно много советских научных специалистов, организовывавших работу Комитета и проводивших исследования, нельзя считать его простым филиалом АН СССР. Именно Комитет был последним прибежищем националистов, выступавших за равноправные, а не патерналистские со стороны СССР, отношения, полагая предоставление своей территории, материалов для изучения достаточной компенсацией за помощь научными кадрами, финансами и исследованиями. Даже советские специалисты, занимавшие в МУКе руководящие посты, проникались этим и постоянно выступали в защиту интересов монгольской науки.

Сотрудничество было взаимовыгодным. Монголия пользовалась плодами исследовательских работ советских учёных, были созданы предпосылки для формирования собственных научных ресурсов. Что касается АН СССР, то она имела возможность не только оказать серьёзную помощь развитию своего соседа и союзника, но и воспользоваться всеми плодами монопольного исследования этой, столь слабо изученной территории Земли, для развития как собственной, так и мировой науки. Таким образом, обе стороны должны быть благодарны друг другу.

Источники

- АВ СПбФ ИВ РАН. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1.
- АВ СПбФ ИВ РАН. Ф. 104. Оп. 1. Д. 162.
- АВ СПбФ ИВ РАН. Ф. 104. Оп. 3. Д. 15.
- АРАН. Ф. 277. Оп. 3. Д. 281.

- АРАН. Ф. 227. Оп. 3. Д. 283.
АРАН. Ф. 227. Оп. 4. Д. 587.
АРАН. Ф. 339. Оп. 1. Д. 1.
АРАН. Ф. 339. Оп. 1. Д. 4.
АРАН. Ф. 642. Оп. 3. Д. 109.
ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 34.
ПФА РАН. Ф. 339. Оп. 1(1935). Д. 17.

Литература

- Древнемонгольские города. М., 1965.
Ефремов И. А. Дорога ветров (гобийские заметки). М., 1962.
История советско-монгольских отношений. М., 1981.
Международные научные связи Академии наук СССР 1917–1941. М., 1992.
Мерперт Н. Я. С. В. Киселёв в Монголии // РА. № 4. 1995. С. 172–176.
Революционные мероприятия Народного правительства Монголии в 1921–1924 гг. М., 1960. С. 177–178.
Решетов А. М. Наука и политика в судьбе Ц.Ж. Жамцарано. Исследователи Центральной Азии в судьбах России // Orient. Альманах. Вып. 2-3. СПб., 1998. С. 5–55.
Решетов А. М. О переписке Ц. Ж. Жамцарано // Orient. Альманах. Вып. 2-3. СПб., 1998.
Рождественский А. К. Исследования советских палеонтологов в Центральной Азии (Монгольская палеонтологическая экспедиция Академии наук СССР). М., 1952.
Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. 1. 1921–1940. М.; Улан-Батор, 1975.
Шубин В. Ф. Земледелие Монгольской Народной республики // Труды Монгольской комиссии. Вып. 52. М., 1953.

Valery V. Mitin

Scientific Relations between the USSR and the MPR in the 1920–1950s. The Academy of Sciences of the USSR and Mongolian Scientific Committee.

The article reviews the period of the Russian scientists' research in Mongolia carried out by the USSR Academy of Sciences in the 1920–1950s.

The wide-range research of the People's Republic of Mongolia was conducted at that time. It was undertaken by special expeditions of

the USSR Academy of Sciences, resulting in the scientists obtaining important information on a variety of scientific fields. Its materials made it possible to create the foundation for further wide research in Mongolia.

Key words: The Academy of Sciences of the USSR, Mongolian Commission, The Mongolian Institute of Sciences, T. Jamsrangiin, S. V. Kiselev, I. A. Yefremov, V. L. Komarov, V. A. Obruchev.

Александрова О. И.

АФИНСКАЯ КОЛОНИЯ НА САМОСЕ В V В. ДО Н. Э: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Вопрос о существовании афинской колонии на о. Самос в V в. до н. э. редко служил объектом особого интереса исследователей, во многом вследствие недостатка источников. В статье рассмотрены имеющиеся источники и позиция ряда историков по данному вопросу. Особое внимание уделено анализу надписей межевых камней, найденных на Самосе и содержащих указание на выделение части земли в темен богини Афины.

Ключевые слова: Афины, Самос, Первый Афинский морской союз, колония.

Говоря об афинских колониях V в. до н. э., невозможно не отметить, что в ряде случаев сведений о существовании поселения в том или ином месте крайне мало, и исследователям приходится строить самые разнообразные предположения разной степени обоснованности. Одним из примеров, ярко иллюстрирующих такую ситуацию, является вопрос о существовании афинской колонии на острове Самос в указанный период¹.

---

¹ Данный вопрос редко становился предметом особого внимания исследователей. В зарубежной историографии он рассматривался с различной степенью подробности в работах М. Вагнера (*Wagner M. Zur Geschichte der attischen Kleruchien. Tübingen, 1914*), А. Гомма (*Gomme A. W. Euboea and Samos in the Delian Confederacy // CR. 1936. Vol. 50. No. 1. P. 6-9*), Дж. Баррона (*Barron J. P. Religious Propaganda of the Delian League // JHS. Vol. 84. 1964. P. 35-48*), Р. Мейтза (*Meiggs R. The Athenian Empire. Oxford, 1972*), Р. Легона (*Legon R. P. Samos in the Delian League // Historia. 1972. Bd. 21. Hft. 1. S. 145-158*). В отечественной исто-

Самос, один из самых сильных участников Афинского морского союза, в середине V в. до н. э. попытался отложиться от Афин. К тому моменту остров обладал собственным флотом, колониями, пользовался правом не выплачивать денежный форос, а предоставлять в союзное войско определенное число кораблей и контингент воинов². В результате Самос был относительно независим от Афин, и ярким подтверждением этому может служить тот факт, что у власти там стояла олигархическая группировка, активно сопротивлявшаяся вмешательству Афин в свои дела.

События на Самосе можно восстановить следующим образом. В 441–439 гг. до н. э. развивался конфликт самосцев с милетянами из-за города Приены — торгового соперника Самоса (Thuc. I.115; Diod. XII.27; Plut. *Per.* 25). Милет обратился за помощью к Афинам³, которые потребовали прекращения войны. Самос, однако, отверг требование, и конфликт перерос в восстание против гегемона симмахии: по всей видимости, самосцы давно тяготились своим положением в союзе, и вмешательство Афин послужило поводом к нему.

Афины послали против Самоса эскадру в сорок кораблей под предводительством Перикла, который захватил остров и установил там демократию (Thuc. I.115; Diod. XII.27; Plut. *Per.* 25). Жители Самоса должны были заплатить восемьдесят талантов, а сто человек, половина из ко-

---

риографии можно выделить две работы, в которых подробно рассматривается вопрос о колонизации Самоса: *Касаткина Н. А.* К проблеме афинского управления покоренным Самосом // Из истории античного общества. Горький, 1988. С. 5–11; *Макарова О. М.* Культ богини Афины в Первом Афинском морском союзе. Самара, 2009.

² Подробнее об истории Самоса в составе союза: *Legon R. P.* Op. cit. P. 145–150.

³ Кроме того, и в самом Самосе были сторонники милетян — приверженцы демократии (Thuc. I.115; Diod. XII.27).

торых являлась детьми, были взяты в качестве заложников и переправлены на Лемнос, под охрану афинских колонистов, находившихся там (Thuc. I.115; Diod. XII.27; Plut. *Per.* 25). Конфликт, однако, развивался дальше, поскольку в нём появились новые действующие лица: в события вмешался персидский сатрап Писсуфн, попытавшийся подкупить Перикла (Plut. *Per.* 25; Thuc. I.115), а самосские олигархи заключили договор с Византием, где в это время также вспыхнуло восстание (Thuc. I.115). Сложившаяся ситуация была для Афин крайне неприятной, поскольку эти события могли спровоцировать на восстание другие районы: Карию, Фракию и Халкидику⁴.

Перикл с эскадрой кораблей вновь был отправлен против Самоса; впоследствии к афинянам присоединились также хиосцы и лесбосцы (Thuc. I.115; Diod. XII.27). После долгой осады, тянувшейся девять месяцев, восстание было подавлено. Самос лишился своего флота и должен был уплатить контрибуцию в 1300 талантов, которые должны были выплачиваться в течение 26 лет (IG 1², 293; IG 1², 50)⁵. Между Афинами и Самосом был заключён договор, небольшие фрагменты которого дошли до нашего времени (IG 1², 50), однако детальный анализа документа провести не представляется возможным из-за его плохой сохранности. По всей видимости, он был аналогичен договорам, заключавшимся в сходных обстоятельствах, и самосцы должны были принести клятву верности Афинам (сткк. 22–25). Противники же Афин были, как представляется, изгнаны (Thuc. III.19,32; IV.75; Diod. XII.27), а некоторые, возможно, уничтожены, хотя свидетельства об этом сохранились только у Плутарха, который, в свою очередь,

---

⁴ Касаткина Н. А. Указ. соч. С. 6.

⁵ У Диодора – двести талантов (Diod. XII.28: διακοσίων). Однако ряд исследователей предполагает, что в этом сообщении пропущено слово χίλιων – тысяча (Касаткина Н. А. Указ. соч. С. 6).

ссылается на сведения самосского историка Дурида, а последний мог в определённой мере преувеличить бедствия родного города (Plut. *Per.* 28).

Во многом остаётся загадкой, какова была дальнейшая судьба Самоса до конца V в. до н. э., а именно: была ли выведена на Самос афинская колония, как это часто происходило после подавления восстаний союзников.

С одной стороны, у античных авторов не содержится ни одного свидетельства о том, что такая колония существовала, и сложно предположить, что такое важное событие по каким-либо причинам осталось незамеченным ими, тем более что события на Самосе описаны у историков весьма подробно (Thuc. I.115; Diod. XII.27; Plut. *Per.* 25)⁶.

С другой стороны, так же сложно предположить, что Афины после подавления крупного восстания решили отступить от своего правила вывода колоний на земли покорённых союзников: например, всего за несколько лет до событий на Самосе восстание вспыхнуло на острове Эвбея, и там был основан целый ряд афинских апоикий (Thuc. I.114; Diod. XII.7; 22; Plut. *Per.* 23; Ael. *Var. hist.* VI.1). Неоднозначно может быть расценён и тот факт, что Самос оставался впоследствии верен гегемону морского союза вплоть до его окончательного поражения в Пелопоннесской войне (Xen. *Hell.* II.2.6). Этот факт может в равной мере указывать как на отсутствие афинского поселения на Самосе и, как следствие, благодарность жителей острова за милостивое к ним отношение после подавление восстания, так и на наличие на острове афинских клерухов, которые могли удерживать самосцев от ещё одной попытки отпадения.

---

⁶ Фукидид лишь упоминает впоследствии, что самосцы выплачивали форос (Thuc. VII.57), что также с большой долей вероятности указывает на отсутствие афинского поселения на острове.

Таким образом, на основании данных античных историков невозможно сделать однозначный вывод о судьбе Самоса после подавления восстания. Если же обратиться к свидетельствам эпиграфическим, то сюжет становится ещё более запутанным.

Сохранились межевые камни с острова Самос. На некоторых из них имеется надпись: «*χορος τεμενος Αθηναίας Αθηνον μεδεοσες*»⁷, то есть данный камень указывает на выделение части земли в темен Афины. Выделение священной земли было обычной практикой при выведении колоний, и афиняне от этой традиции не отходили, а значит, теоретически можно связать появление такого участка с неким афинским вмешательством в дела острова. Вторая группа камней, судя по надписям на них, отмечала участки, принадлежавшие Иону⁸ и афинским эпонимам: «*εχορος τεμενος Ιωνος Αθηνεθενει εστρωμενον Αθηνηθεν*»⁹.

Эти надписи позволяют предположить, что на Самос после подавления восстания была выведена афинская колония¹⁰, однако такая гипотеза является очень шаткой вследствие уже упомянутого отсутствия у античных авторов свидетельств о каком-либо афинском поселении, и поэтому большинством современных исследователей отвергается¹¹. Чем же, в таком случае, можно объяснить появление этих межевых камней?

Н. А. Касаткина высказывает предположение, что на Самосе находились частные владения афинских граждан, существование которых было обусловлено наличием не-

---

⁷ Надписи цитируются по публикации их в статье Дж. Баррона (*Barron J. P. Op. cit. P. 49–50*).

⁸ Дж. Баррон доказывает, что один из двух камней, где упоминается Ион, относится к более позднему периоду (*Barron J. P. Op. cit. P. 37*).

⁹ Касаткина Н. А. Указ. соч. С. 8; Макарова О. М. Указ. соч. С. 119.

¹⁰ Такого мнения придерживался М. Вагнер (*Wagner M. Op. cit. S. 20*).

¹¹ *Meiggs R. Op. cit. P. 296–297*; Касаткина Н. А. Указ. соч. С. 8; Макарова О. М. Указ. соч. С. 119–120.

коего государственного домена, на границы которого и указывали межевые камни¹². В выведении же особой колонии смысла не было, поскольку большая часть жителей Самоса являлись приверженцами демократии и поддерживали Афины¹³, и возможно, что земли этого афинского государственного домена сдавались представителям самосского демоса в аренду. Однако такая гипотеза влечёт за собой новый вопрос: на каком основании земли могли быть выделены в такой афинский земельный фонд, если остров не был колонизирован и оставался независимым? Можно предположить, что афиняне конфисковали земли олигархов, возглавлявших восстание, однако эту версию невозможно ни доказать, ни опровергнуть из-за отсутствия каких-либо свидетельств.

Против этого предположения говорит тот факт, что, по-видимому, указанные камни появились на Самосе ранее 439 г. до н. э., и их следует датировать 450 — началом 440-х гг. до н. э.¹⁴, т. е. наличие священных участков не следует связывать с подавлением восстания. Дж. Баррон высказал предположение, что подобные надписи свидетельствуют о том, что на Самосе ещё в середине V в. до н. э. был с целью укрепления связей с гегемоном союза добровольно установлен культ Афины, Иона и четырёх ионийских эпонимов¹⁵, и в доказательством тому может служить использование эпитета Афины «Владычица Афин» (Ἐπιθετικὴ Ἀθηνῶν μεδέουσα)¹⁶. Согласно этому предположению, данный эпитет

---

¹² Касаткина Н. А. Указ. соч. С. 9.

¹³ Об этом упоминают Фукидид (Thuc. I.115) и Диодор (Diod. XII.27).

¹⁴ Такую датировку на основании подробного анализа стиля высеченных на камнях надписей предложил Дж. Баррон (*Barron J. P. Op. cit. P. 45*), и с ним согласен Р. Мейггс (*Meiggs R. Op. cit. P. 296*).

¹⁵ Баррон убедительно доказывает, что речь идет именно о четырёх ионийских эпонимах, а не о собственно афинских (*Barron J. P. Op. cit. P. 44*).

¹⁶ *Barron J. P. Op. cit. P. 45*. Помимо аргумента с использованием специфического эпитета, Дж. Баррон также указывает на то, что, исходя из особенностей начертания букв, надписи на камнях, в большинстве сво-

равнозначен более привычному эпитету Афины — Πόλιας, и именно последний использовался бы в том случае, если бы камни были установлены по указанию Афин¹⁷. Однако, как замечает О. М. Макарова, с той же степенью вероятности можно предположить, что ситуация могла быть совершенно обратной, и Афины использовали бы эпитет, более привычный местным жителям (т. е. «Владычица Афин»), чтобы не вызвать смешения с культами местных богинь. К тому же, эпитет «Владычица Афин» встречается в декрете Афин о Колофоне (ML 47, 14), также усмирённом после восстания, на территорию которого была, по всей видимости, выведена колония. Да и ситуация в середине века не способствовала тому, чтобы члены Делосской симмахии добровольно устанавливали явно проафинские культы: провалилась египетская кампания, союзная казна была перенесена в Афины, ряд полисов предпринял попытки отложиться от союза¹⁸. Возможно, существовала определённая напряжённость в отношениях между Афинами и Самосом в период с середины 450-х до 441 гг. до н. э., и можно предположить, что Афины конфисковали часть земель у союзника и выделили их в темен Афины, напоминая таким образом о своём статусе гегемона союза¹⁹. Однако, как справедливо отмечают исследователи, предлагающие такое восстановление событий, данная гипотеза представляется очень зыбкой, хотя в пользу неё можно привести следующий аргумент: аналогичные надписи на межевых камнях, которые, по видимому, можно отнести к этому же времени, были найдены на о. Кос, о колонизации которого также не сохранилось сведений. Возможно, они тоже свидетельствуют о неких земельных конфискациях, произведённых Афинами²⁰.

ём, по-видимому, были сделаны мастерами не афинского, а местного происхождения.

¹⁷ Подробному анализу идентичности двух эпитетов Афины уделено особое внимание в статье Дж. Баррона (*Barron J. P. Op. cit. P. 42–44*).

¹⁸ *Meiggs R. Op. cit. P. 109–128; Макарова О. М. Указ. соч. С. 121.*

¹⁹ *Meiggs R. Op. cit. P. 298; Макарова О. М. Указ. соч. С. 122.*

²⁰ *Meiggs R. Op. cit. P. 197; Макарова О. М. Указ. соч. С. 122.*

Таким образом, к сожалению, приходится констатировать, что как данные античных историков, так и имеющиеся в нашем распоряжении эпиграфические свидетельства не позволяют ответить однозначно ни на вопрос о судьбе Самоса после событий 439 г. до н. э. в целом, ни на вопрос о выводе на территорию острова афинской колонии в частности. Можно лишь с большой долей вероятности утверждать, что появление теменов богини Афины на Самосе связано с определённым вмешательством Афин в дела острова, однако это вмешательство не являлось следствием подавления восстания 441–439 гг. до н. э. и последующего выведения колонии на территорию острова либо выделения части его земель в государственное владение Афин.

Литература

- Касаткина Н. А.* К проблеме афинского управления покорённым Самосом // Из истории античного общества. Горький, 1988. С. 5–11.
- Макарова О. М.* Культ богини Афины в Первом Афинском морском союзе. Самара, 2009.
- Barron J. P.* Religious Propaganda of the Delian League // *JHS*. 1964. Vol. 84. P. 35–50.
- Gomme A. W.* Euboea and Samos in the Delian Confederacy // *CR*. 1936., Vol. 50. No. 1. P. 6–9.
- Legon R. P.* Samos in the Delian League // *Historia*. 1972. Bd. 21. Hft. 1. S. 145–158.
- Meiggs R.* *The Athenian Empire*. Oxford, 1972.
- Wagner M.* *Zur Geschichte der attischen Kleruchien*. Tübingen, 1914.

Olga I. Aleksandrova

Athenian Colony on Samos in V B. C.: Myth or Reality?

The problem of existence of the Athenian colony on Samos in V B. C. was rarely an object of particular interest to researchers, largely because of lack of sources. The article considers the available sources and the position of some historians on the subject. Particular attention is paid to the analysis of inscriptions on boundary stones found on Samos and containing a reference to the allocation of a part of the land to the goddess Athena.

Key words: Athens, Samos, the Delian League, colony.

Хрусталёв В. К.

«ЕГИПЕТСКИЙ ВОПРОС» В РИМСКОЙ ПОЛИТИКЕ В 60-е гг. ДО Н. Э.¹

В статье рассматриваются проблемы, связанные с так называемым «египетским вопросом» в римской политике в 60-е гг. до н. э. Автор также кратко анализирует попытки некоторых римских политиков в этот период аннексировать Египет.

Ключевые слова: Поздняя Римская республика, птолемеевский Египет, римский империализм.

Около 87 г.² погиб в сражении египетский царь Птолемей X Александр I. Своё царство он якобы завещал римскому народу³. Когда об этом завещании стало известно в

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-18-00390) в Российском государственном педагогическом университете им. А. И. Герцена.

² Все даты в статье — до н. э.

³ Собственно говоря, свидетельства источников (Cic. *Leg. agr.* I. 1; II. 41–42; Schol. Bob. 30–31 Hildebrandt) могут относиться к любому из двух египетских царей, носивших прозвище «Александр»: как к Птолемею X Александру I, так и к его сыну Птолемею XI Александру II, убитому александрийцами в 80 г., на 19-й день правления (App. *Bel. civ.* I.102; Porphyr. apud Euseb. I.165–166 Schoene = FHG. III.722). Долгое время наиболее распространённым было мнение, что упомянутое завещание было оставлено Птолемеем XI (например: *Bouché-Leclercq A. Histoire des Lagides.* T. 2. P., 1904. P. 121; *Volterra E. Le testament de Ptolémée Alexandre II, roi d'Égypte* // *BIE.* 1938–1939. T. 21. P. 97–131; *Volkmann H. Ptolemaios* (33) // *RE.* 1959. Bd. 23. Sp. 1748–1755). Однако Э. Бэдиан (на наш взгляд, весьма убедительно) продемонстрировал несостоятельность данной точки зрения и доказал, что Цицерон имел в виду именно Птолемея X (*Badian E. The Testament of Ptolemy Alexander* // *RhM.* 1967. Bd. 110. S. 178–192). Версия Э. Бэдиана принимается многими исследователями (например: *Shatzman I. The Egyptian Question in Roman Politics* (59–54 B. C.) // *Latomus.* 1971. T. 30. P. 363; *Harris W. V. War and Imperialism in Republican Rome, 327–70 B. C.* Oxf., 1979. P. 155; *Hölbl G. A History of the Ptolemaic Em-*

Риме, вопрос был поставлен на обсуждение в сенате. Подробности прений нам, к сожалению, неизвестны. Во второй речи против аграрного закона Сервилия Рулла, произнесённой в 63 г., Цицерон замечает: «Я вижу, найдётся тот, кто подтвердит, что завещание было составлено; я согласен, что существует суждение сената о вступлении в права наследства, вынесенное тогда, когда мы, после смерти Алексы, отправили в Тир послов, чтобы вернуть нашим⁴ деньги, оставленные царём. Я помню, как Луций Филипп часто подтверждал это в сенате»⁵ (Cic. *Leg. agr.* II. 41–42). Отсюда можно сделать вывод, что сенат проголосовал за принятие наследства; однако на это решение, очевидно, кем-то из народных трибунов была наложена интерцессия, так что оно приобрело статус не *senatus consul-*

---

pire / Trans. by T. Savadra. L.; N. Y., 2001. P. 222). Однако и иная точка зрения также имеет своих сторонников; см.: *Braund D. C. Royal Wills and Rome // PBSR. 1983. Vol. 51. P. 24–27* (он приводит несколько сильных аргументов против мнения Э. Бэдиана); *Montevicchi O. L'amministrazione dell'Egitto sotto i Giulio-Claudii // ANRW. Teil II. Bd. 10.1. 1988. S. 416*; *Siani-Davies M. Ptolemy XII Auletes and the Romans // Historia. 1997. Bd. 46. S. 307*. Мы сознательно оставляем в стороне вопрос о том, существовало ли вообще завещание Птолемея X, так как, с нашей точки зрения, на основании имеющихся свидетельств Цицерона об этом нельзя сказать ничего определённого; можно предполагать только, что письменный текст этого документа в сенат представлен не был. Если завещание действительно имело место быть, невозможно решить, являлось ли оно подлинным или сфабрикованной фальшивкой. Гораздо важнее, что факт его существования в Риме многими признавался и использовался для юридического обоснования аннексии Египта.

⁴ Под «нашими» Цицерон, вероятно, подразумевает римских всадников-ростовщиков, которые были кредиторами Птолемея X. Мнение Э. Волтерры (*Volterra E. Op. cit.*), полагающего, что речь идёт о деньгах, будто бы одолженных молодому Птолемею XI, возвращавшемуся в Египет, Суллой, следует отвергнуть как не подтверждаемое источниками.

⁵ «*Video qui testamentum factum esse confirmet, auctoritatem extare hereditatis aditae sentio tum quando Alexa mortuo legatos Tyrum misimus, qui ab illo pecuniam depositam nostris recuperarent. Haec L. Philippum saepe in senatu confirmasse memoria teneo*».

tum, а всего лишь *senatus auctoritas*⁶. Пожалуй, именно эта тёмная история с завещанием Птолемея X и выдвинула на повестку дня римской политики пресловутый «египетский вопрос». В настоящей статье мы хотели бы остановиться на некоторых проблемах, связанных с попытками его разрешения в 60-х гг. I в.

Для начала вкратце коснёмся событий несколько более раннего периода. Вопрос о завещании Птолемея, по видимому, обсуждался в сенате в конце 87 — начале 86 гг., после победы Мария и Цинны⁷. Внутриполитические обстоятельства аннексии Египта не благоприятствовали. Однако новым правителям Рима очень нужны были оставленные царём деньги; к тому же, оставаясь в Тире, они легко могли попасть в руки Суллы. Поэтому сенаторы приняли решение утвердить вступление в наследство. Глубоко ввязываться в египетские дела марианцы не были тогда заинтересованы, и на сенатское постановление наложили интерцессию; возможно, что народный трибун даже действовал по прямому указанию Цинны. Однако за деньгами, основываясь на *senatus auctoritas*, всё же послали. Если верить позднеантичному схолиасту, они были благополучно доставлены в Рим (Schol. Bob. 30–31 Hildebrandt); дальнейшая судьба этих денег неизвестна, но, рискнём предположить, что в тогдашней внутриполитической обстановке едва ли они были сразу возвращены заимодавцам покойного монарха. Действия марианцев с юридической точки зрения были, разумеется, далеко не безупречны, однако формальностями решили пренебречь. Вопрос же о завещании Птолемея оказался в подвешенном состоянии: по сути, не было принято официального решения ни о вступлении в наследство, ни об отказе от него.

---

⁶ Подробнее об этом см.: *Badian E. The Testament ... S. 180–181.*

⁷ См.: *ibid. S. 187 ff.*

Между тем, александрийцы после убийства Птолемея XI призвали к себе двух сыновей Птолемея IX Сотера II. Один из них, Птолемей XII, был возведён на египетский престол⁸; его брат был провозглашён царём Кипра. Положение нового царя было не слишком прочным. Существовали и другие претенденты из дома Лагидов, заявлявшие о своих правах на трон. Так, известно, что в 75 г. в Рим прибыла Клеопатра Селена, дочь Птолемея Эвергета II Фискона, сестра и супруга Птолемея IX и вдова сирийского царя Антиоха X Евсебия, сопровождаемая двумя своими сыновьями от него⁹. Будучи изгнана из Сирии армянским царём Тиграном (Strab. XVI .2.3; Ios. *Ant. Iud.* XIII. 419–420; id. *Bell. Iud.* I. 116), она в течение нескольких лет пыталась добиться от сената поддержки своих притязаний на Египетское царство, но успеха не достигла (Cic. *Verr.* II. 4.61). Как можно судить по намёку Цицерона, сенат не пожелал активно вмешиваться в египетские дела в тот момент, когда Рим вёл тяжёлые войны против Сертория и Митридата. Кроме того, едва ли римляне были заинтересованы в объединении держав Птолемеев и Селевкидов под властью одного монарха. В то же время Птолемей Авлет начиная с 70-х гг. предпринимал некоторые шаги, чтобы добиться официального признания Римом, и ему, по-видимому, удалось склонить на свою сторону некоторых влиятельных сенаторов — в частности, консула 69 г. Квинта Гортензия Гортала¹⁰.

---

⁸ Его культовый титул: Θεὸς Φιλόπατορ Φιλάδελφος Νεὸς Διόνυσος (подробнее см.: Hölbl G. *Op. cit.* P. 223). Впрочем, этот монарх более известен по прозвищу «Авлет» («флейтист»), которое он получил за пристрастие к игре на этом музыкальном инструменте (Strab. XVII .1.11; Athen. V. 206d).

⁹ См. об этом: Bouché-Leclercq A. *Histoire des Lagides*. P. 126–127.

¹⁰ Cic. *Verr.* II. 2.76 (говорит о Верреце): «Но пусть он является, пусть подаёт голос за объявление войны Криту, за дарование Византии прав свободного города, за признание Птолемея царём, — пусть он говорит всё, подаёт голос за всё, что отвечает желаниям Гортензия!» («Verum

В целом такое поведение полностью согласуется с общей направленностью римской внешней политики в данный период: сенат всячески стремился избегать аннексий и создания новых провинций¹¹. Ярким примером этого может служить ситуация с Киреной, которая должна была отойти к Риму ещё в 96 г. по завещанию другого царя из династии Лагидов, Птолемея Апиона¹². Однако Киренаика была превращена в римскую провинцию лишь спустя два десятилетия, в 75 г. (Sall. *Hist.* II, fr. 43 Maurenbrecher)¹³. Кроме того, сенат опасался предоставлять отдельным лицам слишком широкие и экстраординарные полномочия. Однако в 60-е и 50-е гг. положение постепенно меняется. Всё большее значение во внешней политике Рима приобретает личностный фактор, возрастающее влияние отдельных могущественных политических фигур, соперничающих друг с другом за власть и влияние. Это стало особенно очевидным после создания первого триумvirата.

«Египетский вопрос» вновь поставил на повестку дня ни кто иной, как один из будущих триумвиров, Марк Лициний Красс, который в свою цензуру в 65 г. предложил «превратить Египет в данника римлян» (Αἴγυπτον ποιεῖν ὑποτελή Ῥωμαίων), т. е. фактически — в римскую провинцию (Plut. *Crass.* 13.1–2; ср.: Cic. *Leg. agr.* II.44, где имя Крас-

---

veniat sane, decernat bellum Cretensibus, liberet Byzantios, regem appellet Ptolomaeum, quae vult Hortensius omnia dicat et sentiat») (пер. Ф. Ф. Зелинского).

¹¹ Подробнее см.: Badian E. *Roman Imperialism in the Late Republic*. Oxf., 1968. P. 29 ff.; Harris W. V. Op. cit. P. 159 ff.

¹² Об этом завещании и его последствиях см. подробнее: Oost S. I. *Cyrene, 96–74 B.C.* // CPh. 1963. Vol. 58. P. 11–25.

¹³ Согласно Аппиану (App. *Bel. civ.* I.111) — в 75/74 г., по Евтропию (Eutrop. VI.11) — в 67 г. См.: Harris W. V. Op. cit. P. 267.

са не называется)¹⁴. Несомненно, что юридическим обоснованием для данного шага должно было послужить именно завещание Птолемея X. Коллега Красса по должности, Квинт Лутаций Катул, воспротивился этому. Несомненно, что Катула поддержали некоторые другие влиятельные сенаторы. Цицерон также выступил против планов аннексии с речью «*De rege Alexandrino*»; впоследствии она была издана, но, к сожалению, сохранилась лишь во фрагментах¹⁵. Разногласия между Крассом и Катулом привели к тому, что они оба добровольно сложили с себя полномочия, даже не пересмотрев списков сената и не проведя ценза. Светоний также пишет, что курульный эдил 65 г. Гай Юлий Цезарь «попытался через трибунов [т. е., очевидно, через принятие трибунского закона — В. Х.] добиться, чтобы народное собрание предоставило ему командование в Египте» («*temptavit per partem tribunorum, ut sibi Aegyptus provincia plebiscito daretur*») (Suet. *Div. Iul.* 11.1; пер. М. Л. Гаспарова). Само по себе это сообщение выглядит совершенно невероятным: разумеется, курульный эдил никак не мог надеяться получить такое важное назначение в обход многих других, куда более влиятельных людей, даже если бы решение о вторжении

---

¹⁴ См. Marshall B. A. *Crassus: a Political Biography*. Amsterdam, 1976. P. 65. Ф. Эдкок (*Adcock F. E. Marcus Crassus, Millionaire*. Cambridge, 1966. P. 36) считает, что на самом деле Красс хотел добиться официального признания сенатом Птолемея Авлета, но ни один из источников не подтверждает эту версию.

¹⁵ M. Tullius Cicero. *The Fragmentary Speeches* / Ed. and comm. by J. W. Crawford. Atlanta, 1994. P. 43–56. Нам кажется несомненным, что эту речь следует датировать именно 65, а не 56 г., как это делают некоторые авторы (см., напр.: Bouché-Leclercq A. *La question d’Orient au temps de Cicéron (suite et fin)* // RH. 1902. T. 80. P. 2); см. об этом, напр.: Gelzer M. *Cicero. Ein biographischer Versuch*. Wiesbaden, 1969. S. 66 Anm. 63; M. Tullius Cicero. *The Fragmentary Speeches ...* P. 43.

было принято¹⁶. Однако вполне возможно, что Цезарь оказал в этом деле Крассу свою поддержку¹⁷. О мотивах, двигавших Крассом, мы можем только догадываться. Цицерон (как это понятно из фрагментов речи «*De rege Alexandrino*» и комментария к ним схолиаста: Schol. Bob. 30–31 Hildebrandt) на первое место выдвигает его алчность и корыстолюбие, что выглядит вполне правдоподобно. А. Уорд высказывает гипотезу, что контроль над Египтом был нужен Крассу и Цезарю главным образом затем, чтобы усилить их позиции при переговорах с Помпеем, с которым они надеялись вступить в соглашение¹⁸.

Следующая попытка разрешить, наконец, «египетский вопрос» была предпринята в конце 64 г., когда несколько вновь избранных народных трибунов во главе с Сервилием Руллом предложили проект аграрного закона, согласно которому предусматривалось создание комиссии децемвиров для распределения государственных земель (Cic. *Leg. agr.* II. 13)¹⁹. Как можно заключить из слов Цицерона (Cic. *De leg. agr.* II. 41–44), о Египте в этом проекте прямо ничего не говорилось; однако решение о принятии

---

¹⁶ Ward A. M. Cicero's Fight against Crassus and Caesar in 65 and 63 B. C. // *Historia*. 1972. Bd. 21. S. 247–248; Hölbl G. Op. cit. P. 224.

¹⁷ См.: Ward A. M. Cicero's Fight... S. 244 ff. Дж. Самнер (Sumner G. V. Cicero, Pompeius, and Rullus // *TAPhA*. 1966. Vol. 97. P. 574) вообще приписывает всю инициативу в этом деле Цезарю, который будто бы действовал в интересах Помпея. С этим мнением мы не можем согласиться.

¹⁸ Ward A. M. Cicero's Fight... S. 248–250.

¹⁹ Литература, посвящённая законопроекту Рулла, весьма обширна; см., напр.: Hardy E. G. The Policy of the Rullan Proposal in 63 B. C. // *JPh*. 1913. Vol. 32. P. 228–260; Ciaceri E. *Cicerone e i suoi tempi*. Vol. I. Milano, 1939. P. 196–212; Afzelius A. *Das Ackerverteilungsgesetz des P. Servilius Rullus* // *C&M*. 1940. Vol. 3. P. 215 ff.; Jonkers E. J. *Social and Economic Commentary on Cicero's De lege agraria orationes tres*. Leiden, 1963; Flach D. *Die Ackergesetzgebung im Zeitalter der römischen Revolution* // *HZ*. 1973. Bd. 217. S. 289–291.

или отказе от наследства Птолемея X будто бы передавалось в руки децемвиров. Цицерон, вступивший 1 января 63 г. в должность консула, обрушился на новый законопроект с резкой критикой, произнеся против него несколько речей сначала в сенате, а затем и перед народом. В этих речах Цицерон, среди прочего, заявил, что проект Рулла направлен против Гнея Помпея (Cic. *Leg. agr.* I. 5; II. 23ff., 46, 49–55, 60–62, 99; III. 16). По его словам, одной из главных целей истинных инициаторов закона, стоящих за спиной Рулла (их имён Цицерон нигде открыто не называет), является захват Египта, которого они не сумели добиться в 65 г., действуя открыто (Cic. *De leg. agr.* II. 44); это очевидный намёк на Красса и, возможно (если принимать во внимание информацию Светония), — на Цезаря. По поводу того, кто в действительности стоял за Сервилием Руллом и каковы были их цели, в историографии идёт дискуссия. С точки зрения одних исследователей, в реальности Рулл и его товарищи действовали скорее в интересах Помпея, чем вопреки им²⁰; другие авторы с доверием относятся к свидетельствам Цицерона и полагают, что законопроект Рулла действительно имел антипомпеянскую направленность, а стояли за ним Красс и Цезарь²¹. Как бы то ни было, нам представляется, что не стоит преувеличивать значение «египетского вопроса» в законопроекте Рулла и рассматривать его как естественное продолжение событий 65 г., — главные цели его были всё же другими. Одного лишь создания комиссии децемвиров было недос-

---

²⁰ См. *Sumner G. V. Op. cit.* P. 569–582; *Seager R. Pompey the Great: A Political Biography.* Oxf., 2002. P. 69. Впрочем, Р. Сигер признаёт, что Красс мог перехватить инициативу и попытаться использовать проект помпеянского закона в своих целях, чтобы захватить контроль над предполагаемой комиссией децемвиров.

²¹ Например: *Gelzer M. Op. cit.* S. 72–73; *Ward A. M. Cicero's Fight...* S. 251 ff.; *Idem. Marcus Crassus and the Late Roman Republic.* Columbia, 1977. P. 154 ff.; *Marshall B. A. Op. cit.* P. 66; *Siani-Davies M. Op. cit.* P. 313.

таточно для принятия решения о превращении Египта в римскую провинцию; Цицерон здесь явно сгущает краски. Необходимо было утверждение завещания Птолемея X сенатом или комициями²².

Сам Птолемей Авлет, по-видимому, в этот период сделал ставку на поддержку Помпея. А. Пиганьоль предполагает, будто осенью 67 г. Помпей даже лично посетил Египет²³. В том, что в период пребывания Помпея на Востоке такой визит состоялся, сомнений почти нет²⁴, хотя датировка, предложенная А. Пиганьоном, не бесспорна. Между победоносным римским полководцем и египетским царём установились тесные контакты. Так, Авлет послал Помпею вспомогательный отряд в 8 000 солдат (Plin. *Mai. Hist. nat.* XXXIII. 136); также царь отправил римлянину в Дамаск многочисленные дары, и в их числе — массивный венок из чистого золота (Jos. *Ant. Iud.* XIV. 35). Более того: Авлет в 63 г. даже обратился к Помпею за военной помощью для подавления вспыхнувшего в Египте восстания против него; Помпей царю отказал (App. *Mithr.* 114). В целом, на основе этих свидетельств создаётся впечатление, что инициатива при этих контактах исходила от Птолемея XII: сам Помпей принимал подарки и другие знаки дружеского расположения, но никаких конкретных обязательств по отношению к Авлету на себя не брал.

Для периода с 63 и по 59 гг. сведения о каких-либо римско-египетских контактах исчезают из имеющихся источников. Лишь в 59 г., когда консулом становится Цезарь, «египетский вопрос» вновь приобретает актуальность.

---

²² См.: Sumner G. V. *Op. cit.* P. 576–577.

²³ Piganiol A. Un episode inconnu de la vie de Pompée // Studi in onore di Aristide Calderini e Roberto Paribeni. 1956. Vol. 1. P. 133–138, опираясь, главным образом, на фрагмент Лукана (Lucan. II. 583–587).

²⁴ См. также: Seager R. Two Disparate Notes: 1) Crassus, Ptolemy Auletes and Ennius' Medea; 2) Digest 34.5.13(14).3 // LCM. 1980. Vol. 5. P. 89; Siani-Davies M. *Op. cit.* P. 314.

Продолжает оставаться важным пунктом римской политики он и в последующее десятилетие²⁵.

Источники

- Appiani historia Romana / Ed. L. Mendelsohn. Vol. 1-2. Lipsiae. 1879-1881.
- Athenaeus. Deipnosophistae / Ed. and trans. by C. B. Gullick. Vol. 1-7. Cambridge, 1950.
- Ciceronis M. Tulli orationes / Rec. A. C. Clark. Vol. 1-6. Oxonii, 1909-1911.
- Ciceronis M. Tulli orationum deperditarum fragmenta / Ed. G. Puccioni. Mediolani, 1963.
- Eutropi breviarium ab urbe condita cum versionibus Graecis et Pauli Landolfique additamentis / Ed. H. Droysen // MGH. AA. T. II. Berolini, 1879.
- Flavii Iosephi opera / Ed. B. Niese. Berolini, 1895.
- Lucani M. Annaei de bello civili libri X / Ed. D. R. Shackleton Bailey. Stutgardiae, 1997.
- Plini Secundi C. naturalis historiae libri XXXVII / Ed. K. Mayhoff. Vol. 1-5. Lipsiae, 1892-1909.
- Plutarchi vitae parallelae (Plutarch's lives) / With an Engl. trans. by B. Perrin. Cambridge (Mass.); L., 1919.
- Sallustii Crispi C. historiarum reliquiae / Ed. B. Maurenbrecher. Vol. 1. Lipsiae, 1891.
- Scholia in Ciceronis orationes Bobiensia / Ed. P. Hildebrandt. Lipsiae, 1907.
- Strabonis geographica / Ed. A. Meineke. Lipsiae, 1877.
- Suetoni Tranquilli C. quae supersunt omnia / Rec. C. L. Roth. Lipsiae, 1886.
- Светоний Транквилл Гай. Жизнь двенадцати цезарей / Пер. с лат. М. Л. Гаспарова. М., 1964.

---

²⁵ Об этом наиболее подробно см.: *Shatzman I.* Op. cit. P. 363-369.

Цицерон Марк Туллий. Полное собрание речей в русском переводе / Пер. с лат. В. А. Алексеева под ред. Ф. Ф. Зелинского. Т. 1. СПб., 1901.

Литература

- Adcock F. E.* Marcus Crassus, Millionaire. Cambridge, 1966.
- Afzelius A.* Das Ackerverteilungsgesetz des P. Servilius Rullus // C&M. 1940. Vol. 3. P. 214–235.
- Badian E.* The Testament of Ptolemy Alexander // RhM. 1967. Bd. 110. S. 178–192.
- Badian E.* Roman Imperialism in the Late Republic. Oxf., 1968.
- Bouché-Leclercq A.* La question d'Orient au temps de Cicéron (suite et fin) // RH. 1902. T. 80. P. 1–24.
- Bouché-Leclercq A.* Histoire des Lagides. T. II. Paris, 1904.
- Braund D.C.* Royal Wills and Rome // PBR. 1983. Vol. 51. P. 16–57.
- Ciaceri E.* Cicerone e i suoi tempi. Vol. 1. Milano, 1939.
- Flach D.* Die Ackergesetzgebung im Zeitalter der römischen Revolution // HZ. 1973. Bd. 217. S. 265–295.
- Gelzer M.* Cicero. Ein biographischer Versuch. Wiesbaden, 1969.
- Hardy E. G.* The Policy of the Rullan Proposal in 63 B. C. // JPh. 1913. Vol. 32. P. 228–260.
- Harris W. V.* War and Imperialism in Republican Rome, 327–70 B. C. Oxf., 1979.
- Hölbl G.* A History of the Ptolemaic Empire / Trans. by T. Savadra. L.-N. Y., 2001.
- Jonkers E. J.* Social and Economic Commentary on Cicero's *De lege agraria orationes tres*. Leiden, 1963.
- Marshall B. A.* Crassus: a Political Biography. Amsterdam, 1976.
- Montevocchi O.* L'amministrazione dell'Egitto sotto i Giulio-Claudii // ANRW. Teil II. Bd. 10.1. 1988. S. 412–471.
- Oost S. I.* Cyrene, 96–74 B. C. // CPh. 1963. Vol. 58. P. 11–25.
- Piganiol A.* Un episode inconnu de la vie de Pompée // Studi in onore di Aristide Calderini e Roberto Paribeni. Vol. 1. Milano, 1956. P. 135–138.

- Seager R.* Two Disparate Notes: 1) Crassus, Ptolemy Auletes and Ennius' Medea; 2) Digest 34.5.13(14).3 // LCM. 1980. Vol. 5. P. 89–90.
- Seager R.* Pompey the Great: A Political Biography. Oxf., 2002.
- Shatzman I.* The Egyptian Question in Roman Politics (59–54 B. C.) // Latomus. 1971. T. 30. P. 363–369.
- Siani-Davies M.* Ptolemy XII Auletes and the Romans // Historia. 1997. Bd. 46. S. 306–340.
- Sumner G. V.* Cicero, Pompeius, and Rullus // TAPhA. 1966. Vol. 97. P. 569–582.
- Volkman H.* Ptolemaios (33) // RE. 1959. Bd. 23. Sp. 1748–1755.
- Volterra E.* Le testament de Ptolémée Alexandre II, roi d'Égypte // BIE. 1938–1939. T. 21.
- Ward A. M.* Cicero's Fight against Crassus and Caesar in 65 and 63 B. C. // Historia. 1972. Bd. 21. S. 244–258.
- Ward A. M.* Marcus Crassus and the Late Roman Republic. Columbia, 1977.

Vyacheslav K. Khrustalyov

The «Egyptian Question» in Roman Policy in the 60s B.C.

In this paper the author considers the problems connected with the so-called «Egyptian question» in Roman policy in the 60s B. C. He also briefly analyses the attempts of some Roman politicians to annex Egypt in this period.

Key words: Late Roman Republic, Ptolemaic Egypt, Roman imperialism.

A. L. Kubik

ABOUT ONE GROUP OF IRANIAN MACES IN THE CONTEXT OF THE NEW FIND FROM SIVAS, TURKEY: AN ANALYSIS FROM THE SASANIAN TO THE SAFAVID PERIOD¹

A recent find of a lion headed mace from a monastery complex in Sivas, Turkey, sheds new light on the development and chronology of anthropomorphic and zoomorphic maces from Kushan and Sasanian times until the early modern era. The mace from Sivas features a lion-shaped head with facial features and an interesting curvature. The mace has been dated to the XIV–XV centuries.

The analysis and chronology of anthropomorphic and zoomorphic maces is detailed. Common features of such maces include a Heracles' knot, a fist or hand at the pommel, and a shaped anthropomorphic or zoomorphic head. Some maces contain a number of human or animal faces. Such maces started appearing in the Arsacid era, but became more prominent under the Kushans (where bird headed maces and large clubs were also symbols of power) and late Sasanians. They also became popular in Central Asia. Maces are not present in the majority of Sasanian iconography, which may be due to their insignificance in the early Sasanian era when the iconographical or artistic canon was being developed.

Changes in the shaft shape and curvature and the stylisation of the head occurred in the course of time. Post-Sasanian maces likely continued from Sasanian forms, but a new form was introduced with the Seljuks. Seljuk maces were all lion headed and human headed and bull headed maces disappeared. The shafts are classed as «r-shaped» due to their single curvature. In the post-Mongol era, shafts took on a double-curvature shape and are classed as «s-shaped» Bull headed maces became prominent once again in the Safavi and Qajar periods.

Further finds of maces with dating will provide further information on the chronology of such maces and may allow us to track the development and forms of such maces with even more precision.

Key words: zoomorphic mace heads, maces, clubs, sceptres, arms, Shah-nameh, Kushan, Sasanid, Islamic, Ghaznavid, Seljuk, Mongol, Timurid, Iran, India.

A mace with a zoomorphic, lion-shaped head can be found in a collection of an old monastery complex, called

---

¹ Transl. from Polish into English by P. N. Skupniewicz, S. N. Ahmad.

*Tekke*² in Turkish and located in Sivas (ancient Sebasteia in modern central Turkey)³. The architectural sites of the above type were the centers of culture and art in addition to their religious function⁴. The same goes for the old, most likely 16th century, *Tekke* in Sivas, which, except for a prayer site, was employed as a military and cultural center. Due to heavy usage of the site a large collection of arms and armour naturally accumulated there. Among the artifacts held there one may find the mace mentioned above, named as one of the oldest there. This artifact is interesting enough that it sheds new light on the evolution of zoomorphic maces in Iran from the Islamic conquest until the Safavid period.

The Susamışlar Konağı mace is constructed with a shapeless head placed on the metal socket. It features pronounced bumps and a distinct handle. The zoomorphic head has almond-shaped eyes and ears, well-marked nostrils and a wide open mouth. Inside the mouth one can find seven uneven teeth (three in the upper and four in the lower jaw). On the edges of the mouth there are four hemispherical bumps. The animal head finishes in a pronounced collar and after that transforms into S-shaped shaft. The back extends well beyond the axis made by the handle. The handle itself has a round cross-section and finishes in a polygonal handle. The hilt/handle had been marked with two bumps, the lower one was made in the shape of a six-petaled rosette. The dimensions of the artifact: total length 65 cm, head 13 cm, the shaft 35 cm, handle 17 cm. The cross-section by the ears of the beast – 3,6 cm, width of the upper bump 3,6 cm, the lower one – 3,5 cm,

---

² We can also use pers. *chanaka* term.

³ The Author wants to thank Hilmi Arıcı for the access to Susamışlar Konağı collection. The Author knows that the shape of the lion is hypothetical.

⁴ *Starodub T. H. Srednevekoviya arhitektura, svyazannaya s sufizmom: hanaka, zaviya, takiya // Sufizm v kontekste musul'manskoy kulturi / Pod red. N. I. Prigarinoy. Moskva, 1989. S. 268–280.*

width of the finial – 3 cm, the width of the shaft varies between 1,0–1,1 cm.

Origins of zoomorphic maces

Maces are one of the oldest weapons known in Mesopotamia, Bactria, Asia Minor and ancient Egypt⁵. It is of the utmost importance that the hieroglyph in the shape of mace had the meaning of *fight* in early dynastic script⁶. The mace appears to be one of the most popular weapons of Indo-European deities. In III Millennium BC Mesopotamian maces appeared as a form of regalia and religious/magical tool. This can be evidenced by the lack of normal humans being depicted fighting with this kind of weapon⁷.

Maces are placed in a unique place in the imagery, religion and tradition of Iran⁸⁸. It should be pointed out however that the research of the subject, especially concerning the period from late antiquity until the Safavids is less than modest. An attempt of classification of this sort of weapons was made by M. M. Khorasani who divided the maces into three basic groups. The first one consisted of regular and pear-shaped heads and clubs/cudgels. The second group was formed by the weapons with the bulbs, the feathers, pikes and flanged

---

⁵ Żygulski Z., *jun.* Geneza i typologia buław hetmańskich // Muzealnictwo Wojskowe. T. 2. Warszawa, 1964. P. 240–241; Michalak A. Głowica buławy z Trzciana, pow. Międzyrzecz. Uwagi w kwestii występowania buław na ziemiach polskich w średniowieczu, na tle znalezisk europejskich // AŚN. 2005. Vol. 4. P. 186.

⁶ *Izmajlov I. L.* Vooruzhenie i voennoe delo naseleniya Volzhskoy Bulgarii X – nachala XIII vv. Kazan; Magadan, 1997. P. 96; *Gorelik M. V.* Oruzhie Drevnego Vostoka. IV tisyacheletije – IV vek do n. e. Moskva, 1993. S. 57.

⁷ *Ibid.* S. 57–58.

⁸ *Harper P. O.* The Ox-headed Mace in Pre-Islamic Iran // Papers in Honour of Mary Boyce. Acta Iranica. 1985. Vol. 24. P. 246, *Doostkhal J. Gorz* // Encyclopædia Iranica. Vol. 11. Fasc. 2.

URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/gorz> (originally published: December 15, 2002), *Khorasani M. M.* Arms and Armour from Iran. The Bronze Age to the End of Qajar Period. Tübingen, 2006. P. 251.

maces. The third group consisted of the weapons with human and animal style heads⁹. The publications of Khorasani's third group, located within the core interest of the current paper, are devoted to preserved finds¹⁰, and the alleged Sasanian origin of the type which is founded mainly in the records provided by *Shah-nameh*¹¹.

Due to its later date, it may be inappropriate to use the *Shah-nameh* as the main source for studying Sasanian arms, armour, and regalia. The *Shah-nameh* or *The Book of Kings*, a profound work of Abol Ghasem Ferdowsi was written down at the break of 10th and 11th centuries. It was most likely based on Sasanian *Xwadāy-namāg* being a book of royal deeds gathered down and written during the reign of Xusro I Anushirvan¹². These stories were transmitted orally by the court min-

---

⁹ Khorasani M. M. Arms and Armour from Iran. P. 251-261. We need to agree with E. V. Perevodchikova's arguments (see: *Perevodchikova E. V. Yazyk zverinyh obrazov. Ocherki iskusstva evraziyskikh stepey skifskoy epohi.* Moskva, 1994). In some specific situations we can talk about the *style* even if the human or animal shape isn't a *style* itself.

¹⁰ *Muscarella O. W.* Bronze and Iron. Ancient Near Eastern Artifacts in the Metropolitan Museum of Art. N. Y., 1988. P. 293-296; *Overlaet B.* Regalia of the Ruling Classes in late Sasanian times. The Riggisberg strap mountings, swords and archer's fingercaps // *Entlag der Seidenstraße. Frühmittelalterliche Kunst zwischen Persien und China in der Abegg-Stiftung / Hrsg. K. Otavsky.* Riggisberg, 1998. P. 267-298; *Nicolle D.* Arms and Armour of the Crusading Era. 1050-1350. Islam, Eastern Europe and Asia. L., 1999. P. 207-268; *Al-Sarraf S.* Close Combat Weapons in the Abbasid Period. Maces, Axes and Swords // *Companion to Medieval Arms and Armour / Ed. by D. Nicolle.* Oxford, 2002. P. 203-206, and others.

¹¹ *Harper P. O.* The Ox-headed Mace in Pre-Islamic Iran. P. 247-259; *Khorasani M. M.* Arms and Armour from Iran. P. 258-261; *idem.* Arms and Armor of Achamenians and Sassanians // *Fezana Journal.* 2006. Summer Issue. P. 89; *idem.* La Masse d'Arme à Tête de Taureau: Une Combinaison de Puissance et de Prestige // *La Revue de Téhéran. Mensuel Culturel Iranien en Langue Française.* 2010. No. 53. P. 56-61.

¹² *Shahbazi A. Sh.* On the *Xwadāy-namāg* // *Iranica Varia: Papers in Honour of Professor Ehsan Yarshater.* Leiden, 1990. P. 223; *Daryaei T.* Kāve the Black-

strels called *gōsān/huniyāgar*. It also included the poetry of local singers named *naggāle-xān*, who survived well into later Middle Ages under the names of *naggāle-xān i Šāhnāme-xān* and were renowned for their memory and voice in Timurid courts¹³. Even during the Sasanian times a part of the poem existed only in the oral versions and depending on its audience they could have been modified according to the demand. It is difficult to assess the extent of modification applied to *Shah-nameh*¹⁴. The earliest known copy of *Shah-nameh* comes from 13th century¹⁵. The original text of Ferdousi could have been modified afterwards, especially in regard to a particular satirical part about Mahmoud of Ghazni¹⁶. The above mentioned facts make it clear that Ferdowsi's masterpiece should be analyzed with the utmost cautiousness and can be treated only as a marginal source for the researchers of the Sasanian arms and armor. As a result, the current Author has also analyzed the maces of the pre- and early Islamic maces in order to allow a wider view and insights into the development of the weapon.

All studies of Iranian weaponry from Late Antiquity should start with an analysis of the iconography¹⁷. It might be found far too commonly, to state that the weapons, being also a piece of regalia used by the individuals of high status, should be reflected by the depictions of the period. A short analysis of a representative number of artworks has been

---

smith: An Indo-Iranian Fashioner? // Studien zur Indologie und Iranistik, Reinbeck, 1999. P. 11.

¹³ *Daryaei T.* Op. cit. P. 11-12.

¹⁴ *Ibid.* P. 12.

¹⁵ *Adamowa A. T., Gyuzalian L. T.* Miniatury rukopisi poemi Shahname 1333 goda. Leningrad, 1985. S. 9.

¹⁶ *Shahbazi A. Sh.* Ferdousi: A Critical Biography. Cambridge, 1991. P. 101; *Dabiri G.* The Shahnama: Between the Samanids and the Ghaznavids // IS. 2010. Vol. 43. № 1. P. 14.

¹⁷ *Skupniewicz P.* Sasanian Plate Armour // FAH. 2006. Fasc. 19. P. 19.

made in order to set a canon for Iranian royal regalia and armament in Late Antiquity¹⁸. Basing on the works of A. D. H. Bivar¹⁹, R. N. Frye²⁰, P. O. Harper²¹, L. V. Berghe²², B. Marschak²³, K. V. Trever and V. G. Lukonin²⁴, H. von Gall²⁵, D. Nicolle²⁶, R. Gyselen²⁷, J. C. Y. Watt²⁸, P. N. Skupniewicz²⁹, Ch. Miks³⁰, one can conclude that the canonical weapons of the

---

¹⁸ About 150 illustrations of kings, noblemen and warriors, including single figures and groups of men-at-arms were included in the survey.

¹⁹ *Bivar A. D. H.* A Parthian Amulet. In Memory of Professor W. B. Henning // BSOAS. 1967. Vol. 30. Issue 03. P. 524–525.

²⁰ *Frye R. N.* Sasanian Remains from Qasr-i Abu Nasr. Seals, Sealings, and Coins. Cambridge, 1973. P. 22, 26–148.

²¹ *Harper P. O.* The Royal Hunter. Art of the Sassanian Empire. N. Y., 1978. P. 15, 33, 39, 42–43, 88–89, 113, 143, 147; *idem.* Silver Vessels of the Sassanian Period. Vol. 1. Royal Imagery. N. Y., 1981. P. 96, 209–239.

²² *Berghe L. V.* Reliefs rupestres de l'Irān ancient. Brussels, 1984. P. 50–84; *idem.* Barm-e Delak // Encyclopaedia Iranica. Vol. 3. Fasc. 8. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/barm-e-delak> (originally published: December 15, 1988).

²³ *Marschak B.* Silberschätze des Orients. Metallkunst des 3.–13. Jahrhunderts und ihre Kontinuität. Leipzig, 1986. S. 121–125, 127, 370–373.

²⁴ *Trever K. V., Lukonin V. G.* Sasanidskoe serebro. Sobranie Gosudarstvennogo Ermitazha. Hudozhestvennaya kul'tura Irana III–VIII vekov. Moskva, 1987. S. 54–63, 72–74. Tab. 1–5, 6–12, 14–17, 75–78.

²⁵ *Gall H., von.* Das reiterkampfbild in der iranischen und iranisch beeinflussten Kunst partischer und sasanidischer zeit. B., 1990. S. 20–37, 43. Tab. 1–19.

²⁶ *Nicolle D.* Sasanian Armies. The Iranian Empire early 3rd to mid-7th centuries AD. Stockport, 1996. P. 11–13, 16, 18, 22, 26, 30.

²⁷ *Gyselen R.* L'Aet sigillaire Sassanide dans les collections De Leyde. Leiden, 1997. P. 48, 50. Tab. 1–35.

²⁸ *Watt J. C. Y.* China: Down of a Goldan Age, 200–750 A. D. N. Y., 2004. P. 52, 152.

²⁹ *Skupniewicz P. N.* Sasanian Plate Armour // FAH. 2006. Fasc. 19. P. 23, 27, 29; *idem.* Helm wojownika przedstawionego na kapitelu w Tak e Bostan // AMM. 2007. Vol. 3. P. 14; *idem.* Shafted Weapons of Sasanian Hunting Iconography // FAH. 2009. Fasc. 22. The Hunt and Hunting Weapons in Antiquity and the Middle Ages. P. 51–53, 55, 57, 59–62; *idem.* Composition Designs in Animal Combat Scenes in Sasanian Art. Gdańsk, 2013. Slides 3–23.

³⁰ *Miks Ch.* Relikte eines frühmittelalterlichen Oberschichtgrabes? Überlegungen zu einem Konvolut bemerkens-werter Objekte aus dem Kunsthau-

Sasanians consisted of swords, spears/lances and javelins, and archery equipment. Other forms of weaponry do not appear as commonly in Sasanian art³¹.

Maces were depicted five times in the analyzed material³². This includes: a silver-gilt plate with the scene of the Triumph of Dionysus from the State Historical Museum in Moscow; and four amulet-seals with the mythical combat of a hero and an animal hybrid³³. These mentioned seals constitute the continuity with the Iranian seals known from Parthian and Indo-Parthian collections of the British Museum. It should be stated clearly that in all mentioned instances a mace was depicted as an attribute used to illustrate a mythical scene known to an artisan from the stories told. Among the examples listed above a depiction of an ox-headed mace requires special attention. The amulet depicts most likely the scene of killing *Zahhāk* by *Faridun*³⁴. P. O. Harper dated the gem not earlier than 4th century but she did not provide *terminus post quem* for this item. She stated that the obverse indicates the Sasanian origin but the reverse does not remind of the style of the Parthian or Sasanian pieces. Harper had observed Kushan, Hunnic and Avar influence in the pieces³⁵. One further significant depiction of the mace in the said era is the maces de-

---

del // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 2009. Bd. 56. S. 428, 476, 485.

³¹ Daggers, lariats, and axes are also seen in Sasanian artwork.

³² To be more precise 6 times. In one of the illustrations (*Bivar A. D. H. Op. cit.* P. 518) we cannot see the mace clearly but basing on the other gems analysis we can say that the 5th Bivar gem also shows a mace.

³³ It is interesting to note a similarity between the analysis of these illustrations and Greek mythology, where at the beginning a mace/club is shown as weapon used against animal beasts, never as a weapon used on the battlefields or human-human duels (*Cohen B. From Bowman to Clubman. Hercules in Olympia // The Art Bulletin.* 1994. Vol. 76. № 4. P. 698).

³⁴ *Bivar A. D. H. Op. cit.* P. 524; *Harper P. O. The Ox-headed Mace in Pre-Islamic Iran.* P. 257.

³⁵ *Harper P. O. The Ox-headed Mace in Pre-Islamic Iran.* P. 257.

scribed by Sir A. Stein on the wall paintings from Kuh-e Khwaja. On the western facade of the Eastern gate there are three anthropomorphic individuals with three heads, accompanied by a seated individual holding an ox-headed mace. The depiction recalls certain examples of Central Asian Buddhist art. The dating of the murals from Kuh-e Khwaja is problematic. The standing personages can be related not only to Sasanian or Parthian art, but also to Kushan art of Pakistan and Afghanistan. Diversified styles (including Hellenistic modeling, Buddhist shapes, and flat forms known from Sasanian art) prove that the decorations of the Kuh-e Khwaja walls were an effect of a complex process that involved several cultural artistic styles that may have lasted several centuries³⁶.

The Middle-Persian term for a mace was *wazr/vazr*³⁷. Until the times of Tabari, Dinawari, Bal'ami and Ferdowsi no name of explicit shape was known. The phrase *gurza-ye gāvsār* (bull headed mace) that appears in *Szah-nameh*, cannot be found in written Middle Persian sources from the Sasanian era³⁸. Nowadays all Iranian maces, irrespective of the type, are described as *gorz*³⁹.

In the light of the above facts the question about the provenance of the maces from the beginning of the Sasanian period until the rise of Islam that should be asked. Analysis of Kushan material is an important aspect. Maces or clubs were weapons of utmost importance for the Kushans. It was de-

---

³⁶ Kawami T. S. Kuh-e Khwaja, Iran, and Its Wall Paintings: The Records of Ernst Herzfeld // MMJ. 1987. Vol. 22. P. 26.

³⁷ Tafazzoli A. A List of Terms for Weapons Armour in Western Middle Iranian. Dedicated to Professor A. D. H. Bivar // Silk Road Art and Archeology. 1993/94. Vol. 3. P. 194; Khorasani M. M. Lexicon of Arms and Armor from Iran. A Study of Symbols and Terminology. Tübingen, 2010. P. 436.

³⁸ Tafazzoli A. Op. cit. P. 194.

³⁹ Kobylański L. Oręż Perski i Indoperski XVI-XIX wieku ze zbiorów polskich: katalog wystawy. Malbork, 2000. P. 66.

picted both as a weapon and as a designation of royal power⁴⁰. The latter ones appear in the shape of unnaturally large clubs⁴¹ known from the famous Kanishka statue from Mathura Museum and the scepters on the Kushan coinage⁴². M. M. Spagnoli associates this weapon with the solar deities which, both in India and in Iran, were wielding these against the forces of evil⁴³. The depictions of maces with numerous knobs are an exceptionally interesting aspect. The Author identifies them as the heads in the shape of numerous faces and observes some similarity of these to Gupta column capitals. There may also be some parallels with some Indian columns including the famous Ashoka pillar. The maces' origins in pre-Kushan, Mesopotamian cosmological beliefs are also explored⁴⁴.

Short scepters in a simple form of short staff, most often with a zoomorphic head, were present in Kushan art in the depictions of the goddess Nana (a goddess with Mesopotamian origins)⁴⁵. Especially interesting are the bird headed scepters/maces, often depicted in the hands of King Huvishka⁴⁶. The bird headed maces are also present on one of nine golden, Kushan discs collected on the territory of Pakistan by Professor Samuel Eilenberg in 1970 (now belonging to a private collection) which most likely came from a burial and

---

⁴⁰ Spagnoli M. M. The Symbolic Meaning of the Club in the Iconography of the Kuṣāṇa Kings // EW. 1967. Vol. 17. № 3/4. P. 248.

⁴¹ The unnatural size of Kushan clubs could appear as a way of showing the importance of this symbol of dignity.

⁴² Spagnoli M. M. Op. cit. Fig. 1-fig. 12.

⁴³ Spagnoli M. M. Some Further Observations on the Symbolic Meaning of the Club in the Statue of Kaniṣka // EW. 1970. Vol. 20. № 4. P. 461.

⁴⁴ Ibid. P. 461-464.

⁴⁵ Sinisi F. Tyche in Parthia: The Image of the Goddess on Arcasid Tetradrachms // Numismatische Zeitschrift. 2008. Bd. 116/117. P. 244.

⁴⁶ Bracej R. Bird Symbolism on the Coinage of the Kushana Kings // JNSI. 2009. Vol. 71. P. 33-40; *idem*. The Royal Image on Indian Coins // CCNB Newslater. 2008. № 44. P. 1-2.

made up decorative parts of a belt⁴⁷. The bird headed scepter survived in Sogdiana unchanged into Islamic times and such an item was shown on terracotta ossuary from Kaška Darya (Uzbekistan), dated VI-VII centuries. This clearly proves that the function of the Kushan scepter/mace as insignia was not abandoned with the change of the layout of the Kushan coins nor after the Sasanian conquest. It might have survived locally and re-appeared in the Sogdian art, vaguely inspired by Buddhism⁴⁸, shortly after the fall of the Sasanians and the abandonment of the strict Sasanian canon.

A further interesting discovery was made during the excavation of common Czech-Uzbek expedition in the region 7 of the site Jandavlattepa-I. In the layer dated to the Kushan era (II-IV century), several bone maces in a fragmentary condition were found. One of them had a butt shaped in the form of a small open hand⁴⁹.

Typology and dating of maces

Currently we know over thirty maces dated between the Sasanian and the Safavid periods (a broad time frame) which M. M. Khorasani has placed within the third group of his typology (anthropomorphic and zoomorphic maces)⁵⁰. In order to provide a more detailed dating of the objects, one should ascribe them to the separate types and define the common elements. This analysis will start from the elements that are

---

⁴⁷ *Linenthal P. A.* Nine Gold Kushan Discs // ONS Journal of the Numismatic Society. 2006. № 188. P. 15-18.

⁴⁸ *Compareti M.* The Indian Iconography of the Sogdian Divinities and the Role of Buddhism and Hinduism in its Transmission // AION. 2009. Vol. 69. P. 175-203.

⁴⁹ *Stančo L.* Současná Archeologie Severní Baktérie // AVRIGA. Zprávy klasických filologů. Praha, 2005. P. 54-64; *idem.* Arheologicheskie raskopki na Dzhandavlattepa v 2002-2006 gg. // Arheologicheskoe issledovanie Dzhandavlattepa i Sherabad'skogo rayona. Praha, 2013. S. 20-25.

⁵⁰ *Khorasani M. M.* Arms and Armour from Iran. P. 251-261.

shared by all the artifacts independent of the type or shape of the mace head.

1) A particular knot called the knot of luck or the knot of Hercules (Heracleian knot) which became popular in Iran during Hellenistic period and survived in the same form until the Early Islamic era⁵¹.

2) The motif of a hand at the butt of the mace. This motif is known in two forms: a fist and a hand holding a ball. P. O. Harper finds the ball a result of Roman or Byzantine influences where the emperors were depicted holding an orb or sphere. This motif is depicted on Roman coins of the 1st century A. D. and the hand holding the orb with a cross appeared in V century while in Syria similar depictions are known from the VI–VII centuries⁵². In Sasanian art, shafts finished with fists is known from a certain silver, gilded plate now located in The Metropolitan Museum of Art showing Yazdagird I killing a deer. A similar motif appears as a pommel on a dagger from a hunter from Panjikent, VII – early VIII centuries. Five maces with hand-shaped pommels are known, four of which are holding a sphere. Three of them constitute a common stylistic group: a mace with a female head from Parke-Bernet catalogue, a goat headed mace from the Iran Bastan Museum in Teheran and Indian mace from The Metropolitan Museum of Art. They depict the hands in a very detailed manner with clearly separated fingers, visible finger nails, and in one example a gesture can be observed. The Indian mace can be firmly dated to the VII century because of its characteristic style. The fourth one, also in the collection of The Metropolitan Museum of Art has the head in the form of the Heracleian knot crowned with small bull's head crafted in a schematic way. The fingers are presented as straight scratched lines while the ball is depicted as a flattened hemisphere by

---

⁵¹ It was described in details by P. O. Harper (*Harper P. O. Op. cit. P. 251–252*).

⁵² *Harper P. O. Op. cit. P. 253–254*.

the fingers. A clear simplification of the form of the item may indicate a later dating of this piece.

3) The small bull's head listed above can be defined as another common element. It appears on three different mace heads — the mace mentioned above that also features a Heracleian knot; a mace with the three bulls heads from the British Museum⁵³; and a Ghaznavid mace from the Furusiyya Art Foundation, dated to X–XII centuries with the head shaped in the lion's head and long shaft with small bull's head attached⁵⁴. There are several further bull-headed or zoomorphic maces which are beyond the scope of this study⁵⁵.

The employment of bull-headed maces can be supported by the report of Fakht al-Din Mubarrak Šāh regarding the mace with two horns belonging of Sultan Mas'ud of Ghazna (1030–1040 A. D.)⁵⁶. The described decoration may suggest that this weapon was used between the late Sasanian period and the Ghaznavid era.

On top of common elements among the parts of maces, the most obvious element that allows constitution of different types is the form of the head. All the pieces known to the current Author can be divided twofold: the maces with the single animal head and the examples with multiple animal and human heads. Further one can set the division for human (male and female) and animal (bull, goat, lion, bird) heads. In order to tighten the dating we may assume that close relations between the head forms suggest a similar date. This is particularly visible in case of the maces with the bearded human

---

⁵³ Similar illustrations of animal heads connected by Heracleian knot are known from late Sasanian seals from the British Muzeum.

⁵⁴ *Mohamed B.* The Art of Muslim Knight: The Furusiyya Art Foundation. Milano, 2008. P. 244.

⁵⁵ *Muscarella O. W.* Op. cit. P. 293–295.

⁵⁶ *Bosworth C. E.* Ghaznavids, Their Empire in Afghanistan and Eastern Iran. Edinburgh, 1963. P. 120; *Nicolle D.* Early Medieval Islamic Arms and Armour. Madrid, 1976, P. 134; *Khorasani M. M.* Op. cit. P. 251–261.

heads, they are represented by four founds: a mace from Rig-gisberg, Abegg Foundation, a mace from Oxford, the Ashmolean Museum, a mace from a private collection published by B. Overlaet, and a mace from the excavations of the Sogdian temple Jartepa-II firmly dated to the VII–VIII centuries⁵⁷. The former three may be formally dated to the late Sasanian period. They present similarities to late Sasanian bronze figurines. The form of the beard and unnaturally large eyes correspond to the Umayyad stucco statue of Caliph Hisham (724–743 A. D.) from Khirbat-al-Mafjar. The Jartepa-II find varies clearly from the other three maces mentioned above. The face is more schematic, and the headgear (which had an utmost importance for the Sasanians⁵⁸) was limited to a small round circle at the top of the head. This mace reminds of the maces with bearded heads from the Panjikent wall paintings and the depiction of a Ghaznavid ruler from a silver plate in the Hermitage Museum in Saint Petersburg.

The intensive migration of Turkic peoples and mercenary soldiers during the reign of Ghaznavids and Seljukids was of particular importance for the development of scepters/maces. A special taste for animal-shaped decorative forms in arms and armor, typical for Turkic tribes⁵⁹, influenced the ease with which such motifs were transmitted from Iranian culture.

---

⁵⁷ *Berdimuradov A. E., Cambaev M. K. Rezul'taty raskopok hrama na Dzhartepa II // IMKU. 1992. Vipusk 26. S. 77–92; Berdimuradov A. E., Cambaev M. K. The Temple of Jartepa-II (the Problem of Cultural Life of Sogdiana in the 4th–8th c. A. D.). Tashkent, 1999. P. 7–63.*

⁵⁸ *Skupniewicz P. Helm wojownika przedstawionego na kapitelu w Tak e Bostan. P. 9.*

⁵⁹ *Esin E. L'arme zoomorphe dans l'Asie antique // Sprache, Geschichte und Kultur der altaischen Völker / Hrsg. von G. Hazai und P. Zieme. B., 1974. S. 193–217. Author wants to thank you D. Nicolle for access to this source.*

During the Ghaznavid rule we may speak about the continuation of ideas originating from Sasanian art⁶⁰, however, in the Seljukid era we are facing a completely new period in the art of Islam⁶¹. The maces of this period show very analogous features. They are of a single type: the head of feline predator with the parallel disappearance of other types. There are seven known maces of the said type dated between the fall of the Ghaznavids and the end of Timurids. Three are held in the Furuşsiyya Art Foundation, the fourth is in Weill Collection⁶², the fifth in the Metropolitan Museum of Art, the sixth was sold at the Sotheby's auction while the seventh is in private collection in Susamışlar Konağı in Sivas. Probably the first known depiction of the maces of this type is the XI century wall painting from the Ghaznavid palace at Lashkari Bazar in Afghanistan⁶³.

The long shaft is reminiscent of the three maces ascribed to Ghaznavid. In the Seljuk period the shaft was shortened. The animal head in the pre-Mongol maces is bent in an arch towards front, the shaft is straight and on the whole it can be named «r» shaped. In the post-Mongol times the depictions show elongated «s» shaped shafts that bend outside the axis of the shaft. This is clearly visible in *Shah-nameh* illustrations made after 1333. An even more simplified shape appears after the XV century, for example in Tağ ed-Din Ahmed ibn Ibrahim el-Ahmedi's *Iskender-nameh* which most likely are copies of the earlier, probably XIII century, manuscripts⁶⁴. It should be noted that in the later versions of Timurid *Shah-nameh*,

---

⁶⁰ Ettinghausen R., Grabar O., Jenkins-Madina M. *Sztuka i Architektura Islamu 650–1250*. Warsaw, 2007. P. 123.

⁶¹ Ettinghausen R., Grabar O., Jenkins-Madina M. *Sztuka i Architektura Islamu 650–1250*. P. 133–135.

⁶² At the beginning it was interpreted as a chair finial, after B. Mohamed (Mohamed B. Op. cit. P. 244).

⁶³ Al-Sarraf S. Op. cit. P. 203.

⁶⁴ Tağ ed-Din Ahmed ibn Ibrahim el-Ahmedi. *Iskender-nameh*. Bibliothèque nationale de France. Département des manuscrits. Turc 309. Folio 337.

maces with bull horns appear. They are however a rarity and are hardly different from the maces with no horns. This suggests a painter's intention to fit the depiction to the text. «S» shaped maces with a bull's head appear in the later part of the XV century. From the second quarter of XVI century, at the height of the Safavid's power, the lion headed maces practically disappear, being fully replaced by the bull's headed maces. This happened most likely under the influence of *Shah-nameh* descriptions. Additionally, the «s» shape of the heads disappeared and was replaced with larger and more anatomically correct forms of the heads.

Conclusions

The examples detailed above demonstrate an exceptional diversification of the development of maces in the late Sasanian period, and a subsequent, slow degeneration of Sasanian forms and development of new forms after the Islamic conquest. It is worth asking why maces do not appear in Sasanian art. As it was discussed above, this mace type developed in the Kushan sphere and could have been unknown, or disregarded as unimportant, to Persians when the Sasanian canon was being forged. The Sasanian canon may have been formed during the early Sasanian period, and so may not have been taken into account any later developments in armament and regalia (the same may also be said regarding swords, quivers, and stirrups). A gradual loss of control over the eastern areas to the Hephtalites in 5th century could have affected the absorption of art forms from these areas in a negative way. After the re-conquest of the Hephtalite Empire in alliance with the Turkic Kaganate in the second half of the VI century during the reign of Xusro I Anushirwan and setting the border on Amu-Darya, the art forms and objects from the new eastern provinces may have been absorbed into the heartlands and main territories of the Sasanian dynasty. This applies to the forms of mace heads and subsequent development of new

mace head forms in the late Sasanian period. New forms of maces may only have appeared in post-Sasanian art due to abandonment of the strict Sasanian canon that was in use during the Sasanian era but not in the post-Sasanian era.

The maces from Jartepa-II and Susamışlar Konağı are very important in the study of West Asian maces. Such maces reveal local art styles and craftsmanship traditions. In the light of the above described depictions and defined processes it is possible to date the zoomorphic mace from Susamışlar Konağı in Sivas to the XIV–XV century.

The findings of bone maces in Uzbekistan clearly prove their exclusively ceremonial character as the fragile material did not allow their employment in combat. The fact that maces of this type were shown in combat only in mythological or religious scenes and the complete lack of combat damage on the preserved objects that would be inevitable in such a soft material as bronze proves that such maces with human or zoomorphic heads had liturgical or ritual function, rather than any battlefield function.

Further finds of maces may allow us to chart the development of such maces and date such pieces with even more precision.

Primary sources

Tağ ed-Din Ahmed ibn Ibrahim el-Ahmedi. Iskender-nameh. Bibliothèque nationale de France. Département des manuscrits.

Secondary sources

Adamowa A. T., Gyuzalian L. T. Miniatyuri rukopisi poemi Shahname 1333 goda. Leningrad, 1985.

Al-Sarraf S. Close Combat Weapons in the Abbasid Period. Maces, Axes and Swords // Companion to Medieval Arms and Armour / Ed. by D. Nicolle. Oxford, 2002. P. 149–178.

- Berdimuradov A. E., Cambaev M. K.* Rezul'tati raskopok hrama na Dzhartepa II // IMKU. 1992. S. 77–92.
- Berdimuradov A. E., Cambaev M. K.* The Temple of Jartepa-II (the Problem of Cultural Life of Sogdiana in the 4th-8th c. A. D.). Tashkent, 1999.
- Berghe L. V.* Reliefs rupestres de l'Irān ancient. Brussels, 1984.
- Berghe L. V.* Barm-e Delak // Encyclopædia Iranica. Vol. 3. Fasc. 8. P. 805-807. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/barm-e-delak> (originally published: December 15, 1988).
- Bivar A. D. H.* A Parthian Amulet. In Memory of Professor W. B. Henning // BSOAS. 1967. Vol. 30. Issue 03. P. 512–525.
- Bosworth C. E.* The Ghaznavids, their Empire in Afghanistan and Eastern Iran. Edinburgh, 1963.
- Bracey R.* The Royal Image on Indian Coins // CCNB Newsletter. 2008. No. 44. P. 1–3.
- Bracey R.* Bird Symbolism on the Coinage of the Kushana Kings // JNSI. 2009. Vol. 71. P. 33–40.
- Cohen B.* From Bowman to Clubman. Heracles in Olympia // The Art Bulletin. 1994. Vol. 76. № 4. P. 695–715.
- Compareti M.* The Indian Iconography of the Sogdian Divinities and the Role of Buddhism and Hinduism in its Transmission // AION. 2009. Vol. 69. P. 175–203.
- Dabiri G.* The Shahnama: Between the Samanids and the Ghaznavids // IS. 2010. Vol. 43. No. 1. P. 13–28.
- Daryaei T.* Kāve the Black-smith: An Indo-Iranian Fashioner? // Studien zur Indologie und Iranistik. Reinbeck, 1999. S. 9–21.
- Doostkhah J.* Gorz // Encyclopædia Iranica. Vol. 11. Fasc. 2. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/gorz> (originally published: December 15, 2002).
- Esin E.* L'arme zoomorphe dans l'Asie antique // Sprache, Geschichte und Kultur der altaischen Völker / Hrsg. von G. Hazai und P. Zieme. B., 1974. S. 193–217.

- Ettinghausen R., Grabar O., Jenkins-Madina O.* Sztuka i Architektura Islamu. 650–1250. Warszawa, 2007.
- Frye R. N.* Sasanian Remains from Qasr-i Abu Nasr. Seals, Sealings, and Coins. Cambridge, 1973.
- Gorelik M. V.* Oruzhie Drevnego Vostoka. IV tisyacheletiyе – IV vek do n. e. Moskva, 1993.
- Gyselen R.* L’Aet sigillaire Sassanide dans les collections De Leyde. Leiden, 1997.
- Harper P. O.* The Royal Hunter. Art of the Sassanian Empire. N. Y., 1978.
- Harper P. O.* Silver Vessels of the Sassanian Period. Vol. 1. Royal Imagery. N. Y., 1981.
- Harper P. O.* The Ox-headed Mace in Pre-Islamic Iran // Papers in Honour of Mary Boyce. Acta Iranica. 1985. Vol. 24. P. 246–259.
- Hassan R. B.* On some Sassanian and Arab-Sassanian seals and coins // Mirror of Heritage. 2011. Fig. 87.
- Izmailov I. L.* Vooruzhenie i voennoe delo naseleniâ Volzhskoi Bulgarii X – nachala XIII vv. Kazan; Magadan, 1997.
- Kawami T. S.* Kuh-e Khwaja, Iran, and Its Wall Paintings: The Records of Ernst Herzfeld // MMJ. 1987. Vol. 22. P. 13–52.
- Khorasani M. M.* Arms and Armour from Iran. The Bronze Age to the End of Qajar Period. Tübingen, 2006.
- Khorasani M. M.* Arms and Armor of Achamenians and Sassanians // Fezana Journal. 2006. Summer Issue. P. 87–93.
- Khorasani M. M.* La Masse d’Arme à Tête de Taureau: Une Combinaison de Puissance et de Prestige // La Revue de Téhéran. Mensuel Culturel Iranien en Langue Française. 2010. № 53. P. 56–61.
- Khorasani M. M.* Lexicon of Arms and Armor from Iran. A Study of Symbols and Terminology. Tübingen, 2010.
- Khorasani M. M., Shafeian H., Singh A.* Tactics, Weapons and Techniques of Persian Warriors in the Book of Kings.

- Pt. 2 // *Katsujinken Magazine a Sword Art Journal*. 2012. Vol. 3. № 3. P. 19–21, 62–63.
- Kobyłański L.* Oręż Perski i Indoperski XVI–XIX wieku ze zbiorów polskich: katalog wystawy. Malbork, 2000.
- Linenthal P. A.* Nine Gold Kushan Discs // *ONS Journal of the Numismatic Society*. 2006. № 188. P. 15–18.
- Marschak B.* Silberschätze des Orients. Metallkunst des 3.–13. Jahrhunderts und ihre Kontinuität. Leipzig, 1986.
- Marshak B. I., Raspopova V. I.* A Hunting Scene from Panjikent // *Bulletin of the Asia Institute*. NS. 1990. Vol. 4. P. 77–94.
- Michalak A.* Głowica buławy z Trzciela, pow. Międzyrzecz. Uwagi w kwestii występowania buław na ziemiach polskich w średniowieczu, na tle znalezisk europejskich // *Archeologia Środkowego Nadodrza*. 2005. Vol. 4. P. 183–220.
- Miks Ch.* Relikte eines frühmittelalterlichen Oberschichtgrabes? Überlegungen zu einem Konvolut bemerkenswerter Objekte aus dem Kunsthandel // *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz*. 2009. Bd. 56. S. 395–538.
- Mode M.* Sogdian Gods in Exile: Some Iconographic Evidence from Khotan in Light of Recently Excavated Material from Sogdiana // *Silk Road Art and Archeology*. Vol. 2. Kamakura, 1991–1992. P. 179–214.
- Mohamed B.* The Art of Muslim Knight: The Furuסיyya Art Foundation. Milano, 2008.
- Muscarella O. W.* Bronze and Iron. Ancient Near Eastern Artifacts in the Metropolitan Museum of Art. N. Y., 1988.
- Nicolle D.* Early Medieval Islamic Arms and Armour. Madrid, 1976.
- Nicolle D.* Sasanian Armies. The Iranian Empire early 3rd to mid-7th centuries AD. Stockport, 1996.
- Nicolle D.* Arms and Armour of the Crusading Era. 1050–1350. Islam, Eastern Europe and Asia. L., 1999. P. 207–268.
- Overlaet B.* Regalia of the Ruling Classes in Late Sasanian Times. The Riggisberg Strap Mountings, Swords and Ar-

- cher's Fingercaps // *Entlag der Seidenstraße. Frühmittelalterliche Kunst zwischen Persien und China in der Abegg-Stiftung / Hrsg. K. Otavsky. Riggisberg, 1998. P. 267-298.*
- Perevodchikova E. V. Yazyk zverinyh obrazov. Ocherki iskusstva evraziyskih stepey skifskoy epohi. Moskva, 1994.*
- Shahbazi A. Sh. On the Xwadāy-namāg // Iranica Varia: Papers in Honour of Professor Ehsan Yarshater. Leiden, 1990. P. 208-229.*
- Shahbazi A. Sh. Ferdousi: A Critical Biography. Cambridge, 1991.*
- Sinisi F. Tyche in Parthia: The Image of the Godness on Arcasid Tetradrachms // Numismatische Zeitschrift. 2008. Bd. 116 /117. S. 231-248.*
- Skupniewicz P. N. Sasanian Plate Armour // FAH. 2006. Fasc. 19. P. 19-29.*
- Skupniewicz P. N. Helm wojownika przedstawionego na kapitelu w Tak e Bostan // AMM. 2007. Vol. 3. P. 9-14.*
- Skupniewicz P. N. Shafted weapons of sasanian hunting iconography // FAH. 2009. Fasc. 22. The Hunt and Hunting Weapons in Antiquity and the Middle Ages. P. 51-63.*
- Skupniewicz P. N. Composition Designs in Animal Combat Scenes in Sasanian Art. Gdańsk, 2013.*
- Spagnoli M. M. The Symbolic Meaning of the Club in the Iconography of the Kuṣāṇa Kings // EW. 1967. Vol. 17. № 3/4. P. 248-267.*
- Spagnoli M. M. Some Further Observations on the Symbolic Meaning of the Club in the Statue of Kaniška // EW. 1970. Vol. 20. No. 4. P. 460-468.*
- Stančo L. Současná Archeologie Severni Baktrie // AVRIGA. Zprávy klasických filologů. Prague, 2005. P. 54-64.*
- Stančo L. Arheologicheskie raskopki na Dzhandavlattepa v 2002-2006 gg. // Arheologicheskoe issledovanie Dzhandavlattepa i Sherabadskogo rayona. Praga, 2013. P. 19-40.*
- Starodub T. H. Srednevekova arhitektura, sviazannaya s sufizmom: hanaka, zaviya, takiya // Sufizm v kontekste*

musul'manskoy kulturi / Pod red. N. I. Prigarinoy. Moskva, 1989. S. 268-280.

Tafazzoli A. A List of Terms for Weapons Armour in Western Middle Iranian. Dedicated to Professor A. D. H. Bivar // Silk Road Art and Archeology. 1993/94. Vol. 3. P. 187-198.

Trever K. V., Lukonin V. G. Sasanidskoe srebro. Sobranie Gosudarstvennogo Ermitazha. Hudozhestvennaya kul'tura Irana III-VIII vekov. Moskva, 1987.

Gall H., von. Das reiterkampfbild in der iranischen und iranisch beeinflussten Kunst partischer und sasanidischer zeit. B., 1990.

Watt J. C. Y. China: Down of a Goldan Age, 200-750 A. D. N. Y., 2004.

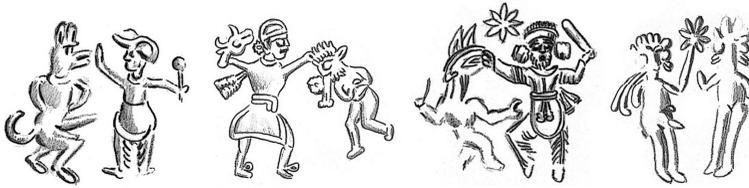
Żygulski Z., jun. Geneza i typologia buław hetmańskich // Muzealnictwo Wojskowe. T. 2. Warszawa, 1964. P. 239-288.

PLATES

Plate 1. Mace from the private collection of Susamışlar Konağı in Sivas, Turkey. Timurid period (mid XIV-XV century A. D.). Drawings by author. Photos by Hilmi Ariç.

Plate 2. Sasanian intaglios showing duels between heroes and demons.

From the left:

Fig. 1. Sasanian gem, British Museum. Drawing by author.

Fig. 2. Sasanian(?) or late Sasanian(?) (after IV century A.D.) gem. British Museum. Drawing by author.

Fig. 3. Sasanian gem. British Museum. Drawing by author.

Fig. 4. Late Sasanian (V-VI century A. D.) gem. British Museum. Drawing by author.

Plate 3. Kushan bird maces.

From the left:

Fig. 1. Gold Kushan disc from private collection. After P. Linenthal, 2006, fig. 3.

Fig. 2. Kushan coin of Huvishka. After R. Bracey, 2009, fig. A 3.

Fig. 3. Kushan coin of Huvishka, showing Mahasena. After R. Bracey, 2009, fig. from «the 'Other' Bird Standard» figures.

Fig. 4. Sogdian terracotta ossuary from Kaška Darya (7th - 8th century A. D.). Uzbekistan. After M. Mode, 1991-92, fig. II.

Plate 4. Additional motifs of the bull head on the maces.

From the left:

Fig. 1. Late Sasanian seal impression from Qasr-I Abu Nasr. After R. N. Frye, 1973, Fig. D. 25.

Fig. 2. Late Sasanian mace head. British Museum. Drawing by author.

Fig. 3. Post-Sasanian mace head. The Metropolitan Museum of Art. Drawing by author.

Fig. 4. Ghaznavid mace head. The Furasiyya Art Foundation. Drawing by author.

Plate 5. Additional motifs of the hand on maces.

From the left:

(Upper left) Fig. 1. Yazdagird I hunting a stag using a spear with the hand shapedommel. The Metropolitan Museum of Art. After P. N. Skupniewicz, 2009, fig. 3.

(Lower left) Fig. 2. Bone mace ending from Jandavlattepa-I. Uzbekistan, Kushan period. Drawing by author.

Fig. 3. Post-Sasanian mace. The Metropolitan Museum of Art. Drawing by author.

Fig. 4. Indian mace (7th century A. D.). The Metropolitan Museum of Art.

Drawing by author.

Fig. 5. Late Sasanian mace. The Metropolitan Museum of Art. After O. W. Muscarella, 1988, fig. 27.

Plate 6. Human headed maces, with beards.

From the upper left

Fig. 1. Bronze figure of a late Sasanian noble man. Riggisberg Abegg Foundation.

Drawing by author.

Fig. 2. Umayyad stucco statue of Caliph Hisham (8th century A. D.). Khirbat-al-

Mafjar. Drawing by author.

Fig. 3. Late Sasanian bronze mace head. Oxford, Ashmolean Museum. Drawing by author.

Fig. 4. Late Sasanian bronze mace head. Riggisberg Abegg Foundation. Drawing by author.

Fig. 5. Late Sasanian bronze mace head. Private collection. After B. Overlaet, 1998, fig. 143.

Fig. 6. Late Sasanian seal impression from Qasr-I Abu Nasr. After R. N. Frye, 1973, fig. D. 113.

Fig. 7. Arab-Sasanian coin (early 8th century A. D.). After R. B. Hassan, 2011, fig. 87.

Fig. 8. Ghaznavid ruler, shown on the throne (10th – early 11th century A. D.). Detail of the silver plate, Saint Petersburg, Hermitage Museum. After B. Overlaet, 1998, fig. 146.

Fig. 9. Sogdian bronze mace head (mid 7th – mid 8th century A. D.). Jartepa-II. Drawing by the author.

Fig. 10. Sogdian wall painting of a seated king (8th century A. D.), Panjikent. After B. Marshak, V. I. Raspopova, 1990, fig. 33a.

Plate 7. Lion head maces.

From the upper left:

Fig. 1. The damaged wall paintings from the Ghaznavid palace at Lashkari Bazar (11th century), showing perhaps an asymmetrical zoomorphic maces.

After S. Al-Sarraf, 2002, fig. 56a, 56b.

- Fig. 2. Ghaznavid bronze mace head. The Furusiyya Art Foundation. Drawing by author.
- Fig. 3. The damaged wall painting from the Ghaznavid palace at Lashkari Bazar (11th century A.D.), showing an asymmetrical zoomorphic mace. After S. Al-Sarraf, 2002, fig. 56c.
- Fig. 4. Seljuk bronze mace head (11th – 12th century A.D.). Khurasan, private collection, sold on Sothebys auction. Drawing by author.
- Fig. 5. Seljuk bronze or brass mace head (12th – 13th century A.D.), probably Iranian. The Metropolitan Museum of Art. After S. Al-Sarraf, 2002, fig. 68.
- Fig. 6. Seljuk ceramic tile (12th century A. D.), showing perhaps an asymmetrical zoomorphic mace. Drawing by the author.
- Fig. 7. Seljuk lion-head mace (12th -13th century A.D.). The Furusiyya Art Foundation. Drawing by author.
- Fig. 8. Post-Seljuk minai-ware ceramic bowl (mid 13th century A. D.). Freer Gallery of Art. Drawing by the author.
- Fig. 9. Ilkhanid *Shah-nameh* illustration (1333 A.D.). National Library of Russia, Saint Petersburg. Drawing by the author.
- Fig. 10. Post-Ilkhanid *Shah-nameh* illustration (mid 14th century A. D.). Shiraz, Iran, The Metropolitan Museum of Art. Drawing by the author.
- Fig. 11. Timurid *Iskender-nameh* illustration (early 15th century copy of a 13th century illustration). Bibliotheque Nationale de France. Drawing by author.
- Fig. 11. Ottoman *Sulayman-nameh* (15th century A. D.). Chester Beauty Library, Dublin. Drawing by the author.
- Fig. 12. Safavid *Shah-nameh* (1530-1535 A. D.). The Metropolitan Museum of Art. Drawing by the author.

Кубик А. Л.

Об одной группе иранских булав в контексте новой находки в турецкой провинции Сивас: от Сасанидов к Сефевидам

Недавняя находка булавы с навершием в форме головы льва из монастырского комплекса в турецкой провинции Сивас проливает новый свет на эволюцию и хронологию антропоморфных и зооморфных булав от кушанской и сасанидской эпох до начала Нового времени. Булава из Сиваса отличается львообразной головой с хорошо проработанными деталями и своеобразным изгибом. Находка датируется XIV–XV вв.

В статье дан подробный анализ и хронология антропоморфных и зооморфных булав. К общим чертам таких булав, как правило, относятся узел Геракла, кулак или рука на рукояти и антропоморфное или зооморфное оголовье. Для некоторых

находок характерно изображение головы человека или животного. Такие булавы начали появляться в эпоху Аршакидов, но более распространёнными стали при Кушанах (где булавы с навершием в виде птицы и большие палицы являлись также символами власти). Они также получили широкое распространение в Средней Азии. Однако такие булавы отсутствуют на большинстве сасанидских изображений; это может быть связано с тем, что в начале сасанидской эпохи соответствующие художественные каноны лишь начали разрабатываться.

Постепенно происходило изменение формы древка и его изгиба, стиль исполнения навершия булав. Пост-сасанидские булавы, вероятно, продолжали сасанидские традиции, но при Сельджукидах появляется новый тип булав. Все сельджукские булавы имели навершие в виде головы льва, при этом данная деталь в форме человеческой или бычьей головы не встречается. Древки булав из-за особенностей своей формы (они имеют один изгиб) классифицируются как «Г-образные». В послемонгольскую эпоху древки приобретают двойной изгиб и классифицируются как «S-образные». Булавы с навершием в форме головы быка становятся вновь распространёнными при Сефевидах и Каджарах.

Новые находки булав дадут дополнительную информацию о хронологии данного предмета вооружения и позволят проследить развитие и формы таких булав с большей точностью.

Ключевые слова: булава, зооморфизм, палица, скипетр, вооружение, «Шах-наме», Кушаны, Сасаниды, ислам, Газневиды, Сельджукиды, монголы, Тимуриды, Иран, Индия.

Дмитриев В. А.

ЕЩЁ РАЗ К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ САСАНИДСКОЙ ЭЛЕФАНТЕРИИ

В эпоху правления Сасанидов в Иране после четырёхсотлетнего перерыва возрождается практика использования элефантерии. Одной из причин этого явления стала политика Сасанидов в сфере государственной идеологии, направленная, в том числе, на восстановление традиций доаршакидской эпохи, когда, согласно историческим представлениям персов, в Иране правили легендарные цари из династии Кайанидов. Однако на самом деле предшественниками парфянских Аршакидов являлись Селевкиды, активно использовавшие в военном деле боевых слонов. Таким образом, возрождение элефантерии при Сасанидах отчасти было продиктовано идеологическими причинами и с этой точки зрения означало частичный возврат к военной практике эллинистической эпохи. В то же время единственным источником поставок в сасанидский Иран боевых слонов и практических навыков их использования могла являться только Индия, в связи с чем персидская элефантерия объективно продолжала не эллинистические, а древнеиндийские военные традиции.

Ключевые слова: элефантерия, боевые слоны, военное дело, сасанидский Иран, Сасаниды, персы, Парфия, Аршакиды, парфяне, Индия, эллинизм, государственная идеология.

Как известно, одной из ярких особенностей военного дела сасанидского Ирана являлось возрождение практики широкого использования элефантерии — как в полевых сражениях, так и при осаде вражеских крепостей.

Первые упоминания о существовании в Иране подразделений боевых слонов относятся к концу ахеменидской эпохи. В частности, Арриан Флавий сообщает о том, что небольшой отряд слонов находился в армии последнего Ахеменида Дария III (336–330 до н. э.) во время битвы при Гавгамеллах (330 г. до н. э.): «Говорят, что в войске у Дария было до 40000 конницы, до 1000000 пехоты, 200 ко-

лесниц с косами и небольшое число слонов: голов 15, которых привели с собой инды с этого берега Инда» (Arr. *Anab.* III. 8.6). Согласно Арриану, слоны располагались в центре боевых порядков персов, неподалёку от ставки Дария (Arr. *Anab.* III. 11.6). Впрочем, как следует из описания самой битвы, животные в ней участия не принимали и были захвачены македонянами в качестве трофея (Arr. *Anab.* III. 15.4,6). Данные Арриана перекликаются с сообщением Курция Руфа, согласно которому при вступлении Александра в Сузиану местный сатрап (*praefectus*) Абулит подарил ему 12 слонов, «выведенных Дарием из Индии» (Curt. V. 2.10).

При Селевкидах (III–II вв. до н. э.) элфантерия превратилась в один из основных родов войск и играла активную роль в многочисленных войнах, которые велись потомками Селевка Никатора¹.

Эпоха владычества в Иране парфянских Аршакидов (II в. до н. э. — III в. н. э.) с точки зрения военной истории была, помимо прочего, ознаменована исчезновением элфантерии. Едва ли не единственным упоминанием в источниках о слонах, относящимся к парфянскому времени, является сообщение Тацита о том, что в 62 г. н. э., в ходе очередного римско-парфянского конфликта, царь Вологез I (51–78 г. н. э.) переправился через реку Арсаний (совр. Мурат), восседая на слоне, в то время как основная часть парфянского войска преодолела реку, «пользуясь силой коней» (Тас. *Ann.* XV.15).

Таким образом, после возникновения в III–II вв. до н. э. Аршакидской державы традиция использования боевых слонов в Иране прервалась и отсутствовала на протя-

---

¹ Подробнее см.: *Абакумов А. А.* Боевые слоны в истории эллинистического мира (последняя треть IV–II вв. до н. э.). М., 2012; *Банников А. В.* Эпоха боевых слонов (от Александра Великого до падения персидского царства Сасанидов). СПб., 2012.

жении примерно четырёх столетий. Однако, спустя столь внушительный временной промежуток, элфантерия в Иране возродилась после прихода здесь к власти в 220-х гг.² династии Сасанидов.

Первые достоверные сведения об использовании Сасанидами боевых слонов относятся к периоду правления царя Шапура II Великого (309–379)³. Так, Феодорит Киррский (*Theod. Hist. relig.* I. 11; *idem. Hist. eccl.* II.30), Ефрем Сирийский (*Hist. Sanct. Ephr.* 6–7) и Михаил Сириец (*Mich. Syr. Chron.* VII. 4) сообщают о том, что слоны были использованы персами во время осады Нисибиса в 337 (338) г. (так называемая «первая осада Нисибиса»). Об участии отрядов боевых слонов в третьей осаде Нисибиса (350 г.) упоминают Ефрем Сирийский (*Ephr. Syr. Serm. Nic.* XV. 113), Юлиан (*Iul. Or.* II. 63B, 64B, 65B–66A), «Пасхальная хроника» (*Chron. Pasch.* 536.20; 537.13, 17–18), Феофан Византийский (*Theoph. Chron.* A. M. 5841). Наконец, многочисленные упоминания о применении персами боевых слонов во время кампаний 359 и 363 гг. в Месопотамии содержатся в

---

² Здесь и далее все даты — н. э.

³ Хотя ряд источников (прежде всего, *Historia Augusta*) содержит сообщения о присутствии слонов в армиях уже первых Сасанидов (Арташира I и Шапура I), т. е. в середине — второй половине III в., тем не менее, эти данные не могут браться в расчёт из-за крайне низкой степени достоверности данного источника (см.: *Syme R. Ammianus and the Historia Augusta.* Oxford, 1968). См. также: *Rance P. Elephants in Warfare in Late Antiquity // AAASH.* 2003. Vol. 43. P. 361–362; *Charles M. B. The Rise of the Sasanian Elephant Corps: Elephants and the Later Roman Empire // IA.* 2007. Vol. 42. P. 305–312. Особенно следует отметить работу М. Чарльза, в которой дан хороший критический анализ источников (*Historia Augusta*, «Узоры» Юлия Африкана, *Chronica Urbis Romae*, «История пророков и царей» Табари, «История Армении» Моисея Хоренского), содержащих сообщения о возможном использовании персами боевых слонов уже в III в. Автор приходит к обоснованному выводу, что сведения всех указанных произведений на сей счёт вряд ли можно считать достоверными.

сочинении Аммиана Марцеллина (Amm. Marc. XIX.2.3; 7.6,7; XXIV.6.8; XXV.1.14; 3.4,11; 6.2,3; 7.1).

Очевидно, что такие разительные перемены, как воссоздание целого рода войск, должны были иметь под собой какие-то веские причины, и представляется, что начало активного применения персами элевфантерии именно при Шапуре II не является случайным, и корни этого феномена лежат не только (а, возможно, и не столько) в собственно военной сфере.

Судя по всему, в годы правления этого царя особое внимание начинает уделяться религиозно-идеологическому обоснованию абсолютной власти шаханшаха. Помимо прочего⁴, делалось это и путём разработки новой официальной концепции иранской истории: Шапуром II были инициированы работы по сбору и кодификации сюжетов иранского национального эпоса — «Худай-наме», известного нам, главным образом, по более поздней переработке под названием «Шах-наме», сделанной Абулькасимом Фирдоуси на рубеже X–XI вв.⁵ В контексте рассматриваемой проблемы для нас важны два момента: во-первых, эпоха Аршакидов из сасанидской версии истории

---

⁴ Подробнее о мероприятиях Шапура II в политико-идеологической сфере, направленных на усиление царской власти, см.: Луконин В. Г. Картир и Мани // ВДИ. 1966. № 3. С. 79; *он же*. Культура сасанидского Ирана. Иран в III–V вв. Очерки по истории культуры. М., 1969. С. 97, 100; Frye R. N. The History of Ancient Iran. München, 1983. P. 314; *idem*. The Political History of Iran under the Sasanians // СНД. 3(1). P. 140.

⁵ См.: Пьянков И. В. Древнейшие эпические циклы «Шах-наме» // Известия АН Республики Таджикистан. Серия: востоковедение, история, филология. 1994. № 2. С. 19–20; Дмитриев В. А. Сасанидское государство в известиях римского историка Аммиана Марцеллина // Вестник Псковского государственного педагогического университета. Серия «Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки». 2008. Вып. 3. С. 12–23; Pjankov I. V. On the Problem of the Origin of the Ancient Epic Cycles in the Shahname // Firdowsi's Shahname: 1000 years after. Dushanbe, 1994. P. 163–168.

Ирана оказалась практически вычеркнутой, а во-вторых, Сасаниды в ней позиционировались как прямые потомки и наследники *Кайанидов* — полулегендарной династии царей, носивших титул *кави* (авест. *kauii*) и правивших в Иране до прихода сюда Александра Македонского (который, в свою очередь, также оказался вписанным в генеалогию Кайанидов в качестве брата последнего из них — царя Дары, историческим прототипом которого являлся Дарий III)⁶. Не случайно в связи с этим, что начиная с Шапура II в царскую титулатуру Сасанидов проникает обозначение «*кай*» (ср.-перс. *kaū*), восходящий к авестийскому «*кави*»⁷, а сами цари «видели себя наследниками Кайанидов»⁸.

Все эти, как и многие другие, мероприятия проводились Шапуром под знаменем очищения Ирана от чуждых, привнесённых извне традиций и возрождения «иранства», попорченного и извращённого, по мнению Сасанидов, их предшественниками — парфянскими Аршакидами. И этим была обусловлена противоречивость и даже антиномичность политики Сасанидов (включая Шапура II) в идеологической сфере. Очевидно, что под чуждыми Ирану проявлениями персидские цари подразумевали, прежде всего, античные (эллинистические) традиции и ценности, которые, как известно, проникли в Иран вместе с грекомакедонскими завоевателями и сохранялись на протяжении последующих столетий, во время правления здесь не только Селевкидов, но и сменивших их Аршакидов, которые, хотя и являлись представителями иранского мира,

---

⁶ Общий обзор истории Кайанидов см. в работе: *Christensen A. Les Kayanides. København, 1931.*

⁷ *Frye R. N. The History of Ancient Iran. München, 1983. P. 320; Daryae T. National History or Keyanid History?: The Nature of Sasanid Zoroastrian Historiography // IS. 1995. Vol. 28. No. 3–4. P. 136.*

⁸ *Daryae T. The Construction of the Past in Late Antique Persia // Historia. 2006. Bd. 55. Hft. 4. S. 503.*

отноюдь не стремились к полному искоренению в Иране эллинизма⁹. Однако проблема заключается в том, что в исторической памяти персов Селевкиды попросту... отсутствовали (см. рис. 1)¹⁰.

Схема, отражающая представления персов о хронологии правления иранских царских династий (вверху) (по данным Бируни¹¹) и современную хронологию правивших в Древнем Иране царских династий (внизу)¹²

⁹ Достаточно сказать, что некоторые из Аршакидов (Митридат I, Ород I) носили прозвище «Филэллин», а большинство парфянской монеты содержит легенду на греческом языке (см.: Gardner P. The Parthian Coinage. L., 1877; Sellwood D. Parthian Coins // СНП. 3(1). P. 279–298).

¹⁰ Кстати сказать, схожая тенденция была свойственна не только сасанидской, но и, судя по всему, современной ей позднеримской исторической мысли. Так, Аммиан Марцеллин, повествуя об истории Персии, сообщает, что Парфянское царство возникло после того, как Аршак «одержал победу над преемником Александра Селевком Никатором» (Amm. Marc. XXIII. 6.3). Других преемников Александра, кроме Селевка Никатора, Аммиан, таким образом, не знает.

¹¹ См.: *Абу Рейхан Бируни. Памятники минувших поколений // Абу Рейхан Бируни. Избранные произведения. Т. 1. Ташкент, 1957. С. 112–132.* Примерно та же хронология досасанидской истории Ирана вытекает из «Шах-наме»: Кайаниды – ок. 717 лет; Александр и Ашканиды – 214 лет.

¹² Эта схема хорошо отражает также «антипарфянство» Сасанидов, проявившееся в данном случае в сокращении официальными сасанидскими историографами, занимавшимися составлением «Худай-наме», периода правления в Иране Аршакидов примерно в два раза. Об этом искажении хронологии иранской истории и о том, что оно было допущено именно при Сасанидах, сообщает уже Бируни (см.: *Абу Рейхан Бируни. Памятники минувших поколений. С. 128–130*). При этом до сих пор остаётся дискуссионным вопрос о том, знали ли Сасаниды о существовании Ахеменидов, которые, наряду с Селевкидами, являлись предшественниками Аршакидов. Прямых свидетельств на этот счёт нет, однако в современной зарубежной историографии присутствует устойчивая тенденция (представленная, главным образом, работами одного из ведущих совре-

С персидской точки зрения, практически сразу после «Александара» (Александра Македонского) к власти пришли «Ашканиды» (Аршакиды). Да и сам Александр, как было отмечено выше, в светской сасанидской историографии выступает, скорее, не как жестокий чужеземный завоеватель (такая трактовка характерна для религиозной исторической традиции¹³), а, фактически, как один из Кайанидов.

менных специалистов по сасанидскому Ирану Т. Дарьяи) к обоснованию идеи о том, что в сасанидском Иране память об Ахеменидах всё же была жива (см.: *Daryae T. National History or Keyanid History?: The Nature of Sasanid Zoroastrian Historiography*. P. 129–141; *idem. The Construction of the Past in Late Antique Persia*. S. 493–503; *idem. Kingship in Early Sasanian Iran // The Idea of Iran. Vol. 3. The Sasanian Era*. L., 2008. P. 60–70 и др.). Рассмотрение этой сложной и большой проблемы требует отдельного исследования и не может быть рассмотрено в рамках настоящей статьи, однако отметим, что, наш взгляд, об Ахеменидах Сасаниды знали не больше, чем о Селевкидах, т. е. практически ничего, и уж тем более историческая память персов не сохранила каких-то *конкретных* сведений о Древнеперсидском царстве. Судя по всему, в исторических представлениях персов сасанидской эпохи всё, что происходило до завоевания Ирана Александром Великим, включая правление Ахеменидов, растворилось в сказаниях о легендарных Кайанидах (*кави*), т. е., по сути, стало мифической эпохой и превратилось в «преданья старины глубокой», освящённые временем и религиозной традицией (см.: *Пьянков И. В. Древнейшие государственные образования Средней Азии (Опыт исторической реконструкции) // Древние цивилизации Евразии. История и культура*. М., 2001. С. 335). Указания же Геродиана (Herodian. VI.4.5) и Аммиана Марцеллина (Amm. Marc. XVII.5.5) на то, что сасанидские цари стремились восстановить древнюю державу Ахеменидов, являются не более чем их авторской интерпретацией, продиктованной стремлением вписать происходившие на Востоке события в сложившуюся античную историческую традицию об Иране. По той же причине Аммиан, упоминая о *кави* Виштаспе, покровительствовавшем Заратуштре, называет его отцом Дария I (Amm. Marc. XXIII.6.32–33), хотя на самом деле это было, конечно же, не так.

¹³ В зороастрийской литературе Александр Македонский фигурирует как величайший злодей, разоривший Иран и уничтоживший зороастрийские святыни. Так, в «Книге о праведном Виразе» об Александре го-

Соответственно, практически всё, что персы знали об эпохе, предшествовавшей Аршакидам, ассоциировалось ими с легендарными Кайанидами (*кави*), возвращение к традициям которых и являлось одним из ключевых направлений деятельности Шапура II.

Именно эта специфика исторических представлений персов и породила противоречие, которое для нас является очевидным, но которого сами персы попросту не замечали: стремясь к возрождению доаршакидских традиций и искоренению эллинистических начал, Сасаниды неизбежно обращались к эпохе Селевкидов, т. е. к тому самому эллинизму, против которого они так упорно боролись!

Это противоречие между историческими и политико-идеологическими представлениями персов с одной стороны, и историческими реалиями — с другой, ярко отразилось на военном деле сасанидского Ирана. Зная из эпических преданий о том, что до прихода к власти парфян иранские *кави* — Кайаниды (а в реальности — Селевкиды) — обладали отрядами боевых слонов¹⁴, а также стремясь дистанцироваться от парфянских Аршакидов, в том числе, и в военной сфере, Сасаниды, провозгласившие себя, как мы помним, наследниками Кайанидов, вне вся-

---

ворится: «...Проклятый лживый Злой Дух, чтобы заставить людей усомниться в вере, ввёл в заблуждение проклятого Александра Румийского, обитавшего в Египте, и послал его в Эраншахр с тяжкой жестокостью и насилием... Он убил правителя Эрана, разорил и разрушил его двор и власть. Этот злой, несчастный, отступивший от веры, нечестивый, злобный Александр Румийский, обитавший в Египте, отобрал и сжег священное писание, а именно всю Авесту и Зенд ... Он убил многих жрецов и судей, хербедов и мобедов, приверженцев веры, умелых и умных людей Эраншахра» (Пехлевийская Божественная комедия. Книга о праведном Виразе (Арда Вираз намаг) и другие тексты / Пер. и коммент. О. М. Чунаковой. М., 2001. С. 96).

¹⁴ В частях «Шах-наме», повествующих о Кайанидах, имеются многочисленные упоминания об участии в сражениях боевых слонов, и вряд ли все они являются позднейшими (сасанидскими) интерполяциями.

кого сомнения, посчитали необходимым возродить эту славную древнюю традицию¹⁵. При этом, вероятно, нельзя сбрасывать со счетов и сложившееся к первым векам н. э. и получившее широкое распространение представление о том, что слон является «царским животным», атрибутом власти могущественных монархов. В частности, так было в соседних с Персией Римской империи¹⁶ и Индии¹⁷, о чём Сасаниды не могли не знать.

Однако одного лишь желания (пусть даже царского) возродить элфантерию было явно недостаточно для того, чтобы этот род войск действительно появился под знамёнами персидских шаханшахов. Реалии были таковы, что практика использования боевых слонов в Иране пресеклась за несколько веков до Сасанидов, и собственно иранской (строго говоря — эллинистической) традиции применения элфантерии к IV в. здесь уже не существовало. В связи с этим возрождение данного рода войск могло быть осуществлено персами исключительно за счёт внешних ресурсов. При этом очевидно, что источником поставок боевых слонов в Иран могла стать только Индия, но воспользоваться этой возможностью Сасаниды могли лишь при одном условии — установлении контроля над коммуникациями, связывавшими Иран и Индию (т. е., по сути, преодолении геополитической изоляции Ирана от Индии, имевшей место в парфянскую эпоху), что на практике означало необходимость завоевания Восточного Ирана.

---

¹⁵ См.: *Дмитриев В. А.* «Персы получают их из Индии», или Почему парфяне не использовали боевых слонов? // *Метаморфозы истории.* 2013. Вып. 4. С. 167–168.

¹⁶ См.: *Арманди П. Д.* Военная история слонов с древнейших времен и до изобретения огнестрельного оружия, с критическими замечаниями относительно нескольких наиболее знаменитых воинских деяний древних / Пер. с франц. А. В. Банникова. СПб., 2011. С. 241–242.

¹⁷ См., напр.: *Gokhale B. G.* Animal Symbolism in Early Buddhist Literature and Art // *EW.* 1974. Vol. 24. No. 1/2. P. 111–120; *Charles M. B.* Op. cit. P. 338–339.

Как известно, эта задача была решена в III–IV вв. в результате успешных походов Сасанидов на восток, когда кушанские и другие владения, отделявшие Иран от Индии, сначала (при Арташире I и Шапуре I) были серьёзно ослаблены, а затем (при Шапуре II) полностью подчинены персами¹⁸. Иначе говоря, в эпоху правления Шапура II сложился комплекс факторов (как внутренних, так и внешних, как субъективных, так и объективных), благоприятствовавших возрождению иранской элевантерии. При этом следует отметить, что применение боевых слонов Шапуром II и его преемниками являлось, по всей видимости, продолжением не эллинистической, как полагают некоторые исследователи¹⁹, а собственно восточной (древнеиндийской) военной традиции²⁰.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что возрождение в сасанидском Иране элевантерии было

---

¹⁸ Подробнее см.: *Дмитриев В. А.* «Персы получают их из Индии», или Почему парфяне не использовали боевых слонов? С. 155–158, 164–165.

¹⁹ См., напр.: *Банников А. В.* Римская армия в IV столетии (от Константина до Феодосия). СПб., 2011. С. 190–191; *он же.* Эпоха боевых слонов. С. 322.

Безусловно, что эллинистическая (селевкидская, затем – греко-бактрийская) традиция применения элевантерии в Иране изначально также имела индийское, т. е. восточное, происхождение, однако впоследствии эллинистические стратегия и тактика использования отрядов боевых слонов стали весьма отличными от индийских.

²⁰ См: *Rance P.* Op. cit. P. 382–383. Близкую мысль высказывает М. Чарльз (см: *Charles M. B.* Op. cit. P. 336), однако с его точки зрения слоны для Сасанидов являлись, на самом деле, не боевыми, а скорее, парадными животными (*ibid.* P. 337–339), с чем мы не можем согласиться. Если смотреть на эти процессы шире, то установление сасанидским Ираном прямых контактов с Индией и проникновение индийских достижений в разные области жизни персидского общества (в том числе – в военное дело) отражало общую тенденцию к ориентализации (в данном случае – «индизации») Ирана при Сасанидах, его переориентации на Восток (см.: *Callieri P.* India IV. Relations: Seleucid, Parthian, Sasanian Periods / / *Encyclopaedia Iranica.* URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/india-iv-relations> (дата обращения: 29.01.2012).

продиктовано двумя основными причинами: во-первых, обращением Сасанидов к древнеиранским допарфянским традициям, в том числе — в военной сфере, а во-вторых — установлением непосредственных контактов с Индией, позволивших возобновить поставки в Иран слонов и возродить практику их применения в военном деле. Истоки данного феномена имели, главным образом, идеологический характер и проистекали из новой государственной доктрины, разработка и реализация которой была начата в период правления шаханшаха Шапура II, однако дальнейшее превращение элефантерии в самостоятельный род войск и её широкое практическое применение не были бы возможны без произошедшего в III–IV вв. изменения геополитического положения Ирана. При этом с военно-исторической точки зрения сасанидская элефантерия являлась, вероятнее всего, продолжением восточной (индийской), а не эллинистической традиции.

Источники

- Абу Рейхан Бируни.* Избранные произведения. Т. 1. Ташкент, 1957.
- Аммиан Марцелин.* История / Пер. с лат. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни. Вып. 1–3. Киев, 1906–1908.
- Арриан.* Поход Александра / Пер. с древнегреч. М. Е. Сергеенко, предисл. О. О. Крюгера. М., 1993.
- Геродиан.* История императорской власти после Марка / Пер. с древнегреч. А. И. Доватура и др. СПб., 1995.
- Квинт Курций Руф.* История Александра Македонского. С приложением сочинений Диодора, Юстина, Плутарха об Александре / Отв. ред. А. А. Вигасин. М., 1993.
- Летопись Византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта / Пер. с греч. В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского. М., 1884.
- Пехлевийская Божественная комедия. Книга о праведном Виразе (Арда Вираз намаг) и другие тексты / Введ.,

транслитер. пехл. текстов, пер. и коммент.
О. М. Чунаковой. М., 2001.

Тацит Корнелий. Анналы. Малые произведения. История /
Пер. с лат. М., 2001.

Феодорит Киррский. История боголюбцев с прибавлением
«О божественной любви» / Вступ. ст. и новый пер.
А. И. Сидорова. М., 1996.

Феодорит, епископ Кирский. Церковная история / Пер. с
греч. М., 1993.

Фирдоуси. Шахнаме. Т. 5. М., 1984.

Chronicon Paschale. 284–628 AD / Transl. with notes and intro-
duction by M. Whitby and M. Whitby. Liverpool, 1989.

Chronique de Michael le Syrien / Éditée pour la première fois et
traduite eu français par J.-B. Chabot. Т. 1–3. Р., 1899–1905.

Sancti Ephraem Syri Hymni et Sermones / Ed. T. J. Lamy.
Т. 1–4. Mechliniae, 1889–1902.

The Works of the Emperor Julian. Vol. 1 / Ed. by T. E. Page,
M. A. and W. H. D. Rouse. Cambridge, 1913.

Литература

Абакумов А. А. Боевые слоны в истории эллинистического
мира (последняя треть IV–II вв. до н. э.). М., 2012.

Арманди П. Д. Военная история слонов с древнейших вре-
мён и до изобретения огнестрельного оружия, с кри-
тическими замечаниями относительно нескольких
наиболее знаменитых воинских деяний древних /
Пер. с франц. А. В. Банникова. СПб., 2011.

Банников А. В. Римская армия в IV столетии (от Констан-
тина до Феодосия). СПб., 2011.

Банников А. В. Эпоха боевых слонов (от Александра Великого
до падения персидского царства Сасанидов). СПб., 2012.

Дмитриев В. А. «Персы получают их из Индии», или По-
чему парфяне не использовали боевых слонов? //
Метаморфозы истории. 2013. Вып. 4. С. 153–172.

Дмитриев В. А. Сасанидское государство в известиях рим-
ского историка Аммиана Марцеллина // Вестник
Псковского государственного педагогического уни-

- верситета. Серия «Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки». 2008. Вып. 3. С. 12–23;
- Луконин В. Г. Картир и Мани // ВДИ. 1966. № 3. С. 65–81.
- Луконин В. Г. Культура сасанидского Ирана. Иран в III–V вв. Очерки по истории культуры. М., 1969.
- Пьянков И. В. Древнейшие государственные образования Средней Азии (Опыт исторической реконструкции) // Древние цивилизации Евразии. История и культура. М., 2001. С. 334–348.
- Пьянков И. В. Древнейшие эпические циклы «Шах-наме» // Известия АН Республики Таджикистан. Серия: востоковедение, история, филология. 1994. № 2. С. 19–20.
- Callieri P. India IV. Relations: Seleucid, Parthian, Sasanian Periods // Encyclopaedia Iranica. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/india-iv-relations> (дата обращения: 29.01.2012).
- Charles M. B. The Rise of the Sassanian Elephant Corps: Elephants and the Later Roman Empire // IA. 2007. Vol. 42. P. 301–346.
- Daryaee T. The Construction of the Past in Late Antique Persia // Historia. 2006. Bd. 55. Hft. 4. S. 493–503.
- Daryaee T. Kingship in Early Sasanian Iran // The Idea of Iran. Vol. 3. The Sasanian Era. L., 2008. P. 60–70.
- Daryaee T. National History or Keyanid History?: The Nature of Sasanid Zoroastrian Historiography // IS. 1995. Vol. 28. No. 3–4. P. 129–141.
- Frye R. N. The History of Ancient Iran. München, 1983.
- Frye R. N. The Political History of Iran under the Sasanians // CHI. 3(1). P. 116–180.
- Gardner P. The Parthian Coinage. L., 1877.
- Gokhale B. G. Animal Symbolism in Early Buddhist Literature and Art // EW. 1974. Vol. 24. No. 1/2. P. 111–120.
- Christensen A. Les Kayanides. København, 1931.
- MacKenzie D. N. A Concise Pahlavi Dictionary. L., 1971.
- Pyankov I. V. On the problem of the origin of the ancient epic cycles in the Shahname // Firdowsi's Shahname: 1000 years after. Dushanbe, 1994. P. 163–168.

Rance P. Elephants in Warfare in Late Antiquity // AAASH. 2003. Vol. 43. P. 355–384.

Sellwood D. Parthian Coins // CHI. 3(1). P. 279–298.

Syme R. Ammianus and the Historia Augusta. Oxford, 1968.

Vladimir A. Dmitriev

The Problem of Sasanian Elephantry Origins Revisited

In the reign of the Sasanids the practice of elephantry usage in Iran was revived after four centuries of complete absence. One reason for this phenomenon was the Sasanids' ideological policy, focused, inter alia, on restoration of the traditions of pre-Arsacid epoch, when according to the historical representations of the Persians Iran was ruled by legendary kings of the Kayanid dynasty. But in fact the predecessors of the Arsacids were the Seleucids who, in their turn, used battle elephants extensively. Thus, the revival of the elephantry during the rule of the Sasanids was to a considerable degree dictated by ideological factors, and from this point of view this meant a partial return to the military practice of the Hellenistic era. At the same time the only source of supply of battle elephants in Sasanian Iran and practical skills of their usage could be found only in India. In this regard the Sasanian elephantry objectively continued not Hellenistic but Indian military tradition.

Key words: elephantry, battle elephants, warfare, Iran, Sasanids, Persians, Parthia, Arsacids, Parthians, India, Hellenism, political ideology.

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

УДК 94(44).014

Омельченко Д. М.

АРИАНСКИЕ ПРАВИТЕЛИ КАК «ЗНАЧИМЫЕ ДРУГИЕ» В «ЖИТИИ ЦЕЗАРИЯ АРЕЛАТСКОГО»

В статье рассматриваются способы конструирования памяти об отношениях епископа Цезария Арелатского с остготскими и вестготскими правителями, исповедовавшими арианство. Основным источником выступает «Житие» епископа, составленное при короле франков Хильдеберте I.

Ключевые слова: Поздняя Античность, Цезарий Арелатский, арианство, вестготы, остготы, Галлия, Прованс, память.

Епископ Цезарий Арелатский принадлежит к числу крупных церковных иерархов Поздней Античности. Масштабы сделанного им за сорок лет епископства (503–542) впечатляют: несколько важных церковных соборов, один из первых на Западе регулярных женских монастырей и первый монашеский устав, написанный специально для женщин, множество сборников проповедей, разошедшихся по всей Галлии, повышение статуса Арелатской кафедры. Кроме того, он прославился как чудотворец и благотворитель. При этом нужно иметь в виду, что лишь последние шесть лет жизни Цезария пришлись на период, когда Прованс стал частью Франкского королевства, правящая элита которого исповедовала ортодоксальное христианство. До этого регион находился в составе Вестготского (до 507 г.), а затем Остготского (до 536 г.) королевств, чьи правители были арианами.

Основным источником сведений о Цезарии является его «Житие» (*Vita sancti Caesarii episcopi Arelatensis* [далее — *Vita*. — Д. О.]). В данной статье нас будет интересовать лишь один его аспект — способы и особенности конструирования памяти об отношениях ортодоксального епископа с властью еретиков.

«Житие Цезария» во многом отличается от других агиографических текстов Поздней Античности. Во-первых, оно было написано почти сразу после смерти Цезария. Во-вторых, агиографы не только входили в круг ближайшего окружения епископа, но и сами были свидетелями многих описанных событий. Наконец, мы знаем имена авторов. «Житие» состоит из двух книг. Первая была написана Киприаном, епископом Тулона (ок. 517–ок. 545) и соратником Цезария. Его соавторами были Фирмин, епископ Изеса (ок. 534–ок. 552), и Вивенций, епископ (ок. 541–ок. 548) неизвестного города. Вторая книга была составлена двумя клириками Арелатского диоцеза, знакомыми с Цезарием с юности: священником Мессианом и диаконом Стефаном. Авторы первой книги концентрировали внимание на официальной стороне деятельности епископа; авторы второй книги изображали Цезария таким, каким он предстал в зорю местного духовенства.

С одной стороны, читая «Житие», мы имеем дело с частным «диалектом памяти»¹ о святом. С другой стороны, моделируемая церковной традицией концепция святости включалась в более широкое пространство культурной памяти. «Воспоминание» отвечало вполне определённым задачам, актуальным для «цезарийцев» после смерти епископа, что неизбежно накладывало отпечаток на воссозда-

---

¹ Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю. М. Избранные статьи. В 3-х т. Т. 1. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллинн, 1992. С. 201–203.

ваемые образы святого и правителей-ариан. «Житие» было написано во времена франкского короля Хильдеберта I (511–558) по просьбе Цезарии Младшей, аббатисы основанного епископом женского монастыря. Именно там был похоронен Цезарий, и «Житие», во многом, писалось в интересах обители, имевшей недоброжелателей. Кроме того, агиографы были в числе тех, кто после смерти Цезария пытался продолжить задуманные им реформы, поэтому «Житие» составлялось с целью самоидентификации последователей Цезария и защиты его репутации от критики со стороны соперников. Что касается адресатов «Жития», то можно лишь согласиться с осторожным выводом У. Клингширна: «Аудитория, должно быть, включила, помимо женского монастыря, последующих епископов Арля и его духовенство, членов франкского королевского дома и население Арля, но насколько широк был круг читателей «Жития» в поздней Античности, определить трудно»².

Итак, какими предстают правители-еретики в «воспоминаниях» агиографов? Вначале несколько замечаний относительно лексики. Однажды по отношению к вестготскому королю Алариху II (484–507) употребляется эпитет *nefarius* — «нечестивый» (*Vita*. I. 24), который фигурировал у римских авторов в числе терминов, применяемых к тем, кто совершил «сакральное или тяжкое, из ряда вон выходящее преступление»³. При характеристике вестготов и разрушивших женский монастырь бургундов и франков (последние тогда ещё не стали владыками Прованса, хотя и приняли ортодоксальное крещение) используются слова

---

² *Klingshirm W.* Caesarius of Arles. The Making of a Christian Community in Late Antique Gaul. Cambridge, 2004. P. 7.

³ *Никольский И. М.* Образ правителя в сочинениях раннехристианских историков (на примере «О смертях гонителей» Луция Фирмиана Лактанция) // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2011. С. 14.

barbarus — «варвар» (*Vita*. I. 20, 28); *ferocitas barbarorum* — «варварская дикость» (*Vita*. I. 21, 28). Хотя подобные эпитеты употребляются только в отношении германских народов, видимо, основной критерий «варварства» — это неумение людей, даже принявших христианство, отличить сакральное от профанного.

С другой стороны, ничто в тексте не говорит о том, чтобы Цезарий или его окружение считали власть еретиков нелегитимной. В качестве титулов правителей фигурируют *rex* и *princeps*, которые в римском политическом лексиконе применялись по отношению к законным правителям⁴. Нигде нет намёка на то, что власть ариан незаконна или деспотична. Даже восхваление франкских правителей не делает прежних королей узурпаторами.

Обратимся к рассказам «Жития», касающимся отношений Цезария с правителями-еретиками. Возможно, самый первый эпизод относится к началу епископской карьеры Цезария. В 502 или 503 г. престарелый епископ Эоний выразил желание, чтобы его преемником на Арелатской кафедре стал Цезарий, приходившийся ему дальним родственником. Цезарий тогда был настоятелем мужского пригородного монастыря, и ничем не прославился, кроме суровой аскезы. Разумеется, в Арелате были партии, имевшие иные воззрения на кандидатов в епископы, поэтому Эоний решил заручиться поддержкой неких влиятельных господ (*ipsos dominos rerum*) (*Vita*. I. 13). Загадочная фраза может указывать на то, что выборы Цезария прошли при участии вестготов⁵. Дальнейшее повествование, как мы увидим, скорее, подтвердит такое предположение.

---

⁴ Шалимов О. А. Образ идеального правителя в Древнем Риме в середине I — начале II вв. н. э. М., 2000. С. 40–43, 60–61.

⁵ Delaplace C. Pour une relecture de la *Vita Caesarii*: le rôle politique de l'évêque d'Arles face aux représentants des royaumes burgonde, wisigothique et ostrogothique // Les Annales du Midi. T. 124. № 279. 2012. P. 312.

Следующий эпизод вызывает множество вопросов. Рассказывая о делах милосердия, которые совершал новый епископ, агиограф неожиданно сообщает, что «ради помощи Арелатской церкви» Цезарий посетил Алариха. «Хотя варвар и впал в арианское извращение, всё же вместе со своей знатью принял и одарил раба Христова... [Он] передал деньги, которые пойдут на выкуп пленных, а также твёрдостью данного предписания навсегда сделал церковь свободной от налогов» (*Vita*. I. 20). Это замечание содержится лишь в одном из списков «Жития», что дало повод считать его позднейшей вставкой⁶. Между тем, в своём «Завещании» (*Testamentum sancti Caesarii* [далее — *Testamentum*. — Д. О.]) Цезарий указывает, что усилиями его «скромной особы милосердный Бог предоставил нам быть свободными от множества налогов» (*Testamentum*. 31). «Завещание» в своём окончательно варианте Цезарий писал уже при франкском короле, и если бы именно последний даровал налоговые привилегии, то об этом было бы сказано прямо. Значит, привилегии даровал «нечестивый» король, о чём в новых политических условиях вспоминать было неуместно.

Даже если не считать приведённый рассказ интерполяцией, он производит странное впечатление. Зачем Алариху щедро одаривать епископа? Если вспомнить о загадочных «господах», чья поддержка помогла молодому настоятелю монастыря стать епископом, то можно предположить, что Цезарий — ставленник вестготов и помощь ему вполне логична. Действительно, вестготы, составляя этническое и религиозное меньшинство в Провансе⁷, явно

---

⁶ *Cavallin S.* Literarhistorische und textkritische studien zur Vita S. Caesarii Arelatensis. Lund, 1934. P. 101.

⁷ *Копылов И. А.* Арианская церковь в Королевстве вестготов // Вестготская правда (Книга приговоров). Латинский текст. Перевод. Исследование. М., 2012. С. 173–187.

нуждались в лояльности ортодоксального галло-римского населения, и «свой» епископ мог бы этому способствовать.

Как будто предугадывая подобную логику рассуждений, агиограф вслед за этим рассказом помещает своего рода опровержение. Спустя несколько дней разыгрывается драма, в которой Цезарию уготована роль мученика. Епископский нотариус Лициниан донёс королю, что Цезарий ведёт тайные переговоры с врагами — бургундами. Показал ли нотариус какие-то письма или сыграло роль то обстоятельство, что сам епископ был родом из Бургундии (*Vita*. I. 3), но Аларих поверил доносу и сослал епископа в Бурдигалу. Скупко сообщая о пребывании в ссылке, агиограф чуть подробнее останавливается на чудесном избавлении Бурдигалы от пожара по молитве Цезария (*Vita*. I. 22). Вслед за этим автор отмечает, что епископ повсюду проповедовал необходимость «возвращать кесарю кесарево, а Божие Богу (*Мф.* 22. 21), повиноваться, согласно Апостолу (*Рим.* 13. 1-7), королям и облечённым властью, когда они велят законное, и презирать порочность арианства во властителе» (*Vita*. I. 23).

Чудо и проповедь как будто бы убедили Алариха в невинности Цезария, и «нечестивый властитель потребовал, чтобы святой первосвященник вернулся в прежнюю церковь» (*Vita*. I. 24.). Клеветника же король велел забросать камнями, но Цезарий помиловал его. Самое примечательное, что вскоре после возвращения, в сентябре 506 г., Цезарий возглавил созданный по инициативе Алариха церковный собор в Агате (*Concilium Agathense* а. 506), на который съехалось большинство ортодоксальных епископов Вестготского государства. Но в «Житии» об этом нет ни слова.

Попробуем разобраться в хитросплетениях этого повествования. Складывается впечатление, что ссылка не стала тяжким испытанием для епископа, а наоборот, име-

ла самые благоприятные последствия. Чудо тушения пожара как основание для снятия всех обвинений как будто исключает всякую политическую подоплёку в действиях Алариха и переносит дальнейшее повествование в область сакрального. Сцена возвращения Цезария в Арелат почти целиком построена на библейских реминисценциях. Станным кажется приказ короля о побиении нотариия камнями. Такое наказание неизвестно ни римскому, ни вестготскому праву, так что данный сюжет имеет чисто библейские коннотации. В Ветхом Завете к такому виду смертной казни приговаривались в числе прочих осуждённые за богохульство (*Лев.* 24. 14), следовательно, клевета на Цезария приравнивается к этому виду преступления. Агиографа, видимо, не смущает мысль, что за богохульство приговор выносит еретик. Но автору, видимо, в данном случае важно подчеркнуть параллель между Христом, простившим Своих гонителей, и Цезарием.

Приезд епископа в город описан как торжественное событие: «Когда было объявлено о возвращении человека Христова и его приближении к городу, вся христианская община вышла встречать его. Мужчины и женщины, неся зажжённые свечи и кресты и воспевая псалмы, ожидали прибытия святого мужа. Христос же... ясным светом Своих чудес разгоняя тьму предательства, вместе с прибытием служителя Господня даровал обильнейший дождь страдавшей от очень долгой засухи земле» (*Vita.* I. 26). Перед нами универсальная форма репрезентации власти — церемония, именуемая в римском мире *adventus domini* и занимавшая важное место в политическом символизме. Один из архетипов, заложенных в основу церемонии, — идея явления спасителя. В Римской империи им, как правило, выступал триумфатор⁸. В основу христианского пе-

---

⁸ Бойцов М. А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009. С. 36.

реосмысления⁹ этой церемонии лег евангельский рассказ о торжественной встрече Христа, входящего в Иерусалим (*Мф.* 21. 1–11. Ср.: *Мк.* 1. 1–10; *Лк.* 19. 29–40; *Ин.* 12. 12–19). В эпизоде приезда Цезария переплетены как триумфальная, так и новозаветная составляющая *adventus*: его торжественный въезд не только делал очевидным для всех его победу над врагами, власть и авторитет, но и озаменовал присутствие Божие в городе.

Торжественное повествование «Жития» затемняет все нестыковки сюжета. Между тем, у него есть вполне конкретный политический контекст. У. Клингширну предположение о тайных переговорах Цезария с врагами вестготов не кажется абсурдным. Епископ мог быть заинтересован в сотрудничестве с бургундами для получения контроля над территориями к северу от реки Друенция, которые в первой трети V в. находились под юридической властью Арелатской кафедры. Аларих же решил сослать Цезария, скорее, из предосторожности, чем действительно поверив обвинениям. Возвращение Цезария в Арелат, по мнению Клингширна, связано с внутривосточными процессами в Вестготском государстве. Аларих стремился укрепить свою власть путём активного сотрудничества с галло-римской духовной и светской элитой. В частности, на основе «Кодекса Феодосия» и позднейших новелл был составлен свод законов Вестготского государства — «*Breviarium Alarici*». В то же время Аларих запланировал созвать собор всех галло-римских епископов своего королевства, который должен был пройти в Агате в сентябре 506 г. «Проведённый под его покровительством и с его разрешения, — пишет исследователь, — собор должен был символизировать и подтверждать интеграцию галло-римской Церкви в Вестготское государство ... Цезарий был освобо-

---

⁹ *Mc Cormack S.* Change and Continuity in Late Antiquity. The Ceremony of Adventus // *Historia. Zeitschrift für alte Geschichte.* 1972. Bd. 21. S. 721–752.

ждён как епископ наиболее влиятельной кафедры в Южной Галлии, и его поддержка планов Алариха была решающей для их успешной реализации. В обмен на его сотрудничество и лояльность вестготы готовы были предложить ему важную роль в своём государстве и недавно образованной *Landeskirche* — роль, символом которой было его первенство по отношению к другим епископам митрополии на соборе»¹⁰.

Иную версию событий недавно предложила К. Делашлас. По её мнению, Цезарий изначально принадлежал к покровительствующей ему проготской партии Арелата, и никогда не предавал её интересов. «Эпизод об измене и ссылке мог быть вставлен, чтобы скрыть объективный союз Цезария с вестготами и остготами, особенно во время составления «Жития» при Хильдеберте I и сведения возможных счетов внутри арлезианской общины. Необходимо было, чтобы Цезарий принадлежал к «хорошим епископам» насильно изгнанным еретической властью. Следовало также заставить забыть распри внутри города, которые были в основе этих эпизодов»¹¹.

Неизвестно, принадлежал ли Цезарий к проготской партии или нет, но несомненно, что его отношения с арианской властью представляли собой баланс интересов. Эта власть, если и не прямо покровительствовала епископу, всё же не мешала ему проводить собственную церковную политику.

Прошло чуть более года после собора в Агате, как Цезарий вновь был втянут в водоворот политических событий. В конце лета 507 г. в битве с франками и бургундами был убит вестготский король Аларих II, а зимой того же года бургунды осадили Арелат. Рассказ «Жития» о событиях тех дней настолько напоминает приключенческий

---

¹⁰ *Klingshirn W.* Op. cit. P. 96.

¹¹ *Delaplace K.* Op. cit. P. 315.

роман, что мы позволим себе привести его почти полностью: «Один из клириков, земляк Цезария и сослуживец, напуганный возможностью захвата в плен и по юношескому легкомыслию, подстрекаемый дьяволом против служителя Божия, спустившись ночью по верёвке, сдался на следующий день врагам, осаждавшим город. Когда готы внутри города узнали об этом... они поспешили к святому мужу, а толпа, включая и множество иудеев, кричала и вопила, что епископ послал своего земляка ночью, чтобы сдать город врагу ... Иудеи и еретики кричали на него без всякого почтения и сдержанности. Епископ был взят под стражу из своих покоев и заключён во дворце, чтобы ночью быть утопленным в глубинах Родана или, по крайней мере, переправленным в крепость Угерн».

Замыслам готов не суждено было осуществиться: бургунды блокировали реку, поэтому судно для переправки епископа причалить не смогло. Между тем, «однажды ночью кто-то из иудейского квартала бросил привязанное к камню письмо к врагам, чтобы, якобы нанести им удар... В письме тот человек, назвав своё имя и секту, предложил врагам разместить свои лестницы в месте, которое охраняли иудеи, при условии, что ... ни один иудей внутри Арелата не будет захвачен в плен или ограблен. Но утром... некоторые [из осаждённых], обходя спереди укрытие ... среди разрушенных строений нашли письмо, вернулись обратно и огласили его содержание всем людям на форуме. Вскоре его автор был найден, осуждён и наказан. Тогда действительно открылась дикая жестокость иудеев по отношению к Богу и человеку. Скоро наш Даниил, то есть святой Цезарий, был изъят из львиного логова (Ср.: *Дан.* 6. 23. — Д. О.), а обвинения сатрапов опровергнуты» (*Vita.* I.29–31).

Первое, что бросается в глаза при чтении этой почти детективной истории, — её совершенно не скрываемая

антисемитская направленность¹² и фантастичность. Не понятно, почему иудеи вдруг резко переметнулись на сторону бургундов, хотя ещё недавно радовались аресту «предателя» Цезария. Даже если согласиться с версией агиографа о том, что иудеи стремились извлечь выгоду из сложившейся ситуации, рассказ об их предательстве совершенно не правдоподобен. Во-первых, вряд ли предатель стал бы сообщать в письме столько компрометирующих его сведений. Во-вторых, сам способ предательства кажется слишком наивным: с трудом верится, что решившие как можно выгоднее продать врагу иудеи доверили свою судьбу привязанному к камню посланию, которое могло затеряться среди развалин и не достичь адресата или быть перехваченным. При этом совершенно не понятна логика, которой руководствовались готы: почему обнаружение предателя в иудейском квартале автоматически повлекло за собой освобождение епископа — ведь иудеи и Цезарий могли действовать в собственных интересах независимо друг от друга. Вообще, готы в этом рассказе представлены в самом невыгодном свете: они кажутся наивными простачками, которыми могут манипулировать все, не проявляя при этом особой смекалки. Даже попытка готов избавиться от Цезария предстаёт каким-то фарсом: если бы они и впрямь хотели убить епископа, то сделали бы это без лишних рискованных мероприятий. Так же наводит на подозрение уж слишком краткое сообщение о том, что иудей-предатель «был найден, осуждён и наказан». На фоне подробного рассказа о его коварных планах такая неожиданная лаконичность совершенно не выразительна и звучит каким-то диссонансом.

Зачем агиограф привёл этот крайне тенденциозный рассказ о событиях, и какое положительное ядро можно

---

¹² Комментарий этого рассказа см.: *Juster J. Les Juifs dans l'empire romain.* P., 1914. P. 213.

выделить в этой истории? Возможно, в смятении, порождённом гибелью Алариха, вестготы стали сомневаться в лояльности Цезария. Хотя им, нуждавшимся в трудовых и воинских ресурсах, невыгодна была смерть епископа, представлявшего кафолическое большинство населения. Здесь вполне очевидна политическая игра, однако многие её механизмы так и останутся для нас скрытыми.

Некоторую подсказку даёт сравнение освобождённого епископа с пророком Даниилом, спасшимся от пастей львов. Как известно, «Книга Даниила» повествует о героических приключениях пророка в Вавилонии в эпоху «пленна». Даниил был приближённым нескольких вавилонских царей, при которых состоял в качестве мудреца и прорицателя. При царе Дарии в результате козней сатрапов Даниил был брошен в львиный ров за верность Единому Богу, но чудесным образом спасся. Наиболее очевидная параллель между пророком и епископом — это то, что основными виновниками бед главных героев выступают завистливые люди. Вполне вероятно, что действительными «завистниками» епископа в данном случае были члены ортодоксальной общины, недовольные церковной политикой Цезария и (или) его проготской ориентацией. Несомненным представляется лишь то, что авторами найденного «иудейского» письма были сторонники Цезария. Вопрос в том, когда именно оно было составлено и кому предназначалось. Высказывалось предположение, что его адресатами были вовсе не бургунды, а вестготы¹³. Тогда получается, что «цезарийцы» времён осады и вестготские власти пришли к взаимовыгодному соглашению: первые нашли способ выйти из щекотливой ситуации подозрений Цезария в предательстве, а вторые сделали вид, что поверили в виновность иудея и отпустили епископа, чтобы не возмущать кафолическое население. Согласно другой

---

¹³ *Juster J. Op. cit. P. 213.*

точке зрения¹⁴, адресатом письма являлись галло-римляне, которых необходимо было сплотить вокруг епископа, прибегнув к классическому приёму: создав образ общего врага (еретиков и иудеев). Наконец, автором письма мог быть и сам агиограф, который уже постфактум стремился затушевать действительную роль кафедральной общины в народном возмущении против своего же епископа. Адресатом же послания могли являться современные автору франки¹⁵, которым не стоило знать истинные мотивы приключений Цезария, но необходимо было увидеть в нём святого, невинно осуждённого и стоящего вне политических перипетий сорокалетней давности.

Через несколько месяцев после описанных событий войска остготского короля Теодориха (470–526) сняли осаду с Арелата и вынудили бургундов отойти за Родан и Друенцию. Прованс вошёл в состав Остготского государства. Прошло совсем немного времени, и Цезарий вновь стал жертвой обвинений, на сей раз не обозначенных чётко в «Житии». Исходя из контекста, можно сказать, что поводом послужило освящение в 512 г. основанного Цезарием женского монастыря. После рассказа об этом событии агиограф сообщает о том, что епископ был арестован и под охраной доставлен в Равенну ко двору короля Теодориха (*Vita*. I. 36).

Чтобы понять, почему богоугодное дело могло вызвать чьё-то недовольство, и зачем потребовалось вмешательство верховной власти, скажем несколько слов об этом начинании Арелатского епископа. Временем основания монастыря считается 506 или начало 507 г. Цезарий только что вернулся из ссылки, его позиции в городе довольно шатки, и строительство монастыря могло бы упрочить его

---

¹⁴ *Klingshirn W.* Op. cit. P. 109.

¹⁵ *Delaplace C.* Op. cit. P. 315.

авторитет¹⁶. Проблема заключалась в том, что епископ, дабы обеспечить существование монашеской общины, отчасти продал монахиням, отчасти отдал им в дар земли, принадлежавшие Арелатской церкви.

Каков был размер начального вклада Цезария в монастырь — неизвестно. Также трудно судить о доходах, получаемых с этих земельных владений. Очевидно лишь, что земельные участки были небольшими и разбросаны по Арелатскому диоцезу (*Testamentum*. 32–36). Как бы то ни было, противники епископа пытались оспорить законность имущественных операций Цезария в пользу монастыря. Кто именно на сей раз противостоял епископу — не ясно. Оппозиция могла быть представлена местным духовенством, для которого отчуждение церковных земель в пользу монастыря означало сокращение собственных средств существования. Обвинители Цезария могли сослаться на канон, согласно которому ценная церковная собственность, включая недвижимое имущество, рабов и серебро, не должна была отчуждаться ни при каких обстоятельствах (*Conc. Agath. Can. 7*). Однако те же соборные постановления предусматривали, что малоценная собственность, вроде небольших полей или виноградников, могла быть продана, обменена или отдана епископом без всякого согласования (*Conc. Agath. Can. 45, 46, 7*). Возможно, именно эту «лазейку» в законе Цезарий использовал, когда ему пришлось доказывать законность своих действий перед Теодорихом.

Противниками Цезария могли быть и родственники монахинь, которые противились стремлению последних порвать семейные связи и помешать матримониальной

---

¹⁶ В одном из канонов недавно прошедшего под его руководством собора указывалось, что лишь епископы могли разрешить строительство монастырей в границах своих диоцезов (*Conc. Agath. Can. 56*).

политике¹⁷. Как известно, важнейшей составляющей семейных уз были имущественные отношения, и разрыв с миром предполагал и отказ от имущества. Вынужденный считаться с социальными и юридическими структурами светского общества, Цезарий в созданном им «Уставе» (*Regula virginum* [далее — *Caes. Arel. Reg. virg.* — Д. О.] не обязывал монахинь делать это в пользу общины (*Caes. Arel. Reg. virg.* 5, 6, 22), хотя и не исключал такой возможности (*Caes. Arel. Reg. virg.* 21).

И всё же, даже если предположить, что имелись некие клирики или аристократы, которые были недовольны основанием монастыря, очень трудно представить, что они были настолько влиятельны, чтобы отправить Цезария на суд к Теодориху. Если уж непременно понадобилось вмешательство светских властей, то это можно было сделать и без путешествий в Равенну, поскольку в Арелате находился наместник остготского короля — патриций Либерий (*Vita.* II. 9–11). Пожалуй, не слишком рискованным будет предположение, что Цезарий поехал в Италию не безвольным арестантом.

Описание «суда» Теодориха лишь умножает загадки: «[Цезарий] вошёл во дворец и, намереваясь приветствовать Теодориха, подошёл под водительством Христа. И как только король увидел бесстрашного и почтенного человека Божия, он уважительно встал для приветствия, сняв украшение с головы, ответил весьма доброжелательно и расспрашивал о страданиях его в пути ... о своих готах и о жителях Арелата. Когда святой муж покинул короля, тот обратился к своим, говоря: “Пусть Бог не пощадит тех, кто напрасно заставил проделать столь долгий путь мужа такой святости и безупречности ... Я вижу ангельское лицо и апостольского мужа и считаю грешным высказывать что-либо дурное о столь почтенном человеке”» (*Vita.* I. 36). Бо-

---

¹⁷ *Delaplace C. Op. cit.* P. 316.

лее того, придя в гостиницу, епископ обнаружил дорогое серебряное блюдо и 300 солидов — подарок короля с запиской: «Прими, святой епископ! Король, твой сын, просит твоё блаженство принять в дар этот небольшой сосуд, чтобы ты, пользуясь им, хранил память [о короле]». И даже когда Цезарий продал блюдо, чтобы выкупить пленных, Теодорих, вопреки ожиданиям, лишь «выказал восхищение и похвалу» (*Vita* I. 37–38).

В этом рассказе арианство короля как будто забывается. Более того, описание сцены во дворце содержит отголоски римских представлений об идеальном правителе, когда милость короля значит больше, чем справедливость, и сам король наделён даром мгновенно прозревать суть вещей, не утруждая себя долгим их исследованием¹⁸. Королевский дворец превращается в пространство ритуала, основным атрибутом которого является священная тишина, и её не нарушают ни словами обвинения, ни словами оправдания. Отметим также, что эпизод во дворце обнаруживает явную градацию в восприятии «чужого». Образы арианских правителей — Алариха и Теодориха — разные. Если первый однозначно «варвар» и «нечестивый», то второй, проявляя смирение и благоговение по отношению к святому мужу, утрачивает черты «чуждости» и, возможно, становится образцом поведения «своего» властителя.

Картина духовного триумфа епископа не оставляет читателям места для размышлений об истинных причинах столь дальнего путешествия Цезария. Между тем, задаться этим вопросом стоит. Обратим внимание на то, что за сценой «суда» Теодориха следуют параграфы с подробным описанием чудес, совершённых Арелатским епископом в Равенне, а затем в Риме, где он был представлен папе Симмаку (498–514) и местной аристократии. И вдруг ярко и со

---

¹⁸ Шкаренков П. П. Римская традиция в варварском мире. Флавий Кассиодор и его эпоха. М., 2004. С. 119.

вкусом описанные сцены чудес «апостольского мужа» и восторженных встреч с ним жителей Италии сменяются неожиданно кратким замечанием агиографа: «Папа Симмах, столь тронутый великими достоинствами и святостью Цезария, не только оказал ему честь как митрополиту, но и дал ему особую привилегию [ношения] паллия¹⁹. Он также отметил дьяконов Цезария, позволив им носить далматики²⁰ — по обычаю Римской церкви» (*Vita*. I. 42).

Житийный рассказ оставляет без внимания многие детали, важные для понимания того, почему вдруг после более чем полувековых весьма прохладных отношений между Римом и Арелатом на Цезария обрушилась папская милость. Не раскрывает он и подробностей встречи Цезария с папой, в отличие от аудиенции во дворце Теодориха. Между тем, до нас дошли документы, которые позволяют взглянуть на путешествие Арелатского епископа по Италии в другом свете. Среди них — прошение, которое Цезарий лично подал папе, и оно со всей очевидностью говорит, о том, что Арелатский епископ настойчиво искал папской поддержки в своих начинаниях. В этом документе Цезарий, в частности, просил папу помочь ему справиться с некоторыми нарушениями духовенством и аристократией церковного законодательства (*Epistolae Arelatenses genuinae*. 27. 3 [далее — *Epistolae*. — Д. О.]). Папа одобрил просьбы Цезария в письме от 6 ноября 513 г. (*Epistolae*. 26).

Кроме того, как и его предшественники, Арелатский епископ пытался вернуть под свою юрисдикцию Вьеннскую провинцию, которая после 476 г. находилась на тер-

---

¹⁹ Паллий (паллиум) — белый широкий шерстяной воротник с тремя вышитыми шёлком крестами, символизирующий пастыря, несущего на плечах овцу. Постепенно сложилась традиция получения каждым архиепископом паллиума от папы, официально признанная в 707 г. при папе Иоанне VII (705–707).

²⁰ Далматика — белая туника, которую носили исключительно римские диаконы.

ритории Бургундского королевства. Притязания епископа нашли поддержку у папы, и дело здесь, конечно, не только в репутации Цезария как «мужа апостольского». Просто на сей раз политические интересы папы и епископа совпали. Результатом встречи с папой стало подтверждение митрополичьих прав Цезария над епархиями Вьеннской провинции, а 514 г. Симмах признал митрополичьи права Цезария и над второй Нарбоннской провинцией (*Epistolae*. 29).

Подарки Симмаха — паллий для Цезария и далматики для его диаконов — на символическом языке того времени означали, что Цезарий удостоился чести стать папским викарием²¹ в Галлии — первым из галльских церковных иерархов. Данный статус *de iure* Арелатские епископы сохраняли вплоть до конца VI в. Впрочем, «дружба между Арлем и Римом... основывалась на взаимном интересе. Римские епископы получили верный источник информации в Галлии, голос в решении галльских вопросов и законные основания для своего первенства; епископы Арля получили основание престижного положения, которое они использовали в своих политических интересах»²².

Итак, 513 г. можно считать переломным в карьере Цезария: смещения, на которое рассчитывали оппозиционные силы, не последовало; вместо этого он обрёл поддержку короля и папы, а также стал первенствующим прелатом в остготской Галлии. Так что задуманные им преобразования в церковной жизни он мог осуществлять теперь не как одинокий энтузиаст-подвижник, имеющий

---

²¹ Задачей Цезария в качестве викария было следить, «чтобы в Галлии соблюдались интересы папы, чтобы все спорные вопросы, которые не удавалось решить на местном или провинциальном уровне, выносились на суд Рима, чтобы священники, предпринимающие путешествие в Рим, снабжались рекомендательными письмами так, чтобы только достоверные отчёты о делах в Галлии приходили в Рим» (*Klingshirn W. Op. cit. P. 130*).

²² *Klingshirn W. Op. cit. P. 132*.

узкий круг сторонников, а как викарий папы, действующий с его санкции.

Теперь вернёмся к тексту «Жития» и попытаемся выяснить, почему так много деталей выпало из повествования. С одной стороны, столь бурная церковно-политическая деятельность не соответствовала образу епископа-аскета, который с самого начала настойчиво создавался агиографами. С другой стороны, подробным воспоминаниям о достижениях Цезария на поприще церковной политики могла не благоприятствовать обстановка, в которой работали сами агиографы. Как отмечает К. Делашлас, «своим молчанием они, возможно, заявляли о своём намерении не вступать в противоречия с Хильдебертом I, управлявшим Провансом и, как и другие франкские суверены из преемников Хлодвига, косо смотревшим на первенство Арля, которое могло помешать намерению короля держать под контролем все церкви Галлии»²³.

Последующие параграфы «Жития» превращаются почти целиком в каталог чудес и благодеяний Цезария, где содержатся лишь глухие упоминания о его отношениях с различными политическими деятелями. Так, вскоре после возвращения Цезария из Италии в городе случился большой наплыв пленников, которым епископ давал кров и пищу. Когда запасы продовольствия истощились, то по молитвам епископа неожиданно пришла помощь от бургундских королей Гундобада (ум. 516) и Сигизмунда (516–523) (*Vita*. II. 9). Хотя эти правители и приняли, возможно, к тому времени ортодоксальное христианство, в свете недавних обвинений Цезария в тайных переговорах с бургундами, упоминать их имена было, по крайней мере, странно. Впрочем, в «Житии» этот эпизод комментируется исключительно с точки зрения необходимости уповать на

---

²³ Delaplace C. Op. cit. P. 318.

Бога в трудную минуту и служит доказательством силы веры и молитвы Цезария.

Вслед за этим помещён довольно длинный рассказ об исцелении Цезарием смертельно раненого патриция Либерия, а затем о чудесном избавлении его жены Агреции от кровотечений после прикосновения к кусочку одежды епископа (*Vita*. II. 11–15). Либерий был одним из известнейших и влиятельных людей своего времени. В 508–534 гг. он возглавлял вновь созданную королём Теодорихом Галльскую префектуру с центром в Арелате²⁴. Очевидно, встреча Цезария с умирающим Либерием была отнюдь не первой, однако агиограф вновь уклоняется от каких бы то ни было комментариев по поводу отношений епископа с представителями светской власти.

Самое примечательное в последующем повествовании — это почти полное отсутствие «политических» тем при упоминании о времени, когда Прованс перешёл к франкам. Это вполне объяснимо, если учесть, что правители Франкского королевства не намерены были считаться с претензиями Цезария на статус викария всей Галлии, а епископ Арелата не ездил сам и не посылал своих представителей на франкские соборы, где первую скрипку суждено было играть не ему. Даже хвалебные слова в адрес «своей» ортодоксальной власти не сопровождаются в «Житии» никакими указаниями на её благожелательное отношение лично к Цезарию.

Подведём итоги. Перед жившими во Франкском королевстве авторами «Жития» стояла довольно трудно достижимая цель. Рассказать нужно было о епископе, пик церковного могущества которого пришёлся на время правления еретиков. Баланс интересов в отношениях Цезария и арианских властей, отсутствие гонений или серьёзных притеснений со стороны последних лишали агиографов возможности создать образ мученика за веру. С другой стороны, необходимо было затушевать тот факт,

---

²⁴ O'Donnell J. Liberius the Patrician // *Traditio*. 1981. Vol. 37. P. 31–72.

что внутри ортодоксальной общины арлезианцев постоянно существовали партии, враждебные Цезарию, что заставляло его искать поддержки в том числе и у арианских правителей.

Отсюда противоречивость в созданных агиографами постфактум образах правителей-ариан. Будучи еретиками, они не слишком подходили на роль «значимых других», с помощью которых можно было бы сформулировать «негативную» идентичность церковной общины арлезианцев. Отчасти потому, что сами арианские короли имеют в агиографическом тексте разную степень «чуждости» по отношению к ортодоксальной вере. Если Аларих однозначно «нечестивый» и «варвар», то Теодорих, сумев распознать в Цезарии святого мужа, становится почти «своим». Создаётся впечатление, что для авторов «Жития» он в гораздо большей степени «свой», чем ортодоксальные франки, которые не проявляли благоговейного почтения к Арелатскому епископу.

«Забвение» в «Житии» ряда событий, связанных с церковной карьерой Цезария при арианах, а также настойчивый мотив предательства, ложных обвинений и изгнания отражают намерение авторов не нагнетать страсти, которые не улеглись в Арелате даже после смерти епископа. Подобная форма *temoria* была также «реверансом» в сторону франков, чья церковная политика отнюдь не предполагала статуса митрополии для Арелата. В то же время не стоит исключать, что некоторые неожиданно выхваченные авторами из темноты «забвения» деяния, слова и жесты арианских королей было скрытым упреком в адрес новых властителей Прованса.

Литература

Бойцов М. А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009.

Копылов И. А. Арианская церковь в Королевстве вестготов // Вестготская правда (Книга приговоров). Латинский текст. Перевод. Исследование. М., 2012. С. 173–187.

- Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю. М. Избранные статьи. В 3-х т. Т. 1. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллинн, 1992. С. 200–202.
- Никольский И. М. Образ правителя в сочинениях раннехристианских историков (на примере «О смертях гонителей» Луция Фирмиана Лактанция). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2011.
- Шалимов О. А. Образ идеального правителя в Древнем Риме в середине I — начале II вв. н. э. М., 2000.
- Шкаренков П. П. Римская традиция в варварском мире. Флавий Кассиодор и его эпоха. М., 2004.
- Cavallin S. Literarhistorische und textkritische studien zur Vita S. Caesarii Arelatensis. Lund, 1934.
- Delaplace C. Pour une relecture de la *Vita Caesarii*: le rôle politique de l'évêque d'Arles face aux représentants des royaumes burgonde, wisigothique et ostrogothique // Les Annales du Midi. 2012. T. 124. № 279. P. 309–324.
- Juster J. Les Juifs dans l'empire romain. P., 1914.
- Klingshirn W. Caesarius of Arles. The Making of a Christian Community in Late Antique Gaul. Cambridge, 2004.
- McCormack S. Change and Continuity in Late Antiquity. The Ceremony of Adventus // *Historia. Zeitschrift für alte Geschichte*. 1972. Bd. 21. S. 721–752.
- O'Donnell J. Liberius the Patrician // *Traditio*. 1981. Vol. 37. P. 31–72.

Darya M. Omelchenko
**Arian Sovereigns as «Significant Others»
in «Life of Caesarius of Arles»**

The article dwells upon the methods of constructing memory of the relationships between Bishop Caesarius of Arles with Ostrogothic and Visigothic kings, who were arians. The main source of information is the «Life» of the Bishop, which was written during the reign of king of francs Childebert I.

Key words: Late Antiquity, Caesarius of Arles, arianism, visigoths, ostrogoths, Gallia, Provence, memory.

Пилипчук Я. В.

| КЫПЧАКИ В КИТАЕ

Данное исследование посвящено истории кыпчаков в Китае. Подобно тюркам в других государствах, кыпчаки вышли на ведущие позиции благодаря военным успехам. Большую роль в становлении кыпчакской гвардии сыграл кыпчак Тутуха из правящей династии восточных кыпчаков. Потомки Тутухи занимали высокое положение при дворах императоров династии Юань. Иль-Тимур стал всемогущим мажордомом при слабых императорах. Канглы также занимали высокие посты при династии Юань. Как и кыпчаки, они отметились как полководцы. К упадку влияния кыпчаков при дворе привело соперничество с другими этническими группами. Кыпчакская аристократия, утратив власть в Дешт-и-Кыпчак, имела высокий статус в Китае.

Ключевые слова: Китай, кыпчаки, канглы, династия Юань, Дешт-и-Кыпчак, кыпчакская гвардия.

Одним из наиболее интересных вопросов истории кыпчаков является история пребывания их в Китае. Отдельные аспекты истории кыпчаков в Китае исследованы Е. И. Кычановым, Р. П. Храпачевским, А. Ш. Кадырбаевым, П. Пелльо и Л. Амби. Источниковый базис исследований представлен китайскими хрониками «Юань-ши» и «Синь Юань Ши». Кроме китайских хроник, использовалась хроника «Собрание летописей» перса Рашид ад-Дина¹. В данном исследовании рассмотрена история кып-

---

¹ Кычанов Е. И. Сведения в «Юань-ши» о переселениях кыргызов в XIII в. // Известия Академии наук Киргизской ССР. Т. 5. Вып. 1. Фрунзе, 1965. С. 59–65; Храпачевский Р. П. Половцы-куны в Волго-Уральском междуречье (по данным монгольских источников). М., 2013; Кадырбаев А. Ш. Тюрки и иранцы в Китае и Центральной Азии XIII–XIV вв. А.-А., 1990; он же. За пределами Великой степи. Алматы, 1997; он же. Кыпчакская гвардия монгольских императоров Китая и государственный переворот в империи Юань в 1307 году (по материалам китайской династийной

чаков и кыпчакской гвардии в Китае, начиная с монгольских каанов и завершая последним императором династии Юань Тогон-Темуром.

В русской куманологической науке утвердилось убеждение в том, что монголы уничтожили кыпчакскую аристократию. Однако это не совсем так, поскольку значительная часть кыпчаков была отправлена в Монголию и Китай. Несмотря на то, что кыпчакам в Китае был посвящён ряд исследований, однако в них освещались отдельные аспекты, и некоторые вопросы истории были освещены неполно. Исследования Е. Кычанова, П. Пелльо и Л. Амби освещают историю Тутухи и его потомков. Р. Храпачевский сосредоточен на истории кыпчакской гвардии и личности самого Тутухи. Наиболее подробно история кыпчаков и канглов в Китае освещена А. Кадырбаевым. Современное состояние изучения проблемы заставляет использовать новейшие исследования как на русском, так и на английском языках, изданные на Западе. Западные исследования отличаются большим вниманием непосредственно к истории династии Юань. История кыпчаков в Китае схематически рассмотрена в статье Ч. Дж. Гальперина. В настоящем исследовании будет освещена как история кыпчаков в Китае, так и в истории кыпчакской гвардии, как в XIII, так и в XIV вв. Задачей данного исследования является максимально полное освещение истории кыпчаков в Китае.

В состав сословия сэмужень входили жители земель на запад от Китая. Это были монголы, тюрки, иранцы, а

истории Юань-ши) // Сборник материалов Международной научной конференции «Кипчаки Евразии: история, язык и письменные памятники», посвященный 1100-летию Кимекского государства в рамках Дней тюркской письменности и культуры. Астана, 2013; *Гальперин Ч. Дж.* Кыпчакский фактор: ильханы, мамлюки и Айн-Джалут // *Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 6. Золотоордынское время.* Донецк, 2008. С. 385–400.

также славяне и другие европейцы². Наиболее многочисленными при этом являлись кыпчаки, канглы, карлуки, уйгуры, кыргызы, онгуты, кереиты, найманы, аргыны, меркиты, т. е. представители степных кочевых племён, включённые Чингизидами в состав монгольской элиты в Восточной Азии. Представители монгольских и тюркских племён рассматривались монголами как союзники при завоевании Китая. Они вошли в состав элиты империи Юань. Более того, кыпчаки использовались как союзники во время кампаний Великой Монгольской империи. Кыпчак Баньдучар (Балтучак) воевал против аланов и вместе с Мункэ взял Магас (Май-це-сы)³. Сидур, Хасан, Ульчейбадур, Бакан воевали против китайской династии Сун, а Тутуха, Байтимур и Кучебадур принимали участие в войне Хубилая против кочевой знати Монголии⁴. Кроме кыпчаков, в состав монгольского войска входили канглы. В китайских источниках указано, что на службе у Чингизидов состояли такие их вожди, как Асанбука, Согнак-тегин, Айбай, Або-баяут⁵. Кангл Аймаур (Еймур, Аймяо) принимал участие в походе Субедея-багатура и Джебе-нойона в Восточную Европу и в кампании Чингиз-хана против тангутов. Он также отметился в войне против чжурчженей в Хэнани. Аймаур принимал участие в кампании Мункэ против Южной Сун. Кангл Орос также воевал против китайцев под командованием Мункэ⁶.

---

² *Endicott-West E. Mongolian Rule in China. Local Administration in the Yuan Dynasty.* Harvard, 1989. P. 85–86, 94, 122; *idem. The Yüan Government and Society // СНС.* 6. P. 610–611; *Qingzhi-Zhao G. Mongolian Royal Marriages from World Empire to Yuan Dynasty.* N.Y., 2008. P. 24.

³ *Кычанов Е. И.* Указ. соч. С. 59–65; *Кадырбаев А. Ш.* Тюрки и иранцы в Китае и Центральной Азии XIII–XIV вв. С. 39–42.

⁴ *Кадырбаев А. Ш.* Тюрки и иранцы в Китае и Центральной Азии XIII–XIV вв. С. 98–102.

⁵ Там же. С. 28, 32–33, 35, 46.

⁶ *Храпачевский Р. П.* Золотая Орда в источниках. (Материалы для истории Золотой Орды или улуса Джучи). Т. 3. Китайские и монгольские

Кутуз и Жалчек-батур из кыпчаков в 1232 г. воевали против чжурчженской империи Цзинь. Кучунь воевал на стороне монголов в войске Субедея⁷.

По подсчётам И. де Рахевильца, в Китае до 1260 г. было упомянуто 4 кыпчака, один из которых был даругачи (синоним баскака, т. е. намесника). В 1260–1294 гг. было 12 кыпчаков, из которых 3 — даругачи, в 1280–1330 гг. 13 кыпчаков из которых 4 — даругачи, в 1295–1368 гг. 15 кыпчаков из которых 8 — даругачи. 16 кыпчаков упомянуты без датирования. Всего в Империи Юань было 60 кыпчаков, которые были упомянуты историками⁸.

В 1286 г. была основана кыпчакская гвардия, в которую, кроме кыпчаков, входили канглы и карлуки. В период с 1264 по 1294 гг. в войсках гвардии было 19 тысячест и 3 конторы военных поселений. В 1297–1307 гг. было введено ещё две тысячи — Чжиргалана и Тегене. В 1308 г. было учреждено ещё 4 тысячества. Во время правления в Империи Юань императора Темура кыпчакская гвардия получила ещё 2 тыс. чел., в 1322 г. — 4 тыс. В том же году гвардия была поделена на «правую» и «левую», по 18 и 10 тыс. чел. соответственно. В 1330 г. в распоряжение главного командования дворцовой службы императорской гвардии было передано 9 тыс. из «левой» кыпчакской гвардии. В этой гвардии, кроме кыпчаков, служили монголы, чжурчжени, русские. В 1322 г. кыпчакская гвардия насчитывала 35 тыс. воинов⁹.

источники. М., 2009. С. 244; *Кадырбаев А. Ш.* Тюрки и иранцы в Китае и Центральной Азии XIII–XIV вв. С. 45–46.

⁷ *Храпачевский Р. П.* Золотая Орда в источниках. С. 243; *Кадырбаев А. Ш.* Тюрки и иранцы в Китае и Центральной Азии XIII–XIV вв. С. 46; *Pelliot P., Hambis L.* Historie des campagnes de Gengis Khan. Cheng-wou ts'un-tcheng lou / Traduit et annote par P. Pelliot et L. Hambis. Leiden, 1951. P. 104.

⁸ *Гальперин Ч. Дж.* Указ. соч. С. 393.

⁹ *Храпачевский Р. П.* Половцы-куны в Волго-Уральском междуречье. С. 64–65; *Гальперин Ч. Дж.* Указ. соч. С. 393.

Из канглы было три военачальника, а ещё 9 занимали разные посты в центральной и провинциальной администрации. Из 9 чиновников 3 было даругачи. Наиболее влиятельными были Бухуму, Тухулу (Тоглук), Тарикчи, Минган, Есудай, Орос, Есудар, Циньшун, братья Иналтоктоа и Асанбука. Большой властью и влиянием пользовался один из десяти сановников — Бухуму. Возрастание его влияния вызвало реакцию Ахема (Ахмеда). Бухуму принимал участие в делах высшего органа власти — Чжуншущена (центрального императорского секретариата). Он написал доносы на первого министра уйгура Санга и Наср ад-Дина. Бухуму занимал должности пинчжинчженши (начальника департамента) и лойшоу (наместника; в данном случае — наместника в столице). Близким к Бухуму был Туглук, который с ранних лет был приближенным Хубилая. Канглы Тарикчи отметился при осаде городов Фаньчен и Сяньян во время похода Хубилая на Южную Сун. После покорения Южной Сун он командовал монгольскими войсками в Гуаньдуне и Фуцзяни, а потом в Гуанси и в Чжедуне. Его старший сын Токтоатимур стал темником и даругачи, а младший, Ваньну, унаследовал должность отца в Гуанси. Военачальник кыпчакской гвардии Минган нёс ответственность за безопасность императора во время его визитов в провинции и во время походов. Во главе 8 тыс. монголов он дошёл до Бешбалыка, где сражался против Хайду. Он настоял на освобождении 10 тыс. сэму от повинностей и инициировал формирование из них войск. Созданное военное подразделение возглавил сам Минган. Есудай принял участие в походах на Южную Сун и Японию. В 1283 г. его назначили на должность даругачи Тайчжоу. Он был представителем императора при кыпчакской гвардии. В 1287 г. он принимал участие в походе против Наяна¹⁰.

---

¹⁰ *Кадырбаев А. Ш.* Тюрки и иранцы в Китае и Центральной Азии XIII–XIV вв. С. 102–104.

Орос в 1289 г. был назначен на должность сюаньфуши (начальника ведомства по умиротворению), а потом стал темником. Орос происходил из клана байаут племени канглов. Его семья была влиятельной, и к ней принадлежали Хаши Пайаву (Каши Байаут) и Kin'g-Ton'g. Сын Ороса Kin'g-Ton'g принадлежал к знати последнего монгольского императора Юань Тогон-Темура. Есудар принимал участие во взятии городов Сяньян и Фанчена. Во время штурма этих городов он был первым на стенах. За эти заслуги он был назначен тысячником. В 1279 г. он стал темником и управляет сотней судов на просторах от Хуанхэ до Янцзы. Войска, которые возглавлял Есудар, вернулись из первого похода на Японию без потерь. Циньшун охранял личные покои. Он был люйшоу (наместником императора в провинции) Шаньду, который служил на должности пинчжанчженши (начальника департамента) в синчжуншенах (передвижных императорских секретариатах) провинций Цзянси, Хенань, Ляоян, Чженцзян. Инал-Токтоа и Асанбука пользовались расположением Хубилая с детства. Асанбука отметился при подавлении восстания Наяна. В 1266 г. он сражался против Хайду в Алтае. Асанбука имел поместья и занимал руководящий пост в гвардии. Иналтоктоа находился в личной охране императора¹¹.

Рашид ад-Дин сообщал, что во время Чингис-хана великому хану служил Кумурбиш-Кунджи. Сын вождя восточных кыпчаков Хулусуманя Баньдучар перешёл на службу к монголам. Куньдтай был сыном вождя кыпчакского племени. Ашанбухуа (Асанбука) происходил из царского рода канглов. Он был потомком Шаньметгумали. Потомками этой хатун были её сыновья Чуллой и Яя. Соответственно, Асанбука приходился ей внуком. Шаньметгумали отправила к монголам караван с богатствами и своими сыновьями.

---

¹¹ *Кадырбаев А. Ш.* Тюрки и иранцы в Китае и Центральной Азии XIII–XIV вв. С. 104–105; *Pelliot P., Hambis L.* Op. cit. P. 106.

При условии того, что кыпчаки и кангли добровольно капитулировали, монголы могли их помиловать. Шаньметгумали получила от монгольских правителей резиденцию и содержание из казны. Хатун попросила о возвращении домой Яя, который получил от монголов титул вана (князя) канглов. Одним из шести сыновей Яя был и Асанбуга. Он был пожалован титулом гуна (правителя) канглов¹². Предки Бухуму были знатными людьми племени канглов. Дедом Бухуму был Хайланьбо (Кайран-бай). Несмотря на то, что сыновья Кайран-бая были взяты в плен, их помиловали. Самым молодым из сыновей Кайран-бая был Яньчжень (Алчин). Он некоторое время находился при дворе Соркуктани-беги. После этого Алчин служил Хубилаю и сопровождал его в походах. Сыном Алчина и был Бухуму¹³. Дед кыпчака Кутуза Карачар добровольно подчинился монголам¹⁴.

Наиболее известными из кыпчаков являлись Тутуха, Сидур, Ульчейбадур, Байтимур, Кучебадур, Хасан. Сидур стал служить монголам с 1273 г., после смерти своего отца Тосуна. В 1274 г. он принимал участие в походе на Южную Сун. В 1280 г. Хубилай назначил его на должность сотника в императорской гвардии. В 1287 г. Сидур был назначен даругачи провинций вблизи Янцзы. Он принял участие в кампании имперских войск против Вьетнама. Сидур взял крепость Цоцзычен, принял участие в нескольких десятках битв и в взятии вьетнамской столицы. Когда войско империи Юань оказалось в окружении, кыпчакский отряд пробил путь для отступления. Наследником Сидура был Есяньтимур. Ульчейбадур вступил в монгольское войско в 1256 г. В 1259 г. он принял участие в походе Мункэ против Южной Сун. Ульчейбадур отметился при штурме Ечжоу. Он одним из пер-

---

¹² *Кадырбаев А. Ш.* Тюрки и иранцы в Китае и Центральной Азии XIII–XIV вв. С. 28–33, 44–45.

¹³ Там же. С. 34–35.

¹⁴ Там же. С. 40–42.

вых взошёл на стены крепости. Под командованием Чингизидов Мухули и Ашу воевал у Цзинани, он принял участие в осаде Сяньяна, а также в четырёх битвах на суше и на море. Он особо отличился при осаде Фаньчена, который был взят благодаря его навыкам в полиоркетике. Он принимал участие в походе принца Байана против Южной Сун, во взятии городов Тайчжоу и Чанчжоу, покорении провинции Цзяньнань. За свои подвиги он был назначен командующим тумена и даругачи. Его лечили лучшие врачи империи¹⁵.

Байтимур был одним из доверенных лиц Хубилая. Он занимал должность ответственного за проверку лояльности императорской гвардии. Он принимал участие в подавлении выступления Наяна в 1287–1288 гг., а также в войне с монгольскими повстанцами. При императоре Темуре он сохранял свою должность. При этом правителе Байтимур с его кыпчакскими воинами охранял и сопровождал хана при въезде в столицу. Кучейбадур принимал участие во всех кампаниях Хубилая в 1262–1277 гг., т. е. в войнах в Китае, Японии, боях с монгольскими повстанцами. Хешан (Хасан) занимал светские и военные должности. В 1262 г. он принимал участие в подавлении восстания Аригбуки. В 1268 г. Хасан предложил правильный план штурма китайского города Сяньяна. В последствии он воевал под командованием Ашу, Байана, Алихайя, принимал участие в трёхмесячной осаде Таньчжоу. При взятии города он высказался за то, чтобы помирить население. Бакан отличился при штурме Байцзяна, сумев удержать воинов от бегства. В 1274 г. под командованием Ашу он форсировал Янцзы, а в 1283 г. получил должность сюаньфуши в Цзянси; в 1292 г. его перевели в Чжецзян. Потом он был назначен заведующим ведомством общественных работ¹⁶.

---

¹⁵ *Кадырбаев А. Ш.* Тюрки и иранцы в Китае и Центральной Азии XIII–XIV вв. С. 99–100.

¹⁶ Там же. С. 101–102.

В Китае Хубилай учредил кыпчакскую гвардию. У истоков этой гвардии стоял Тутуха. Это кыпчак был потомком правящей династии восточных кыпчаков. Его отцом был Балтучак, дедом Хулусумань, прадедом Инасы (Иналджык). Он был военачальником и членом правящего клана байаут из вождества восточных кыпчаков. Тутуха был сыном Балтучака и внуком Хулусуманя. Балтучак принимал участие в походе монголов на царство Дали (Наньчжао). От монголов он получил титул «могущественный храбрец». При каане он занимал должность шанфана. Под его присмотром находились стада коней, которые принадлежали каану. Он управлял чиновниками и обеспечивал подвоз чёрного кумыса из ферм ко двору. Тутуха впервые отметился ещё в 1260–1261 гг., когда он вместе с отцом принял участие в экспедиции Хубилая против Ариг-Буги¹⁷.

В 1277–1278 гг. Токто-Темир и Шереги восстали против империи Юань. Хубилай отправил против бунтующих монголов войска Тутухи. Имперские войска победили повстанцев в урочище Наран-булах. Племя Чжиэрхатая восстало в Инчане (аймак Ширин-Гол во Внутренней Монголии) и двинулось навстречу Токто-Темиру. Тутуха перехватил Чжиэрхатая на половине пути и уничтожил его войско. Потом Тутуха напал на войско Токто-Темира и преследовал его до реки Толы. Вблизи реки Орхон Тутуха устроил засаду, в которую попал Токто-Темир. В 1278–1279 гг. Тутуха во главе большого войска преследовал Шереги и дошёл до гор Цзиньшань (Алтай). К нему в плен попал Чжахутай. Кроме того, он победил Кууелчека. После этого Хубилай передал кыпчаков Китая под команды

---

¹⁷ Храпачевский Р. П. Половцы-куны в Волго-Уральском междуречье. С. 47–48; Кычанов Е. И. Указ. соч. С. 59–65; Кадырбаев А. Ш. Тюрки и иранцы в Китае и Центральной Азии XIII–XIV вв. С. 26; Pelliot P., Hambis L. Op. cit. P. 87–88, 96–98, 101–102, 109.

вание Тутухи. В 1282–1283 гг. Тутуха возглавлял гвардию и стал старшим помощником в ведомстве императорского конюшего. В 1284–1285 гг. Тутуха получил под командование 4,6 тыс. младшего поколения монгольских войск. В 1285–1286 гг. Тутуха получил должность главнокомандующего и стал помощником главы Главного военного совета. В 1286–1287 гг. начала формироваться кыпчакская личная гвардия императора. Сначала из кыпчаков был сформирован только полк, но Тутуха имел полномочия для того, чтобы принимать в свой корпус кыпчаков, которые были рабами в Китае¹⁸.

В 1286–1287 гг. войска Тутухи вместе с Дордоханом отбили нападение Хайду на Алтай. Тутуха принял участие в разгроме войск Наяна. Он перехватил послов Наяна к Эбугену и Дженахара в 1287–1288 гг. Узнав о планах врагов, он принял решение действовать на опережение: совершив продолжавшийся неделю марш-бросок к лагерю Эбугена, он неожиданного для врага переправился через реку Тола у перевала Боке и неожиданно напал на Эбугена. На реке Толе Тутуха также победил войска восставшего нойона Эдига, который командовал туменом. Кыпчаки и канглы, которые находились в войске повстанцев, перешли к Тутухе. Хубилай передал отряды кыпчаков и карлуков под командование Тутухе. После победы над Эдиге Тутуха присоединился к принцу Темуру и вместе с ним преследовал сторонников Наяна до Большого Хингана. Тутуха победил и войско бунтующего Утагая¹⁹.

В 1288–1289 гг. Эчжир (потомок Хачиуна) был атакован войсками Хоркасуна. Эчжир отправил к Тутухе гонцов, которые просили его о помощи. Тутуха перешёл горы

---

¹⁸ Храпачевский Р. П. Половцы-куны в Волго-Уральском междуречье. С. 48–51; Кычанов Е. И. Указ. соч. С. 59–65.

¹⁹ Храпачевский Р. П. Половцы-куны в Волго-Уральском междуречье. С. 51–54; Кычанов Е. И. Указ. соч. С. 59–65.

Хараун, переправился через реку Гуйрен (Гуйлю в хошуне Хорчин-Юицяньци). Вблизи этой реки Тутуха победил нойона Кадана и завладел семью обоками на реке Ляо-цзо (в Маньчжурии). В 1289–1290 гг. Тутуха сопровождал внука Хубилая Гаммалу в походе против Хайду. Гаммала оказался в сложной ситуации, но Тутухас спас принца. В 1291–1292 гг. Тутуха во главе тумена из харачу (простонародья) охотился в Халтагае (Восточном Туркестане). Осенью 1292 г. он захватил в Алтае более 3 тыс. кибиток, принадлежавших Хайду. Весной 1293 г. Тутуха возглавил поход против енисейских кыргызов и овладел людьми их пяти племён. Войска Юань вышли на Кем (Енисей). Тутуха победил в этой местности войска полководца Болодча. В 1293 г. Тутуха получил полномочия командовать императорской личной гвардией²⁰.

Позиции кыпчаков в империи Юань усиливались обратно пропорционально снижению уверенности в лояльности монголов. Именно монголы поддерживали Ариг-Бугу и Хайду. Главной опорой престола стали сэмужень. В империи Юань было 34 корпуса. Из них 12 корпусов состояли из сэмужень, и всего 5 корпусов — из монголов. Войска сэмужень были наиболее боеспособными, и их использовали против монгольских повстанцев. 17 корпусов китайцев играли второстепенную роль. Кыпчаки, канглы, карлуки обеспечивали безопасность столицы и летней резиденции императора. Кыпчаки и канглы сыграли заметную роль в войнах против Ариг-Буги и Хайду²¹.

В 1294–1295 гг. ситуация на границе с Хайду была критической, и новый император Темур приказал Тутухе защитить северную границу в 1295–1296 гг. Осенью 1296 г.

---

²⁰ Храпачевский Р. П. Половцы-куны в Волго-Уральском междуречье. С. 54–58; Кычанов Е. И. Указ. соч. С. 59–65.

²¹ Кадырбаев А. Ш. Тюрки и иранцы в Китае и Центральной Азии XIII–XIV вв. С. 98–99.

он дошёл до Урунгана в Восточной Туркестане и привёл к императору людей Йомухура (внука Арик-Буги). За это Тутуха стал командующим кыпчакской гвардией. В феврале — марте 1297 г. в возрасте 60 лет Тутуха умер в Сюаньдинфу. У Тутухи было восемь сыновей. Наибольшего успеха из них достигнул Чонкур (Чжанур), который после смерти отца стал командовать кыпчакской гвардией²².

Чонкур начал свою карьеру с того, что сопровождал войска тайши Юэрлу. Он охранял северную границу империи Юань. Впервые он отметился в бою при горах Бота (Памир). В 1297 г. он сражался за Алтаем в провинции Балинь против Теляньтая и победил его. Чонкур преследовал побеждённых врагов до реки Алей. На помощь провинции Балинь от Хайду пришли отряды под командованием Бобо. На реке Алей в Западном Алтае Чонкур победил силы Бобо. В 1298 г. ваны северной границы неожиданно напали на Хархату. В 1299 г. Чонкур прибыл ко двору императора. Темур официально провозгласил его командующим кыпчакской гвардией. После этого Чонкур вернулся на границу и в 1301 г. победил войска Дуву, которые перед этим перешли Алтай. В 1314 г. Чонкур победил войско взбунтовавшегося Эсенбуги. В 1315 г. он победил восставших Эбуганя и Худутемира. Он преследовал врага даже за границами империи и дошёл до заставы Томиныгуань. В 1317 г. Чонкур стал членом императорского совета. У Чонкура было несколько сыновей — Яньтемур (Иль-Тимур), Далагаль, тайши Юченсян, тайпиван Чедунь и цзюченсян Дали. В 1322 г. Чонкур умер²³. Карьеру сделал и другой сын Тутухи — Темур-Буга.

---

²² Храпачевский Р. П. Половцы-куны в Волго-Уральском междуречье. С. 58–60; Кычанов Е. И. Указ. соч. С. 59–65.

²³ Кычанов Е. И. Указ. соч. С. 59–65; Кадырбаев А. Ш. Кыпчакская гвардия монгольских императоров Китая и государственный переворот в империи Юань в 1307 году. С. 80.

Отдельно следует отметить участие канглы и кыпчаков в походах на Японию. В походе 1274 г. приняли участие канглы Есудай и Есудар. Также в Японии побывал кыпчак Ботемур (Байтемур). За участие в походе Есудай был награждён должностью темника. Есудар возглавил сотню кораблей с Хуанхэ и Янцзы. Во время похода он сохранил войска, и за это был пожалован 100 дворами с крестьянами. Кыпчаки и канглы отметились как всадники, которые обстреливали японских самураев. Во время второго похода на Японию кыпчаки и канглы не принимали участия, потому что были нужны на других фронтах²⁴.

Необходимо отметить, что император Темур учредил гвардию сэму. На высоких постах при дворе императора пребывали кыпчаки Чжанур (Чонкур) и Яньтемур (Иль-Тимур), канглы Йина-Тото (Иналтото, Инал-Токтоа) и Ашалухуа (Асанбука). Иналтото отметился в битве против Хайду в 1301 г. В бою он находился рядом с принцем Хайсаном, обеспечивая его безопасность. Асанбука отличился в битвах против Хайду на Алтае и Хангае. Иль-Темур принял участие в формировании гвардии, когда Хайсан устроил дела в Западной Монголии.

В 1307 г. Темур умер, и претендентами на престол выступили три Чингизида — Хайсан, Ананда, Аюрбарвада. Ананда готовил заговор против других претендентов. Инал-Токтоа, несмотря на намерения заговорщиков, бежал из Дайду и предупредил Хайшана о заговоре. Асанбука остался в городе и предупредил Аюрбарвада. Заговор был раскрыт, и Ананда казнили. После этого разгорелась вражда между Аюрбарвада и Хайшаном. Хайсан выступил с войском из Каракорума в Шанду и Кайпин, вынудив Аюр-

---

²⁴ *Кадырбаев А. Ш.* Монгольские вторжения на Японские острова (по материалам китайских династийных историй) // Общество и государство в Китае: XXXLII научная конференция: К 100-летию со дня рождения Л. И. Думана. М., 2007. С. 61–70.

бавада отречься от престола. Командующими войск, которые поддержали Хайсана, были Асанбука, Инал-Токтоа, Чонкур и Иль-Темур. Выступление кыпчакской гвардии решило судьбу престола. Инал-Токтоа и Асанбука были назначены на высокие посты, а сторонники нового императора были щедро вознаграждены. В составе гвардии были не только тюрки, но и монголы, тангуты. Иналтоктоа посоветовал императору денонсировать договор с Аюрбарвада, чтобы престол мог унаследовать не брат, а сын правителя, но Хайсан отказался от этого предложения. В 1311 г. Хайсан умер, а на престол взошёл Аюрбарвада, который не любил кыпчаков и канглов. Он отстранил их от престола. Иналтоктоа критиковал политику Таш-Буги, который был канцлером. В 1320 г. на престол взошёл Шидебала, и за него фактически правил Темудер, который с помощью террора действовал до 1322 г. После его смерти с помощью гвардии из аланов на престол был выдвинут Есун-Темур. При его правлении доминировали сэмужень из мусульман, а влияние китайцев было небольшим²⁵.

Сын Чонкура Иль-Тимур был «серым кардиналом» в империи Юань. При его участии было осуществлено несколько дворцовых переворотов. В 1328 г. Иль-Тимур и Байан возвели на престол младшего сына Хайшана Туг-Темура. Войска, верные Иль-Тимуру, заняли Даду, а также Маньчжурию и Восточную Монголию. Гарнизон Шаньду капитулировал, но противники Иль-Темура в Юньнани продолжали сопротивление до 1332 г. Старший сын Хайсана Хошил претендовал на престол, но его стремление править единолично не устраивало всесильных временщиков, и в 1329 г. Хошил был убит. Его сын Тогон-Темур

---

²⁵ *Кадырбаев А. Ш.* Кыпчакская гвардия монгольских императоров Китая и государственный переворот в империи Юань в 1307 году. С. 80–84; *Pelliot P., Hambis L.* Op. cit. P. 102, 109; *Hsiao Ch'i-Ch'ing.* Mid-Yüan Politics // СИС. 6. P. 491, 495, 512, 532–533, 528–530, 537–538.

был сослан в Корею, а жена убита. Большое влияние при дворе приобрёл дядя Иль-Тимура Бука-Тимур. На протяжении четырёх лет в империи Юань доминировали кыпчак Иль-Тимур и меркит Байан. Для обеспечения своей безопасности Иль-Тимур установил контроль над шестью имперскими гвардиями, три из которых были кыпчакскими. К власти пришла его семья. Высокие посты, кроме Бука-Тимура, заняли младшие братья Иль-Тимура — Садунь и Дариндари. Сын Садуня Танкиш также был назначен на важный пост. Власть, таким образом, оказалась преимущественно в руках кыпчаков. В оппозиции к ним находились Байан, Ус-Темур и Харгасун²⁶.

2 сентября 1332 г. Туг-Темур умер, не успев назначить наследника вместо своего умершего сына Араднадара. На политическую сцену вышла императрица Будашири, которая выступила против Иль-Тимура. На престол был возведен сын Хашила Иринджибал. Правил он всего несколько месяцев, но за это время утвердилась власть меркита Байана, а Иль-Тимур не был включён в совет высших сановников. В 1333 г. Эль-Тимур умер, и позиции кыпчаков пошатнулись. Но Тогон-Темур был женат на дочке Эль-Тимура. После смерти Иль-Тимура кыпчаков возглавил его младший сын Садунь. Он был назначен на должность помощника главного министра. После смерти Садуня кыпчаков возглавил его сын Танкиш. Императрица Будашири отказала Танкишу в назначении его главой цензората²⁷.

Кроме того, кыпчаки и канглы также были чиновниками и учёными. Канглы Бухуму и его сын Наонао принимали участие в подготовке издания династических ис-

---

²⁶ *Кадырбаев А. Ш.* Тогонтимур — последний монгольский император Китая // Общество и государство в Китае: XLII научная конференция. Ч. 1. М., 2012; *Hsiao Ch'i-Ch'ng.* Op. cit. P. 541-549.

²⁷ *Кадырбаев А. Ш.* Тогонтимур — последний монгольский император Китая. С. 168-182; *Hsiao Ch'i-Ch'ng.* Op. cit. P. 557; *Dardess J.* Shun-ti and the End of Yüan Rule in China // СНС. 6. P. 561-567.

торий династий Ляо, Сун, Цзинь. Канглы Орос был учёным, а кыпчаки Бобоходу и Болианьи были конфуцианскими учёными. В Юань-ши было упомянуто о канглах Темур-Таше, Каме, Суйсуе, Буке, Каре, Есен-Буге, Инале-Токтоа. Из них Бука, Кара, Инал-Токтоа и Эсен-Буга были несторианскими христианами. Среди кыпчаков в Юань-ши также уделили внимание Ульчей-батуру, Тай-Буге, Хешану, Ень-Тимуру (Иль-Тимуру), Танкишу, Туглуку²⁸.

В 1335 г. кыпчаков отстранили от управления государством. Танкиш не мог за этим спокойно наблюдать и вместе со своими родственниками Дали и Гуанхотемуром организовал заговор. Но заговор был раскрыт. Во дворец ворвались воины, верные Байану. Танкиш и его младший брат были убиты. Но часть кыпчакской клики бежала на север к Дали. Когда против Дали были отправлены войска, он выступил против правительственных войск, но был разбит и казнён. Также схватили и казнили кыпчака Ачаши. Далахань искал укрытия у дочери Иль-Тимура, которая была императрицей. Сторонники Тогона-Темура и Байана убили Далаханя, а императрица была провозглашена членом семьи государственных изменников, выслана из дворца и отправлена в ссылку. Байан смог ликвидировать доминирование кыпчаков, использовав против них аланов. Кроме кыпчаков, Байан казнил тангута Иринджбала, уйгуров Тимурбуку и Арикхая. Кыпчаки и союзные с ними представители других этносов были отстранены от власти. В 1335 г. Байан вернул из ссылки Тогон-Темура и сделал его новым императором Юань. Но в 1340 г. при помощи монголов и китайцев от власти был отстранён Байан. Кыпчаки стали рядовыми сэмужень²⁹.

---

²⁸ *Kadyrbaev A. Turks (Uigurs, Kipchaks, Kangls) in History of Mongols // AOASH. 2005. Vol. 3 (58). P. 251-252.*

²⁹ *Кадырбаев А. Ш. Тогонтимур — последний монгольский император Китая. С. 168-182; Гальперин Ч. Дж. Указ. соч. С. 393; Dardess J. Op. cit. P. 567-572.*

После 1340 г. уже не было сплочённой коалиции сэмужень. За власть боролись клики во главе с Токто и Берке-Бухой. Ослабление позиций сэмужень вызвало реакцию в китайском социуме. В 40-х гг. XIV в. кыпчаки восставали в регионах. В 50-х гг. XIV в. бунты вылились в крестьянские восстания. Попытки Токто подавить восстания были напрасными. В 1355 г. Токто был отстранён от власти. Период с 1355 по 1368 гг. был временем агонии династии Юань. Китайцы массово восставали. Сэмужень и монголы вырезались китайцами. Но некоторым кыпчакам удалось пережить эти трагические годы. В 1397 г. китайцы от императора династии Мин получили позволение жениться на кыпчакских женщинах. Кыпчаки постепенно растворились в китайском этносе³⁰.

Таким образом, подобно кыпчакам в других государствах, кыпчаки в Китае занимали ведущие позиции благодаря своим военным победам. Кыпчакская аристократия, потеряв власть в Дешт-и-Кыпчак, приобрела высокий статус в Китайской империи. Большую роль в становлении кыпчакской гвардии сыграл кыпчак Тутуха из правящей династии восточных кыпчаков. Потомки Тутухи играли значительную роль при дворе императоров династии Юань. Иль-Тимур стал могущественным мажордомом при слабых императорах. Как и кыпчаки, канглы также занимали высокие должности при дворе императоров династии Юань и выделялись, в первую очередь, как военные командующие. К падению влияния кыпчаков при дворе привело их неудачное соперничество с другими этническими группами.

---

³⁰ Гальперин Ч. Дж. Указ. соч. С. 393; Dardess J. Op. cit. P. 572–588.

Литература

- Гальперин Ч. Дж.* Кыпчакский фактор: ильханы, мамлюки и Айн-Джалут // Степи Европы в эпоху Средневековья. Т. 6. Золотоордынское время. Донецк, 2008. С. 385–400.
- Кадырбаев А. Ш.* Тюрки и иранцы в Китае и Центральной Азии XIII–XIV вв. А.-А., 1990.
- Кадырбаев А. Ш.* За пределами Великой степи. Алматы, 1997.
- Кадырбаев А. Ш.* Монгольские вторжения на Японские острова (по материалам китайских династийных историй) // Общество и государство в Китае: XXXLII научная конференция: К 100-летию со дня рождения Л. И. Думана. М., 2007. С. 61–70.
- Кадырбаев А. Ш.* Тогонтимур – последний монгольский император Китая // Общество и государство в Китае: XLII научная конференция. Ч. 1. М., 2012. С. 168–182.
- Кадырбаев А. Ш.* Кыпчакская гвардия монгольских императоров Китая и государственный переворот в империи Юань в 1307 году (по материалам китайской династийной истории Юань-ши) // Сборник материалов Международной научной конференции «Кипчаки Евразии: история, язык и письменные памятники», посвященной 1100-летию Кимекского государства в рамках Дней тюркской письменности и культуры. Астана, 2013. С. 105–112.
- Кычанов Е. И.* Сведения в «Юань-ши» о переселениях кыргызов в XIII в. // Известия Академии наук Киргизской ССР. Т. 5. Вып. 1. Фрунзе, 1965. С. 59–65.
- Храпачевский Р. П.* Золотая Орда в источниках. (Материалы для истории Золотой Орды или улуса Джучи). Т. 3. Китайские и монгольские источники. М., 2009.
- Храпачевский Р. П.* Половцы-куны в Волго-Уральском междуречье (по данным монгольских источников). М., 2013.
- Dardess J.* Shun-ti and the End of Yüan Rule in China // СНС. 6. P. 561–586.

- Endicott-West E.* Mongolian Rule in China. Local Administration in the Yuan Dynasty. Harvard, 1989.
- Endicott-West E.* The Yüan Government and Society // CHC. 6. P. 587–615.
- Hsiao Ch'i-ch'ing.* Mid-Yüan Politics // CHC. 6. P. 490–560.
- Kadyrbaev A.* Turks (Uigurs, Kipchaks, Kangls) in History of Mongols // AOASH. 2005. Vol. 3 (58). P. 249–253.
- Pelliot P., Hambis L.* Historie des campagnes de Gengis Khan. Cheng-wou ts'un-tcheng lou / Traduit et annoté par Paul Pelliot et Louis Hambis. Leiden, 1951.
- Qingzhi-Zhao G.* Mongolian Royal Marriages from World Empire to Yuan Dynasty. N. Y., 2008.
-

Yaroslav V. Pylypchuk
The Qipchaqs in China

This study is dedicated to the history of the Qipchaqs in China. Like the Turks in other states, the Qipchaqs took the leading position thanks to their military victories. The Qipchaq leader Tutukha from the ruling dynasty of the Eastern Qipchaqs played an important role in the establishment of the Qipchaq Guard. The descendants of Tutukha played a significant role at the court of the successive emperors. El-Timur became a powerful majordom next to the weak emperor. Qangli held high positions at the court of the emperors of the Yuan Dynasty. First of all, the Qipchaqs distinguished themselves as military commanders. The competition with the other ethnic groups resulted in the decline of the Qipchaqs at the emperor's court. After losing power in the Dasht-i Qipchaq the Qipchaq aristocracy still had a high status in China.

Key words: China, the Qipchaqs, the Qangli, the Yuan dynasty, Dasht-i-Qipchaq, Qipchaq Guard.

Прохоров А. А., Перепелица М. С.

«ДЮНАМЮНДСКИЕ АННАЛЫ» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЛИВОНИИ XIII–XIV вв.

Статья посвящена проблеме источниковедческого анализа «Дюнамюндских анналов». Для лучшего понимания природы источника авторы предприняли попытку разбивки анналов на некоторые фрагменты. Особое внимание уделено проблемам хронологии и источников анналов. В приложении к статье размещён авторский перевод анналов на русский язык.

Ключевые слова: «Дюнамюндские анналы», Ливония, источниковедение, анналы, Средние века.

Первое издание «Дюнамюндских анналов» было осуществлено в 1845 г. немецким учёным В. Арндтом¹, второе — в 1863 г. немецким исследователем Э. Штрельке². В издании Штрельке в текст анналов были внесены некоторые исправления, добавлены небольшие комментарии и указаны источники, в которые были включены отрывки из «Дюнамюндских анналов». Среди этих источников можно назвать хронику Германа Вартберга, «Роннебургские анналы» и «Краткое изложение истории Пруссии» канонника из Самбии. В третий раз анналы были перепечатаны в «*Monumenta Germaniae Historica*»³ в 1866 г. с добав-

---

¹ Arndt W. Kleine Dünamünder Chronik // Archiv für die Geschichte Liv-, Esth- und Curlands. 1845. Bd. 4. S. 269–272.

² Strehlke E. Die Chronik von Dünamünde // Scriptorum Rerum Prussicarum. Leipzig, 1863. Bd. 2. S. 139–142.

³ Annales Dunamundenses / Ed. G. H. Pertz // MGH. SS. rer. Germ. Hannoverae, 1866. T. 19. S. 708–709.

лением незначительных примечаний. В 2011 г. И. Дьяконов опубликовал русский перевод анналов⁴.

В предисловии В. Арндта, который единственный работал с рукописью источника (все последующие издатели опирались на издание 1845 г.), сказано, что архиву Ревельского Совета (ныне Городской архив Таллина) принадлежал пергаментный манускрипт из 77 страниц в четверть. Основное содержание рукописи составляют религиозные проповеди. Сами анналы помещены на странице 58. Как указывает В. Арндт, эти анналы были «из другой рукописи»⁵. Время написания манускрипта и цель его создания неизвестны. Можно предположить, что в манускрипт при необходимости вносили некоторую нужную информацию, возможно, для дальнейшей обработки. По всей видимости, анналы попали в Ревель в связи с тем, что Дюнамюндский монастырь был продан Тевтонскому Ордену в 1320 г., и монахи были вынуждены переехать в Падис, а позднее в Ревель⁶. Дюнамюндский монастырь является предположительным местом написания важнейшего источника этих анналов — «Пространных Дюнамюндских анналов», о которых будет сказано ниже. Это подтверждается пристальным вниманием автора анналов к событиям, которые связаны с аббатством в Дюнамюнде⁷.

Данные анналы имеют две любопытные особенности, которые пытались объяснить все их издатели и исследователи: 1) нелинейная хронология (записи не следуют одна за другой по хронологическому принципу, а выстроены в соответствии с другой логикой); 2) многие записи из «Дюнамюндских анналов» практически дословно включены в другие источники по истории Ливонии. Вторая осо-

---

⁴ Дьяконов И. Дюнамюндские анналы // «Восточная литература». Средневековые исторические источники Востока и Запада. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_Dunemund/text.phtml?id=8110 (дата обращения: 12.11.2013).

⁵ Arndt W. Op. cit. S. 269.

⁶ Höhlbaum K. Beiträge zur Quellenkunde Alt-Livlands // Verhandlungen zur gelehrten Estnischen Gesellschaft zu Dorpat. Dorpat, 1873. S. 33–34.

⁷ Речь идёт о событиях 1211, 1228, 1263, 1305 и 1319 гг.

бенность была объяснена немецким историком К. Хёльбаумом⁸, тогда как проблема с хронологией осталась неразрешённой.

В. Арндт отметил, что «Дюнамюндские анналы» являются лишь коротким фрагментом «больших Дюнамюндских анналов»⁹. Эту мысль подтвердил К. Хёльбаум. Сопоставив между собой труды Виганда Марбурга, Германа Вартберга, «Роннебургские анналы», «Дюнамюндские анналы», труд Каноника из Самбии и «Лембергскую рукопись», он пришёл к выводу о существовании ныне утраченных «Пространных Дюнамюндских анналов», написанных в цистерцианском монастыре Дюнамюнде близ Риги. По предположению К. Хёльбаума, «Дюнамюндские анналы» представляют несколько первых частей «Пространных Дюнамюндских анналов». Эти части описывают события: 1) 1211–1298 гг., 2) 1298–1305 гг., 3) 1305–1321 гг. Позже была добавлена последняя запись под 1348 г. Причины деления выглядят несколько запутанно у К. Хёльбаума, и следует, скорее, отталкиваться от структуры источника, нежели от событий рубежа XIII–XIV столетий, которые связаны с историей Дюнамюндского аббатства, на чём и делает акцент К. Хёльбаум¹⁰.

Сообщения в «Дюнамюндских анналах» можно разделить по их взаиморасположению и хронологии на несколько частей. Фрагмент А охватывает первые четыре записи в анналах. Это единственный фрагмент, в котором события идут не в хронологическом порядке. Фрагмент В образуют две записи — об основании Ордена Премонстрантов в 1124 г. и о битве при Вельфсхольце в 1115 г. Написаны они были в форме двустипшия и происходят вероятнее всего, из одной из всемирных хроник¹¹; подробнее этот вопрос будет рассмотрен ниже.

Фрагмент С сильно отличается по своему характеру от других фрагментов анналов. В нем содержатся сообще-

---

⁸ Höhlbaum K. Op. cit. S. 22–77.

⁹ Arndt W. Op. cit. S. 270.

¹⁰ Höhlbaum K. Op. cit. S. 51–52.

¹¹ Strehlke E. Op. cit. S. 140.

ния о продолжительности жизни Девы Марии, её вознесении, о Святом Лазаре и апостоле Петре. Вероятнее всего, источником сообщения о Деве Марии послужил апокрифический труд «*Infantia Salvatoris*», в конце которого содержались соответствующие строки о Деве Марии¹². Речь шла о редком издании «*Infantia Salvatoris*» Уильяма Кэкстона конца XV в., тогда как в издании 1879 г.¹³ обнаружить этот отрывок не удалось. Однако эти строки можно найти у Исидора Севильского в «*Prolegomena*» (Isidorus Hispalensis. *Prolegomena*. Col. 831). К. Хёльбаум предположил, что переписчик текста записал эти отрывки из какого-нибудь собрания проповедей или церковно-литургического работы, чтобы просто заполнить страницу¹⁴, однако это было бы более логичным, если бы фрагмент шёл в конце рукописи.

Следующий фрагмент D является основной частью анналов и списан из «Пространных Дюнамундских анналов»¹⁵. Записи расположены в этом фрагменте в строгом хронологическом порядке. Здесь можно найти записи о событиях с 1211 по 1298 гг. Фрагмент E охватывает события с 1098 по 1225 гг., которые связаны с историей Цистерцианского, Тевтонского орденов; в нём также упоминается о смерти архиепископа Кёльнского Энгельберта. Эти записи можно найти во многих немецких и датских хрониках, например в «Руенских анналах»¹⁶. Последний фрагмент F описывает события 1305–1348 гг. и состоит из трёх записей, из которых запись за 1348 г. не восходит к тексту «Пространных анналов»¹⁷.

---

¹² *Dibdin T. F. Typographical Antiquities; or The History of Printing in England Scotland and Ireland: Containing Memoirs of our Ancient Printers, and a Register of the Books Printed by them. L., 1810. Vol. 1. P. 302.*

¹³ *Liber de Infantia Mariae et Christi Salvatoribus. Enar. O. Schade. 1879.*

¹⁴ *Höhlbaum K. Op. cit. S. 49.*

¹⁵ За исключением лишь двух записей — за 1263 г., о сожжении Дюнамундской церкви, и за 1274 г., о пожаре в Риге. *Annales Dunamundenses. P. 709.*

¹⁶ *Annales Ryenses / Ed. G. H. Pertz // MGH. SS. rer. Germ. Hannoverae, 1859. T. 16. S. 401.*

¹⁷ *Höhlbaum K. Op. cit. S. 52.*

Итак, имеется 6 разрозненных отрывков с прерывающейся хронологией, из которых лишь фрагменты Е и F хронологически последовательны, однако освещают разные предметы и восходят к разным источникам. Вероятнее всего, автор «Дюнамюндских анналов» имел, соответственно, 6 источников. Также можно предположить, что анналист не работал непосредственно с текстом «Пространных Дюнамюндских анналов», но имел несколько источников, в которых размещалась эта информация, и он переписал эту информацию из различных источников. Также известно, что автор анналов писал довольно небрежно, пропуская некоторые слова, которые легко восстанавливаются по другим источникам¹⁸. В этой связи можно отметить, что «Дюнамюндские анналы» являются довольно интересным источником, отражающим предварительный этап работы средневекового хрониста. Мы видим здесь, скорее, записи для памяти, заметки из различных источников, нежели полноценные анналы.

Приложение ДЮНАМЮНДСКИЕ АННАЛЫ¹⁹

Фрагмент А

В год Господень 1313 был восстановлен замок в Дюноборхе²⁰ после праздника [св.] Иакова²¹.

В год Господень 1321 примерно во время праздника пасхи²² был возведён замок в Мезотене²³ в Семигаллии²⁴.

---

¹⁸ Höhlbaum K. Op. cit. S. 35.

¹⁹ Перевод сделан по изданию 1866 г. *Annales Dunamundenses*. P. 708–709.

²⁰ Совр. Даугавпилс (латыш. Daugavpils), Латвия. Более подробно об истории этого и других ливонских замков см.: *Arszyński M. Średniowieczne budownictwo warowne na obszarze Inflant // Inflanty w średniowieczu. Władztwa zakonu krzyżackiego i biskupów*. Toruń, 2002. S. 75–106.

²¹ 25 июля.

²² 19 апреля.

²³ Совр. Межотне (латыш. Mežotne), Латвия.

²⁴ Южные области современной Латвии.

В год господень 1319-ый господин Иоанн папа даровал братьям Тевтонского ордена²⁵ замок Дюнемонде²⁶.

В год Господень 1320 был убит у Мемеля²⁷ брат Генрих де Плоцх²⁸ вместе с 22²⁹ братьями.

Фрагмент В

В год 1124 в Премонтре был образован Орден белых канонников³⁰.

В год 1115 Вельфесхольц³¹ окрасился потоком крови. 5199 лет отсчитай от Адама, пока не стало слово плотью.

---

²⁵ Грамота датирована 25 июлем 1319 г. Liv-, Esth- und Curländisches Urkunden nebst Regesten / Hrsg. G. von Bunge. Bd. 2. Reval: Druck von Heinr. Laakmann in Reval. 1855. № DCLXX.

²⁶ Совр. Крепость Даугавгрива (латыш. Daugavgrīvas cietoksnis), Латвия. Для лучшего понимания размещения таких объектов вокруг Риги, как Дюнамюндский монастырь и замок, Нойермолен и др. см. схему: Rozmieszczenie umocnień na obszarze ujścia Dźwiny (*Arszyński M.* Op. cit. S. 83).

²⁷ Совр. Клайпеда (лит. Klaipėda), Литва.

²⁸ Frater Henricus summus marchalus de Plozc. (Canonici Sambiensis Epitome Gestorum Prussie / Hrsg. M. Toppen // *Scriptores Rerum Prussicarum.* Leipzig, 1861. Bd. 1 S. 282); Frater Henricus [commendator] de Plozck (Die Annalen und das Necrologium von Ronneburg / Hrsg. E. Strehlke // *Scriptores Rerum Prussicarum.* Leipzig, 1863. Bd. 2. S. 145). Речь идёт о маршале Генрихе – 1300 г. *Militzer K.* Wykaz urzędów Zakonu Kawalerów Mieczowych I zakonu krzyżackiego w Inflantach z Estonią // *Inflanty w śresniowiczy. Władztwa zakonu krzyżackiego I biskupów.* Toruń, 2002. S. 109. Л. Арбузов сообщает, что Henricus de Ploczk мог быть идентичным Henricus de Ploczk, который был в 1307–1309 гг. ландмайстером Прусским, а в 1309–1312 гг. был великим комтуром (*Arbusow L.* Die im Deutschen Orden in Livland vertreten Geschlechter // *Jahrbuch für Genealogie, Heraldik und Sphragistik.* Mitau. 1901. S. 84).

²⁹ В Роннебургских анналах указана другая цифра – 29 погибших братьев (Die Annalen und das Necrologium von Ronneburg. S. 145). Так же там указывается то, что они были убиты литовцами (a Litwinis).

³⁰ Орден Премонстрантов образован в 1120 г. В оригинале эта и последующие записи записи, вплоть до слов «кончина пресвятой Девы...», были написаны в форме двустипся.

³¹ Битва при Вельфесхольце (нем. Welfesholz) между императором Генрихом V и саксонской знатью, в которой последние одержали победу. *Lauenroth H.* Die Schlacht am Welfesholz 1115. Langenbogen, 2006.

Фрагмент С

Дева родительница прожила 63 года; 14 [лет] было [ей] в момент благословенного рождения; 33 года она оставалась с рождённым ею; 16 лет жила одна, когда Христос взошёл к звёздам³².

Кончина пресвятой Девы была в Вознесение его [Христа]. На 40 день, т. е. в 9 календы апреля³³ телом и душой была она принята на небеса.

В мартовские иды³⁴, то есть за 14 дней до страстей Господа, было вознесение Лазаря.

Святой Пётр был епископом Рима 25 лет. Он прожил блаженный 49 лет после своего обращения.

Фрагмент D

В год Господень 1211³⁵ было возведено Дюнамюндское аббатство на горе святого Николая. В год Господень

---

³² Первоисточником этих строк следует с большой долей вероятности считать *Liber de infantia Mariae et Christi Salvatoribus*. В первом издании анналов, подготовленном Арндтом, текст пассажа передан как «Sexque decem solo Christo simul astra subuvut», тогда как в MGH: «Sexque decem sola, Christus simul astra subivit». Исправления в MGH делают текст логичнее, однако издатели не потрудились объяснить, чем они при этом руководствовались.

³³ 25 марта.

³⁴ 11 марта.

³⁵ Аббатство было основано в 1205 г. (*Heinrici Chronicon Livoniae* / Ed. L. Arbusow, A. Bauer. Hannoverae, 1955. P. 29) и заселено монахами в 1208 г. (*Heinrici Chronicon Livoniae*. P. 61). К. Хёльбаум выдвигает оригинальное объяснение подобной датировки. Отталкиваясь от того, что хронист не был очевидцем основания монастыря и вынужден был пользоваться различными источниками, в т.ч. и некрологом второго аббата Бернарда фон Лише, который стал аббатом именно в 1211 г., а первый аббат Дитрих стал епископом Эстонским и таким образом перешёл на датскую сторону, что не приветствовалось ливонским духовенством. По всей видимости, предание об аббате было хорошо известно дюнамюндским монахам. *Höhlbaum K. Op. cit. S. 50–51.*

1228-ой в день святого аббата Бернарда³⁶ [оно] было разорено курами и семигаллами³⁷.

В год Господень 1237 в день святого Маврикия³⁸ был большой поход в Летовию.

В год Господень 1260 сражение было в Дурбене³⁹ в день святой девы Маргариты⁴⁰; следующей зимой был бой против литовцев в Леневордене⁴¹ в день святого Власия⁴².

В год Господень 1263 было опустошено Приморье⁴³ и Перона⁴⁴ литовцами в день очищения⁴⁵, и в восьмой час вышеупомянутого праздника было сражение против них Дюнамюнде. В тот же год в июньские календы сожжена огнём была церковь дюнамюндская в день [св.] Никомеда⁴⁶.

В год Господень 1264 был сожжён огнём весь город рижан в праздник апостолов Петра и Павла⁴⁷.

В год Господень 1270 была битва против литовцев на Эзеле⁴⁸ в день святой девы Юлианы⁴⁹.

В год Господень 1274 сожжён огнём был город⁵⁰ в день богоявления⁵¹.

---

³⁶ 20 августа.

³⁷ Предположительно автор говорит о разорении Дюнамюндского аббатства (*Die Annalen und das Necrologium von Ronneburg*, S. 274).

³⁸ 22 сентября.

³⁹ Совр. Дурбе (латыш. *Durbe*), Латвия.

⁴⁰ 13 июля.

⁴¹ Совр. Лиелварде (латыш. *Lielvārde*), Латвия.

⁴² 3 февраля.

⁴³ Побережье Вик в Эстонии (*Canonici Sambiensis Epitome Gestorum Prussie*, P. 283, Anm. 5).

⁴⁴ Совр. Пярну (эст. *Pärnu*), Эстония.

⁴⁵ *Dies purificationis Beate Marie Virgine* — Сретение, сороковой день после Рождества. 2 февраля.

⁴⁶ 1 июня.

⁴⁷ 29 июня.

⁴⁸ Совр. остров Сааремаа (эст. *Saaremaa*), Эстония.

⁴⁹ 16 февраля.

⁵⁰ Имеется в виду Рига.

⁵¹ 6 января.

В год Господень 1279-ый сражение было в Леттовии, где пал магистр братьев рыцарей Эрнест⁵² и капитан сеньор Эйлард⁵³ и многие другие христиане⁵⁴ в третьи мартовские нонны⁵⁵.

В год 1287 на следующий день после благовещения господнего⁵⁶ был убит магистр Вильгельм⁵⁷ со многими братьями и христианами⁵⁸.

В год господень 1297 возник раздор между братьями рыцарями и Рижскими гражданами⁵⁹. Вскоре после этого, а именно за два дня до [праздника] Марии Магдалины⁶⁰, большая часть Города была подожжена в ночное время.

---

⁵² Ernst von Ratzeburg, магистр Ливонского ордена с 1274 по 1279 гг. *Militzer K. Op. cit. S. 109*. По мнению Л. Арбузова, Ernst von Ratzeburg погиб, под Ашераденом (*Arbusow L. Op. cit. S. 85*).

⁵³ Речь идёт о датском капитане Эйларде де Оберге в Ревеле и Виронии. В грамотах Эйлард именуется по-разному. № CDXLVIII: «viro provido domino Euyardo, advocato suo [королевы Дании Маргариты — М. П.]», 1276 г.; № CDL: «et dominum Eylardum, capitaneum Revaliensem», 1277 г.; № CDLII: «Eylardus, miles domini illustris regis Dacie, capitaneus in Revalia», 1277 г.; № CDLVII: «Ey(lardus) miles dicitus de Oberch, capitaneus illustris Regis Daciae per Revaliam et Wironiam», 1278 г.; последний раз упомянут в грамотах № CDLVII и CDLVIII от 4 февраля 1278 (*Liv-, Esth- und Curländisches Urkunden nebst Regesten. Bd. 2*).

⁵⁴ «cum 67 fratribus ordinis senioribus» (*Die Annalen und das Necrologium von Ronneburg. S. 144*).

⁵⁵ 5 марта.

⁵⁶ 26 марта.

⁵⁷ Wilhelm von Nindorf, магистр Ливонского ордена с 1282 по 1287 гг. (*Militzer K. Op. cit. S. 109*).

⁵⁸ «cum 35 fratribus ordinis a Litwinis» (*Die Annalen und das Necrologium von Ronneburg. S. 144*).

⁵⁹ Речь идёт о начале долгой войны архиепископа рижского и горожан Риги с Орденом. Начавшись в 1297 г., война закончилась лишь весной 1330 г., причём победа принадлежала Ордену. Более подробно см.: *Чешихин Е. В. История Ливонии с древнейших времён: в 3 т. Т. 2. Рига, 1885. С. 132-211*.

⁶⁰ 26 июля.

В год господень 1298 король литовцев⁶¹ опустошал Каркус⁶² и его пределы. Возвращаясь, он был атакован магистром Бруно⁶³ и его братьями у реки Торейда в восьмой день пятидесятницы, который был в июньские календы⁶⁴, где магистр Бруно и многие из его [братьев] пали. В тот же год рижане осаждали укрепление, которое зовётся Нойермюлен⁶⁵, где были убиты и утоплены [в день] Петра и Павла⁶⁶.

Фрагмент E

В год Господень 1098 был основан орден Цистерцианский⁶⁷.

В год Господень 1114 был простроен [монастырь] в Клерво.

В год Господень 1113-ый был построен монастырь цистерцианцев.

В год Господень 1153 умер блаженный Бернар, первый клервосский аббат.

В год Господень 1190 берёт своё начало орден братьев Тевтонских.

В год Господень 1225 был убит епископ Кёльнский Энгельберт⁶⁸.

---

⁶¹ Великий князь литовский Витень (1295–1316). См.: Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя: у 2 т. / Рэдкал.: Г. П. Пашкоў і інш. Мінск, 2007. С. 457–458.

⁶² Совр. Каркси-Нуя (эст. Karksi-Nuia), Эстония.

⁶³ Bruno, магистр Ливонского ордена с 1296 по 1298 гг. См.: *Militzer K.* Op. cit. S. 109.

⁶⁴ 1 июня.

⁶⁵ В оригинале — *Novum molendinum*. Совр. район Булкути в Риге; замок известен также под названиями Адажский, Булкупский замок или Нейермюлен.

⁶⁶ 29 июня.

⁶⁷ Эта и последующее 5 записей вероятнее всего происходят из одной всемирной хроники. См.: *Höhlbaum K.* Op. cit. S. 48.

⁶⁸ Архиепископ Кёльна Энгельберт II. Был убит 7 ноября 1225 г. в результате заговора Вестфальской и Рейнской знати от руки собственного двоюродного племянника графа Фридриха фон Изенберга.

Фрагмент F

В год Господень 1305 братья Тевтонского дома получили монастырь Дюамюнде⁶⁹ на следующий день после [дня] святого Иакова⁷⁰.

В год Господень 1307 было сражение у Риги против литовцев в день [свв.] Прокесса и Мартина⁷¹.

В год Господень 1348 был возведён замок в Мариенбурге в правление магистра Госвина⁷².

Источники

Annales Dunamundenses / Ed. G. H. Pertz // MGH. SS. rer. Germ. Hannoverae, 1866. Т. 19. S. 708–709.

Annales Ryenses / Ed. G. H. Pertz // MGH. SS. rer. Germ. Hannoverae, 1859. Т. 16. S. 386–410.

Canonici Sambiensis Epitome Gestorum Prussie / Hrsg. M. Toppen // *Scriptores Rerum Prussicarum*. Leipzig, 1861. Bd. 1. S. 273–290.

Die Annalen und das Necrologium von Ronneburg / Hrsg. E. Strehle // *Scriptores Rerum Prussicarum*. Leipzig, 1863. Bd. 2. S. 142–148.

Heinrici Chronicon Livoniae / Ed. L. Arbusow, A. Bauer. Hannoverae, 1955.

Isidorus Hispalensis. Prolegomena // MPL. Т. 81.

Liber de Infantia Mariae et Christi Salvatoribus // Enar. O. Schade. 1879.

Liv-, Esth- und Curländisches Urkunden nebst Regesten / Hrsg. G. von Bunge. Bd. 2. Reval, 1855.

---

⁶⁹ Ср.: *Liv-, Esth- und Curländisches Urkunden nebst Regesten*. Bd. 2. № DCXIV.

⁷⁰ 26 мая; однако, в тексте самой грамоты речь идёт именно о дне Святого Иакова.

⁷¹ 2 июля.

⁷² Goswin von Herreke, магистр Ливонского ордена с 1345 по 1359 гг. (*Militzer K.* Op. cit. S. 109). В 1343 г. — комтур Феллина, в 1343 г. — капитан в Везенберге, в 1345 г. — капитан в Ревеле. (см.: *Arbusow L.* Op. cit. S. 66).

Дьяконов И. Дюнамюндские анналы // «Восточная литература». Средневековые исторические источники Востока и Запада. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_Dunemund/text.phtml?id=8110 (дата обращения: 12.11.2013).

Литература

- Arbusow L.* Die im Deutschen Orden in Livland vertreten Geschlechter // Jahrbuch für Genealogie, Heraldik und Sphragistik. Mitau, 1901. S. 27–136.
- Arndt W.* Kleine Dünamünder Chronik // Archiv für die Geschichte Liv-, Esth- und Curlands. Dorpat, 1845. Bd. 4. S. 269–272.
- Arszyński M.* Średniowieczne budownictwo warowne na obszarze Inflant // Inflanty w średniowieczu. Władztwa zakonu krzyżackiego i biskupów. Toruń, 2002. S. 75–106.
- Dibdin T. F.* Typographical Antiquities; or The History of Printing in England Scotland and Ireland: Containing Memoirs of our Ancient Printers, and a Register of the Books Printed by them. Vol. 1. L., 1810.
- Höhlbaum K.* Beiträge zur Quellenkunde Alt-Livlands // *K. Höhlbaum.* Verhandlungen zur gelehrten Estnischen Gesellschaft zu Dorpat. Dorpat, 1873. S. 22–77.
- Lauenroth H.* Die Schlacht am Welfelsholz 1115. Langenbogen, 2006.
- Militzer K.* Wykaz urzędów Zakonu Kawalerów Mieczowych I zakonu krzyżackiego w Inflantach z Estonią // Inflanty w średniowieczu. Władztwa zakonu krzyżackiego i biskupów. Toruń, 2002. S. 107–122.
- Strehlke E.* Die Chronik von Dünamünde // *Scriptores Rerum Prussicarum.* Leipzig, 1863. Bd. 2. S. 139–142.
- Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя: у 2 т. / Рэдкал.: Г. П. Пашкоў і інш. Мінск, 2007.
- Чешихин Е. В.* История Ливонии с древнейших времён. В 3-х т. Т. 2. Рига, 1885.

Andrei A. Prokhorov, Maksim S. Perapialitsa
**The Annals of Dünamünde as a Source for the
History of Livonia in XIII-XIV centuries**

The article is dedicated to the problem of analysis of the annals of Dünamünde in the field of source criticism. The authors made an attempt to divide the annals into several fragments, because it can provide a better understanding of the nature of these annals. Special attention is paid to the examination of chronological problems and sources of the annals. A translation of the annals from Latin into Russian is given in the Appendix.

Key words: Annals of Dünamünde, Livonia, source criticism, annals, Middle Ages.

Колпаков М. Ю.

«ВЕТВЬ КОРОЛЕВСКИХ РОДОВ» ГИЙОМА ГИАРА КАК ПАМЯТНИК КАПЕТИНГСКОГО ИСТОРИОПИСАНИЯ

Данная статья посвящена изучению французской рифмованной хроники 1306 г. как памятнику позднего капетингского историописания. Особое внимание уделено анализу исторического метода Гийома Гиара и его представлениям о королевской власти, нации и Родине в период формирования французского централизованного государства.

Ключевые слова: история идей, историография, Франция, рифмованная хроника, средневековая литература, Гийом Гиар, Филипп IV Красивый.

Рифмованная хроника Гийома Гиара, написанная в 1306 г., является ярким свидетельством формирующегося интереса к национальной истории во французском обществе на рубеже XIII–XIV вв. Кроме того, это сочинение можно считать типичным продуктом взаимовыгодного союза между властью и историей, который способствовал укреплению централизованного национального государства в эпоху правления Филиппа IV Красивого.

Оригинальный текст «Ветви королевских родов», состоящий из 21510 строф, написанных в две колонки на 362 страницах, хранится в отделе рукописей Французской Национальной библиотеки (манускрипт 5698)¹. Последний раз хроника полностью была издана в Париже в 1857 г.²

---

¹ Le roumanz qui est apelez la branche des royaus lignages, que GUILLAUME GUIART d'Orliens compila l'an de grace M. CCC et VI e à l'onneur de Phelippe le quart, roy de France ....

URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b90604574> (дата обращения: 09.06.2014).

² *Guillaume Guiart*. La branche des royaus lignages // Recueil des Historiens des Gaules et de la France. 1857. Т. XXII. P. 171–300.

О биографии Гийома Гиара мы знаем чрезвычайно немного и преимущественно с его собственных слов. Наиболее подробно со всеми перипетиями жизненного пути поэта и историка можно ознакомиться в статье Натали де Вальи³. В историографии материалы «Ветви королевских родов» преимущественно привлекаются для изучения истории взаимоотношений Фландрии и Франции, например в классическом труде Франца Фанк-Брентано⁴, и, безусловно, специалистами по военной истории. Наиболее подробный анализ данных хроники, как источника по истории «Битвы шпор» 1302 г. и военным кампаниям французской армии 1302–1304 гг. во Фландрии, приведён в монографиях бельгийского историка Вербрюггена⁵. В данной статье предпринимается анализ хроники исключительно как памятника позднекапетингского историописания.

Итак, Гийом Гиар является «историком-дилетантом». Безусловно, история оставалась вспомогательной дисциплиной на протяжении всего позднего средневековья. Но даже для этого времени обращение подобного человека к написанию исторического труда нельзя назвать обыденным делом. Однако, именно в XIV в. с развитием исторической культуры возникает в европейском историописании этот социальный типаж⁶. Наш сержант, ветеран войны во Фландрии, был ранен в правую ногу и левую руку в августе 1304 г. в Аррасе. Находясь на лечении, Гийом, любивший читать исторические сочинения в свободное от

---

³ *Wailly N. de. Notice sur Guillaume Guiart // Bibliothèque de l'école des chartes. 1847. t. 8. P. 1–16.*

⁴ *Funck-Brentano F. Les origines de la Guerre de Cent Ans. Philippe le Bel en Flandre. P., 1897.*

⁵ *Verbruggen J. F. The Art of Warfare in Western Europe During the Middle Ages. From the Eight Century to 1340. Woodbridge, 1997; idem. The Battle of the Golden Spurs (Courtrai, 11 July 1302). Woodbridge, 2002.*

⁶ *Gene B. История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002. С. 79.*

службы время, заметил пристрастность фламандских авторов и неточности французских хронистов в изложении тех событий, очевидцем которых он являлся. Именно это и стало поводом к созданию «Ветви королевских родов» (Guillaume Guiart, V. 120–150. P. 174).

Историк, вслед за своими современниками⁷, не считает нужным скрывать своё авторское «Я». В прологе к «роману» он называет своё имя, место рождения (Орлеан) (Guillaume Guiart, V. 30–31. P. 173). Его оценки и характеристики весьма эмоциональны и субъективны.

Примечательно, что под «историей» Гиар понимает именно правдивое, поучительное и увлекательное повествование о выдающихся свершениях правителя (короля Филиппа) и народа (французов), что является нормой для средневековой историографии. «Лживое поругание короля и французов»; «хвастовство» фламандцев, превозносивших победу при Куртре и умалчивающих о своих поражениях; «неточности» французов, «повторяющих слухи» и слова «плохо информированных людей» — всё это оскорбило сержанта, «любившего истину» (Guillaume Guiart, V. 120–150. P. 174).

Гиар начинает писать наброски своего труда, ещё находясь на излечении. Он останавливается на стихотворной форме. Жанр «рифмованная хроника» возникает во французском историописании в XII в. и проходит длительную эволюцию⁸. Подробный анализ стихотворных форм во французской литературе XIII в. предпринят Л. В. Евдокимовой, отмечающей связь стихотворной хро-

---

⁷ Guenée B. *Ego, je. L'affirmation de soi par les historiens français (XIVe – XVe s.)* // *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, 149-e année, № 2, 2005. P. 597–611.

⁸ Croizy-Naquet C. *Écrire l'histoire : le choix du vers ou de la prose aux XIIe et XIIIe siècles* // *Médiévales*. 2000. № 38. P. 71–85.

ники с предшествующей эпической традицией⁹. Однако в начале XIV в. многие историки предпочитали писать в прозаической форме, утверждая, что «в рифмованных рассказах правды нет»¹⁰. Так почему же Гийом пишет в стихах?

Средневековые рифмованные хроники занимают промежуточное место между «чистыми» историческими жанрами (историями, хрониками, анналами) и художественными романами. Факты и реальные события, излагавшиеся в них в хронологической последовательности, дополнялись высказыванием личного отношения к героям, что было очень важно для Гиара, желавшего донести свою правду о войне. Кроме того, он мог надеяться на то, что именно такой жанр сделает его труд популярным. Ведь большинство людей в это время предпочитали не читать, а слушать истории. Устойчивая мода на чтение прозаических исторических сочинений возникнет во Франции к середине XIV в.¹¹

В соответствии с нормами тогдашнего историописания Гиар, изложивший историю Франции с Филиппа Августа до Филиппа Красивого, поясняет выбор заглавия: «Маленький томик, который я называю «Ветвь королевских родов»» (Guillaume Guiart, P. 173).

Автор использует традиционные источники — свои собственные наблюдения, рассказы очевидцев-сослуживцев и «некоторые правдивые латинские хроники». Эти сочинения Гийом «переписывал в Сен-Дени день и ночь» (Guillaume Guiart, P. 173). Именно в аббатство Сен-Дени, считавшееся главным центром французского исто-

---

⁹ Евдокимова Л. В. У истоков французской прозы. Прозаическая и стихотворная форма в литературе XIII века. М., 1997. С. 103.

¹⁰ Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002. С. 71–73.

¹¹ Там же. С. 319.

риописания, он прибывает в апреле 1306 г. и приступает к активной работе. Книжные сокровища и архивы Сен-Дени имели особую притягательность для историков. Само только использование этих материалов позволяло написать правдивую историю. Более того, только история, написанная на материалах из Сен-Дени, могла считаться истинной.

Следуя устоявшейся моде, превращавшейся в традицию, Гиар пишет национальную историю на французском языке, поскольку уже с конца XII в. сюжеты национальной истории начали мыслиться как более достоверные по сравнению с античной и зарубежной тематикой¹².

Первая из тем французской истории у Гийома Гиара — это описание славных деяний королей, выстроенных в традиционном для прокоролевской историографии эпохи Филиппа Красивого виде (Меровинги → Каролинги → Капетинги). Автор использует все популярные легенды, доказывая родство Филиппа с прародителем франков царём Приамом¹³ и императором Карлом Великим (Guillaume Guiart, V. 282–372. P. 176–177).

Особо Гиар выделяет Филиппа IV, которому посвящает свою «Ветвь королевских родов», следуя традиции и надеясь на монаршую милость (Guillaume Guiart, P. 173). Король изображается не только исключительно моральным христианином, прекрасным политиком, но и человеком сакральным: «Господь небесный, верховный владыка, того, кто носит корону, так награждает, чтобы всяк, кто её

---

¹² *Guenée B.* La Culture Historique de Nobles: le Success des Faits des Romains (XIII–XV siècles) // La Noblesse au Moyen Age. Essais à la Mémoire de Robert Boutruche. P., 1976. P. 276.

¹³ Подробно история Троянской легенды во французской историографии изложена в статье К. Бон: *Beaune C.* L'utilisation politique du mythe des origines troyennes en France à la fin du Moyen Âge // Lectures médiévales de Virgile. Actes du colloque de Rome (25–28 octobre 1982). R., 1985. P. 331–355.

получил, прекрасные чудеса всю жизнь творил; пластырь он на опухоль не кладёт, золотушных же тем исцеляет, что свою руку на них возлагает; не умеют того другие короли» (Guillaume Guiart, P. 175).

Вторая тема хроники Гиара — славные деяния французов. Величие Бога, нисходящее на короля Франции, отражается и на всей французской нации. Кого же обозначает автор термином «французы»?

В период правления Филиппа Красивого (1285–1314) господствующей была трёхсословная иерархическая модель общественного устройства, сформировавшаяся ещё в XIII в., согласно которой выделялись духовенство, рыцарство и народ¹⁴. За каждым сословием закреплялась специальная функция: духовенство (*oratores*) должно молиться за всех, рыцарство (*bellatores*) — защищать церковь и народ, народ (*laboratores*) — трудиться и кормить всех.

В социально-политической литературе было распространено отождествление общества с человеческим телом, а функции сословий уподоблялись функциям частей тела. Так, подобно голове и рукам, управляющим и защищающим человеческий организм, высшие сословия должны исполнять обязанности по управлению обществом, а низшее сословие, подобно носящим человеческое тело ногам, обязано оказывать поддержку духовенству и рыцарству.

Убедительность божественного установления такого социального порядка обычно подкреплялась происхождением сословий от сыновей Ноя — Сима, Яфета и Хама, из которых последний был проклят Богом в своём потомстве, которое по этой причине было обречено на служение потомкам старших сыновей.

Начиная с XIII в. отдельные сословия стали всё чаще дифференцироваться, подразделяться на отдельные группы по профессиональному или иному признаку, что

---

¹⁴ Le Goff J. Pour autre Moyen âge. P., 1977. P. 80–90.

свидетельствует об усложнении социальной структуры в восприятии людей. Это усложнение прямо связано с эволюцией общества.

Для сержанта Гийома Гиара «французы» — это не только аристократия и рыцарство. В состав этого важнейшего социального института он включает и простых солдат королевского войска, а также «добрых людей» или «добрый народ» из числа городского сословия.

Главными движущими силами истории является король и вооружённая часть его подданных. Это уменьшение упоминаний каждодневных проявлений божественного вмешательства в ход земной истории характерно для большинства исторических сочинений эпохи царствования Филиппа IV.

Помазанники Божьи, представители святой Капетингской династии поддерживали особую связь с Богом и даровали его милость жителям всего королевства. Свершения французского короля-суверена автор сводит к борьбе с несправедливостью, отправлению правосудия и поддержанию мира. Но «рутинная» деятельность по защите королевского мира от внутренних и внешних врагов лежит на «французах». Их личные качества, уровень подготовки и снаряжения, усердие, численность напрямую влияют на успехи и неудачи Франции (Guillaume Guiart, V. 15760–15762, P. 245–246; V. 20477–20482, P. 291; V. 21139–21136, P. 297).

Таким образом, можно утверждать, что во Франции на рубеже XIII–XIV вв. уже сформировалась стройная и отчасти строгая традиция историописания, явившаяся результатом поступательного развития школы Сен-Дени и усилий королевской власти в сфере написания «официальной» истории в тринадцатом столетии. Создатели «массовой» исторической продукции восприняли основные приёмы нового королевского историописания и ак-

тивно способствовали формированию верноподданнических чувств и популяризации новых мировоззренческих ценностей.

Источники

Guillaume Guiart. La branche des royaus lignages // Recueil des Historiens des Gaules et de la France. P., 1857. Т. XXII. P. 171–300.

Le roumanz qui est apelez la branche des royaus lignages, que GUILLAUME GUIART d'Orliens compila l'an de grace M. CCC et VI e à l'onneur de Phelippe le quart, roy de France... URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b90604574> (дата обращения: 09.06.2014).

Литература

Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002.

Евдокимова Л. В. У истоков французской прозы. Прозаическая и стихотворная форма в литературе XIII века. М., 1997.

Beaune С. L'utilisation politique du mythe des origines troyennes en France à la fin du Moyen Âge // Lectures médiévales de Virgile. Actes du colloque de Rome (25–28 octobre 1982) R., 1985. P. 331–355.

Croizy-Naquet С. Écrire l'histoire : le choix du vers ou de la prose aux XIIe et XIIIe siècles // Médiévales. 2000. № 38. P. 71–85.

Funck-Brentano F. Les origines de la Guerre de Cent Ans. Philippe le Bel en Flandre. P., 1897.

Guenée B. Ego, je. L'affirmation de soi par les historiens français (XIVe – XVe s.). // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, 149-e année, № 2, 2005. P. 597–611.

Guenée B. La Culture Historique de Nobles: le Success des Faits des Romains (XIII–XV siècles) // La Noblesse au Moyen

Age. Essais à la Mémoire de Robert Boutruche. P., 1976.
P. 261–288.

Le Goff J. Pour autre Moyen âge. P., 1977.

Verbruggen J. F. The Art of Warfare in Western Europe during the Middle Ages. From the Eight Century to 1340. Woodbridge, 1997.

Verbruggen J. F. The Battle of the Golden Spurs (Courtrai, 11 July 1302). Woodbridge, 2002.

Wailly, N. de. Notice sur Guillaume Guiart // Bibliothèque de l'école des chartes. 1847. T. 8. P. 1–16.

Maksim Yu. Kolpakov

«A Branch of Royal Lineage» by Guillaume Guiart as a Literary Monument of Capetian Historiography

The article is devoted to the study of a French rhymed chronicle of 1306 as a literary monument of Capetian historiography. Special attention is paid to the analyses of Guillaume Guiart historical method and his ideas about royal power, nation and motherland in the period of French centralized state formation.

Key words: history of ideas, historiography, France, rhymed chronicle, Guillaume Guiart, Philip IV the Fair.

Голубева И. В., Крупа Т. Н.

ИССЛЕДОВАНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ТЕКСТИЛЯ ИЗ РАСКОПОК ЦАРЕБОРИСОВА В 2012 г.

В публикации рассматривается находка – уникальный комплекс текстиля, впервые обнаруженный при раскопках Цареборисовского городища (Украина, Харьковская область).

Ключевые слова: археология, археологический текстиль, Цареборисов, Украина.

В июле 2012 г. директором ДП ОАСУ «Слободская археологическая служба» И. В. Голубевой были переданы для изучения находки археологического текстиля, обнаруженного ею в результате археологических исследований Цареборисовского городища в 2012 г.

Раскопки Цареборисовской крепости продолжаются уже в течение девяти лет. Предыдущие исследования показали, что время существования её относится к двум периодам: конец XVI – начало XVII вв. и вторая половина XVII в.

Выявление монетного клада вместе с археологическим текстилем для исследователя всегда является огромной удачей, поскольку такая находка фиксируется научными методами и сохраняет для исследователя максимум информации. В отношении же текстиля такая ситуация уникальна! Это позволяет сузить границы датировки конкретных образцов тканей.

Такие находки на Цареборисовском городище были обнаружены впервые в 2012 г., когда на дне хозяйственной ямы раскопа № 5 (расположенный в центрально-восточной части детинца) был найден небольшой клад

монет Московского царства первого этапа существования крепости (рис.1)¹.

Клад состоит из двенадцати чешуевидных серебряных монет Московского царства, которые, вероятно были завернуты в шёлковое изделие (на них сохранились фрагменты ткани со швом).

Распределение монет по номиналам, правителями и местам чеканки оказалось следующим:

- полушки Ивана IV (2 монеты);
- деньга Ивана IV (пять монет чеканки московского двора и две – тверского);
- копейки Ивана IV (монеты новгородской и псковской чеканки) и Фёдора Ивановича (псковской чеканки).

Обнаруженный клад не является результатом длительного накопления. Скорее всего, мы имеем дело с обычным кошельком. Старейшая монета данного клада отчеканена в 1535–1538 гг., а самая поздняя – в 1596 г. Такое положение вещей не является случайным. Находки монет из культурного слоя дают такие же хронологические расхождения. Из письменных источников известно, что Царьборисов основан в 1599 г. царём Борисом Годуновым, и его монеты из находок в культурном слое крепости нередки. Такое хронологическое распределение монет клада не является чем-то исключительным. Большинство монет – это младшие номиналы Ивана IV Грозного, которые после его правления либо не чеканились вообще, либо же имела место незначительная их эмиссия. Поэтому поздние монеты Годунова (копейки), как более высокий номинал, могли просто не попасть в найденный «кошелек». С началом Смутного времени вес монет падает. Следовательно, более тяжёлые монеты изымались из повседневного обращения или обрезались для уменьшения ве-

---

¹ Голубева И. В. Дослідження Царьборисівської фортеці // Археологічні дослідження в Україні 2012. Київ; Луцьк, 2013. С. 328–329.

са. Вес монет клада не отличается от средних показателей стандарта для правления царей от Ивана IV до Бориса Годунова. Так что дата комплекса, где обнаружен клад, — не позднее времени начала чеканки монет Смутного времени².

Таким образом, обнаруженный при раскопках Цареборисова в 2012 г. клад демонстрирует повседневное денежное обращение жителя крепости того времени. Это делает изучение найденного текстиля крайне важным для понимания повседневной жизни и быта этого далёкого форпоста Московского государства.

Первым большим вопросом был вопрос сохранения обнаруженного текстиля. Вопрос консервации археологической органики — один из самых актуальных вопросов мировой реставрационной практики. Особняком в этом большом направлении стоит археологический текстиль: материал уникальный и раритетный не только по регулярности встречаемости в археологических комплексах, но, особенно, — по степени информативности.

Существующие методики очистки археологического текстиля несовершенны, поэтому заставляют специалистов искать новые, отвечающие требованиям работы с конкретным материалом. В итоге была выбрана методика очистки, разработанная нами для очистки шёлковой парчи XII в. из раскопок «Весёлой могилы» на Харьковщине. Она основана на применении бытового препарата «ЛОС» производства фирмы «AMWAY»³.

---

² Голубева І. В., Муслімов К. Р. До питання про атрибуцію лускоподібних копійок Московського царства (за матеріалами скарбу рубежу XVI–XVII ст. у Цареборисівській фортеці) // Святогірський альманах 2012. Збірка наукових праць. КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник у м. Святогірську». Донецьк, 2012. С. 8–11.

³ Крупа Т. Н. Методика консервации археологического текстиля XII в. из раскопок «Весёлой могилы» (фонды Музея археологии и этнографии Слободской Украины ХНУ им. В. Н. Каразина) с применением препарата «ЛОС».

После проведения тестов на возможную превентивную консервацию, были проведены комплексные исследования: микроскопия в отражённом боковом неполяризованном свете (бинокулярный микроскоп МБС-10), химико-технологические исследования). В результате были получены следующие характеристики исследуемого текстиля.

Фрагмент 1 (рис. 2, увеличение в 12 раз). Имеет следующие общие размеры: 14 x 13 мм.

Ткань простого (полотняного) переплетения нитей основы и утка. Рис. 3 (увеличение в 40 раз) отражает брак ткачества: сбой счёта при ткачестве. Сума нитей: 210 нит./кв. см (рис. 4 (увеличение в 80 раз)).

Ткань состоит из нитей одного вида. Нити основы и утка имеют I-крутку, тонины: 8,13 – 9,03 – 9,46 – 9,57 микрон.

Культурный шёлк.

Текстиль окрашен в красный цвет до ткачества и прядения.

Краситель: марена красильная (лат. *Rubia tinctorum*).

Фрагмент 2 (рис. 5, увеличение в 12 раз). Ткань простого (полотняного) переплетения нитей основы и утка. Сума нитей: 210 нит./кв. см.

Состоит из двух сшитых фрагментов. Размеры:

- фрагмент 2-1: 14,5 x 10 (5,5) мм;

- фрагмент 2-2: 14,5 x 3 мм.

Общая длина шва: 8,5 мм (рис. 5, увеличение в 12 раз).

Сохранилось три стежка шва «вперед голку», длиной 166,88 – 118,41 – 128,58 микрон (рис. 6, увеличение в 80 раз).

Ткань состоит из нитей одного вида. Нити основы и утка имеют I-крутку, тонины: 9,64 – 10,73 – 10,74 микрон (рис. 7, увеличение в 20 раз).

производства фирмы «AMWAY» // Тези доповідей V Міжнародної науково-практичної конференції «Проблеми збереження, консервації, реставрації та експертизи музейних пам'яток». Київ, 2005. С. 165-168.

Культурный шёлк.

Текстиль окрашен в красный цвет до ткачества и прядения.

Краситель: марена красильная (лат. *Rubia tinctorum*).

Таким образом, оба фрагмента обнаруженного археологического текстиля — несомненно, ткань одного типа, которая принадлежала одному изделию.

Учитывая качество материала и его характеристики, можем предположить, что перед нами остатки одежды, возможно — рубашки.

Попробуем высказать некоторые предположения об обстоятельствах появления этого монетно-текстильного комплекса на Цареборисовском городище.

На момент основания Цареборисова в городок притекало достаточно много по тем временам средств, среди которых оказались и монеты, и ткань из обнаруженного в 2012 г. клада. Вот что пишет Новый летописец: «75. О поставлении Борисова города. Послал же царь Борис на поле ставить город Борисов окольничего Богдана Яковлевича Бельского да Семена Ольферьева, да с ними послал многих людей всяких и на поселение послал казаков и стрельцов и посадских людей. Богдан же, человек богатый, пошел на строительство города с великим богатством и всякого запаса взял с собой много, и пришел на то городище, и град начал делать сперва своим двором, и сделал своими людьми башню и стены, и укрепил великой крепостью. Потом же, по тому образцу, повелел и всей рати делать, и вскоре сделали весь град, и укрепили его всякой крепостью. Ратных же людей [Богдан] поил и кормил каждый день, и бедным давал деньги, и платье, и запасы. Пошла же на Москве про него от ратных людей хвала великая о его добродетели. Царь же Борис исполнился ярости и послал [за Богданом], велел его схватить и повелел его позорить там же многим позором, и сослали его с Москвы на

Низ в тюрьму. Вотчины же и поместье велел взять на себя, а имущество его повелел распродать, а деньги взял себе Дворян же старых, которые были с ним [Богданом], а на него не посягали, Афанасия Зиновьева с товарищами, также повелел [царь] разорить»⁴.

История приграничного города Царевборисова в XVII в. была отнюдь не спокойной. Как сообщает Филарет, «что касается до бедствий, какие испытал город Борисов, впадая, по выражению пророка, в руки человеческие, то прежде всего надобно сказать, что во время всеобщего расстройства России, самозванец Лже-Пётр в 1610 году занимал Царевборисов, и Царевборисовские стрельцы, волею или неволею, ходили тогда вместе с ним в Путивль, а оттуда в Тулу, где самозванец был разбит и пойман. После того Борисов город несколько времени оставался в запустении, и оттого долго назывался Борисовым городищем, даже и после занятия его стражею, которую видим здесь в 1633 году. Со времени построения Чугуевской крепости, т. е. с 1639 года, в Борисов присылали стрельцов и станичников из Чугуева, для наблюдения за Татарами. Но так как, по одному положению своему на край степей Крымских, Борисов был опасным местом, то Чугуевцы неохотно отправлялись сюда, и несколько раз испрашивали себе, как милости Божьей, увольнения от содержания стражи в Борисове. Борисов был сколько важным, столько же и опасным местом и по другой особенности своей. Через него проходила посольская дорога в Крым. Послы оста-

---

⁴ Книга называемая Новый летописец // «Восточная литература». Средневековые исторические источники Востока и Запада. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus13/Nov_letopisec/text1.phtml?id=1005 (дата обращения: 20.05.2014).

навливались в Цареборисове как для отдыха, так и для получения распоряжений Правительства»⁵.

Таким образом, уже первые годы существования города ознаменовались для него тяжёлыми испытаниями. Памятуя о том, что первопоселенцы «города Борисова» на новое место привозили ценные вещи, можно полагать, что в случае таких форс-мажорных обстоятельств ценности прятались.

Именно это и произошло в изучаемом нами случае: владелец спрятал в укромном месте свои текущие денежные сбережения вкупе с дорогой шелковой рубахой (?), видимо, спонтанно — в результате неожиданной опасности.

На наш взгляд, особый интерес вызывает наличие в этом кладе одежды из дорогого материала — китайского шёлка. Мы затрудняемся ответить на вопрос о датировке этого текстиля: как известно, в большинстве случаев археологический текстиль датируют по времени комплексов, его сопровождающих. Однако, это не всегда является датой создания тканей. Единственное, что мы можем сегодня утверждать в отношении найденного на Цареборисовском городище текстиля, это то, что он явно старше как собственно изучаемого археологического памятника, так и, вполне возможно, старше и самого обнаруженного монетного клада.

Надеемся, что будущие раскопки смогут внести ясность в такие неординарные вопросы изучения Цареборисовского городища.

Источники

Книга называемая Новый летописец// «Восточная литература». Средневековые исторические источники Востока и Запада. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus13/>

---

⁵ *Филарет*. Историко-статистическое описание Харьковской епархии // Дали зовут. URL: http://dalizovut.narod.ru/filaret/fila5_02.htm (дата обращения: 20.05.2014).

Nov_letopisec/text1.phtml?id=1005

(дата обращения: 20.05.2014).

Филарет. Историко-статистическое описание Харьковской епархии // Дали зовут. URL: http://dalizovut.narod.ru/filaret/fila5_02.htm (дата обращения: 20.05.2014).

Литература

Голубева І. В. Дослідження Цареборисівської фортеці // Археологічні дослідження в Україні 2012. Київ; Луцьк, 2013. С. 328–329.

Голубева І. В., Муслімов К. Р. До питання про атрибуцію лускоподібних копійок Московського царства (за матеріалами скарбу рубежу XVI–XVII ст. у Цареборисівській фортеці) // Святогірський альманах 2012. Збірка наукових праць. КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник у м. Святогірську». Донецьк, 2012. С. 8–11.

Крупа Т. Н. Методика консервации археологического текстиля XII в. из раскопок «Весёлой могилы» (фонды Музея археологии и этнографии Слободской Украины ХНУ им. В. Н. Каразина) с применением препарата «ЛОС.» производства фирмы «AMWAY» // Тези доповідей V Міжнародної науково-практичної конференції «Проблеми збереження, консервації, реставрації та експертизи музейних пам'яток». Київ, 2005. С. 165–168.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Рис. 1. Общий вид находки *in situ*

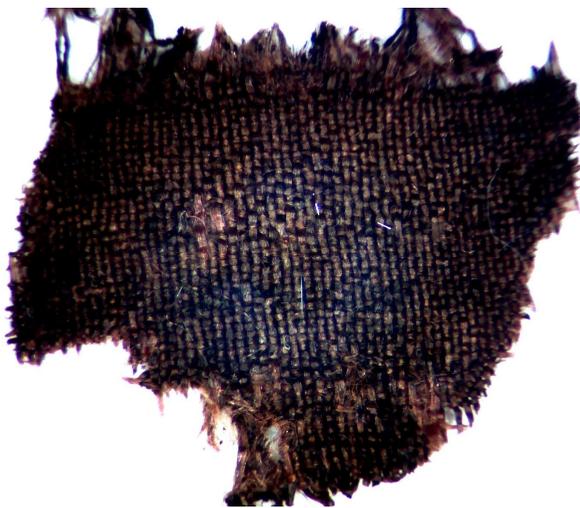

Рис. 2. Общий вид фрагмента 1 (увеличение в 12 раз)

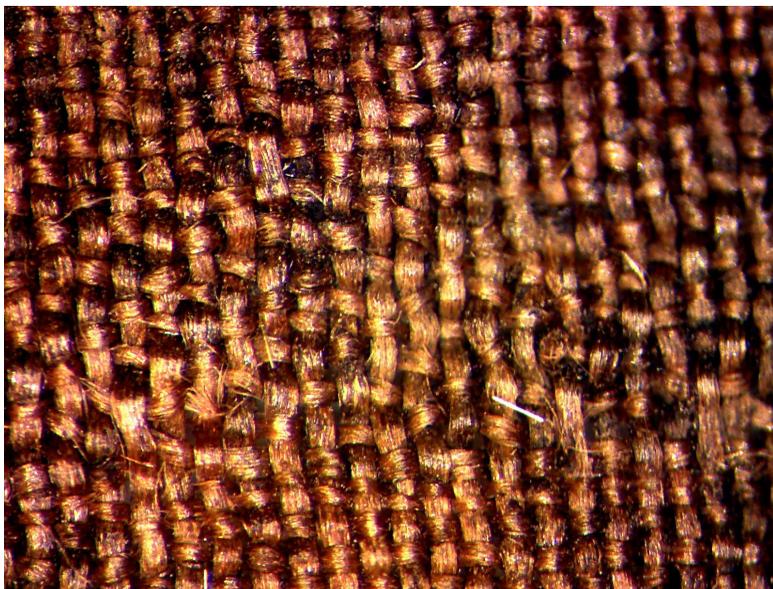

Рис. 3. Брак при ткачестве (увеличение в 40 раз)

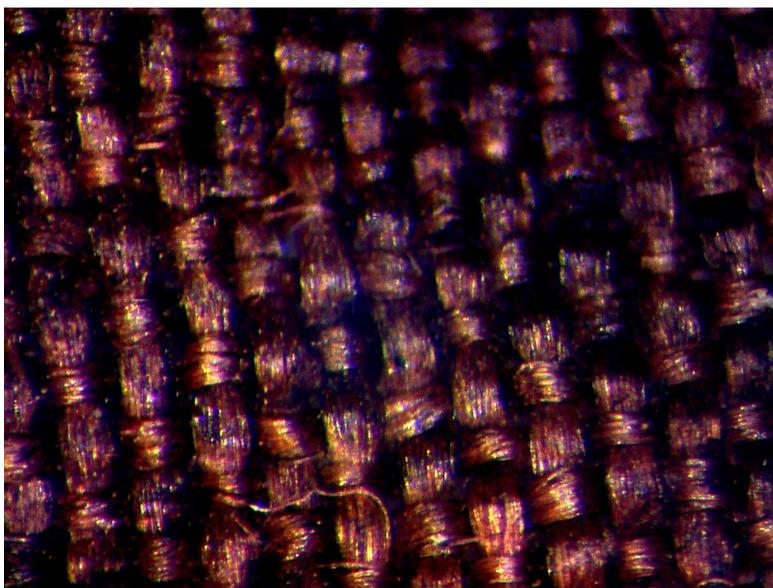

Рис. 4. Прядильно-ткацкие особенности фрагмента 1 (увеличение в 80 раз)

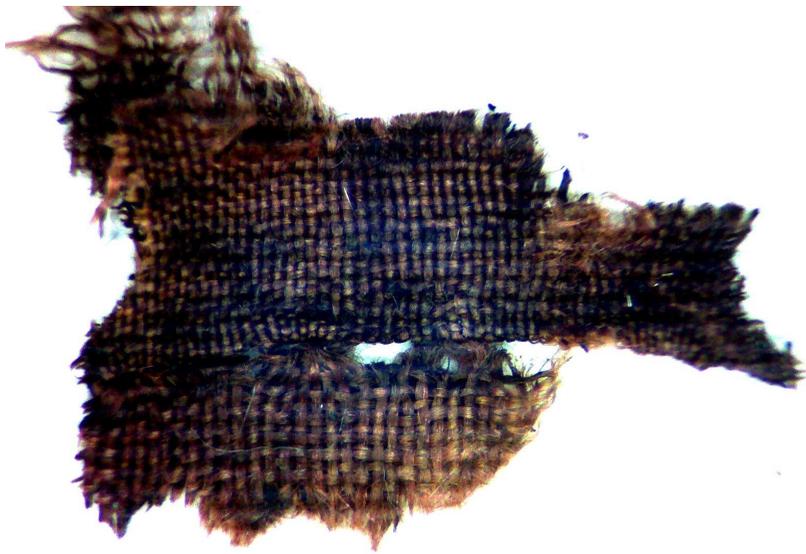

Рис. 5. Общий вид фрагмента 2 (увеличение в 12 раз)

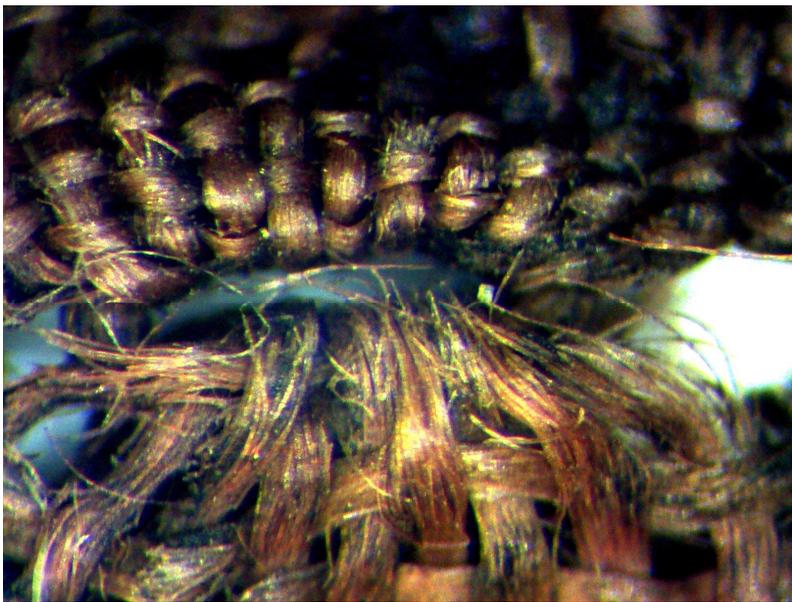

Рис. 6. Один из стежков сохранившегося шва (увеличение в 80 раз)

Рис. 7. Прядильно-ткацкие особенности фрагмента 2 (увеличение в 20 раз)

Irina V. Golubeva, Tatiana N. Krupa

**Analysis of a Fragment of Archaeological Textile Fabrics from
Tsareborisov Excavations of 2012**

The article gives a detailed and in-depth analysis of the unique fragment of archeological textile fabrics first found at Tsareborisov settlement excavations (Ukraine, the Kharkiv Region).

Key words: archaeology, archaeological textile fabrics, Tsareborisov, Ukraine.

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94 (4) «492/1914»

Антипов В. С.

СОЦИАЛЬНАЯ БАЗА КОНТРЕФОРМ В СТРАНАХ ПРОСВЕЩЁННОГО АБСОЛЮТИЗМА

Статья посвящена вопросам формирования и состава социальной базы контрреформ — совокупности общественных слоёв, выступавших за прекращение реформ просвещённого абсолютизма, пересмотр их результатов. Рассматриваются причины и формы противодействия преобразованиям аристократии, духовенства, консервативных частей дворянства и бюрократии, разного рода монополистов, терявших свои привилегии. Анализируется феномен отчуждения социальных низов от реформаторов, особенности массовых протестных движений.

Ключевые слова: просвещённый абсолютизм, контрреформы, социальная база, аристократия, духовенство, дворянство, бюрократия, социальные низы.

Большинство стран, осуществлявших политику просвещённого абсолютизма, на определённом её этапе проходили через стадию контрреформ. Понятие «контрреформы» используется в исторической социологии при изучении одного из циклов (волн) общественного развития, когда системно проводятся преобразования, преследующие цель полной или частичной ликвидации результатов предшествующих реформ. Обусловлены контрреформы объективными причинами и являются составной частью процессов модернизации¹.

---

¹ Пантин В. И. Волны и циклы социального развития: Цивилизационная динамика и процессы модернизации. М., 2004. С. 192–213.

Первая волна контрреформ в странах просвещённого абсолютизма прошла в 70-е гг. XVIII в. В Дании они осуществлялись в десятилетие после ареста и предания суду И. Ф. Струэнзе (1772 г.). В Неаполитанском королевстве начались после отстранения от рычагов управления Б. Тануччи (1776 г.), во Франции вслед за отставкой А. Р. Тюрго с поста генерального контролёра финансов (1776 г.), в Португалии позже свержения С. Помбала (1777 г.). Вторая, наиболее концентрированная их волна пришлась на последнее десятилетие XVIII в., когда почти одновременно шли контрреформы в России, Австрии, Пруссии, Швеции, Испании, Великом герцогстве Тосканском, ряде небольших государств Германии и Италии (Баварии, Саксонии, Парме и других). В 1795 г. ликвидация государственности Польши положила конец попыткам проведения реформ просвещённого абсолютизма в этой стране.

Активной стадии контрреформ предшествовало формирование их социальной базы — совокупности общественных групп и слоёв, боровшихся за прекращение реформ просвещённого абсолютизма и пересмотр результатов.

Специальная литература, посвящённая вопросам социальной базы контрреформ просвещённого абсолютизма, нам неизвестна. В то же время огромный фактический материал по её формированию и составу содержится в разделах зарубежных и отечественных исследований по истории политики просвещённого абсолютизма, освещающих её завершение².

---

² Кареев Н. И. История Западной Европы в новое время (развитие культурных и социальных отношений). Т. 3. «Восемнадцатый век» и Французская революция. СПб., 1893; *он же*. Типологические курсы по истории государственного быта. Западноевропейские абсолютистские монархии XVI, XVII и XVIII веков. СПб., 1908; Каменский А. Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века, опыт целостного анализа. М., 2001; Коган М. А. Просвещённый абсолютизм в Дании: реформы Стру-

Социальный и политический блок сторонников контрреформ располагал значительными экономическими и политическими ресурсами. В него входили, прежде всего, недалёковидные, корыстные, узкоэгоистические части «старых» властных элит. Они сопротивлялись даже тем преобразованиям, осуществление которых должно было, по замыслу просвещённых реформаторов, привести к спасению этих элит в целом, предупредить уничтожение их в результате социального взрыва.

Рассмотрим подробнее составные части этого блока.

Аристократия и придворные круги, терявшие в ходе преобразований просвещённого абсолютизма некоторые привилегии, оттесняемые новой бюрократией от руля управления, являлись одними из наиболее влиятельных сторонников начала контрреформ. Их важнейшим оружием становились интриги против реформаторов. Показательна судьба Тюрго. Генерального контролёра финансов обвиняли в стремлении узурпировать власть, его сторонников одного за другим вытесняли из властных структур. Во главе гонителей стояла королева Мария Антуанетта. В конце своего министерства он был буквально опутан тенетами интриг³. Подобное кольцо ненависти сжималось вокруг М. М. Сперанского, незадолго до отправления в ссылку. Добившись устранения реформатора или дождавшись смерти монарха, аристократия приступала к контрреформам.

Консервативное дворянство противодействовало проведению реформ. По мере их интенсификации усиливал-

---

ензе. Л., 1972; Митрофанов П. П. Политическая деятельность Иосифа II, её сторонники и её враги (1780-1790). СПб., 1907; Фор Э. Опала Тюрго. 12 мая 1776 г. М., 1979; Шлоссер Ф. Всемирная история. Т. 6. СПб., 1862; Anderson M. S. L'Europe au XVIII siècle. P., 1968; Bluche F. Le Despotisme éclairé. P., 1968; Gerchoy L. L'Europe de princes éclairis. 1763-1789. P., 1966; Meyer J. Le Despotisme éclairé. P., 1991; Vaucher P. Le Despotisme éclairé. 1740-1789. P., 1954 и др.

³ Фор Э. Опала Тюрго. С. 489-524.

ся раскол в среде дворянства на две группы: сторонников преобразований (меньшинство) и противников реформ (большинство). Подобный процесс проходил, например, в России накануне войны 1812 г., когда большинство дворян сплотилось в своём противодействии проектам Сперанского, и в то же время зарождалось будущее декабристское движение, объединявшее меньшинство сторонников продолжения реформ. Во всех странах большая часть дворянства сопротивлялась попыткам просвещённых реформаторов перераспределить часть сеньориальной ренты в государственную казну, защищать крестьян от чрезмерных изъятий со стороны землевладельцев. Это же относилось к указам, клавшим предел расширению дворянской земельной собственности за счёт крестьянских участков, регулированию барщины, ограничению судебных и иных прав дворян в отношении крестьян. Крайне болезненно воспринималось дворянами распространение сбора налогов на их сословие. Одной из причин краха реформ Иосифа II стал его патент февраля 1789 г., обложивший всю земельную собственность единым налогом, согласно которому не только крестьяне, но и дворяне обязаны были отдавать в казну 12,25 % от своих доходов с земли⁴.

При борьбе с просвещёнными реформаторами дворянство широко использовало традиционные институты феодального общества, в которых оно сохраняло ключевые позиции. Королевский и провинциальные парламенты во Франции сыграли исключительно важную роль в противодействии попыткам реформаторов (Ж. Б. Машо и других) изменить систему сбора налогов, распространить их на привилегированные сословия. Каждый эдикт Тюрго сопровождался протестами парламентов. 2 марта 1776 г. палаты Королевского парламента приняли развёрнутую ремонстрацию против его реформ. Э. Фор констатирует:

---

⁴ *Padover K. Joseph II l'empereur révolutionnaire. P., 1936. P. 88.*

«Главным движущим фактором (отставки Тюрго. — В. А.) была парламентская оппозиция»⁵. Польские магнаты, контролировавшие сейм, неоднократно выступали против попыток централизации гибнущего государства, добивались постановлений, подтверждавших «кардинальные права», гарантировавшие шляхетские свободы и привилегии. Дворянские представители в риксдаге использовали этот орган в борьбе с реформами Густава III.

В многонациональных государствах дворянство возглавляло сепаратистские движения региональных и национальных сословных элит, терявших власть и традиционные привилегии. Разветвлённый заговор венгерского дворянства с целью сместить Иосифа II и заменить династию Габсбургов Гогенцоллернами положил конец реформам просвещённого абсолютизма в Венгрии. В Австрийских Нидерландах дело дошло до вооружённого восстания против его реформ. В Дании после начала реформ Струэнзе сразу же активизировались норвежские сепаратисты.

История политики просвещённого абсолютизма наполнена дворянскими заговорами против реформаторов. В 1756 и 1758 гг. в Португалии Помбал беспощадно, прибегнув к казням, используя даже инквизиционные процессы, подавил сопротивление врагов преобразований среди дворянства. Густаву III при поддержке податных сословий удалось расправиться с офицерами-заговорщиками, но, в конце концов, он погиб от руки одного из них. Наоборот, противники реформ успешно осуществили переворот в Дании, Струэнзе был арестован и публично казнён. Екатерине II всё царствование приходилось считаться с возможностью дворцового переворота. В Польше магнаты, образовав Барскую конфедерацию (1767–1771 гг.), вели военные действия против Станислава Понятовского, пытавшегося начать реформы. Тарговицкая конфедерация (1792–1793 гг.), создан-

---

⁵ Фор Э. Указ соч. С. 522.

ная теми же реакционными силами, сорвала введение демократической конституции 1791 г.

Абсолютное большинство духовенства поддерживало контрреформаторов.

Католический клир сопротивлялся политике регализма, возрастанию государственного контроля над церковью гораздо упорнее, чем протестантское духовенство. Он обладал значительными финансовыми и земельными ресурсами, сетью влиятельных монашеских орденов, возглавлялся единым центром — папской курией. Духовенство на всех уровнях от Папы Римского до деревенского клирика саботировало проведение реформ, подстрекало массы верующих к сопротивлению им. Епископы протестовали против нововведений в Австрийских Нидерландах, а после начала восстания поддержали мятежников. «Когда в Лувене появились новые профессора с новыми руководствами, тамошние студенты теологии подняли целый бунт»⁶. В Великом Герцогстве Тосканском в 1780–е гг. епископат решительно высказался против предложенной Пьетро Леопольдо широкой церковной реформы, от которой в результате пришлось отказаться. Неприятие клиром реформ объяснялось распространением налогов на духовенство, секуляризацией и ограничением церковной земельной собственности. Вмешательство государственных чиновников в дела монастырей, сокращение их численности и регулирование количества монахов встречали постоянное противодействие. Выдворение иезуитов из Испании, Франции, Португалии, Неаполитанского королевства осуществлялись вопреки сопротивлению Святого престола, вынужденного, в конце концов, подчиниться воле просвещённых монархов и упразднить «Общество Иисуса». Оспаривались и становились орудием клерикальной пропаганды даже незначительные светские нов-

---

⁶ Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. С. 384.

шества. Так, Тюрго ставилось в вину предложение об исключении из текста присяги слов об истреблении еретиков. Разрешение на продажу мяса в дни поста трактовалось как недопустимое нарушение религиозных норм. Его противники утверждали даже, что движение без остановок, введённых им быстрых экипажей — тюргозин, якобы мешало пассажирам посещать богослужение⁷.

Протестантские церкви в годы Реформации были подчинены абсолютистской администрации, лишены земельной собственности. Несмотря на это, большинство пасторов поддерживали контрреформы, некоторые из них сыграли в их проведении значительную роль (О. Гульдберг в Дании, И. Х. Вёльнер в Пруссии). В России православная церковь после введения Петром I синодального управления не могла оказать серьёзного сопротивления просвещённым реформаторам. Из церковных иерархов только Арсений Мацеевич открыто протестовал против секуляризационной реформы Екатерины II. Наоборот, православные и протестантские общины в Австрии поддерживали просвещённый абсолютизм, расширивший их права толерантным патентом 1781 г.

Против реформ просвещённого абсолютизма выступали *различные слои бюрократии*. Часть старого дореформенного чиновничества открыто противилась их проведению. Например, И. Р. Хотек, канцлер австрийско-богемской канцелярии с самого начала правления Иосифа II решительно боролся против его проектов налоговой и крестьянской реформ, и был вынужден уйти в отставку в 1788 г. Часть старой бюрократии внешне приспосабливалась к требованиям просвещённых монархов и министров, оставалась в структурах власти, исподволь саботируя реформы. Обычно такого рода чиновничество составляло

---

⁷ Лучицкий И. В. Тюрго // Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 34. СПб., 1902. С. 338.

большинство государственного аппарата. По мере продолжения реформ, возникавших в ходе их трудностей, тормозящая роль этой социальной силы возрастала. «Новая» бюрократия, рождавшаяся по мере осуществления политики просвещённого абсолютизма, разумеется, была лояльнее, но в критический момент её часть, казалось бы, прочно связанная с преобразованиями, переходила на сторону противников реформ. Так, в Испании изменили свою позицию после смерти Карла III некоторые его соратники, например, Х. Флоридабланка. Наконец, в ходе контрреформ рождался тип бюрократа-реакционера; в этой связи можно вспомнить М. Годоя в Испании, А. А. Аракчеева в России, Вёльнера в Пруссии, Гульдберга в Дании. Многие из них ранее принадлежали к категории бюрократов-приспособленцев, в ходе реформ следовавших официальному курсу или державшихся в тени.

По мере продолжения реформ просвещённого абсолютизма усиливалось сопротивление *разного рода монополистов*, терявших свои привилегии. К ним, например, относились откупщики, боявшиеся отмены старой системы сбора налогов и таможенных пошлин, хлебные барышники, утрачивавшие доходы при введении свободной торговли хлебом. Врагами реформ оказывались цеховые корпорации, лишавшиеся при введении свободы ремесленного производства монополии на изготовление определённых товаров. Например, эдикты Тюрго, направленные на ликвидацию цеховых организаций, вызвали ожесточённое сопротивление «шести гильдий» Парижа. Цеха меховщиков, торговцев колониальными товарами, галантерейщиков и других энергично протестовали против нововведений. В мемуаре цеха портных, в частности, утверждалось, что его упразднение «нанесёт роковой удар нравам, ибо тогда мужчины станут обшивать женщин, а женщины мужчин»⁸.

---

⁸ Цит. по: Фор Э. Указ. соч. С. 451.

Социальные низы практически никогда активно не поддерживали преобразования просвещённого абсолютизма. Тем более они не выступали в поддержку реформаторов, оказавшихся в трудном положении. Можно привести только один противоположный пример, когда Густав III в 1788–1789 гг. в критический момент противостояния с дворянством обратился к податным сословиям и получил их массовую поддержку. Но это исключение только подтверждает общее правило. Объясняется оно, видимо, давними традициями влияния шведских податных сословий, в том числе и крестьянства, на внутривластные процессы, их участия в деятельности риксдага.

Назовём некоторые из причин феномена отчуждения народной массы и просвещённых реформаторов.

Реформаторы проводили политику патернализма, исповедуя принцип «всё для народа, ничего посредством народа». Подданные просто должны были повиноваться решениям, принимаемым властями.

Представления большей части социальных низов — носителей традиционной культуры — не совпадали с идеями просветителей, лежавшими в основе доктрины просвещённого абсолютизма. Разрушение привычных норм жизни, нападки на религию вызывали отторжение значительной части городского плебса и крестьянства. Особенно болезненно воспринимались нападки на привычные религиозные ценности. Когда в Тоскане были предприняты первые шаги по осуществлению церковной реформы в яansenистском духе, начались волнения населения, отстаивавшего своё право на почитание мощей. От реформы пришлось отказаться. Крайне непопулярными в Австрии оказались аналогичные меры Иосифа II по регулированию церковных ритуалов.

Реформаторы, проводя реорганизации, не считались с их, зачастую, негативными экономическими последст-

виями для социальных низов. Интенсивно проводимые масштабные реформы требовали увеличения государственных расходов (для поддержки промышленности, проведения активной внешней политики и т. п.). Росло фискальное бремя. Всё это требовало большего напряжения народных сил. Народ убеждался, что реформы, несмотря на все манифесты об «общем благе», продиктованы не заботами о нём, а иными целями, что трудящуюся массу ждёт не облегчение её положения, а эксплуатация новыми людьми в новых формах.

Массы мечтали о гораздо более радикальных реформах, чем проводившиеся. В некоторых случаях начинавшиеся реформы создавали среди общественных низов социально-психологическую атмосферу ожидания того, что преобразования распространятся и на них. Вскоре после восшествия на престол Иосифа II и начала его интенсивных реформ среди чешских крестьян распространялись слухи о «золотом патенте» императора, провозглашающего свободу крепостным крестьянам. Нечто подобное происходило и в России накануне крестьянской войны Пугачёва. Народная молва утверждала, что вслед за манифестом о вольности дворянской будут изданы аналогичные указы о вольности крестьян, подготовленные Петром III. А. Сорель писал: «Неполные, неопределённые, частные реформы не удовлетворяли желания, а возбуждали новые надежды. Они лишь подтверждали ту идею, что старый мир одряхлел и надо его обновить, приучали народ к быстрым переменам, развивали любовь к последним и потребность в них ... распространялось глухое беспокойство, глубокая тревожность»⁹.

Можно выделить несколько типов реагирования народных масс на реформы просвещённого абсолютизма. Преобладало равнодушие, апатия, убеждённость, что пе-

---

⁹ Сорель А. Европа и французская революция. Т. 1. СПб., 1892. С. 105.

ремены — дело верхов, дело начальства. По мере ухудшения экономического положения нарастало недовольство. Оно перерастало в пассивное глухое сопротивление, неповиновение местным властям, отказ от выполнения повинностей, бегство на окраины государства (в России и Австрии). В самых крайних ситуациях протест выражался в форме волнений и мятежей. В 1773–1775 гг. Россию потрясла крестьянская война. В 1784 г. численность восставших крепостных трансильванских крестьян в Австрии достигала двадцати — тридцати тысяч¹⁰. В 1775 г. мятежные чешские крестьяне дошли до Праги¹¹. «Восстание Страстной недели» населения Мадрида в 1766 г. заставило Карла III полностью сменить состав правительства¹². В 1757 г. Помбал жесточайшим образом подавил народные волнения против Генеральной компании виноградарей. В 1799 г. в Неаполе массовое «санфедистское движение» («движение за веру») смело сторонников продолжения реформ и их французских покровителей.

Некоторые характерные особенности причин, хода и последствий народных выступлений против реформ просвещённого абсолютизма можно проследить на примере так называемой «Мучной войны». Такое наименование было дано современниками, а затем утвердилось в историографии, волне хлебных беспорядков апреля — мая 1775 г., охвативших ряд районов Франции. Абсолютное большинство их участников составляли социальные низы общества (в сельской местности крестьяне, работники ферм, деревенские ремесленники, в городах безработные,

---

¹⁰ Помпилицу Т. Эпоха Просвещения в румынских землях // История Румынии. М. 2005. С. 391–395.

¹¹ История Чехословакии. Т. 1. М., 1956. С. 282–286.

¹² Суховерхов В. В. Преобразования просвещённого абсолютизма в Испании // ВИ. 2010. № 9. С. 39–40.

подёнщики, подмастерья, подсобные рабочие и т. п.)¹³. Движение носило стихийный характер. «Ни в одном источнике не видно следов организационных центров и связей, политической программы»¹⁴. Главной силой народного движения повсеместно выступала протестующая толпа.

Толчком для массовых выступлений стала попытка Тюрго, занявшего в августе 1774 г. ключевой пост генерального контролёра финансов, приступить к проведению реформ просвещённого абсолютизма, начав с либерализации хлебной торговли. Тезис о необходимости введения свободы торговли зерном, мукой и хлебом был одним из основных в программе физиократов — теоретиков экономической политики просвещённого абсолютизма. Тюрго — видный физиократ, ещё в 1761 г. писал: «Убыточно низкие цены и дороговизна могут быть устранены лишь равной ценой, а равная цена может быть установлена лишь при полной свободе обращений и хранения (хлебных продуктов. — В. А.). ... Чем более обширное пространство охватывает торговля зерновыми, ... тем большими и более надёжными становятся выгоды этой торговли»¹⁵.

13 сентября 1774 г., через три недели после вступления реформатора в должность, был опубликован подготовленный им королевский указ, реализовавший эти положения. Он гласил: «Его Величество категорически запрещает кому-либо, в первую очередь полицейским судьям и всем должностным лицам, так же как и сеньорам, чинить какие-либо препятствия свободной циркуляции зерна и муки из провинции в провинцию; останавливать транспорт под любым предлогом; чинить помехи продав-

---

¹³ См. подробнее: *Люблинский В. С.* Новые данные о майских волнениях 1775 г. в Париже // *ВИ.* 1955. № 11. С. 114; *Рюде Д.* Народные низы в истории. 1730–1848. М., 1984. С. 46.

¹⁴ *Люблинский В. С.* Указ. соч. С. 117.

¹⁵ *Тюрго А. Р.* Торговля зерновыми. набросок письма генеральному контролёру Бертену о проекте эдикта // *Тюрго А. Р.* Избранные экономические произведения. М., 1961. С. 87.

цу, фермеру, земледельцу и другим доставлять зерно или муку на рынок, продавать повсюду, где они пожелают»¹⁶.

Эдикт 13 сентября полностью соответствовал принципам доктрины просвещённого абсолютизма. В нём в полной мере выразился «бескомпромиссный либерализм Тюрго»¹⁷. Эдикт порывал со старыми представлениями, требовавшими от короля гарантии продовольственной безопасности подданных, и открывал дорогу распространению рыночных капиталистических отношений в экономической сфере. Его восторженно встретили Вольтер и энциклопедисты¹⁸. Однако уже через несколько месяцев реализация эдикта привела к обвалному росту цен. Положение усугубилось неурожаем предшествующих двух лет, резким сокращением запасов зерна к весне 1775 г. Началась спекулятивная скупка хлебных продуктов торговцами, намеревавшимися впоследствии прибыльно их перепродать. Значительная часть социальных низов оказалась на грани голода.

Очередной «кризис старого порядка» разразился в условиях нараставшей общей социальной нестабильности, характерной для последних десятилетий французского абсолютизма. Главной целью бунтующих толп был не просто грабёж хлебных лавок, складов и барж с зерном. Как убедительно показал анализ протоколов следственных допросов, участники волнений добивались восстановления дореформенной патерналистской продовольственной политики «короля-хлебопёка», обязанного, согласно традиционным представлениям, обеспечить «справедливую» цену хлеба, доступную для бедноты.

Протестующие повсеместно проводили принудительную таксацию, заставляя владельцев зерна, муки и хлеба продавать их по привычным для них ценам.

---

¹⁶ *Turgot A. R. Arrest du conseil d'État du Roi du 13 septembre 1774 // Turgot A. R. Textes choisis. P., 1947. P. 362.*

¹⁷ *Фор Э. Указ. соч. С. 235.*

¹⁸ См.: *Люблинский В. С. Вольтер и «Мучная война» // Из истории общественных движений и международных отношений. Сборник статей в память академика Е. В. Тарле. М., 1957. С. 135–147.*

В ходе беспорядков реализовалась стихийная народная альтернатива замыслу просвещённого реформатора, осуществлялись принципы «моральной экономики бедных». Это понятие было введено в научный оборот в 1960-е гг. британским историком Э. П. Томпсоном в исследованиях, посвящённых английским продовольственным бунтам. Учёный подразумевал под «моральной экономикой» неписанные представления социальных низов о справедливых экономических отношениях между различными общественными слоями, их взаимных обязанностях, легитимности или нелегитимности принимаемых властями решений. Он определял «моральную экономику» как свод «моральных правил или естественных прав, среди которых важнейшим является право на существование»¹⁹. Поведение протестующих, согласно Томпсону, «было основано на традиционном понимании социальных норм, а так же на представлениях о хозяйственных функциях, долге и особых обязанностях некоторых членов общества»²⁰.

Беспорядки были подавлены с помощью войск. Но одновременно с репрессивными мерами королевская администрация была вынуждена фактически отказаться от проведения в жизнь эдикта 13 сентября. Юридически он был отменён вместе с остальными эдиктами, подготовленными реформатором, в июле 1776 г. сразу же после отставки Тюрго.

Во время «Мучной войны», так же как и в других случаях выступлений социальных низов против преобразований просвещённого абсолютизма, народное сопротивление сужало социальную базу реформ, объективно работало на контрреформаторов.

Противодействие преобразованиям просвещённого абсолютизма «снизу» не оставалось без последствий, вы-

---

¹⁹ Цит. по: *Чеканцева З. А.* О новом подходе к истории народных движений: Франция XVI–XVIII вв. // *ННИ.* 1993. № 4. С. 80.

²⁰ *Оболенская С. В.* Реферат по книге: Томпсон Э. П. Плебейская культура и моральная экономика. Статьи по английской социальной истории XVIII и XIX веков // *История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах.* М., 1996. С. 182.

нуждало реформаторов корректировать планы реорганизаций, замедлять их темп.

Источники

Turgot A. P. Торговля зерновыми. Набросок письма генеральному контролёру Бертену о проекте эдикта // *Turgot A. P.* Избранные экономические произведения. М., 1961. С. 81–90.

Turgot A. R. Arrest du conseil d'État du Roi du 13 septembre 1774 // *Turgot A. R.* Textes choisis. P., 1947. P. 355–364.

Литература

История Чехословакии. Т. 1. М., 1956.

Кареев Н. И. История Западной Европы в новое время (развитие культурных и социальных отношений). Т. 3. «Восемнадцатый век» и Французская революция. СПб., 1893.

Кареев Н. И. Типологические курсы по истории государственного быта. Западноевропейские абсолютистские монархии XVI, XVII и XVIII веков. СПб., 1908.

Каменский А. Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века, опыт целостного анализа. М., 2001.

Коган М. А. Просвещённый абсолютизм в Дании: реформы Струензе. Л., 1972.

Лучицкий И. В. Тюрго // Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 34. СПб., 1902. С. 334–339.

Люблинский В. С. Новые данные о майских волнениях 1775 г. в Париже // ВИ. 1955. № 11. С. 113–117.

Люблинский В. С. Вольтер и «Мучная война» // Из истории общественных движений и международных отношений. Сборник статей в память академика Е. В. Тарле. М., 1957. С. 135–147.

Митрофанов П. П. Политическая деятельность Иосифа II, её сторонники и её враги (1780–1790). СПб., 1907.

Оболенская С. В. Реферат по книге: Томпсон Э. П. Плебейская культура и моральная экономика. Статьи по английской социальной истории XVIII и XIX веков // История ментальностей, историческая антропо-

логия. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996. С. 180–198.

Пантин В. И. Волны и циклы социального развития: Цивилизационная динамика и процессы модернизации. М., 2004.

Помпилиу Т. Эпоха Просвещения в румынских землях // История Румынии. М., 2005. С. 365–416.

Рюде Д. Народные низы в истории. 1730–1848. М., 1984.

Сорель А. Европа и французская революция. Т. 1. СПб., 1892.

Суховерхов В. В. Преобразования просвещённого абсолютизма в Испании // ВИ. 2010. № 9. С. 35–51.

Фор Э. Опала Тюрго. 12 мая 1776 г. М., 1979.

Чеканцева З. А. О новом подходе к истории народных движений: Франция XVI–XVIII вв. // ННИ. 1993. № 4. С. 74–86.

Шлоссер Ф. Всемирная история. Т. 6. СПб., 1862.

Anderson M. S. L'Europe au XVIII siècle. P., 1968.

Bluche F. Le Despotisme éclairé. P., 1968.

Gerchoy L. L'Europe de princes éclairis. 1763–1789. P., 1966.

Meyer J. Le Despotisme éclairé. P., 1991.

Padover K. Joseph II l'empereur révolutionnaire. P., 1936.

Vaucher P. Le Despotisme éclairé. 1740–1789. P., 1954.

Vladimir S. Antipov

Counter Reforms' Social Base in Enlightened Absolutism Countries

The article considers the issues of formation and composition of the counter reforms' social base as a combination of social strata who advocated enlightened absolutism reforms termination and reviewing their results. It analyzes the causes and the forms of opposition by the aristocracy, the clergy, the nobility, the conservative parts of the bureaucracy, and various monopolists who lost their privileges. It examines the phenomenon of the lower classes estrangement from the reformers, and reviews mass protest movements' characteristics.

Key words: enlightened absolutism, enlightened despotism, counter reforms, social base, aristocracy, clergy, nobility, bureaucracy, lower classes.

Позняк О. С., Райкова В. А.

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ КОРОЛЕВСТВА ИСЛАНДИЯ НА СТРАНИЦАХ ИСЛАНДСКИХ ГАЗЕТ

Статья посвящена анализу материалов исландской прессы о провозглашении королевства Исландия в личной унии с Данией 1 декабря 1918 г. Подобная постановка проблемы позволяет оценить отношение исландского общества к изменению государственного статуса страны и выявить специфику национально-освободительного движения Исландии.

Ключевые слова: королевство Исландия, договор об унии, суверенитет, альтинг, стортинг, эпидемия испанки.

К началу XX в. Исландия являлась владением королевства Дания, но национально-освободительное движение страны желало большего. Основная дискуссия в это время велась вокруг договора об унии Дании и Исландии, по которому Исландия становилась бы отдельным суверенным государством, но в личной унии с Данией. В 1918 г. была создана парламентская комиссия для решения спорных вопросов по договору об унии. В конце июня в Исландию прибыли датские делегаты, а уже в сентябре обе стороны — датская и исландская — достигли согласия, выработав проект договора. По условиям договора Дания и Исландия являлись равноправными независимыми королевствами, находящимися в личной королевской унии; страны должны были вести общую внешнюю политику; Дания должна была охранять исландские территориальные воды, пока Исландия не пожелает взять это на себя; исландцы и датчане обладали правами взаимного гражданства; высшей судебной инстанцией оставался Верховный суд в Копенгагене до тех пор, пока в Исландии не

появится собственный¹. Договор заключался на 25 лет с правом продления, но к 1940 г. оба парламента — датский и исландский — имели право требовать пересмотра условий договора.

Для утверждения договора непременно должен был состояться референдум в Исландии, назначенный на 19 октября. На референдуме 12 411 человек (92,55 % от общего числа избирателей) проголосовали за договор об унии Исландии и Дании, 999 человек (7,45 %) проголосовали против договора, 30 бюллетеней были пустыми, 213 признаны недействительными². В ноябре 1918 г. датский парламент ратифицировал договор об унии, а 30 ноября он был подписан королём. Договор об унии вступил в силу 1 декабря 1918 г., и во всех городах Исландии состоялись праздничные мероприятия. Таким образом, после длительной борьбы за независимость в 1918 г. Исландия её получила, хоть и в качестве участника личной королевской унии с Данией.

Историография проблемы довольно скудная. Отечественная историческая наука вопрос о приобретении суверенитета Исландией в 1918 г. практически не затрагивает, в основном этим занимаются зарубежные историки. События 1918 г. ими рассматриваются в рамках борьбы Исландии за независимость, а также в работах, посвящённых истории исландского национализма. Интересным представляется труд Тоурстейна Йоунссона «История Прогрессистской партии»³, посвящённый истории создания партии и её деятельности в 1910-х гг. Это исследование помогает понять особенности прогрессистской прессы и причины положительного отношения прогрессистов к до-

---

¹ Хьяльмаррссон Й. П. История Исландии. М., 2003. С. 152.

² Ágúst Þór Árnason. Lýðveldi, stjórnarskrá og þjóðaratkvæði // Lögfræðingur. Akureyri, 2011. № 1. Bls. 16.

³ Jónsson P. M. Stofnsaga Framsóknarflokksins. Reykjavík, 1960.

говору об унии Исландии и Дании. В этом же ряду находится работа Гейра Хадльгримссона «Партия независимости, её история и политика»⁴, в которой представлена история Партии независимости и взгляды её политиков. Автор показывает, как изменилось отношение старой партии независимости к договору об унии от его неприятия до согласия с ним. Важным исследованием для понимания своеобразия исландской прессы является труд Гвидйоуна Фридрикссона «Последние новости! История СМИ Исландии от происхождения до сегодняшнего дня»⁵. Общеисторический контекст, на фоне которого происходило провозглашение королевства Исландия, хорошо представлен в переведённой на русский язык работе Йоуна Р. Хьяльмаррсона «История Исландии»⁶. Автор однозначно считает обретение суверенитета Исландии, пусть и в унии с Данией, важным шагом на пути к полной независимости страны. Для раскрытия темы важное значение имеет труд Магнуса Готтфедссона «Эпидемия испанки в Исландии 1918 г. Уроки медицины и истории»⁷, позволяющий понять непростые обстоятельства, в которых происходило обретение Исландией суверенитета. Однако в целом, следует признать крайне слабую освещённость процесса обретения Исландией независимости в исторической науке.

Целью данной статьи является анализ исландской периодической печати по вопросу о провозглашении королевства Исландия, что позволит оценить отношение исландского общества к изменению государственного стату-

---

⁴ Hallgrímsson G. Sjálfstæðisflokkurinn, saga hans og meginstefna // Kjösandinn, stjórn málin og valdið. Reykjavík, 1965.

⁵ Friðriksson G. Nýjustu fréttir! Saga fjölmiðlunar á Íslandi frá upphafi til vorra daga. Reykjavík, 2000.

⁶ Хьяльмаррсон Й. Р. История Исландии. М., 2003.

⁷ Gottfredsson M. Spænska veikin á Íslandi 1918. Lærdómur í læknisfræði og sögu // Læknablaðið. Reykjavík, 2008.

са страны. Для анализа были взяты 5 известных изданий того времени, из которых две газеты — «Morgunblaðið» и «Visir» — позиционировали себя как представители независимой прессы. Остальные три издания являлись политизированными — газеты «Tíminn» и «Dagur» принадлежали Прогрессивной партии⁸, «Íslendingur» выражала мнение сторонников национального движения Исландии.

1 декабря 1918 г. на первой полосе газеты «Morgunblaðið» вышла достаточно объёмная статья под названием «День»⁹. Автор статьи, имя которого неизвестно, упомянул о длительной борьбе Исландии за суверенитет, которая закончилась тем, что сегодня исландская нация сидит на скамье суверенных государств. Свобода торговли, самостоятельное решение финансовых и законодательных вопросов, самоуправление — вот путь, по которому Исландия двигалась к этой цели, во многом благодаря тем людям, которые всегда верили в достижение независимости. Автор призывал вспомнить всех тех, кто приближал Исландию к независимости, прежде всего, Йоуна Сигурдссона¹⁰. В статье подчеркивалось, что 1 декабря начался новый этап в жизни страны, и исландский народ достиг признания и уважения. Автор также напоминал о необходимости с достоинством исполнять обязательства перед Данией, которые прописаны в договоре об унии 1918 г., выражал надежду на понимание исландцами той большой ответственности, которая на них лежит. Многие страны пожертвовали жизнями своих граждан ради свободы, и хотя независимость Исландии не была куплена кровью, но от этого она не стала менее дорогой. Также автор полагал, что теперь Исландия

---

⁸ Прогрессивная партия Исландии — либеральная центристская партия, основанная в 1916 г. и первоначально выражавшая интересы фермерства.

⁹ Dagurinn // Morgunblaðið. 1918. № 21. Bls. 1.

¹⁰ Йоун Сигурдссон — государственный деятель Исландии, возглавлял национальное движение в 40–70-х гг. XIX в., многие годы был председателем Альтинга. Исландцы называют его «отцом нации».

сможет и должна проявить себя и во внешней политике, внося свой вклад в укрепление мира на Земле. В статье выражалась надежда на мирное и конструктивное сотрудничество Исландии и Дании в рамках общей внешней политики. Заканчивалась же статья словами о будущем всестороннем прогрессе Исландии после обретения независимости. Статья хорошо показывает, что 1 декабря 1918 г. — очень важный день в жизни Исландии; её торжественный и пафосный стиль должен был донести до читателей всю важность происходящего события.

В этом же номере вышла статья-анонс о праздновании провозглашения независимого Исландского королевства. Она называлась «Торжества» и располагалась сразу же после статьи «День» на первой полосе¹¹. В статье сообщалось, что никаких особых пышных торжеств не будет. Церемония поднятия флага и провозглашения суверенитета начнётся в Рейкьявике в 11:45 у здания правительства. В 12:00 должен быть торжественно поднят флаг, прогреметь салют из 21 пушечного залпа; пройдёт небольшой парад датских солдат, затем премьер-министр Исландии произнесёт речь. Вся церемония обещала быть короткой. По мнению автора, зрителям желательно одеть парадную, но при этом скромную одежду. Прийти на празднование могут все желающие, так как никому, кроме представителей иностранных государств, специальные приглашения не отправлялись. Подобная скромность церемонии была связана с продолжающейся эпидемией испанки (испанского гриппа), являвшейся массовой пандемией гриппа в 1918–1919 гг. в мире. Осенью 1918 г. в Исландии ею переболело примерно 2/3 населения, умерло 484 человека¹².

---

¹¹ Hátíðahöld // Morgunblaðið. 1918. № 21. Bls. 1.

¹² Gottfredsson M. Spænska veikin á Íslandi 1918. Lærdómur í læknisfræði og sögu // Læknaþláðið. Reykjavík: Læknafélag Íslands, 2008. Bls. 743.

На следующий день, 2 декабря, на страницах «Morgunblaðið» вышла статья «Суверенитет приветствуется», описывающая прошедший праздник¹³. Уже в 11:30 множество людей пришли на площадь Лэкиарторг, рядом со зданием правительства собрались специально приглашённые гости и члены правительства и парламента. В 11:45 заиграл оркестр, затем Сигурд Эггерз, известный государственный деятель Исландии, бывший на тот момент министром финансов Исландии, произнёс речь. В своём выступлении он подчеркнул важность и значимость 1 декабря в истории Исландии как начала нового этапа развития страны. Сигурд Эггерз отметил, что 30 ноября король Кристиан X подписал указ о флаге Исландии, а ведь именно флаг является воплощением исландского народа, настоящим символом независимости. После выступления Сигурда Эггерза флаг был торжественно поднят, и прогремел обещанный салют, прошёл небольшой парад датских солдат, выступил оркестр. По мнению автора статьи, всё это свидетельствовало о добром отношении исландцев и датчан к унии. В 14:00 в кафедральном соборе Рейкьявика началось торжественное богослужение.

В этом же номере газеты «Morgunblaðið» на второй полосе была напечатана небольшая заметка под названием «Праздник в Иса-фьорде»¹⁴. Неизвестный автор статьи пишет, что по причине эпидемии испанки праздника фактически не было, он был перенесён на 1 января, для чего уже был избран комитет по подготовке праздничных мероприятий. Тем не менее, в 12 часов был поднят исландский флаг и произнесены речи по этому случаю. Можно предположить, что и в других городах празднования были более чем скромными.

---

¹³ Fullveldinu fagnað // Morgunblaðið. 1918. №22. Bls. 1.

¹⁴ Ibid.

3 декабря на первой полосе вышла небольшая статья под названием «Суверенитет», в которой автор критиковал церемонию за то, что она была не слишком торжественной и плохо подготовленной¹⁵. 4 декабря на первой полосе была опубликована небольшая заметка «Зарубежные телеграфные известия»¹⁶. Статья сообщала о праздновании провозглашения королевства Исландия тремястами исландцами, проживающими в Копенгагене. Празднование состоялось 2 декабря и прошло очень хорошо. Исполнялись народные песни, были танцы, профессора университета в Копенгагене произнесли речи о значимости независимости Исландии, в парламент Исландии были направлены поздравительные телеграммы. Кроме того, был создан фонд для помощи больным испанкой в Исландии, для которого в тот же день было собрано около 3000 крон.

В дальнейшем заметки и статьи, связанные с провозглашением королевства Исландия, стали выходить только с 13 декабря. В этот день на первой полосе «Morgunblaðið» была напечатана небольшая заметка «Суверенитет Исландии»¹⁷. Неизвестный автор сообщал, что альтинг получил поздравительную телеграмму от стортинга, в которой норвежская нация поздравляла исландцев с достижением суверенитета. В свою очередь, парламент Исландии направил благодарственную телеграмму парламенту Норвегии.

15 декабря вышла небольшая статья, которая несколько выделяется на фоне торжественных и радостных материалов о достижении суверенитета. Заметка располагалась на первой полосе и называлась «Суверенитет»¹⁸. В ней автор выражал обеспокоенность за будущее страны,

---

¹⁵ Fullveldisdagurinn // Morgunblaðið. 1918. № 23. Bls. 1.

¹⁶ Erl simfregnir // Morgunblaðið. 1918. № 24. Bls. 1.

¹⁷ Fullveldi Isiaisds // Morgunblaðið. 1918. № 33. Bls. 1.

¹⁸ Erikur. Fullveldi // Morgunblaðið. 1918. № 35. Bls. 1.

полагая, что финансовое положение Исландии достаточно неустойчивое, и оно ещё более ухудшится в связи с суверенитетом. Исландии придётся увеличить свои расходы в связи с новым статусом, поэтому необходимо позаботиться об увеличении доходов в бюджет. На наш взгляд, статья показывает, что были определённые сомнения в возможности Исландии выполнять свои обязательства по Договору об унии.

Следующая статья по вопросу о суверенитете вышла на страницах «Morgunblaðið» только 27 декабря. Она была расположена на первой полосе и называлась «Суверенитет Исландии. Выступление председателя норвежского Стортинга»¹⁹. В этой небольшой заметке речь шла о том, что 9 декабря на заседании Стортинга председатель произнес речь о необходимости тесного и всестороннего сотрудничества всех скандинавских наций, включая исландцев.

На следующий день была опубликована статья «Федерация»²⁰. Неизвестный автор отмечал, что позиции Исландии пока не слишком прочны — ещё не все государства признали её суверенитет, рабочий порядок сотрудничества Дании и Исландии ещё до конца не определён, специальный посланник от Дании не назначен, продолжается обсуждение вопросов о новом законодательстве Исландии. Статья была призвана показать, что быстрых перемен в политической жизни Исландии, особенно в области внешней политики, в ближайшее время не произойдет. Обретение подлинной независимости — это сложный и длительный процесс.

В этом же номере на первой полосе была опубликована статья «Исландцы в Норвегии празднуют независи-

---

¹⁹ Fullveldi Islands. Ræða forseta norska Stórpingsins // Morgunblaðið. 1918. № 45. Bls. 1.

²⁰ Sambandsrikin // Morgunblaðið. 1918. № 46. Bls. 1.

мость»²¹. Речь в ней шла о праздновании двадцатью норвежцами независимости Исландии 1 декабря, которые устроили импровизированный фестиваль. На празднике были произнесены речи в честь суверенитета Исландии, звучали исландские песни. Все были празднично одеты, здание, в котором состоялось празднование, было украшено исландскими флагами. Праздник стал хорошим поводом для сбора пожертвований в помощь больным испанкой. Например, торговец Адольф Вендель вручил 1000 крон в учрежденный фонд для помощи бедным и больным.

В целом, редакция газеты «Morgunblaðið» уделяла большое внимание ситуации вокруг провозглашения независимости страны, внимательно отслеживая отношение к этому важному событию не только внутри Исландии, но и за её пределами.

На страницах другой влиятельной исландской газеты — «Visir», первые сообщения, связанные с вступлением в силу договора об унии Исландии и Дании, также появились уже 1 декабря. На первой полосе газеты была напечатана короткая заметка под названием «Телеграмма от корреспондента Visir»²². В ней сообщалось о том, что договор об унии Исландии и Дании был окончательно подтвержден 30 ноября, король подписал его в 10:40, и тогда же Исландия получила свой фланг. В заметке подчёркивалось, что вступление в силу договора об унии подводит определённую черту под борьбой исландцев за независимость.

В этом же номере на первой и второй полосах была напечатана большая статья «Суверенитет»²³. В статье речь шла о том, с какими сложностями предстоит столкнуться исландцам ради сохранения суверенитета. Лидеры государства должны избираться из числа самых достойных

---

²¹ Islendingar í Noregi fagna sjálfstæðinu // Morgunblaðið. 1918. № 46. Bls. 1.

²² Simskeyti frá fréttaritari Vísir // Visir. 1918. № 317. Bls. 1.

²³ Fullveldið // Visir. 1918. № 317. Bls. 1-2.

граждан страны, должны быть злейшими врагами внутренних беспорядков и бесхозяйственности в стране, сурово наказываться за совершенные преступления. Исландская нация должна верить в себя и свои силы, активно заявлять о себя среди других государств и максимально пользоваться теми правами, которые гарантированы ей по Договору об унии.

На следующий день тема провозглашения Исландского королевства в газете «*Visir*» была продолжена. На второй полосе была напечатана статья «Праздник суверенитета»²⁴. В целом, описание торжественных мероприятий мало чем отличалось от аналогичной статьи в «*Morgunblaðið*». На праздничной церемонии собралось достаточно много людей, присутствовали представители иностранных государств, должностные лица Исландии, офицеры береговой охраны. Духовой оркестр сыграл «Старинную симфонию», после чего министр финансов Сигурд Эггерз произнёс речь, и был торжественно поднят флаг Исландии. Из пушки был дан 21 залп и прозвучала поэма Эйнара Бенедиктссона. Речи произносили и другие политики, желавшие Исландии процветания и успешного сотрудничества с Данией. Повсюду раздавались крики «Да здравствует король!». Прозвучало «Боже, храни нашу страну», и под крики «Ура!» Сигурдур Йоунссон, министр по вопросам труда и производства, попросил благословения для Исландии. На этом праздничная церемония завершилась. В заключении автор сообщает, что в этот день празднества проходили во многих городах Исландии, везде были развешены флаги и открыты многие бары.

В этом же номере вышла короткая заметка «Торжественное прощание»²⁵. Неизвестный автор писал о том, что исландские должностные лица отпраздновали провозгла-

---

²⁴ Fullveldíshátíðin // *Visir*. 1918. № 318. Bls. 2.

²⁵ Fagnadarkvedjur // *Visir*. 1918. № 318. Bls. 2.

шение Исландского королевства вместе со своими коллегами из Дании, прибывшими на церемонию поднятия флага. Публикация этой заметки ещё раз подчёркивала всю торжественность события для исландцев и дружественное сотрудничество датских и исландских коллег.

3 декабря на третьей полосе газеты «*Visir*» вышла заметка под названием «Суверенитет празднуется исландцами в Копенгагене»²⁶. По сути, это была публикация новостей из телеграммы от 2 декабря 1918 г., присланная, скорее всего, корреспондентом газеты. В статье сообщалось, что 2 декабря состоялось празднование суверенитета тремястами исландцами в Копенгагене. На праздновании были спеты народные песни Исландии, в том числе и «Боже, храни нашу страну», университетские профессора произнесли торжественные речи, которые были посвящены королю и независимости Исландии. Поздравительные телеграммы были направлены королю и альтингу. Состоялся торжественный обед в честь провозглашения независимости, на котором звучали многочисленные тосты, а завершилось всё танцами. В завершении статьи автор сообщал, что для больных и нуждающихся в Исландии на этом обеде было собрано 300 крон. Как мы видим, информация о праздновании независимости в Копенгагене практически идентична той, что была размещена на страницах «*Morgunblaðið*».

К теме празднования независимости редакция «*Visir*» вернулась 13 декабря. На второй полосе газеты была опубликована заметка «Сообщение о приветствии»²⁷. Неизвестный автор сообщал, что 12 декабря состоялось заседание норвежского стортинга, на котором были произнесены речи в честь обретения Исландией суверенитета. Норвежцы направили телеграмму исландскому аль-

---

²⁶ Fullveldishátið Íslendinga í Kaupmannahöfn // *Visir*. 1918. № 318. Bls. 3.

²⁷ Samfagnaðarkveðja // *Visir*. 1918. № 328. Bls. 2.

тингу, в которой поздравили своих братьев-исландцев с новым статусом независимого государства.

Последняя статья в «*Visir*», касающаяся темы обретения Исландией суверенитета в рамках унии с Данией, появилась 28 декабря на третьей полосе газеты и называлась «Датчане и Союз Исландии и Дании»²⁸. Автор заметки пытался осмыслить отношения Дании и Исландии и их дальнейшие перспективы. Датчане наконец-то позволили Исландии обрести независимость, пусть и в рамках унии с ними, но они никогда не понимали требований исландцев о полной независимости. Тем не менее, в датских газетах отмечалась и положительная сторона подписания договора об унии Исландии и Дании, присутствовали поздравления в адрес исландцев в связи с обретением независимости.

Провозглашение Исландского королевства 1 декабря 1918 г. нашло отражение и на страницах газеты «*Timinn*». В номере, вышедшем 7 декабря, на четвёртой полосе была опубликована статья «К результатам борьбы»²⁹. Неизвестный автор отмечал, что король подписал договор об унии Исландии и Дании, а датский флаг сменился на исландский. Деятельность всех сторонников независимости страны привела к полной победе для Исландии, по этому случаю правительство устроило торжество в Рейкьявике. В полдень был торжественно поднят флаг Исландии и устроен салют из 21 пушечного выстрела. Однако, это лишь внешняя сторона события, демонстрирующая важность обретения суверенитета для исландской нации.

Следующая статья, посвящённая провозглашению королевства Исландия, появилась лишь 28 декабря. Её название можно перевести как «Голоса общественного мнения»³⁰. Автор её не был указан, однако в самой статье со-

---

²⁸ Danir og sambandsmálið // *Visir*. 1918. № 342. Bls. 3.

²⁹ Að leikslokum // *Timinn*. 1918. №50. Bls. 244.

³⁰ Raðdir almenniugs // *Timinn*. 1918. № 52. Bls. 254.

общалось, что она является отрывком из выступления неизвестного священника. В статье речь идёт о том, что в Исландии на данный момент множество проблем, одна из них — эпидемия испанки и отсутствие медицинской помощи многим заболевшим. Политики должны многое сделать для счастья всего исландского народа, нужно поскорее решать внутренние проблемы, исландская нация должна проснуться и взбодриться.

На приобретение Исландией нового статуса редакция «Dagur» отозвалась в двух декабрьских номерах. 3 декабря на первой полосе газеты была опубликована небольшая статья под названием «Исландия — суверенное государство»³¹. Неизвестный автор сообщил, что в воскресенье, 1 декабря, датско-исландский договор об унии вступил в силу, и таким образом, Исландия стала суверенным государством. Разумеется, по этому случаю в Акюрейри³² был поднят флаг Исландии.

В следующем номере провозглашение независимого королевства Исландия явилось одной из тем, которые были затронуты в статье под названием «Тишина»³³. Статья начиналась с констатации того факта, что в настоящее время в Исландии стоит тишина, правительство молчит. Автор замечает, что множество людей надеялись на перемены к лучшему после подписания договора об унии. Исландия стала суверенным государством, были слышны даже выстрелы из пушки, но только в Рейкьявике, во всём остальном стояла и стоит тишина. Автор задаётся вопросом — чем же вызвана эта тишина? В Исландии достаточно проблем: сокращение поголовья скота, последствия извержения вулкана Катла, эпидемия испанки, сложная международная ситуация в мире. Исландцы живут со стра-

---

³¹ Island fullvalda ríki // Dagur. 1918. № 22. Bls 89.

³² Акюрейри — один из крупнейших городов Исландии, так называемая «северная столица» страны.

³³ Kyrd // Dagur. 1918. № 23. Bls. 93–94.

хом и надеждой: сможет ли маленькая страна справиться со всеми проблемами? Нация должна встряхнуться в скором времени, Исландии нужно время, чтобы решить все проблемы.

Из статьи видно, что у жителей Исландии были большие ожидания относительно скорейшего решения всех проблем, связанных с обретением страной нового статуса, но изменение статуса само по себе не может решить в короткие сроки все проблемы.

Еженедельная газета «*Islendingur*», выходящая в Акюрейри, также отреагировала на провозглашение королевства Исландия 1 декабря 1918 г. В номере, вышедшем 6 декабря, на первой полосе редакцией была помещена статья под названием «1 декабря 1918»³⁴. Свою статью автор начал строками из неизвестного стихотворения исландского поэта Паудля Йонссона Аурдала, в которых была выражена мысль о том, что надежда придаст силы, и лучшие времена обязательно настанут. По мнению автора, 1 декабря произошло самое важное событие в политической жизни Исландии, хотя о его праздновании можно сказать немного. Утром 1 декабря в Акюрейри по всему городу были развешены исландские флаги, в церквях по поводу провозглашения королевства Исландии были прочитаны проповеди, а городской судья произнёс торжественную речь, поздравив всех жителей города. В следующем номере, вышедшем 13 декабря, в рубрике «Внутренние новости» упоминалось о телеграмме норвежского стортинга в адрес исландского альтинга с поздравлениями в честь обретения независимости³⁵.

Таким образом, все крупнейшие газеты страны в той или иной степени отреагировали на провозглашение королевства Исландия 1 декабря 1918 г. Репортажи о праздновании суверенитета присутствовали в каждой из газет, хотя наибольший интерес к этому проявили представите-

---

³⁴ 1 desember 1918 // *Islendingur*. 1918. № 49. Bls. 191.

³⁵ *Innlendar frjettir* // *Islendingur*. 1918. № 50. Bls. 196.

ли независимой прессы. В статьях «Morgunblaðið» и «Visir» празднование суверенитета отражено как достаточно масштабное событие. В меньшей степени празднование суверенитета волновало представителей политизированной прессы, их больше заботили будущие изменения во внутривнутриполитической жизни страны и решение насущных проблем, связанных с эпидемией испанки и последствиями извержения вулкана Катла. Все газеты отмечали торжественный характер празднования суверенитета и скромность празднеств из-за эпидемии испанки.

Во всех газетах обретение Исландией нового статуса показано как важное и позитивное событие для дальнейшего развития страны, лишь в «Morgunblaðið» присутствовала некоторая критика, связанная с опасениями относительно возможностей страны выполнять условия договора об унии. В целом, газеты с явным одобрением и радостью встретили новость о провозглашении Исландии независимым государством, пусть и в личной унии с Данией.

Источники

- 1 desember 1918 // *Islendingur*. 1918. № 49. Bls. 191.
Að leikslokum // *Timinn*. 1918. № 50. Bls. 244.
Dagurinn // *Morgunblaðið*. 1918. № 21. Bls. 1.
Danir og sambandsmálið // *Visir*. 1918. № 342. Bls. 3.
Erikur. Fullveldi // *Morgunblaðið*. 1918. № 35. Bls. 1.
Erl simfregnir // *Morgunblaðið*. 1918. № 24. Bls. 1.
Fagnaðarkvedjur // *Visir*. 1918. № 318. Bls. 2.
Fullveldishátíð Islendinga i Kaupmannahöfn // *Visir*. 1918. № 318. Bls. 3.
Fullveldishátíðin // *Visir*. 1918. № 318. Bls. 2.
Fullveldið // *Visir*. 1918. № 317. Bls. 1–2.
Fullveldi Islands. Ræða forseta norska Stórþingsins // *Morgunblaðið*. 1918. № 45. Bls. 1.
Fullveldi Isiaids // *Morgunblaðið*. 1918. № 33. Bls. 1.
Fullveldisdagurinn // *Morgunblaðið*. 1918. № 23. Bls. 1.
Fullveldinu fagnað // *Morgunblaðið*. 1918. № 22. Bls. 1.

- Hátíðahöld // Morgunblaðið. 1918. № 21. Bls. 1.
Innlendar frjettir // Islendingur. 1918. № 50. Bls. 196.
Island fullvalda ríki // Dagur. 1918. № 22. Bls. 89.
Islendingar i Noregi fagna sjálfstæðinu // Morgunblaðið.
1918. № 46. Bls. 1.
Kyrð // Dagur. 1918. № 23. Bls. 93-94.
Raððir almenniugs // Timinn. 1918. № 52. Bls. 254.
Sambandsríkin // Morgunblaðið. 1918. № 46. Bls. 1.
Samfagnaðarkveðja // Visir. 1918. № 328. Bls. 2.
Simskeyti frá fréttaritari Vísis // Visir. 1918. № 317. Bls. 1.

Литература

- Хьяльмаррссон Й. Р. История Исландии. М., 2003.
Árnason Á. Þ. Lýðveldi, stjórnarskrá og þjóðaratkvæði //
Lögfræðingur. Akureyri: Þemis, félag laganema við
Háskólann á Akureyri. 2011. № 1. Bls. 8-26.
Hallgrímsson G. Sjálfstæðisflokkurinn, saga hans og
meginstefna // Kjósandinn, stjórn málin og valdið.
Reykjavík: Felagsmalastofnunin, 1965. Bls. 295-322.
Friðriksson G. Nýjustu fréttir! Saga fjölmiðlunar á Íslandi frá
upphafi til vorra daga. Reykjavík, 2000.
Gottfredsson M. Spænska veikin á Íslandi 1918. Lærdómur í
læknisfræði og sögu. // Læknablaðið. Reykjavík, 2008.
Bls. 737-745.
Jónsson Þ. M. Stofnsaga Framsóknarflokksins. Reykjavík, 1960.

Olga S. Poznyak, Vera A. Raikova
**Establishment of the Kingdom of Iceland
in the Icelandic Press**

In this article the authors analyze the Icelandic newspapers about the Establishment of the Kingdom of Iceland in a personal union with Denmark, 1 December 1918. This formulation of the problem allows us to estimate the attitude of the Icelandic society to the change of national status of Iceland and understand the specificity of Icelandic national liberation movement.

Key words: the Kingdom of Iceland, the Act of Union, Sovereignty, Althing, Storting, Influenza Pandemic.

Коханова Е. А.

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ СОВЕТСКОЙ УКРАИНЫ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА (20-е гг. XX в.)

В статье прослеживается процесс изменения женского правового и социального статуса в период царской России и советского режима в условиях трансформации общества и перехода к новому государственному строю. Исследуются изменения в правовом, социальном и семейном положении женщины в Советской Украине в 20-е гг. XX в., анализируется привлечение женщин к политической жизни государства.

Ключевые слова: женщины, Февральская революция, правовой статус, общественно-политическая жизнь, Советская Украина, новый государственный строй.

Большинство советских и постсоветских историографических источников констатируют огромные достижения советской власти в решении «женского вопроса», однако при этом обходится стороной вопрос об источниках женской борьбы за улучшение своей жизни. В России женское движение берёт начало в 60-е гг. XIX в. — в эпоху реформ, когда многие девушки из разорившихся дворянских семей пытаются найти работу. Первыми лозунгами российских женщин было требование права на образование и получение работы. Долгие годы (и с переменным успехом) — от разрешения посещать отдельные лекции до самого запрета принимать студенток в университеты и создания Высших женских курсов — женское население отстаивало право на образование. Специфика российского и украинского феминизма состоит в том, что в отличие от большинства западных стран, где женщины явно противопоставляли себя «сильному полу», в России и на Украине женщины и мужчины совместно стремились решить проблемы не столько политического, сколько практиче-

ского значения. За право женщин на образование выступала демократическая интеллигенция, феминистами считали себя учёные Пирогов и Сеченов, критик Михайлов и публицист Чернышевский¹. Восторг современников вызывали сёстры милосердия, первые женщины-врачи и учителя, неутомимые благодетельницы, которые создавали родильные дома и приюты. В конце XIX — начале XX вв. только образованные, знатные или богатые женщины могли заниматься благотворительной или культурной работой. Основная масса женщин, особенно сельских, так и оставалась занята домашним хозяйством. Крайним проявлением «равноправия» оставалась чёрная работа в кочегарках, на фабриках, где заработная плата была ниже возможного прожиточного уровня.

Положительным следствием реализации социалистической идеи после октябрьских событий 1917 г. стал подъём на политический, государственный и конституционный уровень проблемы равенства полов, отмена законов, ограничивавших правовой статус женщины, законодательное закрепление равных прав и обязанностей женщин и мужчин, придание этой проблеме международного политического звучания. В царской России женщины смогли добиться некоторых успехов в борьбе за своё равноправие, так что революции осталось законодательно эти достижения закрепить и тем самым формально стереть все различия между полами, но фактически это поставило женщину перед необходимостью нести двойную нагрузку: на работе и дома².

---

¹ *Омельчук М.* Жінки в Радянській Україні // Жіночий рух в Україні: історія і сучасність: Міжнар. наук.-метод. конф. Одеса, жовт. 1994 р.: тез. доп. Київ, 1994. С. 153.

² *Богачевська-Хомяк М.* Білим по білому: жінки в громадському житті України, 1884–1939. Київ, 1995. С. 223.

Руководствуясь учением марксизма-ленинизма о том, что социальное освобождение женщин является частью вопроса о социальном освобождении вообще, и учитывая специфику женского вопроса, коммунистическая партия стремилась повысить политическое сознание женщин, вовлечь их в революционное движение пролетариата, сделать борцами за своё освобождение. Вместе с тем партия учитывала, что без массового участия женщин в революционной борьбе рабочий класс не сможет выполнить свою историческую миссию — завоевать государственную власть и превратить капиталистическое общество в социалистическое. Итак, женщина выступала как один из инструментов революционного движения на территории бывшей Российской империи в целом и Украины — в частности. Повлиять на женскую часть населения было гораздо легче, чем на мужскую, потому что мужчины, в отличие от женщин, были в большей степени удовлетворены своим положением в обществе. Пообещав женщинам равные права и возможности по отношению к мужчинам, большевики сразу получили миллионы сторонников своей идеи всемирной революции.

Результаты работы большевистской партии среди женщин ярко проявились уже в 1917 г. Известно, что Февральская революция началась массовым выступлением петроградских женщин 23 февраля 1917 г. под лозунгом «Хлеба и мира!». Свержение царского самодержавия позволило русским революционеркам вернуться из ссылки и эмиграции и окунуться в революционное движение. На территории Украины ситуация была похожей, и украинские женщины пополнили большевистские ряды. Собрания и митинги женщин на предприятиях, забастовки работниц, женские городские конференции, массовые женские демонстрации с требованием возвращения мужей и сыновей с фронта, хлеба для своих голодных детей — та-

кими были формы массовых выступлений работниц после февральских событий. Под руководством партии большевиков в Харькове, Киеве и других городах создаются Союзы солдаток, которые выдвигали экономические и политические требования³. Накануне Октябрьской революции женщины на своем собрании потребовали, чтобы советы рабочих и солдатских и депутатов взяли власть в свои руки.

Женщины России приняли активное участие в Великой Октябрьской социалистической революции, в борьбе за установление и укрепление Советской власти. Они действовали как организаторы, бойцы, агитаторы, разведчики, связисты, медсёстры. Санитарные отряды в городах состояли из женщин⁴.

Большевики, на словах предоставив женщине полное равноправие и неограниченные свободы, на самом деле строго ограничили сферу её деятельности. Освободив женщину от опеки мужа и отца, отправили под жёсткий контроль государства и общества. Наименее оплачиваемые и в результате непрестижные профессии оказались почти полностью «женскими». Здравоохранение, образование, культура — всё это стало «бабьим царством». Кроме, разумеется, руководящих постов, куда женщин допускали с большой неохотой и в порядке исключения.

«Равноправным» женщинам необходимо было вовлечение в активную экономическую деятельность наравне с мужчинами. Постоянное внушение идеи о том, что женщина, занятая только домом и хозяйством, — это «содержанка и тунеядка», привело к тому, что неработающая женщина в советском обществе стала таким же раритетом, как и та, что работает — в дореволюционной России.

---

³ Коммунистическая Партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1925). М., 1953. С. 655.

⁴ Сборник документов и постановлений РСФСР. М., 1921. С. 22.

Н. К. Крупская писала: «Раскрепощённая и свободная от старых пут, шагает по утрам равноправно с мужчинами в цехе, лаборатории, на стройки и в учреждения, соперничает с ними умом и даже мышцами, целеустремлённая, активная, передовая, она, следовательно, должна быть и счастливой: ведь нет ни одного занятия, ни мужского подвига, которые остались для неё недостижимыми»⁵. Именно так идеологизирует большевистская пропаганда, именно такой должна быть каждая советская женщина без исключения. Навязывание нового образа жизни стало обычной повседневной политикой правящей партии⁶.

Во властных структурах женщина крайне редко занимала те посты, где, собственно, и принимались основные решения. Для того, чтобы попасть, а тем более удержаться на вершине политического Олимпа и вообще сделать карьеру, женщина должна была, прежде всего, забыть о том, что она женщина. Малейшее проявление женской «слабости» мгновенно фиксировалось и почти никогда не прощалось.

Революция 1917 г. в России ознаменовала коренные изменения во всех областях общественной жизни, в том числе в семейно-брачных отношениях. Женщины были освобождены от социальной, экономической и духовной зависимости, уравниены с мужчинами в политических и общественных правах. Большевики, придя к власти, сразу же приступили к революционным изменениям брачно-семейного законодательства. Для женщин эти изменения были настолько кардинальными, что полностью перевернули традиционное мировоззрение. Уже с первых дней существования Советского государства наряду с историческими декретами, которые закрепляли новые обществен-

---

⁵ *Крупська Н. К. Жінка – рівноправний громадянин СРСР // Збірка статей і промов. Київ, 1938. С. 35.*

⁶ *Козуля О. Жінки в історії України. Київ, 1993. С. 115.*

ные отношения, появилось и новое брачно-семейное законодательство РСФСР и УССР⁷.

Законы царской России закрепляли бесправное положение женщины не только в личных, но и в имущественных отношениях. На Украине в соответствии с существующими законами жена находилась в полной зависимости от мужа как главы семьи, а потому он являлся фактическим хозяином имущества жены. Кроме того, средства к существованию добывал, как правило, муж, жена же вела хозяйство и присматривала за детьми. Всё это приводило к имущественному неравенству. Согласно законодательству, для замужних женщин выхода из такого положения вообще не было. Если и существовали формальные основания для развода, то практически его осуществить было почти невозможно вследствие материальной зависимости от мужа и сложности бракоразводного процесса.

Дореволюционные юристы писали, что российский закон допускал развод женщины из таких абсолютных оснований, как: супружеская измена, неспособность к супружеской жизни, безвестное отсутствие и постриг бездетных супругов в монашество. При этом развод даже из таких специфических оснований разрешался в конечной инстанции не светским, а духовным судом.

Как мы видим, дореволюционное семейно-брачное законодательство было отсталым и реакционным. Прогрессивная общественность всегда вела борьбу за освобождение женщины. С первых дней существования молодая Российская Республика, а впоследствии и Украинская приступили к реализации одной из своих исторических задач – перестройке на принципиально новых основах семейно-брачных отношений. Появление таких законов, как Декрет «О гражданском браке, детях и о введении

---

⁷ *Онщенко О. В.* Жінки в суспільно-політичному житті України. 1917 рік. Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2008. С. 11.

книг актов гражданского состояния» и Декрет «О разводе», ознаменовало появление законодательства нового типа. Прежде всего, декреты отменили действие старого семейного законодательства и провозгласили действие новых принципов в семейно-брачных отношениях, лишив влияния на них религии и церкви.

Декрет «О гражданском браке, детях и о введении книг актов гражданского состояния» провозгласил брак свободным союзом двух равноправных граждан, связал возникновение взаимных прав и обязанностей супругов только с гражданским браком, т. е. браком, зарегистрированным в органах ЗАГС. Так называемые церковные браки лишались любого юридического значения. Это положение, конечно, не касалось тех браков, которые были заключены до издания указанного декрета согласно действующему ранее законодательству. Декретом был установлен и брачный возраст: 18 лет для мужчин и 16 — для женщин.

Декрет уравнил женщину с мужчиной как в личных неимущественных, так и имущественных отношениях, освободив её от гнетущей власти мужа, а родительскую власть над детьми заменил обязанностью воспитания детей с учетом интересов как самих детей, так и общества в целом. Декрет уравнил внебрачных детей с брачными не только в имущественных, но и личных правах, допуская возможность судебного установления отцовства и взыскании с лица, признанного отцом, алиментов, закрепил принцип моногамии как один из основных принципов семейного права.

Второй акт — Декрет «О разводе» — провозгласил свободу разводов, раскрепостив в этом отношении, прежде всего, женщину. Декрет ликвидировал дореволюционный бракоразводный процесс и установил свободу разводов по просьбе об этом обоих из супругов или хотя бы одного из них. Дела о разводе рассматривались судом. Суд

вызывал обоих супругов или их поверенных. Убедившись в том, что просьба о разводе действительно поступает от обоих супругов или от одного из них, судья принимал решение о расторжении брака и выдавал свидетельство о разводе. Особенно подробно Декрет регламентировал вопрос о судьбе детей при разводе.

Одновременно с постановлением о расторжении брака суд должен был определить, у кого из родителей остаются несовершеннолетние дети, в какой степени супруги должны нести расходы по содержанию и воспитанию детей, а так же то, обязан ли бывший супруг и в каком размере нести расходы на содержание бывшей жены.

Положения этих декретов заложили фундамент семейного права, которое далее развивалось с развитием государства. 22 октября 1918 г. был издан первый семейный кодекс — «Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве РСФСР». Этот Кодекс представлял собой первую кодификацию семейного законодательства. Он был вообще первым Кодексом законов, который содержал специальный раздел о недействительности брака и порядке признания брака недействительным. Им предусматривалась раздельность имущества супругов: имущество, которое было приобретено во время брака, было собственностью того из супругов, кто его приобрёл на собственные средства. В этом Кодексе впервые было сформулировано положение о том, что родительские права могли быть осуществлены только в интересах детей. При неправомерном осуществлении этих прав родители могли лишаться родительских прав. Кодекс 1918 г. впервые урегулировал вопросы опеки. Что же касается усыновления, то в Кодексе прямо указывалось, что оно не порождает никаких обязанностей и прав ни для усыновителя, ни для усыновлённого.

Началом активизации женщин в политической жизни стало то, что советская власть сразу после своего установления предоставила женщинам такие же политические права и возможности по отношению к мужчинам. В первые годы нахождения у власти большевики сделали всё для освобождения женщины, для равенства с «сильным полом». Советская власть совершила радикальный переворот в законодательстве, не оставив ничего от предыдущих законов и учреждений, ставивших женщину в зависимость от мужчины. Первые декреты установили равенство политических и гражданских прав, что и расширило возможности женщин в этих сферах⁸. Но не стоит забывать, что такое уравнивание было больше юридическим, нежели фактическим.

Предоставление равных прав женщинам по отношению к мужчинам было сначала просто директивой сверху. Перевод советского законодательства на новые рельсы сначала мало отразился на практике. И не только патриархальные пережитки мешали женщине стать на один правовой уровень с мужчиной. Одним из важных препятствий было несоответствие законодательства судебной системе, которое со временем было устранено. Юридические кружки и секции делегатских собраний проводили определённые лекции и правовые консультации, что в дальнейшем способствовало распространению правовой осведомлённости среди женского населения. Начальный этап политического равенства женщин заключался в принципе «неработающий — не ест». Т. е. тот, кто не работал, не имел политических прав и реальных возможностей.

В протоколе городских женских собраний народных заседателей женщин-делегаток и юридического женского кружка от 20 апреля 1927 г. Кременчуга выделен доклад тов. Склярского на тему «Советский суд и защита женщи-

---

⁸ Крупська Н. К. Указ. соч. С. 34.

ны». В этом докладе подчёркивалось предоставление женщине возможности пользоваться всеми предоставленными ей правами, свободно расторгать брак с мужем, указывалось, что дела об алиментах рассматриваются судом вне очереди, деяния, посягающие на честь и достоинство женщины, являются в значительной степени уголовными, повысилась мера наказания за такие действия, как хулиганство и изнасилование. Докладчик подчёркивал, что советский суд стоит на защите женских интересов и сохраняет женщину в судебном процессе как более слабую сторону⁹.

Осознавая необходимость привлечения женщин к советскому строительству, повышения в их среде авторитета компартии, партийное руководство разработало идеологические и практические подходы к решению этого вопроса. Массовое участие женщин в решении государственных и общественных дел предусматривало «... членство в Коммунистической партии Советского Союза; ... широкое участие в формировании органов власти и управления; ... участие в деятельности Советов народных депутатов и всенародном обсуждении проектов важнейших законов, внесение предложений, направленных на улучшение деятельности всех органов государственной власти»¹⁰.

В феврале 1920 г. В. И. Ленин указывал, что для того, чтобы женщина-работница достигла равноправия не только по закону, но и в жизни, она должна больше участвовать в управлении общественными предприятиями и в управлении государством. Также Ленин указывал на то, что дело советской власти будет завершено только тогда, когда в нём примут участие миллионы работающих женщин¹¹.

---

⁹ Государственный архив Полтавской области (далее – ГАПО). Ф. 5(П). Оп. 1. Д. 50. Л. 46.

¹⁰ Кириллова М. В. Участие советских женщин в управлении обществом. Киев, 1984. С. 5.

¹¹ См.: Куйбышева М. Иди на выборы в совет! // Крестьянка. 1924. № 15. С. 2.

Одним из основных аргументов большевистской идеологии в женском вопросе были равные возможности для мужчин и женщин в сфере управления государством. Состоятельные женщины лишались избирательного права; также права быть избранными лишались лица, жившие на нетрудовые доходы, а именно прибыли с предприятий, и поместий, частные торговцы, коммерческие посредники. К такой категории относились также лица, признанные сумасшедшими, лица, находившиеся под опекой, лица, осуждённые за корыстные и позорные поступки (ст. 21 Конституции Украинской ССР 1919 г.). Таким образом, пролетарский вариант женского равноправия сразу же исключил из сферы своих объектов значительную часть женского населения.

Практическое воплощение идеи равного участия женщин в управленческой сфере в 1920-е гг. осуществлялось путем создания при партийных органах отделов по работе среди женщин. Перед этими отделами, что были неотъемлемой частью партийных структур, была установлена задача «будить широкие массы женщин, связывать их с партией, удерживать под её влиянием»¹².

Впрочем, большевикам не удалось за короткое время сломать общественное сознание, и подавляющее большинство мужского населения продолжало считать женщину существом асоциальным, неспособным к самостоятельному мышлению и деятельности. Об этом свидетельствуют и архивные материалы, которые показывают, что женщины очень медленно принимали на себя новые общественные роли, не желали участвовать в политической

---

¹² Земзюліна Н. І. Шляхи соціалізації жінок в Радянській Україні 20-30-х рр. XX ст. // Актуальні проблеми історії України, Росії та країн Європи (1917р. – початок XXI ст.). URL: http://www.nbu.gov.ua/portal/Soc_Gum/Gich/2009_3/GCN4p324-329.pdf (дата обращения: 13.05.2014).

и общественной работе. Труднее всего было работать активисткам на селе, где мужчины просто не отпускали своих жён на те или иные мероприятия. По этой причине в первые годы после революции волостные съезды крестьян и крестьянок проводились отдельно. В выводах по переборам советов Баляснивского района (приняты на заседании Полтавского Райпарткома) 1926 г. отмечалось, что мужская часть избирателей выступала против избрания женщин, мотивируя это тем, что женщина не может работать в Сельском совете. При том, что женщины составляли 52,7 % всех избирателей, в советах их было 35,6 %¹³.

Многовековая традиция зависимости от мужчин приучила украинскую женщину, особенно крестьянку, к социальной пассивности. Над женщиной и над всем обществом тяготело осознание того, что управление — это обязанность и привилегия мужчины. При выдвижении женщины в сельсовет ей устраивали своеобразные экзамены на «социальную зрелость», и малейшая ошибка заканчивалась выводом, что женщина не способна выполнять мужскую работу.

С целью повышения правовой и управленческой квалификации женщин для них проводились консультации путём постановки докладов и лекций как юридических консулатов, так и осведомлённых делегатов¹⁴.

Активность женщин в избирательном процессе постепенно росла, особенно в отношении пассивного избирательного права. То есть на выборы женщины шли, а вот продвигать свою кандидатуру не желали или просто не могли по ряду причин. Например, в докладе Полтавского окружного исполнительного комитета о состоянии работы среди женщин в Советах отмечалось, что явка на выборы советов женщин в 1926/1927 г. составила 31,4 %, а в 1928/

---

¹³ ГАПО. Ф. 4(П). Оп. 1. Д. 33. Л. 128-131.

¹⁴ ГАПО. Ф. 4(П). Оп. 1. Д. 31. Л. 13.

1929 г. — 39,3 % от общего количества избирателей. В это же время в Полтавском округе среди женщин были избраны 20 председателей сельсоветов, 47 заместителей сельсоветов, 73 председателей комиссий, 77 членов Президиума сельсоветов, 1 председатель Ревкомиссий¹⁵.

Итак, целый ряд изменений советского законодательства был направлен на вовлечение женщин в экономическую жизнь государства, их уравнивание с мужчинами не только в правах, но и обязанностях, что стало важным шагом к новому закреплению, но уже не правовому, а трудовому.

Принятие нового советского законодательства и дальнейшие его изменения устранили формальные препятствия для достижения равноправия, которые стояли на пути украинок многих поколений, улучшив их правовое положение, создав условия для профессионального роста и получения образования, политической и общественной активности, бытового и семейного раскрепощения. Были воплощены в жизнь идеи Римского права о равенстве женщины и её независимости. Но не всегда создание формальных законов означало их воплощение в жизнь. Понятие свободы и эмансипации в Советской Украине, как и во всём СССР, трактовалось иначе, чем на Западе. Женщина в УССР была свободной, но при условии, что будет отдана под контроль советскому режиму¹⁶.

Источники

- ГАПО. Ф. 4(П). Оп. 1. Д. 33.
ГАПО. Ф. 5(П). Оп. 1. Д. 31.
ГАПО. Ф. 5(П). Оп. 1. Д. 50.
ГАПО. Ф-Р-363. Оп.1. Д. 619.

---

¹⁵ ГАПО. Ф-Р-363. Оп. 1. Д. 619. Л. 118.

¹⁶ Жіночі студії в Україні: жінка в історії та сьогодні / Під ред. Л. О. Смоляр. Одеса, 1999. С. 224.

Коммунистическая Партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1925). М., 1953.

Сборник документов и постановлений РСФСР. Государственное издательство. М., 1921.

Крупська Н. К. Жінка – рівноправний громадянин СРСР // Збірка статей і промов. Київ, 1938.

Куйбьшева М. Иди на выборы в совет! // Крестьянка. 1924. № 15. С. 2–3.

Литература

Богачевська-Хомяк М. Білим по білому: жінки в громадському житті України, 1884–1939. Київ, 1995.

Жіночі студії в Україні: жінка в історії та сьогоденні / Під ред. Л. О. Смоляр. Одеса, 1999.

Землюліна Н. І. Шляхи соціалізації жінок в Радянській Україні 20–30-х рр. XX ст. // Актуальні проблеми історії України, Росії та країн Європи (1917р. – початок XXI ст.). URL: http://www.nbu.gov.ua/portal/Soc_Gum/Gich/2009_3/GCN4p324-329.pdf (дата обращения: 13.05.2014).

Кириллова М. В. Участие советских женщин в управлении обществом. Киев, 1984.

Козуля О. Жінки в історії України. Київ, 1993.

Омельчук М. Жінки в Радянській Україні // Жіночий рух в Україні: історія і сучасність: Міжнар. наук.-метод. конф. Одеса, жовт. 1994 р.: тез. доп. Київ, 1994. С. 153–154.

Оніщенко О. В. Жінки в суспільно-політичному житті України. 1917 рік. Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2008.

Elena A. Kokhanova

The Status of Women in the Soviet Ukraine in the Transformation of Soviet Society (in the 20s of XX century)

The article studies the question of changes in the legal, social, and marital status of women in the Soviet Ukraine in the 20s of

XX century, analyzes the involvement of women in the political life of the state. The process of changing women's legal and social status between the tsarist Russia and the Soviet regime is traced in the transformation of society and transition to a new political system.

Key words: women, the February revolution, legal status, social and political life, the Soviet Ukraine, new political system.

Яковлева Г. Н.

**ТРАДИЦИОННЫЕ БЫТОВЫЕ ПРАКТИКИ
ЕВРЕЕВ ВИТЕБЩИНЫ В КОНТЕКСТЕ
СОВЕТСКИХ РЕАЛИЙ 1920-х гг.**

В статье рассматриваются изменения, происходившие в повседневных бытовых практиках еврейского населения Витебщины в процессе формирования нового советского быта и борьбы местных большевиков с иудаизмом. Значительную роль в этих процессах сыграла еврейская секция губернского комитета РКП(б).

Ключевые слова: «красная пасха», еврейская секция губкома, новый советский быт, светские и межэтнические браки.

После революции происходили сложные процессы адаптации населения к новым политико-идеологическим и социально-экономическим реалиям. Менялись нравственно-этические нормы и традиционный уклад жизни миллионов людей, который во многом был обусловлен их религиозной и этнической принадлежностью. В Витебской губернии кроме белорусов проживало значительное количество русских, евреев, поляков и латышей. Большинство местечек губернии были еврейскими по составу населения. В Витебске в 1925 г. проживало 39714 евреев, 26418 белорусов, 17791 русских, 2479 поляков, 1264 латыша, 957 украинцев, 449 литовцев и 846 представителей других национальностей¹.

В начале 1920-х гг. большая часть городского и местечкового еврейства сохраняла свою религиозную и социальную идентичность и не скрывала соблюдения религиозных обрядов. Основная масса еврейского населения хо-

---

¹ Государственный архив Витебской области (далее – ГАВт). Ф. 10051-п. Оп. 1. Д. 318. Л. 67.

дила в синагоги, не работала по субботам, неукоснительно отмечала иудейские праздники, соблюдались традиционные ограничения в еде и т. д. Была по-прежнему распространена благотворительность в пользу бедных евреев. Многовековой уклад жизни был основан на церковных браках и религиозном образовании детей.

Для большевиков же соблюдение религиозных ритуалов было не более чем свидетельством приверженности пережиткам прошлого и тем, что мешает строить новую жизнь. Поскольку иудаизм практически был единственной религией, имеющей мононациональный характер, для большевиков он носил контрреволюционный оттенок, ибо провозглашал приоритет «национального» над «классовым», не соответствовал идеологии пролетарского интернационализма, которого в 1920-е гг. придерживалось советское руководство.

Однако местное еврейство было неоднородным. Широко воспользовавшись вновь полученными правами, часть витебских евреев заняла различные посты в управленческом аппарате. Именно евреи сыграли огромную роль в становлении и укреплении советской власти в городе и губернии. Еврейская молодежь стояла у истоков местного комсомола. Много женщин-евреек было среди организаторов женского движения в губернии. В начале 1920-х гг. бывшие бундовцы составляли значительную часть местных ячеек РКП(б).

Те, кто был лоялен новой идеологии и политическому режиму и стал частью этой новой власти, отрицали свою религиозность и всё, что с нею связано. В «Письме в редакцию» «Известий Витгубисполкома» 17 июня 1923 г. такие евреи возмущались тем, что в новых паспортах граждан в графе «вероисповедание» витебские паспортистки самовольно ставили отметки «иудейское» или «православное». «Нас, многие годы не верящих ни в бога, ни в

чёрта, причислили к обществу верующих, без нашего на то согласия», — негодовали они. В карикатуре и стихах, размещённых в этой же газете, ими высмеивались «совдураки», игравшие на руку попам и раввинам²:

Чтоб «букву» выполнить вернее и точней,
Какой-то совдурок «прославился» недавно:
— Иосиф Рубинштейн? Известно — иудей!
— Как? Михаил Ильич? Напишем: православный!

В церквях на радости звонят в колокола.
Попы и раввины к начальству шлют молитвы,
Коль паспортистки взялись за дела:
Поставили купель и вытащили бритвы³.

Именно такие евреи стали основой еврейской секции губкома РКП(б), деятельность которой во многом была направлена на разрушение веками сложившегося уклада повседневной жизни, основанного на религиозной традиции.

В контексте общей борьбы большевиков с религией начинается борьба с иудаизмом и бытовыми традициями, им обусловленными. Начинают закрываться синагоги и молитвенные дома. С осени 1921 г. начинается кампания против субботнего отдыха. Суббота — традиционный еженедельный праздник в еврейской семье. Тора предписывала правоверному еврею воздерживаться от работы. Для религиозного еврея отказ от субботнего отдыха был большим грехом.

Еврейский подотдел при губотделе по делам национальностей, еврейская секция губкома РКП(б) вели борьбу

---

² ГАВг. Ф. 2289. Оп. 2. Д. 91. Л. 10 об.

³ Там же.

«с клерикализмом путём выяснения вредного влияния субботнего отдыха на развитие местного хозяйства»⁴.

Распространённой практикой начала 20-х гг. в Витебске было размещение в губернской печати на так называемую «Чёрную доску» тех, кто не хотел поддерживать нововведения большевиков. В январе 1921 г. в таковой был «пропечатан» кондуктор Шмеркин Исаак, который подал заявление об освобождении его от работы с пятницы до субботы вечером по своим религиозным убеждениям, и, несмотря на категорический отказ, на службу не явился⁵.

Весной 1921 г. в Витебске разгорелся конфликт по поводу изъятия синагоги на ул. Володарского, в которой был размещен Еврейский коммунистический университет. Тогда прошли массовые акции протеста против закрытия синагог, а осенью в Заручеевской синагоге 500–600 верующих выступили против навязываемого евреям воскресного отдыха. Один из религиозных активистов призвал создать «Общество соблюдателей субботы» — «Шомрес-Шабос» и сказал: «Возврати нас, Боже, к прежнему времени». Другой говорил, что «еврейский комиссариат не есть представительство еврейства, а ассимиляция»⁶.

Тогда же возникли местные инициативы по вовлечению еврейского населения в различные формы коллективного труда именно в субботние дни и в еврейские праздники. В апреле 1920 г. витебские партийцы пытались отвлечь пролетариев от празднования пасхи и песаха путём проведения «большого пасхального воскресника» 4 и 11 апреля, и грандиозного субботника — 10 апреля⁷. А члены евсекции и клуба им. З. Хайкина 10 апреля ещё

---

⁴ ГАВг. Ф. 56. Оп. 1. Д. 185. Л. 5.

⁵ ГАВг. Ф. 2289. Оп. 2. Д. 74. Л. 2.

⁶ ГАВг. Ф. 10050-п. Оп. 1. Д. 383. Л. 145.

⁷ ГАВг. Ф. 2289. Оп. 2. Д. 57. Л. 25.

приглашались и на «Пасхальный Бал»⁸. Появились и такие формы труда с очевидной антирелигиозной направленностью, как средники. Лидеры евсекции губкома РКП(б) в период осеннего цикла еврейских «покаянных дней» 22 сентября 1920 г. в праздничный, официальный выходной организовали большой средник, поучаствовать в котором приглашался еврейский революционный пролетариат. Предполагалась работа по заданиям комиссии по организации в городе «Недели ремонта». «Участие в среднике безусловно обязательно для евреев — членов РКП, РКСМ и коммунистического Бунда. Не явившиеся будут привлекаться к ответственности в порядке строжайшей партийной дисциплины вплоть до исключения из рядов организации»⁹. Средники проводились в губернии и в 1921–1922 гг.

Однако многие рабочие и менее зависимые от властей кустари в местечках возмущались этими нововведениями. Кампания за введение единого дня отдыха, а точнее — за отмену субботнего, проходила сложно. Весной 1922 г. евбюро губкома признавало, что на субботнюю работу и воскресный отдых перешли только в типографиях и двух мастерских Губодежды¹⁰.

Лишь угроза лишиться работы и продовольственных карточек (с их введением) в связи с ужесточением трудовой дисциплины в начале 1930-х гг. вынудила евреев принять работу в субботу как данность.

Основная масса рядового еврейства приверженности традициям сначала не скрывала, а для коммунистов и комсомольцев соблюдение религиозных обрядов становилось всё более проблематичным, ведь даже присутствие при их совершении могло вызвать неприятные последствия. Председатель губотдела профсоюза кожевников

---

⁸ ГАВг. Ф. 2289. Оп. 2. Д. 57. Л. 25.

⁹ ГАВг. Ф. 2289. Оп. 2. Д. 55. Л. 17

¹⁰ ГАВг. Ф. 9-п. Оп. 3. Д. 42. Л. 23.

Черновский в 1923 г. был исключён из партии на 6 месяцев за совершение религиозного обряда обрезания¹¹. Тогда же три других члена витебской городской парторганизации принимали активное участие в обряде обрезания своих детей, но при разборе дела в Контрольной комиссии пытались доказать, что его совершили без их разрешения и участия¹². В июне 1923 г. в здании бывшей Хоральной синагоги нарсудом 6-го участка слушалось на еврейском языке уголовное дело по обвинению граждан А. и С. Хейф по ст. 108 Уголовного Кодекса за совершение, вопреки воле родителей, обряда обрезания над ребёнком коммунистов тт. Вульфсон и Хейф¹³.

Боясь осуждения, коммунисты-евреи стали проявлять элементы двойной морали: официально заявляя о своем атеизме, скрывали соблюдение обрядов в семье, убеждали товарищей по партии, что, например, покупая мацу или совершая обрезание новорождённого мальчика, они вынуждены были выполнять просьбы пожилых родственников и др. В 1928 г. рабочий-коммунист одного из заводов Витебска в присутствии руководства и гостей отпраздновал у себя дома официальный антирелигиозный обряд «красное обрезание», а затем, в отсутствие посторонних, ребёнку сделали традиционное обрезание. Сослуживец донёс об этом в партячейку. Попытки рабочего доказать, что это произошло без его согласия, не убедили партийцев, и он был исключён из партии¹⁴.

В начале 1920-х гг. губернская Контрольная комиссия квалифицировала участие в обрядах как одну из са-

---

¹¹ Витебская губерния 1917–1924 гг.: документы и материалы. Витебск, 2012. С. 302.

¹² Витебская губерния 1917–1924 гг. С. 304–305.

¹³ ГАВт. Ф. 2289. Оп. 2. Д. 91. Л. 8.

¹⁴ Зельцер А. Евреи советской провинции: Витебск и местечки 1917–1941. М., 2006. С. 271.

мых распространённых форм нарушения партийной дисциплины.

Одной из распространённых форм борьбы с нормами, обычаями и привычками старой традиционной жизни стали знаменитые политические суды 1920-х гг. В ходе этих судов люди разных возрастных категорий и социальной принадлежности подвергались общественному презрению. Страх общественного позора в данном случае выступал в качестве мотивации активности. В Витебске зафиксированы суды над еврейскими комсомольцами за приготовление мацы, «над обрядом Пасхи», показательные политсуды над антисемитами.

Огромную роль в социализации подрастающего населения играла школа. «Борьба с хедерами и ешиботами и талмуд-торами — этим худшим наследием прошлого, реорганизация старых еврейских казённых и различного рода частных и общественных училищ, клерикально-националистических или руссификаторско-ассимиляторских по духу воспитания в них, реформирование их в новую трудовую школу, приближение их к массам еврейского трудового населения и к элементарным требованиям педагогики путем преподавания на родном языке, расширение сети учреждений — вот что предстояло Еврейской секции губоно в одной только области школьного дела»¹⁵. В конце 1920 г. в Витебске была создана «комиссия по борьбе с хедерами». В январе 1921 г. в городском театре был организован публичный суд над «хедером», который длился 6 дней. «Для проведения суда приглашены были в качестве обвинителей, свидетелей и экспертов лучшие из местных педагогических и партийных сил. В качестве защитников хедера выступили представители религиозной организа-

---

¹⁵ Вестник народного образования. Орган Витебского губернского отдела народного образования. 1921. № 1. Май. С. 29.

ции «Совета молитвенных домов».¹⁶ Странники сохранения хедеров рассматривали их как фундамент еврейской национальной жизни. Несмотря на протесты населения и раввинов, хедеры стали закрывать.

В противовес им в Витебске и уездах стали создавать советские еврейские школы с преподаванием на идише. К 1921 г. в Витебске и уездах была создана 41 еврейская школа I ступени и 2 — второй ступени. Правда, в условиях сокращения финансирования сферы просвещения в условиях перехода к нэпу, число всех школ, в том числе и еврейских, на время резко сократилось. В 1921 г. в Витебске был создан первый в стране еврейский педагогический техникум, который стал готовить для еврейских школ «красных учителей». За 5 лет существования учебного заведения в нём было подготовлено 86 учителей, которые не только преподавали в школах городов и местечек БССР, но и активно работали в национальных советах, в профсоюзах, избах-читальнях, работали среди местечковой молодёжи. Эти учителя «из детей революции» стали, по мнению автора статьи, посвящённой 5-летию техникума, «первой еврейской интеллигенцией, которая твёрдо знает к чему она идёт, и к чему ведёт трудящиеся еврейские массы»¹⁷.

Однако многие евреи отдавали детей в русскоязычные школы. А явные и тайные хедеры и иешивы продолжали действовать на Витебщине все 1920-е гг. Новая волна гонений на них началась в 1929 г. Тогда были закрыты иешивы в Невеле, Полоцке, Витебске, а также пять неофициально действовавших сравнительно больших хедеров в Витебском округе¹⁸.

---

¹⁶ Вестник народного образования. Орган Витебского губернского отдела народного образования. 1921. № 1. Май. С. 30.

¹⁷ ГАВт. Ф. 2289. Оп. 2. Д. 95. Л. 15.

¹⁸ Зельцер А. Евреи советской провинции. С. 259.

Не только церковь была отделена от школы, но и собственная, истинная или обыденная, религиозность учителей, бывшая до 1917 г. естественной нормой и частью их повседневной жизни, становилась объектом пристального внимания властей. Огромные проблемы возникали у учителей, которые сохраняли приверженность своим религиозным убеждениям. Наиболее очевидной религиозность становилась во время религиозных праздников. Так, были уволены несколько витебских учительниц, т. к. часть из них не вышла на работу на христианское Сретение, а другие — в «еврейский клерикальный праздник «Пурим».

У местных партийцев — русских и белорусов по происхождению — возмущение вызывала привязанность населения, в том числе и школьников, к празднованию святок и масленицы.

Активизировалась местная печать в преддверии самых важных религиозных праздников. Стремясь уменьшить роль и значение религии в жизни местного населения, авторы статей доказывали, что большинство верующих идёт в церковь или синагогу только по привычке. С одной стороны, они вынуждены были признать, что множество «беспартийных» рабочих не могут себе представить, «как это они не пойдут к «Кол Нидрей». Как это в Рош Гашана и Йом Кипур не пойдут в синагогу». С другой стороны, утверждалось: «Многие идут от того, что некуда девать свободный день. Многих привлекает в синагогу пение кантора, потребность в торжественной, привычной с детства, праздничной обстановке. На такой же бытовой привычке держатся и все христианские праздники». «Этому быту, основанному на косности и привычке, следовало бы противопоставить новый быт, основанный на разуме», — призы-

вал некий «Рупор» в «Известиях Витебского губисполкома и губкома РКП» в 1923 г.¹⁹

Ритуал — неотъемлемая часть существования общества, он легитимирует в глазах людей самые важные события в их жизни. Для большинства населения семейные обряды, проходившие с участием священников, являлись символическим свидетельством самых значимых вех жизненного пути человека. Поэтому становление советской семейной обрядности шло в борьбе с религиозным мировоззрением и религиозными обрядами. Облегчалась процедура развода, уравнивались в правах внебрачные дети, вводились книги актов гражданского состояния, начали распространяться браки без официальной регистрации отношений. Женщина получила большую свободу, были устранены некоторые черты ханжеской морали, калечившей жизнь, но и издержки перемен были высоки: возросло количество разводов, появилась масса матерей-одиночек и социальных сирот, милиция задерживала женщин, подкидывавших новорожденных детей в подъезды домов центральных улиц города. Для подкидышей стали строиться дома младенца.

Становление новой советской брачно-семейной обрядности и утверждение светских браков быстрее проходило в городе и гораздо тяжелее в деревнях и местечках. Среди рядовых партийцев и даже ответственных работников на протяжении всех 1920-х гг. наблюдались случаи сватовства и венчания, совершения иных традиционных семейных обрядов. В соответствии с вековыми традициями в семьях отмечалось рождение детей, их вступление в брак, с соблюдением привычных ритуалов провожали в последний путь умерших.

После отделения церкви от государства исчезли законодательные препятствия для вступления в межэтниче-

---

¹⁹ ГАВт. Ф. 2289. Оп. 2. Д. 91. Л. 13.

ский брак, но большинство браков заключалось в соответствии с традицией и в своей среде. В газетной заметке 1923 г. сообщалось о свадьбе дочери известного витебского раввина Медалье. Автор упоминал о гостях, «отчисливших» в пользу молодых 40 млрд. руб., при этом иронизировал по поводу двух из них, «плачущих от фининспекторов», но внесших по 2 млрд. дочке раввина на приданое²⁰.

Знаменитые споры 1920-х гг. по проблемам брака и семьи затронули и еврейскую среду. «Заря Запада» сообщала, что в 1927 г. еврейский драмкружок при клубе деревообделочников поставил пьесу «Бридер ун Швестер» на «злободневную тему о лёгком отношении некоторой части молодежи к вопросам любви и брака»²¹. Постепенно стали появляться смешанные браки между евреями и представителями других национальностей. Всё чаще евреи стали признавать за свадьбу поход в ЗАГС, прежде всего, члены комсомола и партийцы. Но даже в их среде случались конфликты в семье, т. к. старшее поколение отрицательно относилось к таким бракам. На фабрике «Профинтерн» в 1929 г. разразился скандал, когда активная комсомолка-еврейка, сославшись на сопротивление родителей, отказалась выйти замуж за коллегу-коммуниста из-за того, что тот не еврей²².

Симптоматично и то, что созданный в 1925 г. Витебским Окружным судом в ходе реализации политики белорусизации еврейский национальный участок народного суда рассмотрел в показательном порядке три процесса по искам на алименты, что косвенно свидетельствовало о том, что новые веяния в сфере брачно-семейных отношений стали проявляться и в еврейской среде.

---

²⁰ ГАВТ. Ф. 2289. Оп. 2. Д. 91. Л. 8.

²¹ ГАВТ. Ф. 2289. Оп. 2. Д. 95. Л. 33 об.

²² Зельцер А. Евреи советской провинции. С. 275.

Большевики боролись с бытовыми практиками, обусловленными религией, внедряли новые советские обряды и праздники-заместители: «красные свадьбы», «красные крестины» («октябрины»), «красное рождество», «красную пасху». В еврейской среде появились «красные обрезания», «красные сейдеры» и др. Губком (с 1924 г. — окружкомы) КП(б)Б через партийные ячейки, органы политпросвета, женотделы, комсомол организовывал борьбу с церковными праздниками и религиозно-бытовыми обычаями, проводил работу по внедрению новых. Женотделы, бытовые комиссии предприятий рекомендовали родителям называть детей новыми советскими именами и придерживаться новых, пролетарских обрядов. Подобием «красных крестин» у евреев стало «красное обрезание». В 1924 г. в Витебске таковое было устроено по случаю рождения сына у преподавателя еврейского педагогического техникума А. Розенцвайга, в котором приняли участие еврейские учителя, студенты, школьники, рабочие, было оглашено имя ребенка — Владимир. Новорождённому подарили портрет Ленина, подписку на его собрание сочинений, «Капитал» К. Маркса²³.

Новые формы бытовых практик воспринимались населением по-разному. Осенью 1924 г. фабком пивоваренного завода решил устроить суд над рабочим, «обругавшим своего товарища за празднование октябрин»²⁴. Недоброжелательно оценивала нововведения молва на витебских базарах. Ещё с большей подозрительностью к ним относились в деревнях и местечках, традиционно более консервативных и патриархальных.

В самой партии и комсомоле было достаточное количество так называемых «примиренцев». Так называли тех, кто хоть сам и не верил в Бога, но ко многим религи-

---

²³ Зельцер А. Евреи советской провинции. С. 249.

²⁴ ГАВт. Ф. 2289. Оп. 2. Д. 95. Л. 2.

озным праздникам относился как к красивым традициям, которые не мешают коммунистическому строительству.

Важную роль в борьбе со старыми бытовыми практиками играли местные комсомольцы, проводившие шумные акции на улицах перед храмами и синагогами, и намеренно оскорблявшие чувства верующих. В 1922 г. комсомольцы Витебска провели перед Йом Кипуром, днём поста, покаяния и отпущения грехов, «грандиозную антирелигиозную демонстрацию»²⁵. В 1924 г. в Городке на тот же праздник прошло шествие актива с революционными песнями, а на следующий день, несмотря на пост, в доме профсоюзов был устроен «торжественный обед»²⁶.

В мае 1923 г. по городам и деревням губернии было организовано масштабное антирелигиозное действо под названием «празднование комсомольской пасхи». Подготовительная работа началась с проведения в клубе РКСМ вечера, посвящённого 450-летию Коперника. На места были разосланы материалы о проведении подобного вечера, на котором надо было не только освещать жизнь и борьбу Коперника, но и выяснять «сущность религии и её несовместимость с наукой». «Комсомольская пасха в городах проводилась, базируясь на еврейской молодежи. В деревне была проведена русская комсомольская пасха». В Витебске было организовано 12 кружков по изучению истории пасхи, в каждом кружке проведено по пять занятий. Накануне был выпущен специальный еврейский журнал «Хвалес» и газета «Юный творец», посвящённые пасхе. Первый вечер пасхи по губернии был озаглавлен «красными сейдерами» (сатирой на сейдер или седер — еврейский пасхальный вечер со строго определённой последовательностью трапезы), вечерами самодеятельности с антирели-

---

²⁵ Коммунистический Труд. Периодическое издание Витебского Губкома РКП (б) и Губпрофсовета. 1922. № 19. 25 ноября. С. 17.

²⁶ Зельцер А. Евреи советской провинции. С. 248.

гиозной программой. В Витебске и Полоцке были устроены политсуды над комсомольцам, участвовавшими в выполнении религиозных обрядов, которые прошли, по мнению руководителя витебских комсомольцев, с большим успехом. В следующие дни пасхи проводились субботники по предприятиям и профшколам в пользу Красного флота. Во время пасхи ученики профшкол не прекращали учебу. В отчёте о проведении комсомольской пасхи отмечалось, что она прошла по губернии с подъёмом. «Явно выраженных эксцессов со стороны обывательской массы и духовенства не было, если не считать брюзжание и перешёптывание втихомолку. Наблюдался ряд фактов изгнания на время пасхи сопротивлявшихся комсомольцев из дому родителями»²⁷.

В борьбу с религиозными предрассудками втягивались и дети. В сентябре 1926 г. кустари Витебска решили накануне Йом Кипура устроить специальный вечер вопросов и ответов, а после вечера — спектакль в исполнении пионерского отряда из самих детей кустарей²⁸.

Формирование нового советского быта шло параллельно с усвоением новой идеологии. Утверждались новые революционные праздники: годовщины Октябрьской революции, Первомаи, День Конституции СССР, годовщины РККА, Международный женский день, международные юношеские дни, праздники в честь конгрессов Коминтерна, праздники индустриализации, кооперации и т. д. Эти новые праздники, приобретая характер группового ритуала или государственного церемониала, будучи многократно повторяемыми практиками, способствовали превращению стоящих за ними событий и их оценок в часть коллективного сознания, и стали на долгие десятилетия частью жизни миллионов людей.

---

²⁷ ГАВт. Ф. 10050-п. Оп. 1. Д. 383. Л. 237.

²⁸ ГАВт. Ф. 2289. Оп. 2. Д. 106б. Л. 37.

Значительную роль в пропаганде черт нового быта играла печать. «Крестьянская газета» и «Заря Запада» (издания ОК КП(б)Б) публиковали материалы о правильном уходе за детьми, о важности прививок, о чистоте жилища, рациональном ведении хозяйства, сообщали на своих страницах о примерах внедрения элементов нового быта. В рубрике «К новой жизни» «Крестьянская газета» публиковала сообщения с мест о проведении красных крестин, красных вечеринок, антирелигиозных вечеров, борьбы с пьянством. Печать пропагандировала трезвый и активный отдых на природе, необходимость культуры быта в семье, школе, на предприятии.

Вот как местному автору представлялся быт по-советски: дети накормлены бесплатно, снабжены всем, вплоть до игрушек, старик-отец всё необходимое получает от соцобеспечения. «Жена освобождена от забот о кухне и равный мне товарищ, всецело увлечённый живой работой в одном из культпросветучреждений»²⁹. Однако многие мужчины не хотели мириться с изменением социального статуса своих жён и с попытками власти оторвать их от «печи и кочерги». Стереотипы поведения и восприятие приемлемых в обществе ролей мужчины и женщины изменялись с трудом. Формируемая властью товарищеская модель отношений между мужчинами и женщинами приживалась сложно даже в партийно-комсомольской среде. Не раз витебские активистки жаловались, что мужчины местных предприятий не хотят видеть в женщине спутницу жизни, а привыкли видеть в ней рабу.

С другой стороны, многие женщины, в том числе и еврейки, даже втягиваясь в общественную жизнь, с трудом усваивали свою новую роль в обществе. Так, в Лепеле в 1920 г. местные женщины пытались создать женский клуб, объединить портних в артель, уделяли много внимания

---

²⁹ ГАВт. Ф. 2289. Оп. 2. Д. 74. Л. 9 об.

детскому приюту, столовой. В 1921 г. они открыли детский сад, провели 8 марта митинг на еврейском языке, организовали политсуд «над новой женщиной». Характерно, что на одном из женских собраний должна была сделать доклад по обследованию столовой «тов. Лейтман», но, «ввиду смущения и отказа тов. Лейтман поделиться впечатлением с общим собранием», собрание решило «предписать ей приговор к следующему собранию»³⁰.

В 1920-е гг. бытовое и идеологическое тесно переплеталось. Взрослые и дети вовлекались в акции международной солидарности, слушали доклады о положении трудящихся в странах Запада, но при этом нередко проявляли нетерпимое отношение к своим соседям и одноклассникам. В регионе процветал бытовой антисемитизм. Например, заведующий 7-ой школой-семилеткой (на Марковщине) в 1928 г. докладывал в окроно о многочисленных нападениях учеников школы водников на детей из третьего еврейского класса его школы³¹. Ученики школы водников умудрялись даже в школу приходиться с ножами. Подростки безнаказанно терроризировали детей и, подчас, даже взрослых, о чём говорилось на собраниях рабочих организаций Марковщины. Комиссия, проверявшая школу, констатировала, что в ней проводилось интернациональное воспитание, но уровень жизни в районе, антисемитские настроения родителей оказывали отрицательное влияние на детей³².

9 мая 1929 г. ученики школы-семилетки в Сураже во время воскресного отдыха с криками «утопим жидёнка!» набросились на лодку, где был ученик Кац, бросали его в воду несколько раз. А заведующий семилеткой назвал эти действия «детскими шалостями». Автор заметки утвер-

---

³⁰ ГАВт. Ф. 10050-п. Оп. 1. Д. 169. Л. 4в, 86.

³¹ ГАВт. Ф. 170. Оп. 1. Д. 164. Т. 2. Л. 334.

³² Там же. Л. 362.

ждал, что заведующий ещё в царские времена в церкви призывал к погрому евреев. «Освободим школу от зяблого антисемита, служащего рассадником контрреволюции», — призывал автор статьи³³.

Можно согласиться с мнением А. Ю. Рожкова о том, что межэтнический дискурс школьников 1920-х гг. содержал целый набор недружественных стереотипов³⁴.

Процветал бытовой антисемитизм и среди других слоёв населения. Антисемитские шутки и высказывания позволяли себе многие рабочие витебских заводов, антиеврейские настроения присутствовали и в партийной среде. Грубость на работе, хулиганство на улицах часто приобретали этническую окраску, что усиливало межнациональную напряженность. В 1923 г. не охваченные пропагандистской работой и поэтому, по мнению местных партийцев, «заражённые антисемитизмом» инвалиды местной сапожной мастерской избили палками и костылями заведующего губсобесом Офмана, потребовавшего переделать плохо выполненный заказ. Инвалидов возмутила его не очень удачная шутка: «За такую работу Вам надо дать по рукам»³⁵.

В апреле 1925 г. бытовая комиссия одного из предприятий города проверила, чем занимались на первый день пасхи шесть товарищей. Члены бытовой комиссии, которые, естественно, застали этих шестерых за «соблюдением религиозного обычая», были обозваны «шпионами и жидками»³⁶. В марте 1928 г. в газете «Заря Запада» появилась статья «Гнусная антисемитская вылазка витебских

---

³³ ГАВт. Ф. 2289. Оп. 2. Д. 95. Л. 30 об.

³⁴ Рожков А. Ю. Молодой человек в Советской России 1920-х годов: Повседневная жизнь в группах сверстников (школьники, студенты, красноармейцы). Автореф. ... дис. докт. ист. наук. Краснодар, 2003. URL: <http://cheloveknauka.com> (дата обращения: 20.09.2013.).

³⁵ ГАВт. Ф. 10050-п. Оп. 1. Д. 383. Л. 70.

³⁶ ГАВт. Ф. 9-п. Оп. 6. Д. 77. Л. 39.

лыжников». Её автор поведал о безобразном поведении витебских лыжников, совершавших пробег из Витебска в Минск в рамках пропаганды лозунга «Все на перевыборы сельсоветов». Они в Борисовском районе так нагло и похамски обращались с местным еврейским населением, что автор статьи, рассказавший об этих событиях, отметил, что лозунгом пробега витебских лыжников был лозунг «Бей жидов»³⁷.

Вызвал бурную дискуссию в местной прессе известный конфликт 1928 г. между еврейкой-работницей и механиком-русским на фабрике «Двина». В свою очередь, не очень толерантны бывали и сами евреи. В ответ на слово «жид», «жидовская морда», звучало – «русская свинья». А на фабрике «Профинтерн» в 1930 г. евреи издевались над работницами-белорусками³⁸. Некоторые евреи-студенты витебского ветеринарного института проявляли неуважение к полякам и белорусам, обзывали белорусов «мужиками», говорили, что они представляют себе белорусов только как мужиков³⁹.

Примеры старых стереотипов восприятия друг друга, основанных на религиозно-этническом принципе, нередко фигурировали в ходе партийных чисток или рассмотрении персональных дел членов партии или комсомольцев. В документах встречаются упоминания о том, что евреи не идут работать на железную дорогу, т. к. там грязно и тяжело, что занимаются «самоснабжением», используя служебное положение и т. д. В конце 1920-х гг. на евреев начали сваливать неполадки на работе («жиды строили, потому и испортилось»), усилились взаимные

---

³⁷ ГАВт. Ф. 2289. Оп. 2. Д. 95. Л. 27.

³⁸ *Зельцер А.* Межэтнические отношения и советская политика 20-30-х годов: пример Восточной Белоруссии. URL: http://www.yadvashem.org/yv/ru/pdf/yad_vashem_studies/zeltser.pdf (дата обращения: 10.04.2014).

³⁹ ГАВт. Ф. 118. Оп. 1. Д. 524. Л. 63 об.

упрёки и подозрения о поддержке «своих». Но тогда ещё о проявлениях антисемитизма писали, резко осуждали, исключали из партии.

Основными хозяйственными занятиями евреев являлись ремесло, мелкая торговля и посредническая деятельность. Евреям с их мелкой торговлей и посредническими операциями места в новой советской экономике не находилось. Даже в условиях нэпа среди них наблюдался высокий уровень безработицы, нарастало ощущение бесперспективности среди молодёжи.

В этих условиях одной из характерных черт 1920-х гг. стала попытка властей повлиять на трудовые практики многочисленного еврейского населения региона путём распространения среди них земледелия. Местные газеты сообщали об отдельных жителях Витебска, которые поехали строить новую жизнь на Дальний Восток (в Биробиджан). Информировали о развитии еврейского земледелия в Крыму, обследовании земель для поселения на Алтае. Пропагандировалось развитие еврейского земледелия в БССР, где в 1926 г. было уже 145 еврейских сельскохозяйственных коллективов, 20 земледельческих посёлков и 500 еврейских хуторов. Обследовались округа, в том числе и на Витебщине, на предмет выделения земель для еврейских поселенцев⁴⁰.

«Крестьянская газета» сообщала, что в июле 1925 г. была открыта еврейская коммуна имени Леккерта в одном из бывших имений в Лиозненском районе. На открытии коммуны представитель из округа указал, что «Советская власть и коммунистическая партия одинаково заботятся о всех трудящихся, независимо от того, к какой народности они принадлежат»⁴¹. По сообщению газеты, члены комму-

---

⁴⁰ ГАВТ. Ф. 2289. Оп. 2. Д. 95. Л. 12.

⁴¹ ГАВТ. Ф. 2289. Оп. 2. Д. 102. Л. 4.

ны поблагодарили власть за право работать на земле и поправить своё положение.

Однако попытки властей наделять евреев землёй нередко вызывали резкое недовольство крестьян-белорусов, что приводило к межнациональным трениям.

Партийно-государственная власть пыталась изменить и традиционные формы досуга рабочих и крестьян. До введения нэпа фактически каждая местная фабрика и завод, воинская часть, советское учреждение, политическая партия имели свои клубы с библиотеками, хоровыми и драматическими кружками. В документах упоминаются такие клубы, как «Красный звон», «Красный пахарь», «Красная буква», «Вооружённый пролетариат», клубы им. Троцкого, им. Луначарского, им. Свердлова, им. К. Либкнехта. Действовали многочисленные латышские, польские и др. клубы.

В 1918 г. в Витебске функционировали еврейский клуб им. Б. М. Борохова, клуб им. Хайкина, клубы еврейских политических партий, действовавших тогда в городе. Некоторое время действовал клуб Югенд-Бунда, приглашавший в драматический кружок «юных еврейских рабочих»⁴². Пять еврейских клубов работало в местечках губернии. Еврейская трушпа при клубе им. Хайкина ставила спектакли Шолом Алейхема и других еврейских авторов. В обществе им. Переца организовывались выставки, спектакли, концерты, диспуты о культуре и искусстве. Основателем общества, созданного осенью 1918 г. при поддержке еврейской секции губоно, был Рахмиэль Родинсон. С. Юдовин, один из наиболее активных его членов, с воодушевлением защищал идею еврейского возрождения в рамках социалистического государства. В своей лекции антирелигиозного характера «Евреи и искусство», прочитанной в январе 1919 г., он полагал, что синагога — главный

---

⁴² ГАВт. Ф. 2289. Оп. 2. Д. 55. Л. 33 об.

враг национального искусства. В октябре 1919 г. Общество устроило «еврейскую выставку», созданную на основе коллекции фотографий и рисунков, выполненных Юдовиным во время экспедиции Ан-ского. Благодаря Родинсону Юдовин сумел опубликовать в 1920 г. свою книгу «Еврейский народный орнамент». Общество им. Переца имело также собственную театральную студию, где ставились пьесы Шолом-Алейхема, Шолом-Аша, Ан-ского, Гольдфадена. Декорации для неё создавались Бразером. Смерть Родинсона, финансировавшего Общество, фактически парализовала деятельность последнего, а в 1922 г. информация о нём и вовсе исчезла со страниц витебской прессы⁴³.

В действовавших многочисленных еврейских клубах городов и местечек было много интересного, живого, творческого. В деревнях и местечках также появились избы-читальни, народные дома. Однако политизация развлечений вызывала отторжение у жителей деревень и местечек. Многие рабочие, кустари и крестьяне руководствовались прежними представлениями о труде и отдыхе. Часто мероприятия, проводимые в клубах, сопровождались пьянством, выяснением отношений на кулаках. На рабочих окраинах процветали преступность, хулиганство, алкоголизм, проституция. «Культурный досуг» прививался с трудом. Пьянство и сопряжённое с ним хулиганство и рукоприкладство в семье стали столь массовыми, что вызвали беспокойство партийно-советских органов.

Распространение пьянства в рабочей среде было столь серьёзным, что пропагандистская кампания по борьбе с ним захватила даже школу. В рамках проводимой в конце 1928 г. кампании по борьбе с алкоголизмом во всех

---

⁴³ *Клер Ле Фолль*. Киевская Культур-лига и Витебская художественная школа: два подхода к проблеме еврейского искусства и национального самосознания. URL: www.chagal-vitebsk.com/node/36 (дата обращения: 15.04. 2014).

школах города организовывались общие собрания учеников 4-х — 7-х классов. На них заслушивались доклады «О вреде алкоголизма», «Культурная революция и борьба за здоровый быт», организовывались общешкольные ячейки общества «Долой алкоголизм».

Таким образом, бытовое поведение людей, регулируемое ранее сословными и религиозными требованиями и традициями, в 1920-е гг. власти выстраивали по классово-идеологическому принципу. Религия и церковь, определявшие ритм, уклад и ритуал жизни, агрессивно вытеснялись из повседневных практик населения Витебщины всех конфессий.

Что касается еврейского населения региона, то, с одной стороны, шла его активная советизация через попытки вовлечения в общественно-политические, образовательно-культурные процессы с использованием языка идиш. А с другой стороны, нарастала борьба с иудаизмом, сионизмом, ивритом, еврейскими политическими партиями, т. е. с любыми формами национальной консолидации, которые не укладывались в советские политико-идеологические постулаты.

Огромное внимание уделялось воспитанию подрастающего поколения страны. На протяжении 1920-х гг. прошло несколько волн борьбы с хедерами и иешивами. В Витебске был создан первый в Советской России еврейский педагогический техникум для подготовки учителей, которые должны были работать в советских школах с преподаванием на идиш. В школе формировалось представление о том, что если ученик ходит в церковь, носит нательный крест или остается приверженцем национально-религиозных традиций, например, не ходит в школу в субботу, то, значит, он — человек с отсталым мировоззрением, «пережиток прошлого».

Важные изменения происходили в сфере брачно-семейных отношений. Уравнение в правах полов, снятие запретов на межэтнические браки, новые формы его заключения, облегчение практики разводов в определённой степени укладывались в русло процессов модернизации, происходивших в мире. Однако советская гражданская обрядность только вырабатывалась и сложно приживалась в местечках и деревнях. Межэтнические браки хотя и появились, но старшим поколением не приветствовались.

Стремление власти разрушить привычный быт вызывало скрытое или явное сопротивление части населения. Традиции социальных отношений, психологические установки людей сопротивлялись навязываемым нормам, поэтому процветали двойные стандарты поведения: в публичной сфере демонстрировалась лояльность всему новому, а в частной жизни соблюдались бытовые практики, обусловленные традицией.

Решающую роль в борьбе с религией, в трансформации быта, изменении отношений в семье играла РКП(б). В начале 1920-х г. именно еврейская секция губкома партии стала инициатором агрессивной по форме и антирелигиозной по содержанию борьбы с традиционными повседневными практиками местного еврейства. Партийно-комсомольский актив быстрее реагировал на новые установки в сфере быта и семьи. Именно в этой среде чаще всего наблюдались процессы отказа от традиционной религиозной и этнической идентичности.

Высокий уровень социальной мобильности в послереволюционный период позволил многим евреям изменить свою жизнь, повысить свой социальный статус и вырваться из местечек. Другие пытались бороться против ассимиляции, сохраняя приверженность вере отцов, национально-бытовым практикам и обрядам, характеризующим принадлежность к еврейству.

И всё же о тотальном изменении бытовых практик у основной массы еврейского, особенно местечкового, насе-

ления Витебщины к концу 1920-х гг. говорить не приходится. Многие черты в морально-бытовом поведении населения оставались традиционными. Процессы его разрушения ускорились с началом «великого перелома» и известных событий 1930-х гг. Решающую же и страшную роль в процессе исчезновения особого мира еврейских белорусских местечек сыграла нацистская оккупация периода Великой Отечественной войны.

Источники

- ГАВт. Ф. 9-п. Оп. 3. Д. 42.
ГАВт. Ф. 9-п. Оп. 6. Д. 77.
ГАВт. Ф. 56. Оп. 1. Д. 185.
ГАВт. Ф. 118. Оп. 1. Д. 524.
ГАВт. Ф. 170. Оп. 1. Д. 164. Т. 2.
ГАВт. Ф. 2289. Оп. 2. Д. 102.
ГАВт. Ф. 2289. Оп. 2. Д. 1066.
ГАВт. Ф. 2289. Оп. 2. Д. 55.
ГАВт. Ф. 2289. Оп. 2. Д. 57.
ГАВт. Ф. 2289. Оп. 2. Д. 74.
ГАВт. Ф. 2289. Оп. 2. Д. 91.
ГАВт. Ф. 2289. Оп. 2. Д. 95.
ГАВт. Ф. 10050-п. Оп. 1. Д. 169.
ГАВт. Ф. 10050-п. Оп. 1. Д. 383.
ГАВт. Ф. 10051-п. Оп. 1. Д. 318.
Вестник народного образования. Орган Витебского губернского отдела народного образования. 1921. № 1. Май. С. 29.
Витебская губерния 1917–1924 гг.: документы и материалы. Витебск, 2012.
Коммунистический Труд. Периодическое издание Витебского Губкома РКП (б) и Губпрофсовета. 1922. № 19. 25 ноября. С.17.

Литература

- Зельцер А.* Евреи советской провинции: Витебск и местечки 1917–1941. М., 2006.
- Зельцер А.* Межэтнические отношения и советская политика 20–30-х годов: пример Восточной Белоруссии. URL: http://www.yadvashem.org/yv/ru/pdf/yad_vashem_studies/zeltser.pdf (дата обращения: 10.04.2014).
- Клер Ле Фоль.* Киевская Культур-лига и Витебская художественная школа: два подхода к проблеме еврейского искусства и национального самосознания. URL: www.chagal-vitebsk.com/node/36 (дата обращения: 15.04. 2014).
- Рожков А. Ю.* Молодой человек в Советской России 1920-х годов: Повседневная жизнь в группах сверстников (школьники, студенты, красноармейцы). Автореф. ... дис. докт. ист. наук. Краснодар, 2003. URL: <http://cheloveknauka.com> (дата обращения: 20.09.2013).

Galina N. Yakovleva

Traditional Domestic Practices of the Jews of the Vitebsk Region in the Context of Soviet Realities of the 1920s

In the context of the common struggle of the Bolsheviks with Judaism, the displacement of this religion and its household traditions begins. Being a religion of a mono-ethnic character, Judaism was particularly unacceptable for the Bolsheviks because it proclaimed the priority of «national» over «class». Since autumn 1921 the campaign against the Sabbath rest began. The Jewish department of the RCP committee involves local Jewish proletariat into the so-called «voskresniks» and «subbotniks» organized during the celebration of Pesach, as well as «sredniks», to mark the autumn cycle of «penitential days». The Jewish holidays are substituted and pseudo rituals appear, such as «red circumcision», «red Seders». Also some changes in the sphere of marriage and family relations occur: secular and inter-ethnic marriages, divorces and alimony cases were considered in Soviet courts. However, these changes affected mainly those

Jews who wanted to assimilate and take up a post. The majority of them especially those living in small towns, did not accept all the innovations and during the 1920s remained committed to traditional household practices ordained by their religion. Local party and Komsomol members often showed «double standards»: supported the struggle with religious vestiges officially, but at home they observed traditional holidays, food restrictions, etc.

Key words: Jewish department of the RCP committee, «red circumcision», «red Pesach», secular and inter-ethnic marriages.

Косов А. П.

ПОЛИТИКА США В ОТНОШЕНИИ КНР В ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСТВА Р. НИКСОНА

В статье анализируется политика США в отношении КНР в период нахождения администрации Р. Никсона у власти. Основное внимание уделено выявлению причин, побудивших Вашингтон к поиску улучшения отношений с Китаем спустя 20 лет острой конфронтации. Рассматриваются деятельность американской политической элиты по установлению контактов с Пекином и эволюция американско-китайских отношений в 1969–1974 гг.

Ключевые слова: США, КНР, Тайвань, Никсон, Киссинджер, американско-китайские отношения.

Сегодня США играют ведущую роль в мировой политике, являясь единственной сверхдержавой. Однако в последнее время семимильными шагами к ним приближается КНР. Неудивительно, что именно Китай называют потенциальным соперником Америки, способным вскоре оттеснить её на второе место. Поэтому представляется целесообразным рассмотреть историю американско-китайских отношений — в частности, показать процесс сближения Вашингтона с Пекином в период президентства Р. Никсона. Для этого необходимо выявить причины, подтолкнувшие США к изменению своей китайской политики; охарактеризовать действия американских политических кругов; рассмотреть настроения общественности США; проследить эволюцию внешнеполитического курса Вашингтона в 1969–1974 гг.

Конец 1960-х гг. стал весьма сложным периодом для Америки. В первую очередь, проблемы были связаны с неудачной войной во Вьетнаме, которая завела руководство США во внешнеполитический тупик. Многие в

стране понимали, что необходимо срочно искать возможные пути выхода из сложившейся ситуации. Отдельные представители политико-академических кругов такой выход увидели в нормализации американско-китайских отношений. Следует отметить, что острые дебаты относительно китайской политики США фактически развернулись ещё с начала 1960-х гг. По мере усиления советско-китайских противоречий в Америке возрастал интерес к КНР. Поэтому всё чаще стали раздаваться голоса о том, что для США более реалистично было бы признать коммунистический режим в качестве легитимного правительства Китая и найти действенные способы работы с ним. Многие заговорили о «сдерживании без изоляции». В пользу пересмотра китайской политики США высказались сенаторы Т. Грин, Дж. У. Фулбрайт, К. Энгл, а также ряд членов палаты представителей (С. Юдол и др.)¹.

Существенную роль в улучшении двусторонних отношений сыграл созданный в 1966 г. «Национальный комитет по отношениям между США и Китаем», — некоммерческая общественная организация, целью которой являлось содействие развитию сотрудничества в различных сферах между Америкой и Китаем². Данная структура стала весомым лоббистским инструментом сторонников сближения с Пекином.

Свои соображения по поводу перспектив азиатской политики США изложил в статье «Азия после Вьетнама», опубликованной в авторитетном американском журнале «Форин афферс», и будущий президент страны Р. Никсон, где он указал на необходимость содействовать возвращению многомиллионного Китая в мировое сооб-

---

¹ Нагорный А. А., Парканский А. Б. США и Китай: экономические и научно-технические аспекты китайской политики Вашингтона. М., 1982. С. 155.

² National Committee on U. S. — China Relations.

URL: <http://www.ncuscr.org/who-we-are> (date of access: 27.03.2014).

щество в качестве великой и прогрессивной нации³. На необходимость изменения американского подхода к Китаю Р. Никсон неоднократно заявлял и во время своей предвыборной кампании. Так, 9 августа 1968 г. в одном из своих интервью он выразил мысль о том, что Соединенным Штатам необходимо искать возможности договориться с КНР⁴.

Однако администрация Джонсона слишком глубоко завязла в войне во Вьетнаме, чтобы кардинально изменить китайскую политику страны. К тому же, среди политико-академического сообщества звучали мнения, предостерегающие от сближения с Пекином. Как правило, такой позиции придерживались советологи. Такие известные специалисты, как Дж. Кеннан, Ч. Болен, Л. Томпсон, Ф. Колер считали, что улучшение отношений с Пекином чревато обострением противостояния с СССР⁵.

После победы на президентских выборах 1968 г. решение внешнеполитических задач легло на плечи республиканской администрации США, которая, столкнувшись с невозможностью реализации своего внешнеполитического курса старыми методами, вынуждена была начать поиск новых подходов, способных вывести Америку из кризиса, связанного с непопулярной войной во Вьетнаме, подъёмом национально-освободительных движений в мире и недовольством американской общественности внешней политикой Вашингтона. Поэтому администрация Никсона предприняла попытку частично решить имевшиеся внешнеполитические проблемы в Азии на китайском направлении.

Однако на пути улучшения отношений с КНР Р. Никсон был вынужден преодолеть серьёзные препятствия. Дело в том, что на протяжении двух десятилетий

---

³ *Nixon R. Asia after Viet Nam // Foreign Affairs. 1967. Vol. 46. №. 1. P. 121-124.*

⁴ *Kissinger H. White House Years. Boston, 1979. P. 164.*

⁵ *Киссинджер Г. О Китае. М., 2013. С. 221-222.*

американцы рассматривали коммунистический Китай как непримиримого врага. В Америке считали, что Пекин, действуя в интересах мирового коммунизма, преисполнен решимости вытеснить Соединённые Штаты из западной части Тихого океана. Многим Мао Цзэдун представлялся даже более неприемлемым, нежели советские руководители⁶. Поэтому уже первые шаги в сторону примирения с КНР могли вызвать раздражение внутри части политического истеблишмента и общественности США.

Тем не менее, подготовка к пересмотру китайской политики Вашингтона началась с первых дней деятельности республиканской администрации. Ещё до своей инаугурации в январе 1969 г. Р. Никсон выступил с инициативой возобновить прерванные в 1963 г. варшавские переговоры на уровне послов США и КНР, и хотя по ряду причин тогда этого сделать не удалось, всем было ясно, что новый президент собирается внести в политику США серьезные коррективы⁷. А во время инаугурационной речи Р. Никсон, касаясь Китая, заявил, что ни один народ в мире не должен жить в условиях «озлобленной изоляции»⁸.

Р. Никсон поручил курировать работу на китайском направлении советнику президента по национальной безопасности Г. Киссинджеру. Известно, что он сыграл одну из ключевых ролей в становлении нового американского подхода к Китаю. До прихода в администрацию он работал в Совете по международным отношениям, возглав-

---

⁶ Киссинджер Г. Указ. соч. С. 225.

⁷ Цветков И. А. Политика США по отношению к тайваньской проблеме, 1949-1999 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000 // История США. URL: <http://www.ushistory.ru/dissertatsii/181-glava-2-evoljutsija-politiki-sshav-otnoshenii-tajvanskoj-problemy-v-gody-holodnoj-vojny.html> (дата обращения: 3.10.2012).

⁸ Дэвис Д. Э., Трани Ю. П. Кривые зеркала. США и их отношения с Россией и Китаем в XX веке. М., 2009. С. 563.

лял программу оборонных исследований в Центре международных отношений при Гарвардском университете, консультировал губернатора Нью-Йорка Н. Рокфеллера и считался одним из виднейших экспертов в области использования ядерного оружия. Взять его в свою команду Р. Никсону посоветовал один из авторитетнейших политиков Соединённых Штатов Г. Кэбот Лодж. При этом есть мнение, что первоначально Г. Киссинджер не был достаточно хорошо знаком с китайской проблематикой⁹. Однако достаточно быстро он сумел создать вокруг себя дееспособную команду из специалистов-синологов, изучить суть проблемы и начать активную работу.

В начале февраля 1969 г. Р. Никсон поручил Г. Киссинджеру разработать план мероприятий, направленных на установление отношений с КНР. В результате сотрудничества Совета национальной безопасности были разработаны практические рекомендации, включающие в себя установление секретных отношений с китайским руководством, а также реализацию пропагандистских мер, сигнализировавших Пекину о готовности Вашингтона двигаться в различных направлениях своей китайской политики¹⁰.

Весомый вклад в разработку основ новой китайской политики США внесла научно-практическая конференция, состоявшаяся в Нью-Йорке 20–21 марта 1969 г. и посвящённая обсуждению американо-китайских отношений. Материалы конференции, обобщённые в сборнике «США и Китай. Следующее десятилетие», фактически стали теоретической основой для развития двусторонних отношений в 1970-е гг. Конференция показала, что значительная часть американского политико-академического

---

⁹ *Kalb M., Kalb B. Kissinger. Boston, 1974. P. 259–260.*

¹⁰ *Деятарёв А. В. Роль Совета национальной безопасности в дипломатической подготовке визита Р. М. Никсона в КНР в феврале 1972 г. // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 311. С. 72.*

сообщества заинтересована в изменении внешней политики США в отношении КНР¹¹.

Однако республиканская администрация не могла сразу же пойти на серьёзные уступки Пекину, особенно по тайваньской проблеме и по вопросу о представительстве КНР в ООН, которые волновали Китай в первую очередь. Белый дом был вынужден учитывать антикитайские настроения Конгресса и части общественности США. Поэтому после того, как надежды китайской стороны на резкое изменение позиции Вашингтона на китайском направлении в связи с победой Р. Никсона на президентских выборах не оправдались, Пекин на некоторое время вновь активизировал антиамериканскую пропаганду, обрушившись с резкими нападениями на американского президента¹². Очевидно, что сторонам требовалось время на разрушение демонизированных идеологических образов друг друга и разработку продуманной политики в АТР¹³.

Тем не менее, уже весной 1969 г. Вашингтон делал намёки на готовность вести переговоры с Пекином. Выступая в апреле 1969 г., госсекретарь У. Роджерс заявил, что «США готовы прямо сейчас, без каких-либо предварительных условий, признать существование двух китайских режимов — пекинского и тайбэйского»¹⁴. Конечно, Пекин к такому развитию событий был не готов.

Рассматривая эволюцию китайской политики Вашингтона, необходимо назвать основные причины, заставившие американское руководство совершить поворот на 180 градусов, в условиях кризиса внешней политики США.

---

¹¹ Давыдов А. С. Идеология и прагматизм в китайской политике США: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 104–105.

¹² Воронцов В. Б. Китай и США: 60–70-е годы. М., 1979. С. 34.

¹³ Kissinger Н. *Op. cit.* P. 189.

¹⁴ Цветков И. А. Указ. соч.

Во-первых, неудачи, связанные с вьетнамской войной. Осознав всю бесперспективность войны во Вьетнаме, правительство США решило использовать нормализацию отношений с КНР в качестве дополнительного давления на Северный Вьетнам, чтобы достойно выйти из непопулярной войны¹⁵.

Во-вторых, усиление советско-китайской конфронтации. По мере того, как обострялись советско-китайские отношения, Вашингтон стремился модифицировать свою политику в отношении КНР, подавая Пекину сигналы своей заинтересованности в ослаблении напряжённости между ними¹⁶.

В августе 1969 г. на заседании СНБ президент Р. Никсон определился насчёт возможной советско-китайской войны. Он заявил о том, что США займут позицию нейтралитета, но по возможности будут помогать Китаю, поскольку проигрыш Пекина не в интересах Вашингтона¹⁷. В условиях «холодной войны» это означало, что Соединённые Штаты намеревались действовать в соответствии со своими стратегическими интересами. Такая позиция нашла своё подтверждение в речи заместителя госсекретаря Э. Ричардсона перед Американской ассоциацией политических наук¹⁸.

Именно обострение советско-китайских отношений, вылившееся в марте 1969 г. в вооружённый конфликт между СССР и КНР, позволило Вашингтону перейти к реальному сближению с Пекином¹⁹.

В-третьих, к урегулированию американо-китайских отношений Вашингтон подталкивали и экономические

---

¹⁵ Kissinger H. Op. cit. P. 164.

¹⁶ Давыдов А. С. Указ. соч. С. 113.

¹⁷ Kissinger H. Op. cit. P. 182.

¹⁸ Куссунджер Г. Указ. соч. С. 242.

¹⁹ Nixon R. The Memoirs of Richard Nixon. N.Y., 1978. P. 281.

причины. Ещё в середине 1960-х гг. представители крупных корпораций указывали на существенные выгоды торговли с КНР и на провал политики экономической изоляции Китая²⁰.

В июле 1969 г. администрация Никсона отменила ограничения на поездки в КНР шести категориям американских граждан (членам Конгресса; журналистам; учителям, студентам и аспирантам по программам обмена; учёным; врачам; представителям Красного Креста). При этом Министерство торговли США разрешило американцам, посещающим Китай, ввозить в Соединённые Штаты товары китайского производства на сумму до 100 долл.

В декабре 1969 г. Вашингтон разрешил импорт товаров китайского производства в некоммерческих целях без ограничения их стоимости. Кроме того, филиалам и дочерним компаниям американских компаний за рубежом был разрешен экспорт в КНР «нестратегических» товаров и импорт китайских товаров для сбыта в третьих странах²¹.

При этом, по мнению Г. Киссинджера, инициатива американо-китайского сближению исходила со стороны Пекина, а президент Р. Никсон просто не упустил представившуюся возможность начать диалог с КНР²². Дело в том, что американская сторона рассчитывала на определённое влияние на внешнюю политику КНР в интересах США, даже не вступая в слишком тесные отношения с пекинским руководством²³.

На первоначальном этапе процесса восстановления двусторонних отношений Р. Никсон важным условием считал конфиденциальность²⁴. Вся работа велась

---

²⁰ *Нагорный А. А., Парканский А. Б.* Указ. соч. С. 42.

²¹ Там же. С. 43.

²² *Киссинджер Г.* Указ. соч. С. 234–235.

²³ Современная внешняя политика США. М., 1984. Т. 2. С. 322.

²⁴ *Десярёв А. В.* Указ. соч. С. 72.

Г. Киссинджером через СНБ, минуя госдепартамент, оставшийся в стороне²⁵. Дело в том, что в годы первого президентства Р. Никсона госсекретарь У. Роджерс не играл заметной роли в формировании внешней политики. Скорее он был нужен Р. Никсону для согласования путём переговоров президентской внешнеполитической линии с сенатским комитетом по международным делам США в Конгрессе, который возглавлял Дж. У. Фулбрайт²⁶. Аппарат внешнеполитического ведомства страны находился фактически под контролем СНБ во главе с Г. Киссинджером²⁷.

Заинтересованность сторон в сближении на фоне советско-китайского обострения привела к тому, что с ноября 1969 г. американские дипломаты понемногу начали контактировать с представителями КНР в различных столицах мира с целью начала переговоров²⁸. Тем более что Пекин начал не только слышать различные заявления о готовности США к улучшению отношений с Китаем, но и видеть некоторые конкретные шаги, подтверждавшие желание Вашингтона улучшить взаимоотношения сторон. Так, в ноябре 1969 г. в рамках выдвинутой в июле того же года «гуамской доктрины» США объявили о прекращении патрулирования Тайваньского пролива 7-м флотом США²⁹.

2 декабря 1969 г. госсекретарь У. Роджерс выступил с меморандумом «Следующие шаги китайской политики», в котором предложил отменить контроль над иностранными активами, позволить американским предпринимателям участвовать в торговле с третьими странами, а также разрешить приобретение товаров КНР в не-

---

²⁵ Дэвис Д. Э., Трани Ю. П. Указ. соч. С. 578.

²⁶ Nixon R. The Memoirs of Richard Nixon. P. 339.

²⁷ Hersh S. The Price of Power: Kissinger in the Nixon White House. N. Y., 1983. P. 35.

²⁸ Киссинджер Г. Указ. соч. С. 244.

²⁹ Tucker N. B. Taiwan, Hong Kong, and the United States, 1945-1992: Uncertain Friendships. N. Y., 1994. P. 102.

коммерческих целях³⁰. 16 декабря президент Р. Никсон одобрил это предложение³¹.

В декабре 1969 г. Г. Киссинджер отметил, что США будут судить о других государствах, исходя из их реальных действий, а не идеологических установок³². А в феврале 1970 г. в своём послании Конгрессу по вопросам внешней политики Р. Никсон указал на то, что, несмотря на имеющиеся идеологические разногласия и различия в интересах, отношения США и Китая должны развиваться в мире и согласии³³. Тем самым президент США в очередной раз призвал к сближению с Пекином. Правда, на возобновившихся варшавских переговорах очень быстро выяснилось, что главным препятствием для сближения сторон по-прежнему является тайваньская проблема³⁴. Поэтому первые две встречи 20 февраля и 20 марта весомых результатов не принесли, поскольку китайцы стремились выйти за рамки американской повестки переговоров. Кроме того, решение Р. Никсона в апреле направить американские войска в Камбоджу в целях уничтожения баз снабжения вьетнамских коммунистов было использовано Мао Цзэдуном для отмены третьей встречи в Варшаве, намеченной на 20 мая 1970 г.³⁵

Ещё одним препятствием на пути к урегулированию американско-китайских отношений была проблема членства в ООН. В начале 1970 г. вопрос принятия КНР в ООН встал с новой силой. В этой ситуации Америка попыталась предложить формулу членства «двух Китаев» в ООН³⁶. А в

---

³⁰ Дэвис Д. Э., Трани Ю. П. Указ. соч. С. 570.

³¹ Там же. С. 571.

³² Kissinger H. Op. cit. P. 192.

³³ Barnett A. D. A New Policy Toward China. Washington, 1971. P. 16.

³⁴ Tucker N. B. Op. cit. P. 102.

³⁵ Киссинджер Г. Указ. соч. С. 246–247.

³⁶ Lasater M. Policy in Evolution: the U.S. Role in China's Reunification. Boulder (Colorado), 1989. P. 23.

целях успокоения растущей тревоги тайваньских властей по поводу возможных изменений в китайской политике Вашингтона в Тайбэй в начале 1970 г. был отправлен вице-президент С. Агню, попытавшийся донести до руководства острова две идеи: «Во-первых, то, что Пекин важен для США и «не замечать» его более не представляется возможным, и, во-вторых, то, что у лидеров КР нет оснований для тревог»³⁷. Однако Пекин был явно не согласен с таким подходом Вашингтона. Поэтому американская администрация была вынуждена пойти на уступки и в августе 1971 г. официально объявить о поддержке вступления КНР в ООН, правда, с оговоркой, что это не должно быть сделано путем изгнания из организации Тайваня³⁸.

В итоге вышеуказанные причины отсрочили достижение какого-либо соглашения между США и Китаем в 1970 г. Тем не менее, американская сторона не утратила интерес к нормализации отношений с Пекином. Так, во время своего мирового турне Р. Никсон в июле 1970 г. проинформировал пакистанское и румынское руководство о желании установить контакты с китайскими руководителями на высоком уровне. Данную информацию американцы постарались донести до Пекина и по другим каналам, в частности через Францию³⁹. О Китае Р. Никсон охотно рассуждал во время кругосветного турне и с лидерами государств Юго-Восточной Азии⁴⁰.

Впервые о своём желании посетить КНР президент Р. Никсон заявил в интервью журналу «Тайм» в октябре 1970 г.⁴¹ А 26 октября 1970 г. на обеде в честь главы Румынии Н. Чаушеску президент США впервые употребил

---

³⁷ Цветков И. А. Указ. соч.

³⁸ Tucker N. B. Op. cit. P. 247.

³⁹ Киссинджер Г. Указ. соч. С. 248.

⁴⁰ Kissinger H. Op. cit. P. 711.

⁴¹ Современная внешняя политика США. С. 325.

официальное название китайского государства – Китайская Народная Республика, что также стало сигналом Пекину⁴².

В конечном итоге, 8 декабря 1970 г. в Вашингтон поступило послание от Чжоу Эньлая, в котором говорилось о согласии Пекина согласовать время и место организации контактов на высоком уровне⁴³. В это же время состоялся визит в Пекин известного американского журналиста, симпатизирующего Китаю, Э. Сноу. 10 декабря 1970 г. он был принят Мао Цзэдуном. Можно отметить, что активная деятельность Э. Сноу полностью вписывалась в серию мероприятий США по улучшению отношений с КНР⁴⁴.

Таким образом, Вашингтоном были созданы необходимые условия для расширения американо-китайских контактов. Однако, не имея площадки для перевода президентской стратегии в официальную позицию страны, США были вынуждены периодически отступать назад, дабы не создавать впечатления, что именно они делают первый шаг. Ведь даже весной 1971 г., согласно Г. Киссинджеру, процесс налаживания отношений с КНР был засекречен. В планы Р. Никсона относительно Пекина по-прежнему не был посвящён даже госдепартамент. Об этом свидетельствует комментарий госсекретаря У. Роджерса, который в своём интервью охарактеризовал китайскую политику как экспансионистскую и заявил, что поездка Р. Никсона в КНР станет возможной лишь тогда, когда Пекин согласится выполнять нормы международного права⁴⁵.

Тем временем процесс нормализации американо-китайских отношений набирал свои обороты. В условиях нарастания недовольства американской общественности

---

⁴² Современная внешняя политика США. С. 324.

⁴³ Kissinger H. Op. cit. P. 701.

⁴⁴ Воронцов В. Б. Миссионеры и их наследники. Повороты политики США в отношении Китая. М., 1986. С. 131.

⁴⁵ Kissinger H. Op. cit. P. 720.

продолжавшейся войной во Вьетнаме и актуализации поиска путей решения стоящих перед страной проблем, в конгрессе США сторонники сближения с КНР предприняли попытку отменить «формозскую резолюцию» впервые с момента её принятия. Соответствующие резолюции, предложенные сенатором-демократом Ф. Черчем и сенатором-республиканцем Ч. Метайесом в январе 1971 г., едва не набрали большинства голосов для голосования⁴⁶.

Весна 1971 г. открыла в двусторонних отношениях новый этап переговоров, известный как «пинг-понговая дипломатия». 10 апреля 1971 г. американская команда по пинг-понгу в составе девяти игроков, четырёх чиновников и двух спонсоров в сопровождении десяти журналистов прибыла в КНР⁴⁷. Это была первая группа американцев, официально допущенная в Китай с 1949 г.⁴⁸

Вашингтон решил подкрепить свою позицию конкретными действиями. 14 апреля 1971 г. президент Р. Никсон заявил, что США готовы предоставить визы лицам и группам лиц из КНР, желающим приехать в Америку; будут ослаблены американские валютные ограничения, отменены ограничения, введённые для американских нефтяных компаний, предоставляющих топливо судам или самолетам, следующим в Китай или из Китая; американские суда и самолёты смогут перевозить китайские грузы между некитайскими портами, и принадлежащие американцам суда, плавающие под иностранным флагом, смогут заходить в китайские порты; будет составлен перечень товаров нестратегического характера, которые могут быть допущены к прямому

---

⁴⁶ Цветков И. А. Указ. соч.

⁴⁷ *Xu Guoqi. The Sport of Ping-Pong Diplomacy // Olympic Dreams: China and Sports 1895-2008. Cambridge, 2008. P. 117-163.*

⁴⁸ Дэвис Д. Э., Трани Ю. П. Указ. соч. С. 578.

экспорту в КНР, а также будет санкционирован и прямой импорт определённых товаров из Китая⁴⁹.

Считается, что приглашение американских спортсменов в Китай стало ответным сигналом Пекина на инициативы Вашингтона. Восьмидневный визит спортивной команды сигнализировал о взаимном желании ослабить имевшуюся напряжённость в отношениях между Вашингтоном и Пекином. Поэтому Р. Никсон поставил задачу перед Госдепартаментом, Министерством обороны и ЦРУ разработать следующие шаги, направленные на нормализацию отношений между США и КНР⁵⁰.

Улучшение американско-китайских отношений способствовало и ускорению процесса «разрядки» между Вашингтоном и Москвой. Согласно Г. Киссинджеру, «весной 1971 г. была уже практически достигнута договорённость с СССР о заключении договора ОСВ-1, но США решили не торопиться, рассчитывая оказать на Советский Союз дополнительное психологическое воздействие, используя трудности в советско-китайских отношениях установлением отношений с Китаем»⁵¹.

«Дипломатия пинг-понга» создала необходимые предпосылки для дальнейшей активизации американско-китайских контактов, что вылилось в секретную поездку Г. Киссинджера в КНР. 9 июля 1971 г. он тайно прибыл в Пекин для встречи с китайским руководством. Во время встречи с премьером Госсовета КНР Чжоу Эньлаем Г. Киссинджер обозначил вопросы, которые предстояло обсудить во время планируемого визита Р. Никсона в Китай. Среди них он выделил ситуацию в Индокитае, отношения с СССР и Японией, ситуацию в Южной Азии, во-

---

⁴⁹ Воронцов В. Б. Миссионеры и их наследники ... С. 132-133.

⁵⁰ Дежнев А. В. Указ. соч. С. 75.

⁵¹ Kissinger H. Op. cit. P. 725.

просы контроля над вооружениями и др.⁵² В самом центре переговоров находилась тайваньская проблема, решение которой в краткосрочной перспективе было невозможным. И стороны это понимали. Поэтому для Г. Киссинджера основной задачей было не допустить разрушения самой основы американских гарантий Тайбэю, уступив только в некоторых формальных вопросах, к которым китайцы проявляли повышенную заинтересованность. В числе требований китайского руководства на первом месте стояло признание Тайваня провинцией КНР, на что эмиссар Вашингтона дал принципиальное согласие. Следующий пункт, о выводе с острова американских войск, вызвал больше споров у переговорщиков, но в конечном итоге Г. Киссинджер пообещал сделать и это после окончания вьетнамской войны. Что касается ещё одного требования Пекина — аннулировать Договор о взаимной обороне между США и Тайванем, — то его Г. Киссинджер ловко обошёл, переключив внимание китайской стороны на иные темы. При этом он всячески пытался показать, что нормализация двусторонних отношений необходима для обоих государств, поэтому нужно достичь этого несмотря ни на что, в том числе и вне зависимости от решения тайваньского вопроса. Г. Киссинджер подчеркнул, что США больше не являются врагом Китая, а значит, не будут больше изолировать КНР, поддержат предложение о восстановлении членства Пекина в ООН, но выступают против изгнания из ООН представителей Тайваня⁵³. Отстаивая свою позицию, он также обещал китайскому руководству дипломатическое признание КНР со стороны США после президентских выборов 1972 г.⁵⁴

---

⁵² Дегтярёв А. В. Указ. соч. С. 75.

⁵³ Gittings J. *The World and China, 1922-1972*. N. Y., 1974. P. 264.

⁵⁴ Tucker N. B. *Op. cit.* P. 104.

По словам Р. Никсона, «Г. Киссинджер и Чжоу Эньлай разработали великолепную формулу для коммюнике... Вместо того, чтобы замаскировать наши разногласия дипломатической абракадаброй, каждая из сторон изложила свои взгляды на проблемы, по которым у сторон были различия»⁵⁵. Несмотря на выявившиеся между сторонами противоречия по тайваньскому вопросу, поездка Г. Киссинджера в КНР 9–11 июля 1971 г. дала старт процессу, при помощи которого США поэтапно приняли концепцию «одного Китая»⁵⁶.

Оставшись удовлетворённым развитием переговоров, 13 июля 1971 г. Р. Никсон сделал публичное заявление о состоявшейся поездке в Пекин Г. Киссинджера и о приглашении, сделанном китайским руководством президенту США, посетить КНР⁵⁷.

Однако для подготовки поездки Р. Никсона в КНР потребовался ещё один визит Г. Киссинджера в Пекин, который состоялся с 10 по 14 ноября 1971 г.⁵⁸ Необходимо было выработать проект итогового коммюнике предстоящего визита президента⁵⁹. Во время второй встречи Г. Киссинджера с Чжоу Эньлаем обсуждались вопросы, касавшиеся будущего Тайваня, вьетнамской войны, японской оборонительной политики, продолжавшегося конфликта вокруг Бангладеш, а также деталей поездки Р. Никсона в Китай⁶⁰. При этом целью Г. Киссинджера было внушить китайцам страх относительно возможной эскалации войны в Индокитае, возможного возрождении Японии в каче-

---

⁵⁵ *Никсон Р.* На арене. Воспоминания о победах, поражениях и возрождении. М., 1992. С. 16.

⁵⁶ *Киссинджер Г.* Указ. соч. С. 275.

⁵⁷ *Kissinger H.* Op. cit. P. 759–760.

⁵⁸ *Ibid.* P. 777.

⁵⁹ *Киссинджер Г.* Указ. соч. С. 292.

⁶⁰ *Десярёв А. В.* Указ. соч. С. 76.

стве полноценной военной державы, советской угрозы на китайской границе⁶¹.

Следует отметить, что американцы проделали огромную предварительную работу по выносимым на переговоры Р. Никсона с китайским руководством вопросам. На протяжении нескольких недель эксперты госдепартамента по восточной политике (А. Дженкинс, Р. Салливан, Ч. Браун) под руководством Г. Киссинджера работали над текстом документа, который, с одной стороны, должен был устроить китайское руководство, а, с другой стороны, отразить американское видение будущего двусторонних отношений⁶².

В начале января 1972 г. краткую поездку в Пекин совершил бригадный генерал А. Хейг для окончательного согласования технических деталей предстоящего визита президента Р. Никсона⁶³. Он заявил о готовности Вашингтона скорректировать свою позицию по некоторым вопросам (Тайвань, Вьетнам, вопросы двусторонних отношений и т.д.), о которых шла дискуссия осенью 1971 г. При этом для усиления американской позиции на переговорах А. Хейг, по примеру Г. Киссинджера, убеждал китайских лидеров в актуальности угрозы КНР со стороны СССР. В целом визит А. Хейга в Пекин подтвердил позиции Соединённых Штатов по основным вопросам предстоящей повестки саммита⁶⁴.

Наконец, в феврале 1972 г. состоялся тщательно подготовленный визит в КНР президента Р. Никсона, в ходе которого он заявил, что для США важно отношение той или иной страны (подразумевая КНР) к Америке, а не её

---

⁶¹ Дэвис Д. Э., Трани Ю. П. Указ. соч. С. 583.

⁶² Цветков И. А. Указ. соч.

⁶³ Дэвис Д. Э., Трани Ю. П. Указ. соч. С. 598.

⁶⁴ Десярёв А. В. Указ. соч. С. 76.

внутренняя идеология⁶⁵. Тем самым он дал понять, что Америка готова к кардинальному пересмотру американо-китайских отношений.

Кроме президента, в состав официальной делегации США вошли госсекретарь У. Роджерс, помощник президента по национальной безопасности Г. Киссинджер, специальный помощник президента по административным вопросам Р. Холдeman, секретарь Белого дома по вопросам прессы Р. Зиглер, военный советник президента Б. Скоукрофт, помощник госсекретаря по делам Восточной Азии и Тихого океана Д. Харт и др.⁶⁶

Во время состоявшихся переговоров основные вопросы были разделены на три категории. В первую входили долгосрочные цели сторон и их сотрудничество против гегемона, под которым подразумевался СССР⁶⁷. Вторую категорию составили вопросы торгово-экономического и научно-технического сотрудничества. Третья категория касалась вопросов подготовки заключительного коммюнике по итогам переговоров⁶⁸.

В ходе шести раундов переговоров Р. Никсона с Чжоу Эньлаем при сопоставлении позиций двух сторон по актуальным международным проблемам были выявлены как точки соприкосновения, так и существенные противоречия между ними⁶⁹.

В первую очередь, общий успех зависел от возможности достижения прогресса по тайваньскому вопросу⁷⁰. Учитывая его важность для конструктивного развития отношений, 22 февраля 1972 г. Р. Никсон озвучил американскую

---

⁶⁵ *Nixon R. The Memories of Richard Nixon. P. 562.*

⁶⁶ *Пронь С. В. США та Японія в Азіатсько-Тихоокеанському регіоні (50-90-ті роки XX століття). Миколаїв, 2003. С. 62.*

⁶⁷ *Nixon R. The Memories of Richard Nixon. P. 577.*

⁶⁸ *Киссинджер Г. Указ. соч. С. 288.*

⁶⁹ *Kissinger H. Op. cit. P. 237.*

⁷⁰ *Киссинджер Г. Указ. соч. С. 295.*

позицию по Тайваню, в основе которой лежало пять принципов: подтверждение политики «одного Китая»; обещание не допускать на острове движений за независимость Тайваня; обещание не оказывать содействия японскому проникновению на Тайвань; поддержание любых мирных решений между Пекином и Тайбэем; обещание продолжать нормализацию двусторонних отношений⁷¹.

В целом в Шанхайском коммюнике, подписанном по итогам визита президента Р. Никсона в Китай 28 февраля 1972 г., каждая из сторон пыталась отразить свою позицию. Однако в важнейшем для Пекина тайваньском вопросе США признали, что существует только один Китай. При этом американцы подтвердили, что выступают за мирное урегулирование тайваньской проблемы⁷². Правда, в Шанхайском коммюнике ничего не было сказано о судьбе Договора о взаимной обороне между США и Тайванем, что означало продолжение его дальнейшего действия. Р. Никсон планировал вывести американские войска с острова во время своего второго президентского срока⁷³. На том этапе власти КНР удовлетворились обещанием Вашингтона постепенно сократить своё военное присутствие на Тайване, которое в те годы составляло порядка 10 тысяч человек⁷⁴.

Бесспорно, визит Р. Никсона в Китай в феврале 1972 г. стал поворотным событием в истории американо-китайских отношений. Это был существенный сдвиг во взаимоотношениях двух стран, который повлиял на общественное мнение в Америке и ускорил трансформацию китайской политики США.

---

⁷¹ Киссинджер Г. Указ. соч. С. 296.

⁷² Ambrose S. E. Nixon: The Triumph of a Politician. N.Y., 1989. P. 516.

⁷³ Киссинджер Г. Указ. соч. С. 296.

⁷⁴ Tucker N. B. Op. cit. P. 111.

Согласно опросам общественного мнения, визит Р. Никсона в КНР поддержали почти $\frac{3}{4}$ американцев (73% против 21% при 6% затруднившихся ответить). Главным фактором, повлиявшим на положительную реакцию общественности на визит президента в Китай, явилась активная и целенаправленная пропагандистская кампания, развёрнутая в Америке. Согласно американским СМИ, американцы ждали от поездки Р. Никсона установления дипломатических отношений и расширения торговли⁷⁵.

Опросы общественного мнения показывали, что общественность США в своём большинстве поддержала наметившийся в начале 1970-х гг. внешнеполитический курс Вашингтона. Конечно, трансформация общественного мнения в отношении Китая случилась не сама по себе, а под воздействием определённых факторов, решающим из которых стало изменение курса администрации Никсона в отношении Китая⁷⁶. Визит президента США положил конец враждебности в отношениях между Америкой и Китаем⁷⁷.

Несмотря на устоявшееся негативное восприятие коммунистического Китая и определённые риски, связанные с процессом урегулирования двусторонних отношений, Р. Никсон смог успешно осуществить задуманное. Во многом та лёгкость, с которой Америка согласилась с поворотом китайской политики Вашингтона на 180 градусов, объяснялась фактором личности самого президента. Он был известен как убежденный антикоммунист, его политическая база находилась на правом фланге, что защищало его от упреков в потворстве коммунизму⁷⁸.

---

⁷⁵ Кузнецов Д. В. Китай в зеркале общественного мнения. Благовещенск, 2013. С. 67–68.

⁷⁶ Кузнецов Д. В. Указ. соч. С. 62, 64.

⁷⁷ Sutter R. China-Watch: Toward Sino-American Reconciliation. Baltimore; L., 1978. P. 109.

⁷⁸ Kissinger H. Op. cit. P. 163.

Однако в реальной политике Р. Никсон был убеждён, что геополитика преобладает над идеологией. По его словам, в основе общих стратегических интересов США лежало противодействие влиянию СССР в Азии. КНР, как и Советский Союз, был коммунистической державой, США — капиталистической, но, с его точки зрения, Пекин Вашингтону, в отличие от Москвы, не угрожал. Именно на этой основе идеологически чуждые друг другу страны пошли на сближение, т. е. интересы национальной безопасности сторон приобрели более важное значение, нежели идеологические противоречия⁷⁹.

Нормализация американско-китайских отношений означала завершение двадцатилетней политики Вашингтона в АТР, основанной на принципе «окружения Китая»⁸⁰. Теперь Китай стал рассматриваться как самостоятельный фактор в мировой политике, а в американском политическом лексиконе появился термин «китайский фактор» («китайская карта»), который занял важное место в геополитических планах Вашингтона, особенно касающихся взаимоотношений с СССР. Кроме того, Р. Никсон рассчитывал извлечь из урегулирования американско-китайских отношений максимальные преимущества в ходе предстоящей кампании по переизбранию на второй президентский срок.

Однако далеко не сразу представители всех политических кругов США восприняли произошедшие сдвиги в официальной позиции Вашингтона по проблемам двусторонних отношений с КНР. В первую очередь, это относилось к правому крылу политического истеблишмента Америки, к которому принадлежали многие известные конгрессмены (Б. Голдуотер, Г. Джексон, Дж. Хелмс, Дж. Бакли, Дж. Эшбрук, Дж. Тауэр, Дж. Аллен, Дж. Тэр-

---

⁷⁹ Никсон Р. Указ. соч. С. 16.

⁸⁰ Давыдов А. С. Указ соч. С. 120.

монд, Б. Конэйбл и др.), а также такие организации, как «Американский легион», «Ветераны иностранных войн», «Молодые американцы за свободу» и др.

Для этой части политического сообщества Америки улучшение американо-китайских отношений, особенно на первых порах, отождествлялось с «пораженческой» линией во внешней политике США в АТР. Например, сенатор Г. Джексон сравнил принятие Р. Никсоном приглашения посетить КНР с публичной капитуляцией⁸¹.

Тем не менее, после изгнания Тайваня из ООН и подписания Шанхайского коммюнике деятельность «тайваньского лобби» приобрела новые черты. Сторонники Тайбэя в политических кругах США были вынуждены пересмотреть свою стратегию и тактику. Так, «Комитет одного миллиона» трансформировался в «Комитет в поддержку Свободного Китая», где лидирующее положение заняли известные конгрессмены и сенаторы У. Джадд, С. Тармонд, Б. Голдуотер⁸². Снизилась интенсивность антипекинских настроений в деятельности других организаций. В частности, в 1973 г. руководство АФТ-КПП официально одобрило «новую китайскую политику» республиканской администрации и изъяло из своих программных документов антикитайские лозунги⁸³. Правда, моральный аспект политики в отношении Тайваня, недопустимость предательства старого союзника, способствовали привлечению в ряды «тайваньского лобби» новых членов, среди которых выделялись сенаторы-республиканцы Д. Хэлмс, Г. Хэмффри, О. Хатч, а также сенатор-демократ Г. Бирд⁸⁴.

---

⁸¹ Нагорный А. А., Парканский А. Б. Указ. соч. С. 154.

⁸² *Bachrack, S. D.* The Committee of One Million: «China Lobby» Politics, 1953–1971. N. Y., 1976. P. 206.

⁸³ Нагорный А. А., Парканский А. Б. Указ. соч. С. 161.

⁸⁴ Цветков И. А. Указ. соч.

Однако, в конечном итоге, убедив политическое общество Америки в необходимости нормализации американо-китайских отношений, администрация Р. Никсона заручилась двухпартийной поддержкой политики сближения с КНР⁸⁵.

Процесс нормализации отношений с КНР принёс Вашингтону бесспорные выигрыши, поскольку пекинское руководство стало оказывать США определённую поддержку в различных вопросах международных отношений⁸⁶. Конечно, стадия нормализации отношений не могла рассматриваться сторонами как окончательная, прежде всего потому, что соглашение об установлении полноценных дипломатических отношений между США и КНР так и не было достигнуто. Вашингтон по-прежнему продолжал признавать Тайбэй, хотя начавшимся американо-китайским сближением власти острова были сильно озабочены. Правда, в силу ряда причин Вашингтон не планировал бросать Тайвань на произвол судьбы. В первую очередь, он был необходим Америке с военно-стратегической точки зрения. Во-вторых, двадцатилетнее сотрудничество США и Китайской Республики накладывало на Вашингтон определённые моральные обязательства по поддержке острова. К тому же за долгие годы взаимодействия в американском Конгрессе и деловых кругах Америки сформировалось мощное «тайваньское лобби», оказывавшее серьёзное воздействие на внешнеполитический курс страны. В-третьих, с конца 1960-х гг. двусторонняя повестка взаимоотношений дополнилась экономическими выгодами от сотрудничества с Тайванем⁸⁷. Поэтому, хотя, Договор о взаимной обороне между США и Тайванем, формально остававшийся в силе, во многом

---

⁸⁵ Современная внешняя политика США. С. 323.

⁸⁶ *Цветков И. А.* Указ. соч.

⁸⁷ Там же.

утратил своё прежнее значение, Вашингтон и Пекин не смогли заложить достаточно прочный фундамент для долгосрочного партнёрства, а тайваньская проблема оказалась гораздо сложнее, нежели это можно было себе представить, и осталась самым чувствительным раздражителем американо-китайских отношений. Например, США использовали её для давления на Пекин с целью обеспечения более благоприятных условий в переговорах по иным направлениям развития двусторонних отношений. Так, Вашингтон связывал постепенное сокращение численности своих военнослужащих на Тайване с разрядкой напряжённости в Юго-Восточной Азии⁸⁸.

После победы на президентских выборах в ноябре 1972 г. Р. Никсон продолжил свой курс в отношении Китая. Особенностью дальнейшего развития американо-китайских отношений стало то, что партнёры пытались координировать свои действия без официального оформления такого рода обязательств⁸⁹. Важную роль по-прежнему играли контакты Белого дома с китайскими руководителями посредством визитов в КНР Г. Киссинджера, ставшего госсекретарем во второй администрации Р. Никсона. Так, 17–18 февраля и 12 ноября 1973 г. состоялись очередные встречи госсекретаря Г. Киссинджера с Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем⁹⁰. Кроме того, в 1973 г. США и КНР открыли в Пекине и Вашингтоне «офисы связи», которые стали неофициальными посольствами.

В марте 1973 г. при активной поддержке госдепартамента и министерства торговли 140 американскими компаниями в качестве общественной организации был создан Национальный совет содействия американо-китайской торговле⁹¹.

---

⁸⁸ Воронцов В. Б. Китай и США ... С. 78.

⁸⁹ Киссинджер Г. Указ. соч. С. 301.

⁹⁰ Там же. С. 303, 317.

⁹¹ Нагорный А. А., Парканский А. Б. Указ. соч. С. 45.

В ноябре 1973 г. совет организовал поездку американской торговой делегации в Пекин, в ходе которой её члены выступили за скорейшее предоставление Китаю режима наибольшего благоприятствования в торговле и за расширение китайского экспорта в США⁹².

Однако вскоре в силу определённых обстоятельств процесс дальнейшей нормализации американско-китайских отношений замедлился. Среди факторов, затормозивших сближение, можно назвать начало советско-американской разрядки международной напряжённости, поскольку отношениям с Москвой Вашингтоном уделялось всё же более приоритетное значение; противоречия, связанные с завершением войны во Вьетнаме; изменения в политическом руководстве КНР в связи с уходом Чжоу Эньлая; уотергейтский скандал и отставку Р. Никсона.

Таким образом, в период президентства Р. Никсона в китайской политике Вашингтона произошёл кардинальный поворот, вызванный рядом причин. Во-первых, внутри- и внешнеполитическим кризисом, связанным с неудачной войной во Вьетнаме. Во-вторых, советско-китайской конфронтацией, которую США попытались использовать для укрепления своих позиций в АТР и мире. В-третьих, атмосферой разрядки международной напряжённости, отразившейся и на микроклимате американско-китайских отношений. В-четвёртых, желанием отдельных кругов политической элиты, делового сообщества и общественности США урегулировать отношения с КНР.

В результате обоюдной заинтересованности сторон в улучшении взаимоотношений и целенаправленных действий администрации Р. Никсона, сумевшей преодолеть антикитайские настроения, в американско-китайских отношениях произошёл прорыв, выведший их на качественно новый уровень развития. Однако, несмотря на начавшееся сближение Вашингтона и Пекина, между ними осталось немало острых противоречий, обусловленных разными

---

⁹² Нагорный А. А., Парканский А. Б. Указ. соч. С. 45.

социально-экономическими системами, идеологиями, геополитическими интересами и пережитками двадцатилетнего противостояния.

Источники

Киссинджер Г. О Китае. М., 2013.

Никсон Р. На арене. Воспоминания о победах, поражениях и возрождении. М., 1992.

Kissinger H. White House Years. Boston, 1979.

Nixon R. Asia after Viet Nam // Foreign Affairs. 1967. Vol. 46. № 1. P. 111–125.

Nixon R. The Memories of Richard Nixon. N. Y., 1978.

Литература

Воронцов В. Б. Китай и США: 60–70-е годы. М., 1979.

Воронцов В. Б. Миссионеры и их наследники. Повороты политики США в отношении Китая. М., 1986.

Давыдов А. С. Идеология и прагматизм в китайской политике США: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.

Дегтярёв А. В. Роль Совета национальной безопасности в дипломатической подготовке визита Р. М. Никсона в КНР в феврале 1972 г. // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 311. С. 72–78.

Евсеев С. А. «Стратегический треугольник»: геополитические противоречия США – КНР – СССР в Восточной Азии в конце 1960-х – конце 1970-х гг. // Известия Уральского государственного университета. 2007. № 53. Гуманитарные науки. С. 162–173.

Кузнецов Д. В. Китай в зеркале общественного мнения. Благовещенск, 2013.

Нагорный А. А., Парканский А. Б. США и Китай: экономические и научно-технические аспекты китайской политики Вашингтона. М., 1982.

Пронь С. В. США та Японія в Азіатсько-Тихоокеанському регіоні (50–90-ті роки ХХ століття). Миколаїв, 2003.

Современная внешняя политика США. Т. 2. М., 1984.

Цветков И. А. Политика США по отношению к тайваньской проблеме, 1949–1999 гг.: Дис. ... канд. ист. наук:

07.00.15. СПб., 2000 // История США. URL: <http://www.ushistory.ru/dissertatsii/181-glava-2-evoljutsija-politiki-ssha-v-otnoshenii-tajvanskoj-problemy-v-gody-holodnoj-vojny.html> (дата обращения: 3.10.2012).

Ambrose S. E. Nixon: The Triumph of a Politician. N. Y., 1989.

Bachrack S. D. The Committee of One Million: «China Lobby» Politics, 1953–1971. N. Y., 1976.

Barnett A. D. A New Policy Toward China. Washington, 1971.

Gittings J. The World and China, 1922–1972. N. Y., 1974.

Hersh S. The Price of Power: Kissinger in the Nixon White House. N. Y., 1983.

Kalb M., Kalb B. Kissinger. Boston, 1974.

Lasater M. Policy in Evolution: the U. S. Role in China's Reunification. Boulder (Colorado), 1989.

National Committee on US – China Relations. URL: <http://www.ncusr.org/who-we-are> (date of access: 27.03.2014).

Sutter R. China-Watch: Toward Sino-American Reconciliation. Baltimore; L., 1978.

Tucker N. B. Taiwan, Hong Kong, and the United States, 1945–1992: Uncertain Friendships. N. Y., 1994.

Xiang Huan. On Sino – U. S. Relations // Foreign Affairs. 1981. Fall. Vol. 60. № 1. P. 35–53.

Xu Guoqi. The Sport of Ping-Pong Diplomacy // Olympic Dreams: China and Sports 1895–2008. Cambridge, 2008. P. 117–163.

Alexander P. Kosov

U. S. Policy towards PRC during the R. Nixon Presidency

The article analyses the USA policy towards CPR in the period when the Nixon administration was in power. The main attention is focused on the exposure of the reasons prompting Washington to seek for the improvement of relations with China after the two decades of sharp confrontation. The activities of the American political elite for the establishment of contacts with Beijing and the evolution of the American-Chinese relations during 1969–1974 are considered.

Key words: the USA, PRC, Taiwan, Nixon, Kissinger, the American-Chinese relations.

РОССИЯ В МИРОВОЙ ИСТОРИИ

УДК 94 (485) «17»

Чепель А. И.

«ПАСТУХОВ ТЕ ВОРЫ БИЛИ ДО УМЕРТВИЯ...»: КРИМИНАЛЬНАЯ ОБСТАНОВКА В ШВЕДСКО-РУССКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ ПОСЛЕ СТОЛБОВСКОГО МИРА

В статье изучаются причины преступлений в шведско-русском приграничье после Столбовского мира. Исследование основано на материалах российских архивов. Автор приходит к выводу, что нападения на людей, проживавших или оказавшихся в приграничье по разным причинам, происходили, в основном, с целью грабежа, сопровождавшегося в случае сопротивления физической расправой. Нападения имели и социальную составляющую, когда крестьяне или дворовые люди умышленно грабили и подвергали физическому насилию именно своих бывших хозяев и членов их семей. Круговая порука, бюрократические препоны, необдуманные и корыстные действия представителей приграничных властей препятствовали пресечению преступлений.

Ключевые слова: шведско-русское приграничье, Столбовский мирный договор, перебежчики, трансграничная преступность.

После заключения в 1617 г. между Швецией и Россией Столбовского мира, по которому под власть шведского короля переходили значительные русские территории с проживавшими на них людьми, важной задачей обеих сторон становилось приграничное успокоение, скорейшее направление жизни в мирное русло. Довольно долго были слышны отголоски завершившихся военных действий. Всюду сновали пёстрые по национальному составу банды, в которых находили прибежище «лихие» люди, авантюристы — словом, «криминальный элемент». Так, в феврале

1619 г. под приграничную русскую крепость Ладогу внезапно пришёл полковник Ярош Плецкий с большим отрядом, захватил на посадке местного дворянина, «стрельца, казака, посадского человека, жёнку, двух девок», и отошёл, понеся незначительные потери¹.

Только ли осколки былых армий будоражили приграничные земли? Свою ложку дёгтя в ожидаемый и Стокгольмом, и Москвой мёд мирных отношений вносили отправленные для проведения границы шведские и русские межевальные послы, провоцировавшие как друг друга, так и местное население на агрессивные действия, вплоть до локальных боевых столкновений².

Всё же главными участниками различного вида преступлений в приграничье было местное население. Становление приграничья растянулось на достаточно продолжительное время, что в условиях слабо охраняемой границы способствовало увеличению трансграничных миграций, трудно поддающихся контролю со стороны властных органов. Эти перемещения через рубеж совершались с самыми различными целями, и нередко сопровождались криминальными проявлениями, в числе которых львиную долю занимали кражи и грабежи, зачастую приводившие к увечьям сопротивлявшихся жертв, к их избиениям, а подчас — и к жестоким убийствам. Рассмотрим причины разрастания преступлений в шведско-русском приграничье после установления новой границы и попытаемся выяснить, какие препятствия встречали власти обеих стран в борьбе с правонарушениями. Исследование базируется на материалах Российского государст-

---

¹ Селин А. А. Ладога при Московских царях. СПб.; Старая Ладога, 2008. С. 83.

² См.: Чепель А. И. Население и администрация шведско-русского приграничья после Столбовского мира: взаимодействие и противодействие // Метаморфозы истории. 2013. Вып. 4. С. 388–389.

венного архива древних актов (РГАДА) и научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (НИА СПбИИ РАН).

Парадоксально, но свою лепту в криминализацию послевоенного приграничья вносили представители местных властей. Следует отметить, что убийства в приграничье были явлением нечастым, но случались убийства заметные, резонансные. В 1635 г. «сын боярский порубежный жилец новгородец» Иван Неёлов приехал с целью взыскания долгов на шведскую территорию, и «ненарошным делом во брани за своё бесчестье убил в Ореховском уезде» своего соотечественника Ваську Семёнова, сбежавшего ранее в шведские пределы (вероятно, из-за какой-то ссоры с отцом). Шведские власти схватили убийцу и «на рубеже казнили <...> позорным обычаем, отсекли у него наперёд руки и ноги, а потом отсекли голову. И казнив, покинули тело его на рубеже». Такое самоуправство вызвало справедливое негодование русской стороны: «Казнить сына боярского за изменника, который перебежал с царской стороны, за худово человека, не довелось», да и в договорах не указано, что позволительно казнить подданных соседнего государства, а написано, что все ссоры, возникающие в приграничных землях, следует совместно решать представителям приграничных властей Швеции и России, а «большие дела, которые они не могут рассудить — тому до посольского съезда отсрочену быть»³ — и никак иначе! В данном случае шведские власти в нарушение межгосударственных соглашений расправились с подданным соседнего государства, и есть все основания приравнять такие действия к убийству.

Рассмотренный случай стал предметом разбирательства в Стокгольме, будучи выдвинут в качестве одной из претен-

---

³ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. Д. 15. Л. 46–47.

зий русской делегацией, и шведы предложили свою версию событий. Шведские представители говорили «особно о сыне боярском о Иване Неелове, у которого <...> перво руки и ноги и голова отсечена была, а тулище то на поле лежало». Шведы сказали следующее: «...помянутой Иван Неёлов вместе с иным боярином с Григорием Гуметниковым через рубеж перешёл <...>, и у ближнего соседа во дворе гулял, а тутю на дворе был слуга, по имени Васька, <...> и Неёлов предлагал ему с женой за рубеж идти, ему служить». В ходе дальнейшего общения сына боярского со слугой выяснилось, что Неелову попросту приглянулась жена этого Васьки: «...он тому слуге и язался и рёкса, и то не для него только, для жены его, потому что она ему дороже и лучше его». Возмущённый Васька «учал отвечать, что у него, Неелова, своя жена есть, и спросил у него: „что де тебе с своею делать, или дай мне опять против того“» [вероятно, Васька предложил сыну боярскому уступить свою, боярскую жену ему, Ваське — что, мол, делать Неёлову сразу с двумя жёнами? — А. Ч.]. В ответ «Неёлов саблю свою вынял, и того Ваську до половины головы порубил, и он тотчас упал и умер»⁴. Словом, обычная бытовая ссора, катализатором которой, со всей очевидностью, послужило неумеренное возлияние («гульба»), обернулась в итоге кровавой драмой, последствия которой пришлось разрешать на высшем дипломатическом уровне, в шведской столице.

Справедливости ради отметим, что самовольные решения о казни зарубежных подданных принимали и воплощали в жизнь не только шведские, но и русские приграничные власти. Так, в 1623 г. Генрих Монсон, комендант («державец» русских документов) находившейся во владении шведов Корелы (Кексгольма) пенял своему русскому визави, новгородскому воеводе князю Д. И. Мезецкому, на незаконность казни захваченных на русской тер-

---

⁴ Россия и Швеция в первой половине XVII века: сб. материалов / Сост. К. Якубов. М., 1897. С. 122, 226–227.

ритории разбойников, пришедших со шведской стороны: «И тебе <...> не довелось моего вельможного государя его королевского величества людей вешать»⁵.

Безусловно, не способствовали росту авторитета приграничных властей случаи фактического пособничества преступникам. Так, в 1641 г. боббель Печёрского монастыря Прошка Лапотников, ездивший с товаром в шведские земли, был там ограблен и убит. Глава шведской приграничной администрации убийцу отыскал, но «для своей корысти отпустил», выдав русским только «убитую голову», а себе оставив украденное имущество⁶.

После подписания мирного договора шведско-русские отношения развивались не слишком гладко и даже прерывались скоротечной войной. Всё же Стокгольм и Москва стали искать пути к военно-политическому союзу против общих врагов, а также налаживать торговлю, поэтому обмен дипломатическими представителями стал довольно частым. Учитывая стремление обеих сторон к сотрудничеству, казалось бы, посланникам и гонцам должна была быть обеспечена полная безопасность на территории соседа. После русско-шведской войны 1656–1658 гг. страны стремились поскорее вновь наладить мирные контакты, и дипломаты потянулись через рубеж. В 1659 г. возвращавшийся со шведской территории дипломатический представитель, прапорщик Самойла Алтуфьев, попал в весьма опасную ситуацию, когда в русских владениях, из-за нерадивости царских приграничных воевод, ему не выделили провожатых. В результате «он со своими людьми по деревням шлутал», и местные жители «хотели

---

⁵ Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (далее – НИА СПб ИИ РАН). Ф. 109. Оп. 1. Д. 229. Л. 1.

⁶ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. Д. 15. Л. 80.

его убить за то, что он без провожатых ездит»⁷. В том же году глава шведского посольства, Андриан Миллер, попал в подобную ситуацию. Выделенный ему русский пристав Михаил Тырков вместо того, чтобы поскорее доставить везущего королевскую грамоту дипломата к месту назначения, стал подолгу задерживаться «по своим друзьям и родимцам», а посла оставлял без охраны, придерживая стрельцов при себе. А швед тем временем «с своими людьми по дороге плутал, не ведаючи куда ехать. И боялся того, чтобы по дороге шиши и лихие люди» его не убили. Видимо, из опаски выбирая места глухие, шведский посол забрёл в болото, где едва «совсем не потонул», всё своё имущество попортил, и чудом только «королевскую грамоту и зберёг»⁸. Незавидно было положение иностранных представителей, оказавшихся фактически один на один с местными жителями. Основную массу приграничного населения составляли крестьяне, которые традиционно с недоверием относились к заезжим чужакам, вне зависимости от их этнической принадлежности.

Впрочем, недоверие к иноземцам было нормой, и проистекало с самой вершины русского общества. Сопровождавшие посольства приставы снабжались инструкциями, в которых предписывалось «отводить» иностранцев от городских укреплений⁹. Когда в дипломатических отношениях наступало потепление, люди, воспитанные на подозрительности к «чужакам», с трудом привыкали к новым веяниям. Вполне закономерно, что в ходе военно-политического сближения Швеции и России шведские военные специалисты делились опытом с русскими коллегами, и нередко такое допущение иноземцев к «военным

---

⁷ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 803. Л. 2.

⁸ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 154. Л. 1.

⁹ Орленко С. П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века: правовой статус и реальное положение. М., 2004. С. 109.

тайнам» не принималось русским населением. Так, псковичи подали царю челобитную следующего содержания: «...немчин Александр полковник по городской стене ходил, и около всего города Пскова наряду, и боёв, и слухов, и всякой городской крепости высматривал, и наряд мерил, длину и ширину, и писал, и около, государь, города щупами землю щупал <...>, и тот немчин Александр и в Стокгольм ездил»¹⁰. Разумеется, подобные обследования фортификационных сооружений и артиллерии Пскова проходили с ведома русских властей. Всё же местное население, вряд ли находившееся в курсе всех перипетий русско-шведских дипломатических отношений, решило перестраховаться и доложить «куда следует».

Ещё одна сфера приграничного напряжения, грозящая криминальными последствиями, возникла в хозяйственных отношениях местных жителей, в массе своей земледельцев, оказавшихся по разные стороны рубежа. Нечёткость обозначения линии границы на местности провоцировала сельское население увеличивать площадь не облагаемой налогами обрабатываемой земли дополнительными «прирезками» путём перенесения приграничных знаков (зарубок на деревьях; засыпанных углём ям; камней с высеченными на них государственными символами), и на этой почве возникали острые конфликты. Так, когда в 1639 г. шведские подданные, «латыши» (так в русских документах именовались соседние народы, исповедовавшие лютеранство), в русских пределах, на реке Плюсе «высекли дров на 300 сажен», и русские крестьяне Гдовского уезда «учали им о том насильстве говорить, что они, крадучи, на царской стороне сено свозят и, в судах приезжая, траву косят и живот кормят, и те зарубежские латыши за то им угрожают смертным убойством»¹¹.

---

¹⁰ Россия и Швеция в первой половине XVII века. С. 342.

¹¹ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. Д. 15. Л. 66–67.

Близость рубежа создавала благоприятную почву для ухода крестьян от своих помещиков — например, из-за каких либо конфликтов, а чаще — с целью укрыться в соседнем государстве с награбленным: дворовые люди и крестьяне, уходившие за рубеж от своих господ, почти всегда прихватывали с собой хозяйское добро¹². О сложившейся практике при уходе за рубеж уносить с собой имущество покинутых хозяев повествует следующий эпизод. В 1622 г. отправленные русским землевладельцем из деревни Горы на лесозаготовки дворовые люди Савка, Ромашка и Онашка устремились вместо этого к границе. Оказавшись напротив хозяйского поместья, беглецы вдруг решили несколько задержаться, чтобы «в поместье лошадей грабяти», и лишь после этого, «пограбя лошади, ехать бы с лошадьми за рубеж в Орешек», в шведские земли. По дороге между ними разгорелся конфликт: Ромашка наотрез отказался уходить за рубеж. Тогда двое других, очевидно, опасаясь, что их товарищ может навести на след, Ромашку «связали и, связав, вели за собой вёрст сорок». Можно предположить, что по пути Ромашка сумел убедить беглецов, что согласен уйти с ними. Так или иначе, они его развязали, и, улучив удобный момент, Ромашка, «ухватя топор», расправился с Савкой и Онашкой. Затем убийца вернулся с повинной к своему хозяину. В ходе разбирательства выяснилось, что участники конфликта — крещёные в православную веру «немчины» Олов Михкельсон Тонкомен (Ромашка), Андрей Синкомен и Эрик Гиндриксон, которые вышли со шведской стороны в 1620 г., осели в имении Никиты Вышеславцева, который по их просьбе крестил их и женил на своих «дворовых девках»¹³. Воз-

---

¹² НИА СБИБИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 722. Л. 1; Д. 738. Л. 1; Д. 739. Л. 1; Д. 740. Л. 1; Д. 926. Л. 1; *Селин А. А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008. С. 677.

¹³ НИА СБИБИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 94. Л. 2; Д. 801. Л. 1.

можно, вскоре выходцев из-за шведского рубежа потянуло обратно, и завершилось это путешествие кровавой драмой.

Возможность относительно беспрепятственно преодолевать границу способствовала формированию из беглых крестьян и дворовых людей своего рода «трансграничных ватаг», превращавших кражи и грабежи в доходный промысел. Обосновавшиеся за рубежом беглецы, хорошо зная расположение имущества бывших хозяев, зачастую приходили грабить из-за границы именно поместья своих прежних господ. Зная, что и где брать, преступники получали возможность грабить стремительно, и успешно избегали поимки и наказания благодаря возможности укрыться за границей, в новых местах своего обитания. Нередко хозяйское добро увозили за рубеж с целью распродажи его среди зарубежных жителей. Так, в 1620 г. от русских порубежных помещиков Богдана Самарина и Ивана Лугвенева в шведские владения сбежали дворовые люди, прихватив с собой хозяйское имущество, среди которого было судно. Вскоре помещики узнали, что беглецы «ехали в судне до Ямского уезда, и в Ямском уезде те беглые люди продавали тот сносный живот и судно»¹⁴. Такую своеобразную разъездную торговлю краденым сумели организовать в приграничье эти предприимчивые беглые дворовые люди.

Очень часто среди похищенного встречаются животные, особенно лошади¹⁵. Широкое распространение конокрадства в приграничье легко объяснимо. Во-первых, лошадь использовалась для транспортировки украденного посуху (как в предыдущем эпизоде судно — для перевоза

---

¹⁴ НИА СПбИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 739. Л. 1.

¹⁵ См.: Чепель А. И. Конокрадство на русско-шведском рубеже в XVII веке (по материалам архива СПбИИ РАН) // Архивы и историческая наука: материалы Второй междунар. мезвуз. студенч. конф., 20 марта 2009 г. / Отв. ред. О. А. Барынина. СПб., 2009. С. 63–67.

добычи водными путями). Об этой функции уведённых лошадей говорит жалоба русских властей на шведских подданных, «латышей», которые, с «краденными лошадьми переходя», приходят в русские земли «для воровства»¹⁶. Вторых, широкому размаху конокрадства способствовал большой спрос на лошадей¹⁷, и часто за рубежом животных укрывал до времени сообщник¹⁸. Более того, не имея в соседнем государстве сообщников и действуя в одиночку, преступник сильно рисковал, оказавшись среди подданных другой державы. Так, бежавший в 1661 г. с русской стороны с хозяйскими лошадьми крестьянин был убит местными жителями на шведской территории. Таким образом, обособившиеся за рубежом люди, подчас создавали сплочённые банды, и превращали грабежи имущества своих бывших хозяев в своеобразный промысел. Таких случаев можно привести немало. Например, из грамоты новгородского воеводы узнаём, что в 1662 г. беглые дворовые люди русского помещика, укрепившись на шведской территории, «переходя в русскую сторону, у своего прежнего хозяина «лошадей крадут и многие шкоты чинят»¹⁹.

Вероятно, часто определённую роль играло желание беглецов навредить непременно именно своему бывшему господину, отомстить ему за прежние обиды. В 1627 г. зафиксирован случай бегства в шведские пределы крепостных холопов Богдана Григорьевича Обольянинова. «Заворовав», сбежали «Васька Филиппов с женою Степаниткою Ларионовою дочерью, да с сыном Прошкою, да Васька Ондреев». Обольянинов жаловался властям, что приходившие из-за рубежа беглецы «женишко моё, и сынишко и дочеришко, мучили до полусмерти и мучив заперли в

---

¹⁶ НИА СПб ИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 28. Л. 3.

¹⁷ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 575. Л. 6.

¹⁸ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1624 г. Д. 1. Л. 286–300.

¹⁹ НИА СПб ИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 28. Л. 13 об.–14, 59 об., 78.

клети»²⁰. Сходным образом поступили беглые дворовые люди и крестьяне другого русского помещика: они приходили из-под Ругодива (Нарвы) в деревню, где жил покинутый ими хозяин, «и хотели его и жену его убить и деревню выжечь»²¹. Действительно, бывало, что дело едва не завершалось убийством. Иногда мстили за реальные обиды, нанесённые прежним хозяином. В 1629 г. из Водской пятины, от боярского сына Богдана Водоского в шведские пределы сбежали крестьяне. «В ночи приходили из-за рубежа к нему в Усадище те его крестьяне со многими людьми розбоем. И его, Богдана, кололи в руку рогатиною. И он от них утёк ранен. А жену его мучили». Следствие показало, что эти крестьяне были перебежчиками — «целовав крест» шведскому королю, затем они перешли в русские пределы, и осели у того самого Богдана. Когда у крестьян в очередной раз возникло устремление уйти, боярский сын «задержал их у себя неволею». Жену и братьев одного из крестьян, Ивашки Овсева, хозяин заковал «в железа», а отца его «убил до смерти». Тогда-то Иван Овсев с сыном сбежали в шведские земли. Там, вероятно, он организовал «незнакомых людей», и эта банда приходила к Богдану Водоскому с ночным разбоем²².

Порывы как-либо помешать преступникам, не говоря уже о попытках задержать их, редко приводили к положительному результату, а для поборника справедливости зачастую заканчивались весьма плачевно. В 1643 г. сын боярский новгородец Обросим Степанов сын Кузминской заподозрил, что появившаяся у его человека Крестилки лошадь — краденая. Обросим Крестилку «поймал и хотел вести в Новгород. И Крестилко от него ушёл за рубеж. И собрався с ворами же, дядьями своими <...> и с иными ворами, с ружь-

---

²⁰ Селин А. А. Новгородское общество в эпоху Смуты. С. 678.

²¹ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 1. Д. 37. Л. 151 об.

²² РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1629 г. Д. 1. Л. 65–66, 70.

ём, с пищалями и с бердыши, и ходил на него, Обросима, разбоем». Бандитов не смогли остановить даже заставные стрельцы: «А на заставе стрельцов хотели пересечь и пробились сильно. <...>. И с тех де мест [с той поры — А. Ч.] те зарубежские воры Крестилко <...> с товарищами двор его Обросимов и крестьянские дворы <...> зажигали. И в двух деревнях дворы и житницы с хлебом выжгли без остатку. И от того их зажогу крестьянин его Ермолка да крестьянка его с дочерью сторели. И приходили на него, Обросима, многижда разбоем, чтоб его, Обросима, убить. <...>. И видя его разоренье, зарубежские крестьяне Ореховского уезда <...> по рубежу на царской стороне пожни его косили и лесовые угодыя запустошили, полосы и лубья и лыка секучи, повывозили к себе за рубеж. <...>. А укрывают их воровство на рубеже двумя погостами, Лопским и Ярославским»²³. Как видим, дорого обошлись сыну боярскому Обросиму попытки восстановить справедливость и наказать конокрадов, которые нашли пристанище в принадлежавших Швеции приграничных погостах и безнаказанно громили владения своего обидчика.

Приграничные преступления с участием «зарубежных людей» создавали подчас большие дипломатические проблемы. Дела, особенно связанные убийствами, нередко доходили до центральных правительств, грозя ухудшить дипломатические отношения государств, и требовалось как-то сглаживать противоречия, чтобы не нарушить хрупкую «соседственную дружбу». Так, в 1620 г. в шведские пределы вторглись царские подданные и ограбили «латыша». Шведский «державец» написал об этом случае самому королю Густаву II Адольфу, и требовал от русских воевод немедленно сыскать грабителей, грозя в противном случае отправить своих людей для ответного грабежа в русские земли. Новгородский воевода князь Д. И. Мезец-

---

²³ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. Д. 15. Л. 124–128.

кой организовал сыск, грабителей поймали, но отдать за рубеж краденое добро воевода велел в тайне от работавших на границе межевальных послов, чтобы конфликт не помешал установлению линии границы²⁴.

Другой резонансный случай произошёл в 1630 г. На русскую заставу в Тесово пришли «зарубежные мужики», и рассказали, что царские подданные приходили во владения шведского короля, украли лошадей и другое имущество, а также убили двух «латышей». Предварительное следствие выявило предполагаемых соучастников преступления. Ими оказались двое русских подданных — Прошка Мельничник и Харка, а также подданный шведского короля, «латыш» из Ингерманландии, Гаврилко Еустратьев, приставший к ним по дороге. На этот раз конокрадство обернулось убийством «латышей», и об этом случае стало известно даже шведскому королю, который требовал докладывать ему о ходе следствия. Дело приняло опасный поворот, и все трое принялись обвинять друг друга. Один из предполагаемых преступников, Прошка Мельничник (именно на него указали жалобщики), пытался обвинить в организации конокрадства Филиппа Лугвенева — хозяина, у которого Прошка строил мельницу. Якобы Филипп, систематически отправлявший своих дворовых людей за рубеж с целью конокрадства, говорил Прошке «и не одинова, чтоб он с человеком его с Харкою ходил в зарубежные деревни лошадей красть». За отказ Лугвенева якобы Прошку бил, грозясь «убить до смерти», и Мельничник, опасаясь за свою жизнь, вынужден был оставить работу. Вскоре к Прошке, очевидно, оставшемуся без средств к существованию, обратился упомянутый Харка, в очередной раз отправленный Филиппом Лугвеневым за рубеж для кражи лошадей, с предложением пойти с ним в шведские владения: «там де промыслим себе по лошади». На этот

---

²⁴ НИА СПбИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 289. Л. 1.

раз Прошка «с ним за рубеж пошёл». Встретившийся по дороге Гаврилко присоединился к ним. Вместе они крали лошадей, и Харка по окончании дела пришёл «в крови», хотя, кто убил «латышей», Прошка «не видел и Харку не спрашивал»²⁵. Таков был рассказ Прошки Мельничника. Шведский подданный Гаврилко поначалу сказал, что вовсе не ходил красть коней, а лишь встретил конокрадов «на мосту, идущими с лошадьми в царскую сторону». Затем он изменил показания, утверждая, что натолкнувшиеся на него Прошка и Харка, «изымав его, связали и повели с собою», а после завершения предприятия «привели его к вере, што про них тово никому не сказать, что они за рубежом были», и Гаврилко «побитых латышей не видел, сидел связан в лесу». Он стал утверждать, что вначале дал неверные показания потому, что отвечал «исторопясь, по руски говорить мало умеет, и рассказать подлинно не умел». Так представил дело шведский подданный Гаврилко Еустратьев. Филипп Лугвенов отрицал свою организаторскую роль в этом преступлении, приведшем к трагической развязке и громкому международному резонансу, а на обвинения по поводу систематического приёма из-за шведского рубежа краденых лошадей, приводимых его дворовыми людьми, заявил, что его человек Яшка недавно был отпущен «за рубеж к отцу <...>, побыл там с неделю, да опять пришёл к нему и привёл кобылу, и сказал, что ту буру кобылу дал ему отец». Прошку и Харку пытали, но показания они не изменили. Так как виновники резонансного убийства так и не определились, «хотели их ещё пытать. И они повинились, а сказали, побили де тех латышей они. А пошли де было за рубеж к племени своему, Прошка к сестре, а Харка к брату»; на грабёж их подбил якобы

---

²⁵ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1630 г. Д. 1. Л. 3–10.

именно Гаврилко, указавший конкретное селение, «а они до того про тех латышей не ведали»²⁶.

Обстоятельства рассмотренного дела вскрывают важные обстоятельства, препятствовавшие властям, несмотря на контроль за ходом следствия со стороны самого короля, в короткие сроки добиться выявления виновных. Не взирая на попытку участника этой своего рода «международной трансграничной банды» Гаврилко, «латыша» из Ингерманландии, убедить следователей в плохом знании русского языка, рассмотренный случай показывает, что этнические и религиозные различия не служили непреодолимым препятствием к трансграничному общению. Разделение многих семей после 1617 г. линией границы позволяло преступникам использовать в качестве оправдания своего нелегального нахождения на территории соседнего государства тягу к родственному общению, избегая при этом обвинения в худших намерениях, побудивших их пробраться за рубеж — в шпионаже, грабежах и т. д. Действенным способом добиться признания в совершении преступления могли быть пытки, но к иностранным подданным эта мера была неприменима. По этой причине ведущие следствие русские воеводы «пытать Гаврилку не велели, потому что он человек зарубежный»²⁷.

Наказанию виновных мешало и то обстоятельство, что организованный властями розыск наталкивался на круговую поруку или страх подвергнуться мести со стороны преступников (вспомним хотя бы злосчастного сына боярского Обросима, пытавшегося передать конокрада Крестилку властям). Когда у шведского подданного в 1661 г. украли лошадей, он снарядил за ними погоню. На русской стороне след привёл к мужику, который сказал «погонщикам»: «Ведаю где ваши лошади, да не смею ска-

---

²⁶ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1630 г. Д. 1. Л. 10-24.

²⁷ Там же. Л. 25.

зать». Мужик указал только примерное направление поисков. Заставной голова этого района по требованию «погонщиков» посылал «около себя про тех лошадей сыскивать и сыскать не мог», а потому потребовал мужика этого для разъяснений. Но «тот мужик стал силён и к нему не пошёл»²⁸ — очевидно, опасаясь доносить на конокрадов открыто. Мы уже видели, что нередко конокрады действовали очень агрессивно, и вот ещё один подобный случай. В 1660 г. «приходили в царскую сторону латыши, взяли лошадей и всякий запас, а по иным крестьянам стреляли». Увели «латыши» пять лошадей, и на поле двух пастухов «те воры били до умертвия»²⁹.

Банды разбойников сильно осложняли не только мирное течение жизни в приграничье, но обостряли отношения приграничных властей обеих стран. В конце августа 1620 г. воевода Великого Новгорода отослал в Москву, в Посольский приказ, донесение о банде Ивана Горбуна из Кексгольмского лена, проявивших себя в Олонце и в Заонежских погостах. Из донесения следует, что разбойники эти являлись карельскими беженцами, которые в России мыкались по разным монастырским вотчинам, так как никто за них не поручался перед властями. Купив судно, они занялись торговлей на Свири. Потом, курсируя по рекам и озёрам от Олонца до Южного Прионежья, Горбун с товарищами стал совершать преступления — «грабить и воровать». Их банда в составе пяти человек выдавала себя за торговцев «ис Корелщины». В мае 1620 г. они совершили на судне поход в шведские владения, в Кексгольмский лен, где напали на деревню Гухтотерву, сожгли её, убили трёх крестьян, надругались над их жёнами и детьми и с награбленным возвратились в Заонежские погосты. С самого начала дело осложнилось тем, что

---

²⁸ НИА СПб ИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 28. Л. 13 об–14 об.

²⁹ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 1. Д. 44. Л. 6–14 об.

шведский комендант Кексгольма открыто пригрозил олончанам вторжением своих солдат для ответного грабежа в возмещение ущерба. Русские власти отправили для сыска в Заонежские погосты следователя новгородца Петра Хомутова с подьячим Михаилом Кудрявцевым. В царской грамоте приказывалось помогать следствию, участвовать в возврате награбленного и в поимке преступников. В случае нерадения грозили «великой опалой и казнью» и возмещением ущерба пострадавшим шведским подданным за счёт тех, кто не слишком активно помогал следствию. Розыск дал результаты. Узнавший о ходе расследования комендант Кексгольма отказался от вторжения в Олонец, и, в конце концов, члены банды, а затем и сам Иван Горбун, были пойманы³⁰.

Активная приграничная торговля также оказывала большое влияние на рост преступности. У торговцев, как правило, было чем поживиться. Так, в 1623 г. на русской территории были убиты шведские подданные — «зарубежный торговый человек» Иван Тёткин и его сын. Следствие, проведённое русскими властями, не дало результата. Опрашиваемые местные жители отвечали сходным образом: ничего об убийстве не слышали³¹, вероятно, опасаясь доносить на возможных преступников.

Помехой в оперативной поимке преступников был запрет преследовать преступников на территории соседнего государства. Нужно было связаться с зарубежными приграничными властями, которые и организовывали поимку. Понятно, что эти бюрократические процедуры давали значительный козырь в руки «лихих людей», предоставляя им время укрыться за рубежом понадежнее. Полу-

---

³⁰ Жуков А. Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. Великий Новгород, 2003. С. 81–83.

³¹ НИА СПбИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 21. Л. 1; Д. 31. Л. 1; Д. 34. Л. 1; Д. 35. Л. 1; Д. 36. Л. 1; Д. 37. Л. 1; Д. 38. Л. 1; Д. 39. Л. 1.

чалось, что для преступников граница как бы не существовала, а для преследователей, «погонщиков» — являла собой непреодолимую стену.

Религиозные различия также способствовали напряжённости в приграничных землях, но агрессивных проявлений со стороны представителей одной религии по отношению к людям, исповедовавшим другую веру, в обычных условиях практически не было. Конечно, население областей, отошедших к Швеции по Столбовскому миру, сопротивлялось наступлению на православие³², а особенности вероисповеданий становились предметом обсуждения в личном общении шведских и русских подданных. Об этом повествует челобитная русских людей, оказавшихся на шведской территории по торговым делам, поданная в 1646 г. королеве Христине: «Пришли наши русские люди в корчму пива пить; и на корчме <...> случилися твои <...> знамёнщик стремянных стрельцов и с ним служивой человек, что у него ходит под знаменем с копьем. И тот <...> знамёнщик одному нашему русскому человеку знаком, и начал пиво пить; и другой его товарищ учал наших русских людей собаками называть и веру нашу русскую хулить, и знамёнщику говорил: как де ты с такими людьми с одного судна пьешь. И наш один русский человек умел по-свецки [по-шведски — А. Ч.], и учал ему говорить: что тебе доброму человеку до нас дело и до нашей веры, живи де ты в своей вере, а мы в своей. И он вынул шпагу, хотел того человека заколоть неведомо за что; и тот знамёнщик заколоть ему русского человека не дал»³³. Этот эпизод, в частности, показывает, что споры о вере в бытовом общении, вероятно, прорывались наружу в ос-

---

³² Жуков А. Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. С. 211.

³³ К истории русско-шведских отношений и населения пограничных с Швецией областей (1634–1648 гг.) / Сост. Н. В. Голицын. М., 1903. № 6. С. 13.

новном при обильных возлияниях, и не были частым явлением в обычной жизни.

Таким образом, шведско-русское приграничье, долгое время после подписания Столбовского мира находившееся в процессе становления, стало территорией, способствовавшей разрастанию криминальных проявлений. Нередко официальные представители обеих стран подавали плохой пример, провоцируя вооружённые столкновения в ходе решения приграничных споров. Противоречившие международным соглашениям казни иностранных подданных по распоряжению властей другого государства ещё более накаляли обстановку в приграничье. Близость слабо охраняемой границы предоставляла порубежным жителям возможность наносить ущерб своим бывшим соотечественникам. Особенно следует выделить социальную составляющую этой проблемы — стремление перешедших за рубеж крестьян и дворовых людей грабить имущество именно своих бывших хозяев. Обстановка неприязни, сопровождавшая такие преступления, нередко приводила к членовредительству, вплоть до убийства.

Росту числа преступлений способствовал также спрос на краденое имущество среди жителей приграничья. Расследованию преступлений зачастую мешали бюрократические препоны, круговая порука местного населения, а также страх пострадать от преступников, на которых бы поступил донос.

В заключение приведём слова, сказанные шведским королём Густавом II Адольфом сразу после заключения Столбовского мирного договора: «Одно из величайших благ, дарованных Богом Швеции, заключается в том, что русские, с которыми мы издавна были в сомнительных отношениях, отныне должны отказаться от того захоlustья, из которого так часто беспокоили нас. Россия опасный сосед. <...>. Теперь без нашего позволения русские не могут

выслать ни даже одной лодки в Балтийское море. Большие озёра Ладожское и Пейпус, Нарвская поляна, болота в 30 вёрст ширины и твёрдые крепости отделяют нас от них»³⁴. Таким образом, важнейшим результатом появления новой границы с Россией король считал обретенную Швецией безопасность. Как мы видели, криминальные проявления в приграничье оказалось не под силу изжить даже верховной власти, и беспокойная обстановка в порубежных землях порой ставила под сомнение нерушимость обретенного мира и безопасность границ.

Источники

К истории русско-шведских отношений и населения пограничных с Швецией областей (1634–1648 гг.) / Сост. Н. В. Голицын. М., 1903.

НИА СПБ ИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 28 («Списки с листов, каковы посыланы в Ругодив к генералу и в ыные города к державцам, и их немецких листов, каковы присыланы в Великий Новгород ис порубежных городов о всяких порубежных делех, 7169–7172»).

НИА СПБ ИИ РАН. Ф. 109 («Порубежные акты»).

РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 1. Д. 37 («Роспись обидным делам», 1622–1656 гг.).

РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 1. Д. 44 («Книга, содержащая обидные от шведов россиянам дела», 1659–1666 гг.).

РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. Д. 1. («Отписки новгородских и других с шведами пограничных городов воевод — и отпуски к ним государевых грамот о разных пограничных делах»).

РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. Д. 15 («Роспись обидным делам, учинённым в разные времена от шведов рос-

---

³⁴ Лыжин Н. П. Столбовский договор и переговоры, ему предшествовавшие. СПб., 1857. С. 79.

сиянам и никакого удовлетворения не получившим», 1617–1643 гг.).

Россия и Швеция в первой половине XVII века: сб. материалов / Сост. К. Якубов. М., 1897.

Литература

Жуков А. Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. Великий Новгород, 2003.

Лыжин Н. П. Столбовский договор и переговоры, ему предшествовавшие. СПб., 1857.

Орленко С. П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века: правовой статус и реальное положение. М., 2004.

Селин А. А. Ладога при Московских царях. СПб.; Старая Ладога, 2008.

Селин А. А. Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008.

Чепель А. И. Конокрадство на русско-шведском рубеже в XVII веке (по материалам архива СПбИИ РАН) // Архивы и историческая наука: материалы Второй междунар. мезвуз. студенч. конф., 20 марта 2009 г. / Отв. ред. О. А. Барынина. СПб., 2009. С. 63–67.

Чепель А. И. Население и администрация шведско-русского приграничья после Столбовского мира: взаимодействие и противодействие // Метаморфозы истории. 2013. Вып. 4. С. 388–389.

Alexander I. Chepel

«The Shepherds Were Beaten to Death by These Criminals...»: Criminal Situation in the Swedish-Russian Border Area after the Treaty of Stolbovo

The paper is a study of reasons of crimes in the Swedish-Russian border area after the Treaty of Stolbovo. The study is based on Russian archives material. The author concludes that the attacks against people in the border area were for the most part mugging which sometimes ended in violence. The attacks assumed social character too when peasants and house-serfs robbed and physically abused their former masters and their family members. Mutual protection, red tape, hasty actions and lucrative business of border area authorities hampered crime suppression.

Key words: Swedish-Russian border area, the Treaty of Stolbovo, border area trade, defectors, cross-border crime.

Космач В. А.

ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917–1922 гг. И ЕЁ ПОСЛЕДСТВИЯ: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В статье дано авторское видение событий 1917–1922 гг. в России, в советский и постсоветский периоды её истории через исторические аналогии с историей Великой Французской буржуазной революции. Сделана попытка определения причин, характера, хронологических рамок и исторического значения Великой Российской революции 1917 г.

Ключевые слова: Великая Российская революция, характер революции, движущие силы революции, капитализм, социализм, коммунизм, сталинизм, административно-командная система.

Революции и войны — извечные спутники в истории цивилизаций, народов и государств. Революции обычно отражают назревшие, требующие срочного разрешения потребности той или страны, того или иного общества в модернизации (политической, экономической, духовно-культурной). Войны порождают геополитическое соперничество государств, конфликтные ситуации в международных отношениях, грубые ошибки и просчёты в области внешней политики той или иной страны или блока государств, руководимых политиками.

Изначальной дате Российской революции 1917 г. в 2017 г. исполнится ровно 100 лет. Подходит время более скрупулезного, беспристрастного, профессионального изучения этого действительно великого исторического события в истории России, революции европейского масштаба и мирового звучания. Как отмечал в своё время известный советолог, один из видных западных историков и

специалистов по истории России XX в. Ричард Пайпс, «во Франции тоже долгое время революции служили в основном пищей для политической полемики: научная кафедра по изучению её истории была учреждена в Сорбонне лишь в 80-х годах прошлого века (XIX в. — В. К.), т. е. по прошествии целого столетия, во время Третьей республики, когда на события 1789 года уже стало возможным взирать несколько отвлечённо. Но споры так и не утихли»¹.

Заслуживают внимания также в связи с нашей темой слова классика политологии Карла Поппера о том, что «каждое поколение имеет право по-своему интерпретировать историю, но не только имеет право, а в каком-то смысле и обязано делать, чтобы удовлетворить свои насущные потребности»².

Определений революций очень много. Но по своей сути они сводятся к одному: революция — это антигосударственный переворот, организованный контрэлитой, находящейся в оппозиции, при активном участии народных масс и части правящей элиты (фронды), направленный против правящего режима, оказавшегося в кризисе и конфликтной ситуации с обществом. Революции, если они успешны, коренным образом меняют государственный строй, весь уклад хозяйственно-экономической, социальной и духовно-культурной жизни той страны, в которой она произошла и победила.

По мнению видного российского историка, политика и общественного деятеля Вячеслава Никонова, революция — «это организованный активной частью контрэлиты с использованием мобилизации масс антиконституционный переворот, который кардинально меняет характер

---

¹ Пайпс Р. Русская революция. В 3-х кн. Кн. 1. Агония старого режима. 1905-1917. М., 2005. С. 13.

² Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. М., 1992. С. 10.

государственного строя»³. Революции, как правило, сопровождаются гражданской войной. Это извечный и кровавый спутник революции, который уносит сотни, тысячи и даже миллионы человеческих жизней.

Сегодня мы знаем, отчего происходят революции. На эту тему написано весьма много, и не только историками. Достаточно определённо высказался в своё время на сей счёт лидер российских большевиков В. И. Ленин. Современный американский политолог Джим Голдстоун предложил пять основных условий, соединение которых приводит к революции⁴:

1. Кризис власти, при котором государство воспринимается элитой и массами как неэффективное и несправедливое.
2. Кризис во взаимоотношениях между элитами, приводящий сначала к их отчуждению, потом разделению и, наконец, к резкой поляризации на отдельные фракции, каждая из которых имеет противоположное представление о путях дальнейших преобразований.
3. Кризис народного благосостояния, при котором городские и/или сельские слои населения с трудом поддерживают свои стандарты жизненного существования с помощью привычных средств.
4. Возникновение коалиции части элит и народных масс в их атаке на государственную власть.
5. Существование той или иной оппозиционной идеологии, которая соединяет элиты и массы в их борьбе с властью, оправдывает эту борьбу и предлагает альтернативное введение будущего порядка.

---

³ *Никонов В.* Крушение России. 1917. М., 2011. С. 13.

⁴ Там же. С. 12; *Голдстоун Дж.* К теории революции четвёртого поколения // *Логос.* 2006. № 5 (56). С. 61.

Первая буржуазная революция произошла в Нидерландах в 1566–1579 гг. Она продолжалась 13 лет и делится на 4 этапа, а не на 4 революции. Идеологическим знаменем революции стал кальвинизм. Она протекала в форме освободительной войны против Испании, что отчасти затушёвывало остроту социальных конфликтов. Внешнеполитический фактор в ней сыграл весьма высокую роль. Нидерландская буржуазия (особенно крупное купечество) поддерживала союз не с крестьянством и городским плебсом, а с феодальным по своей природе дворянством, патрициатом. Такой союз был сопряжён с гораздо большими уступками феодальным и сословно-корпоративным элементам, чем в Англии XVII в. Республика Соединённых провинций задержалась на первой фазе мануфактурного развития, отстала и уступила со второй половины XVII в. первенство Англии, уверенно шедшей вперёд по пути прогрессивного развития. В Нидерландской буржуазной революции наблюдался явный недоразвитый сословно-классовый антагонизм нидерландской буржуазии к дворянству и абсолютизму.

Английская буржуазная революция XVII в. длилась 18 лет (1642–1660 гг.), и она также делится на этапы, или войны. Английская революция середины XVII в. представляла победу нового строя, победу буржуазной собственности над феодальной. Она была первой буржуазной революцией общеевропейского значения.

Великая Французская буржуазная революция 1789–1799 гг. прошла 4 этапа: конституционно-монархический; буржуазно-либеральный, или жирондистский; буржуазно-демократический, или якобинский; термидорианский, или буржуазный. Каждый из этих этапов мог бы претендовать при желаемой трактовке в угоду тем или иным политическим интересам на отдельную революцию. Уйдя в прошлое, революция оставила глубокий след в настоящем.

Для народов Европы она служит до сих пор точкой отсчёта в движении по пути общественных преобразований. Именно со времени Французской революции возникло понимание, того, что государство и общество могут быть изменены к лучшему не только «сверху», в результате мер, принимаемых по своему усмотрению правительствами, но и благодаря прямым энергичным действиям простых граждан «снизу». Во многом именно неудача реформ в духе «просвещённого абсолютизма» заставила французов прибегнуть к массовым насильственным действиям, чтобы сломить сопротивление двора и «аристократов» необходимым нововведениям.

Французская буржуазная революция конца XVIII в. имела крупнейшее прогрессивное значение. Оно заключалось, прежде всего, в том, что революция эта покончила с феодализмом и абсолютизмом так решительно, как никакая другая буржуазная революция. «Великую французскую революцию возглавил класс буржуазии. Но задачи, стоявшие перед этой революцией, смогли быть выполнены лишь благодаря тому, что её главной движущей силой были народные массы — крестьянство и городское плебейство. Французская революция являлась народной революцией, и в этом заключалась её сила. Активное, решающее участие народных масс придало революции ту широту и размах, которыми она отличалась от других буржуазных революций. Французская революция конца XVIII в. осталась классическим образцом наиболее завершённой буржуазно-демократической революции»⁵.

При определении характера революции весьма важно учитывать:

- 1) её основные движущие социальные и политические силы (сословия, а также политические движения и

---

⁵ Цит. по: Всемирная история. Т. 6. М., 1959. С. 54.

- партии, выражающие настроения этих сословий, элит и народных масс);
- 2) её конкретную направленность на изжившие себя порядки и устои, которые олицетворяет и защищает уходящая в прошлое и находящаяся у власти элита (она и часть консервативно и реакционно настроенного общества);
  - 3) ту реальность, которая сложится, сформируется и станет доминировать в её итоге;
  - 4) ту историческую миссию, которую она выполнит, что обычно находит своё выражение в новом государственном устройстве, новой организации всей хозяйственно-экономической, социальной и духовно культурной жизни, а также в том международном и геополитическом влиянии, которое она окажет на соседние и более отдалённые страны и народы;
  - 5) ту правящую новую политическую элиту и новые социальные группы и сословия, которые она породит, сформирует и вознесёт к власти, благам и преимуществам новых экономических, социальных и духовно — культурных реалий, которые эта же революция в своём конечном итоге и оформит.

Не вызывает сомнения первая Российская буржуазно-демократическая революция 1905–1907 гг. Она была подготовлена и вызвана самим ходом исторического развития России второй половины XIX в., в том числе — ограниченностью и неудачами реформ и контрреформ 1860-х — 1880-х гг., модернизацией России «по С. Ю. Витте», что породило буржуазно-либеральное, народническое и социал-демократическое движение протеста, где активно произрастала оппозиционная контрэлита и куда всё более активно уходила часть правящей элиты-фронды.

Третьиюньская монархия и реформы П. А. Столыпина не «замирили» Россию. Ситуацию ещё более обострила Первая мировая война. В итоге в самом правящем лагере сформировался оппозиционный династии Романовых и её правительству Прогрессивный блок, а контрэлита сформировала несколько сильных народнических и социал-демократических партий, которые ещё в годы войны начали атаку на правящий режим, в том числе за деньги противостоящих в Первой мировой войне Российской империи государств и даже союзных России стран. Прежде всего, это были Германия, Великобритания, США и Франция.

Между тем, за годы войны в императорскую русскую армию было призвано 17,6 млн. чел., из которых более 80 % составляли крестьяне. Именно они вместе с рабочими российских фабрик и заводов, также мобилизованных на фронт и работающих в тылу, требовали земли, хлеба, работы, мира и свободы, т. е. того, что должна была дать России модернизация конца XIX — начала XX вв.

В феврале — марте 1917 г. именно крестьянская масса, одетая в солдатские шинели, а также рабочие Путиловского и других заводов и предприятий Петрограда сыграли решающую роль в свержении династии Романовых и конституционной монархии в России и фактически положили начало Великой Российской буржуазно-демократической революции 1917–1922 гг. По мнению известного американского политолога Пола Джонсона, «русская революция 1917 г. как в своей «февральской», так и в «октябрьской» фазах была осуществлена крестьянами, численность которых возросла с 56 миллионов в 1867 г. до 103,2 миллионов в 1913 г. В довоенной России имелось менее 3,5 миллионов фабричных рабочих и шахтёров и даже согласно самой широкой дефиниции «пролетариат» насчитывал только 15 миллионов. Большая часть из 25 мил-

лионов жителей крупных городов были членами многочисленных крестьянских семей, работавших в городе, но живших в деревне... Почти все солдаты были крестьянами, поэтому когда Петроградский гарнизон получил приказ усмирить фабричных рабочих, он взбунтовался. Третью его, около 66 000 человек, восстали против своих офицеров. И так как они были вооружены, режим пал. Таким образом, первый этап революции был делом крестьян»⁶.

События 23 февраля (8 марта) – 3 (16) марта 1917 г. в России аналогичны, на наш взгляд, по своему содержанию событиям 12–17 июля 1789 г. во Франции, включая знаменитый штурм Бастилии 14 июля 1789 г. Но от штурма Бастилии в истории Великой Французской революции 1789–1799 гг. мы не отделяем события «5 мая – 11 июля 1789 г.» (от открытия Генеральных штатов, выступивших против короля, и до их провозглашения вначале Национальным, а затем Учредительным национальным собранием). Более того, именно с открытия 5 мая 1789 г. Генеральных штатов в Париже практически все историки прошлого и настоящего начинают историю Великой Французской буржуазной революции последней четверти XVIII в. Был свой день 5 мая 1789 г., как во Франции, и в истории Российской буржуазно-демократической революции 1917–1922 гг., своя собственная прелюдия к великим революционным событиям 1917–1922 гг.

Эта была потрясшая всю Россию речь лидера кадетской партии и её фракции в Государственной Думе, профессора Павла Николаевича Милюкова 1 ноября 1916 г., в первый день работы открывшегося заседания нижней палаты российского парламента. П. Н. Милюков обвинил главу правительства Б. В. Штюрмера и царицу Александру Фёдоровну в том, что они стремятся заключить сепар-

---

⁶ Цит. по: Джонсон П. Мир с двадцатых по девяностые годы. М., 1995. Т. 1. С. 74–76.

ратный мир с Германией. Свои обвинения лидер кадетов заканчивал словами: «Что это — глупость или измена?». По свидетельству самого П. Н. Миллюкова, несмотря на то, что он скорее склонялся к первой альтернативе, слушатели-депутаты своим одобрением поддерживали вторую. Глава кадетской партии потребовал немедленной отставки правительства, приравняв отставку правительственного кабинета к победе в войне. На наш взгляд, события 1 ноября 1916 г. в России были аналогичны событиям 5 мая 1789 г. во Франции.

Запрещённое к публикации выступление известного профессора и политика расходилось в десятках тысяч копий по всей России и утверждало читателей в мысли, что наверху (т. е. вокруг царя) не только много глупости, но есть и измена. Речь П. Н. Миллюкова содействовала во многом деморализации тыла и фронта, и самого правящего режима вместе с царствующим домом Романовых. Особенно потрясена была произошедшими событиями царица. Коронованная особа не стеснялась в выражениях: «Гучкову — место на высоком дереве», «Миллюкова, Гучкова и Поливанова — тоже в Сибирь», «Как бы я хотела, чтобы Родзянко повесили». Письма Александры Федоровны к Николаю II по поводу действий лидеров думской оппозиции пестрели словами «скот», «гадина», «идиот», «мерзавец», а Государственную Думу она называла не иначе как «домом умалишённых»⁷.

Но вопли царицы уже не могли испугать оппозицию. К концу 1916 г. оппозиционные настроения охватили и «верхи», и «низы». Россия ещё не знала такого единения антиправительственных сил, а правящая династия Романовых в лице Николая II — такой изоляции. Против царя и императрицы были настроены даже великие князья из

---

⁷ См.: *Спирин Л. М.* Россия. 1917 год: Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 7.

дома Романовых. В ночь с 16 на 17 декабря 1916 г. во дворце князя Юсупова был убит Г. Распутин. Председатель Государственной Думы М. В. Родзянко позже назвал убийство Г. Распутина «началом Второй революции» в России.

В январе 1917 г. думская, чиновничья и военная оппозиция была готова к антигосударственному перевороту. Через 20 лет в своих воспоминаниях А. И. Гучков рассказал, что он, боясь перехода власти в России к революционерам, планировал вместе с группой военных захватить царский поезд по дороге из Ставки в Царское Село и принудить императора к отречению. В этот заговор были посвящены будущие члены Временного правительства Н. В. Некрасов, М. И. Терещенко, А. И. Коновалов, А. Ф. Керенский, князь Г. Е. Львов, начальник штаба Ставки генерал П. А. Алексеев и главнокомандующий армиями Северного фронта генерал Н. В. Рузский.

Попытки императора и его окружения спасти ситуацию (отставка 10 ноября 1916 г. Б. В. Штюрмера, назначение главой правительства А. Ф. Трепова, а затем Н. Д. Голицына) успеха не имели. В ноябре — декабре 1916 г. и январе — феврале 1917 г. Россия стремительно шла к своей великой и разрушительной, как покажет дальнейшая история, революции, которая к тому времени была predetermined как минимум десятью ключевыми факторами, которые работали против правящего режима и которые привели его к окончательному краху в феврале — марте 1917 г. (социально-экономический, рабочий, крестьянский, национально-религиозный, чиновничье-бюрократический, военный, еврейский, германский, масонский, династический).

В период с 23 февраля (8 марта) по 3 (16) марта 1917 г. в России рухнула монархия, были образованы буржуазное Временное правительство и Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов во главе с князем

Г. Е. Львовым и меньшевиком Н. С. Чхеидзе соответственно. Это было начало Великой Российской буржуазно-демократической революции 1917–1922 гг. Ей предшествовали и во многом вызвали её события ноября 1916 – февраля 1917 гг., хотя причины самой революции были, как мы уже оговорились только что, более масштабными и глубинными. Общая логика наших рассуждений представлена в следующей схеме:

1917–1922 гг. – это движение Великой Российской буржуазно-демократической революции по нарастающей, как и Великой Французской буржуазной революции в 1789–1794 гг. Во Франции за 1789–1794 гг. революция прошла три этапа: конституционно-монархический (май/июль 1789 – август 1792 гг.), буржуазно (либерально)-конституционный (август 1792 – июнь 1793 гг.) и буржуазно-демократический или якобинский (июнь 1793

— июль 1794 г.). После термидорианского переворота (9 термидора (или 27 июля) 1794 г.) Французская революция XVIII в. пошла по нисходящей линии и завершилась переворотом 18 брюмера (9 ноября) 1799 г., в результате которого установился авторитарный режим личной власти Наполеона Бонапарта, переросший в дальнейшем в новую разновидность монархии буржуазного типа. Развитие революции во Франции по нарастающей и нисходящей линиям изобразим так же в виде схемы:

В своей истории Великая Российская буржуазно-демократическая революция в 1917–1922 гг. прошла (и крайне неудачно!) буржуазно (либерально)-конституционный этап (февраль/март — октябрь 1917 г.) и закрепились на буржуазно-демократическом, или большевистско-якобинском, этапе развития революции по нарастающей в октябре 1917 — декабре 1922 гг. Осень — зима 1922 г., с нашей точки зрения, — это финал развития Ве-

ликой Российской буржуазно-демократической революции по нарастающей. Именно к этому времени завершилась гражданская война, военный коммунизм был заменён на НЭП, а также восстановлена и укреплена через подавление контрреволюции и сепаратизма единая российская государственность под названием — Союз Советских Социалистических Республик (СССР).

После этого мы можем говорить о завершении Великой Российской буржуазно-демократической революции 1917–1922 гг., как и Великой Французской революции 1789–1794 гг. Но в более широком понимании Российской революции и всего того, что происходило с СССР и советским обществом в 1920-е — 1930-е гг., мы можем говорить о продолжении Великой Российской революции 1917–1922 гг. по нисходящей линии, как и Великой Французской революции в 1794–1799 гг. Тогда в советской истории межвоенного периода следует выделять режим «красного Директората» (1922–1929 гг.) и режим «первого красного консула» И. В. Сталина (1929–1937/1938 гг.), переросшего после «большого террора» 1937–1938 гг. и с принятием новой Конституции СССР в 1936 г. в режим первой «красной империи» 1938–1953 годов. На наш взгляд, «большой террор» второй половины 1930-х гг. и принятие новой Конституции 1936 г. де-факто и де-юре завершили окончательно Великую Российскую буржуазно-демократическую революцию 1917–1938 гг. в широком понимании её хронологических рамок и окончательных результатов.

Как отмечают современные российские историки, «важнейшим последствием большого террора стала новая система власти, в которой исчезли остатки коллективного руководства»⁸. По оценкам академического издания по истории России под редакцией А. Н. Сахарова, «большой

---

⁸ См.: *Короленков А. В.* Политическая система при Сталине: взгляд российского и немецкого историков // РИ. 2013. № 3. С. 62.

террор» достиг целей, которые в основном интуитивно возлагались на него сталинским руководством. На руководящие посты выдвинулось более 500 тыс. новых работников, произошло перераспределение власти из рук старой гвардии в руки сталинских выдвиженцев, безгранично преданных своему вождю. Репрессии сверху дополнялись доношением снизу. Донос, особенно на вышестоящих начальников, соседей по квартирам, сослуживцев стал средством продвижения по службе, получения квартиры. 80 % репрессированных в 1930-е гг. погибли по доносам соседей и коллег по службе⁹.

За эти годы буржуазно-демократический, или якобинско-большевистский, этап Великой Российской революции и сформированный на этом этапе политический режим трансформировались в типичную разновидность западноевропейской ненаследственной монархии, но авторитарного, а затем тоталитарного типа. Её сущность и динамику определяли уже «совбуры» (советская буржуазия) в лице новой советской гражданской и военной номенклатуры, новых сословий (рабочий класс, колхозное крестьянство и прослойка — советская интеллигенция). Но в советской истории под лозунгами социализма «бюрократический абсолютизм» (термин Л. Д. Троцкого) силовыми и далеко не цивилизованными методами выполнял те исторические задачи модернизации, которые встали перед Россией ещё в конце XIX — начале XX вв., и победил фашизм в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., однако ценой огромных жертв (более 27 млн. человек).

И. В. Сталин и сталинизм отразили в советской истории 1920-х — 1950-х гг. идеологию и настроения новой, советской номенклатуры, вышедшей во многом из мелко-

---

⁹ См.: История России. С древнейших времён до начала XXI в. / Под ред. А. Н. Сахарова. М., 2011. С. 1077, 1089.

буржуазной крестьянской среды и других трудовых слоев, включая разночинную интеллигенцию, земское и иное низшее и среднее чиновничество императорской России. Придя и укрепившись во власти после смерти В. И. Ленина, новая советская номенклатура модернизировала бывшую царскую Россию, сломав окончательно старый сословный строй и создав новую экономику с помощью индустриализации и коллективизации, осуществив культурную революцию. И. В. Сталин превратился не только в «красного диктатора», но и в настоящего «народного вождя». Что касается бюрократического аппарата и чиновничества в царской России, то психологический феномен превращения бюрократа в революционера отлично показал в своё время Иван Солоневич: «Традиция русской дворянской литературы, собственный бюрократический быт и философия пролетарского марксизма, — отмечал он, — всё это привело к тому, что старорежимная бюрократия оказалась носителем идеи революционного социализма ... Мелкий провинциальный чиновник Маркса не читал. Но Толстого и прочих он, конечно, читал. Он считал, что он, культурный и идейный человек (взятки никогда в мире никакой идее не мешали, как никакая идея не мешала взяткам), «служит государству». А его сосед по улице, лавочник Иванов, служит только собственному карману, других общественных функций у этого лавочника нет. Он груб. Он ходит в косоворотке, а его жена сама стирает белье ... Социализм — это только расширение профессиональных функций бюрократии на всю остальную жизнь страны. Это подчинение лавочника Иванова контрольному воздействию философических образований, «культурной» массе профессионального чиновничества... Русскую революцию сделал вовсе не пролетариат. Её сделали коллежские регистраторы и те сыновья кол-

лежских регистраторов, которые потом получили новый чин: народных комиссаров»¹⁰.

Отметим, что в историографии существует два взгляда на революционные события 1917 г. Согласно первому, в России тогда произошли две революции — в феврале (буржуазно-демократическая) и в октябре (социалистическая). По второй версии февральский и октябрьский перевороты являются двумя последовательными ступенями или этапами одной революции. Версия одной революции высказана давно, самими её «творцами». Её разделяли многие представители кадетов и социалистических партий. Например, редактор кадетской газеты «Речь» И. В. Гессен утверждал: Февраль чреват Октябрём, «ради которого стихия Февраля разразилась настоящим праздником». Её придерживались большинство большевистских теоретиков до 1924 г. ибо концепция перманентной революции, разработанная Л. Д. Троцким, и теория перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую (два звена в одной цепи), предложенная В. И. Лениным, при известных отличиях между ними, оценивали февральские и октябрьские события как единый процесс. Концепция двух революций восходит к дискуссии 1924 г. по поводу «Уроков Октября» Л. Д. Троцкого, но окончательно сформировалась в первой половине 1930-х гг. и стала официальной при Советской власти в СССР¹¹.

Обозначение октябрьского переворота 1917 г. как Великой Октябрьской социалистической революции имело пропагандистский контекст и политическое звучание — подчеркнуть величие и гениальность её «творцов», уникальность и всемирно-историческое значение этого собы-

---

¹⁰ Цит. по: *Солоневич И. Л.* Великая фальшивка Февраля. М., 2007. С. 176–178, 182.

¹¹ См.: *Миронов Б. Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. М., 2012. С. 566.

тия. В настоящее время всё больше российских и зарубежных исследователей склоняются в мысли о том, что февральские и октябрьские события 1917 г. являются двумя этапами одной революции, начало которой, по словам доктора исторических наук, профессора Санкт-Петербургского государственного университета Б. Н. Миронова, целесообразно передвинуть к 1914 г., моменту вступления России в Первую мировую войну, а завершение — к 1917 г., окончанию Гражданской войны. «И это представляется вполне резонным, — полагает Б. Н. Миронов. — Февральские события не успели завершиться легитимацией нового режима или его полным фактическим утверждением. Не случайно и правительство являлось временным, и парламент — предпарламентом. Определить правовой статус и превратить новый режим в легитимный должно было Учредительное собрание, но оно собралось слишком поздно и было безрезультатным — большевикам удалось его разогнать. Возвращение к концепции единой революции вполне оправдано и в сравнительно-исторической перспективе. Революционные события в Нидерландах в 1566–1579 гг., продолжавшиеся 13 лет, разделяются на четыре этапа, а не на четыре революции. Английская революция XVII в. (известная также как Английская гражданская война), длившаяся 18 лет, с 1642 по 1660 гг.) также делится историками на этапы или войны, а не на революции. На конец, в истории Великой французской революции 1789–1799 гг. историки выделяют четыре этапа, а не четыре революции, хотя взятие Бастилии, установление якобинской диктатуры, термидорианский переворот и переворот 18 брюмера могли бы претендовать на статус отдельной революции»¹².

---

¹² *Миронов Б. Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. С. 566.

Несомненно, что Великая Российская революция 1917–1922 гг. была буржуазно-демократической по своему характеру и содержанию, поскольку:

1. Она была направлена на свержение монархии, отстранение династии Романовых от власти и создание в России республики. Именно в таком направлении при всех других различиях, в том числе и в отношении дальнейшей судьбы императорской фамилии, развивалась Великая Российская революция 1917–1922 гг. на буржуазно-либерально-конституционном этапе (период Временного правительства), и на буржуазно-демократическом или большевистско-якобинском (советский период 1917–1922 гг.). Подобную задачу выполняли в истории буржуазные или буржуазно-демократические революции.

2. Основную движущую силу революции составили элита-фронта, контрэлита, а также рабочие, крестьянство и «разночинцы» (мелкая буржуазия города и деревни, земское и другое чиновничество, интеллигенция). Рабочее сословие, включая пролетариев, также во многом ещё было «крестьянским», поскольку рабочие в городах в основной своей массе являлись недавними крестьянами, выходцами из деревни, как и низшие и среднее чиновничество во всей огромной Российской империи.

3. Происходившие в Советской России, а затем в СССР события только в годы нэпа приблизительно соотносились с учением К. Маркса — Ф. Энгельса (марксизма) о социализме, т. к. политика «военного коммунизма» и административно-командная система 1930-х гг. (сталинизм) резко расходились как теория и практика с теорией марксизма.

«Вы приходите в ужас от того, — обращались К. Маркс и Ф. Энгельс в своем знаменитом «Манифесте Коммунистической партии» к собственным оппонентам, — что мы хотим уничтожить частную собственность. Но в вашем нынешнем обществе (а это, напомним, середина

XIX в. — В. К.) частная собственность уничтожена для девяти десятых его членов, она существует именно благодаря тому, что не существует для девяти десятых. Вы упрекаете нас, следовательно, в том, что мы хотим уничтожить собственность, предполагающую в качестве необходимого условия отсутствие собственности у огромного большинства общества. Одним словом, вы упрекаете нас в том, что мы хотим уничтожить вашу собственность. Да, мы действительно хотим это сделать»¹³. В том же «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, что «отличительной чертой коммунизма является не отмена собственности вообще, а отмена буржуазной собственности»¹⁴.

Отсюда можно сделать, по крайней мере, три вывода:

1. К. Маркс и Ф. Энгельс изначально считали именно частную собственность необходимым условием и детерминантой, двигателем прогресса; естественным и необходимым состоянием справедливого общества.

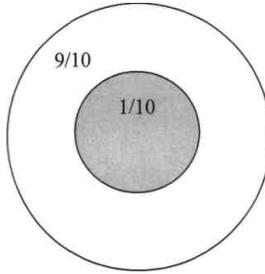
2. Уже ранний марксизм принципиально подчеркнул, что он выступает не против частной собственности как таковой, а против буржуазной (капиталистической) частной собственности.

3. Ранний марксизм также определил, что капитализм середины XIX в. — это несправедливое общество, поскольку в нём имущее меньшинство (10 %) владеет собственностью, а, следовательно, и властью, и на этой основе эксплуатирует неимущее большинство (90 %), что можно условно изобразить в виде небольшой схемы по принципу «двух кругов»:

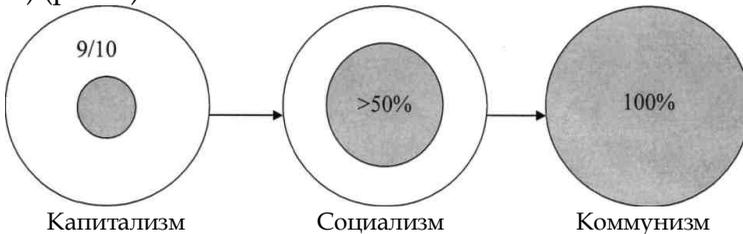
¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. С. 440.

¹⁴ Там же. С. 438.

Капитализм середины XIX в. (заштрихована имущая, т. е. владеющая собственностью и обладающая властью часть европейского и североамериканского общества)

Такому, действительно несправедливому обществу — капитализму середины XIX в. — марксизм заявил свою решительную оппозицию. Что предлагалось взамен, какая альтернатива? Движение к коммунизму через социализм путём расширения числа частных собственников, а значит и числа граждан, участвующих в управлении государством и обществом, как в центре, так и на местах. Изобразим логику рассуждений классиков марксизма об эволюции капитализма в коммунизм через социализм схематично (заштрихована имущая и обладающая властью часть общества) (рис. 3).

Другое дело, что марксизм не исключал двух вариантов движения общества к коммунизму через социализм: путём реформ, т. е. отрицая революцию (социал-демократический вариант), и лево-социалистический (лево-радикальный) вариант — путём революции и диктатуры пролетариата.

Понятиям «капитализм», «социализм» и «коммунизм», по нашему мнению, следует придать «второе дыхание», возродить их реальный, настоящий, объективный смысл и содержание. С нашей точки зрения: «капитализм» — это такой общественный строй (общество), где собственность и власть принадлежат имущему меньшинству, владеющему капиталом; «коммунизм» — это общество свободных собственников-производителей, в котором собственность, власть и капитал доступны каждому; «социализм» — это общественный строй (общество) переходного типа, где собственность, власть и капитал принадлежат имущему большинству. Исторический смысл социализма поэтому состоит в превращении максимально большего числа наёмных работников в собственников, реально обладающих властью и участвующих в управлении государством, в особенности на низовом уровне, в органах местного самоуправления.

По такому пути Великая Российская революция 1917–1922 гг. не пошла, хотя лозунги мира, хлеба, земли и новой власти она зафиксировала и продекларировала правильно. Однако национализация и конфискация собственности в сочетании с политикой «военного коммунизма», а затем сталинизм привели к тому, что собственность оказалась в руках не народа, а новой (советской, коммунистической) государственной номенклатуры. Огромная масса крестьянства, рабочих и интеллигенции были отчуждены от собственности, за исключением предметов личного обихода и небольших участков приусадебной земли вместе с домашним хозяйством или дачей. Великая революция 1917–1922 гг. только экспроприировала собственность, но не пошла по пути её социализации. Это типичный вариант не социалистической, а буржуазно-демократической революции, которая приводит к власти антимонархическую оппозиционную элиту «разночинцев» и «людей из низов»,

формируя из них новую правящую элиту — государственно-бюрократическую республиканского типа, которая реально, и только она, владеет, пользуется и распоряжается всей властью и собственностью. Именно «четвёртый класс» (сословие номенклатуры) владел всей собственностью и властью в СССР. Пафосные положения и лозунги, в том числе в советских конституциях 1936 и 1977 гг. о том, что власть и собственность принадлежат советскому народу, были лишь декорациями, призванными скрывать истинную картину исторических реалий 1917–1991 гг. Идеологические, политические и геополитические интересы советской номенклатуры охранял и защищал марксизм-ленинизм, или «исправленный марксизм».

Вот почему советское общество, в очередной раз, в 1980-е гг. оказалось в тупике и подошло к очередной революции. Ею стала «перестройка», во многом повторившая те события, которые происходили во Франции в 1830–1831 гг. и далее, начиная с известной «июльской революции». Не исключено, что Россия и бывшие республики СССР могут повторить (конечно, не в стопроцентном виде) французский вариант развития событий 1848–1852 гг. Важно поэтому не допускать радикализации ситуации в ходе модернизации и трансформации экономики и политической системы и в России, и в государствах СНГ, и на постсоветском пространстве в целом. На постсоветскую и российскую номенклатуру XXI в. возложил величайшую ответственность — вывести Россию и страны СНГ на более высокую ступень развития, обеспечить народам качественный уровень жизни и тем самым не допустить радикализации дальнейшего хода истории и развития событий в направлении очередного лево- или право-радикального «эксперимента», как это неоднократно было в истории Франции, других государствах Европы и США на протяжении XVIII, XIX и XX столетий.

Наблюдения, оценки, выводы

1. В феврале — марте 1917 г. в России началась и стала разворачиваться по нарастающей Великая Российская революция 1917–1922 гг. Ей предшествовали и во многом ускорили её начало события осени 1916 — начала 1917 гг. в Государственной Думе и политической жизни страны. Завершилась Великая Российская революция, на наш взгляд, событиями осени-зимы 1922 г., важнейшими из которых стали окончание гражданской войны и образование СССР. Гражданская война 1917–1922 гг. в России — составная часть и ключевая содержательная составляющая Великой Российской революции тех лет, прямое следствие этой великой революции, унёсшей вместе с Первой мировой и гражданской войнами от 13 до 15 млн. человеческих жизней. Однако Российская государственность была спасена и восстановлена.

2. По своему характеру движущим силам, целям и задачам это была буржуазно-демократическая революция, которая по своей восходящей линии прошла два этапа: буржуазно-либерально-конституционный (февраль/март — октябрь/ноябрь 1917 г.) и буржуазно-демократический (октябрь/ноябрь — декабрь 1922 г.), завершившийся, в отличие от Великой Французской буржуазной революции 1789–1799 гг., победой «российских якобинцев» (большевиков), что на десятилетия предопределило дальнейшее развитие страны, а также геополитику и международные отношения в XX в. Завершение Великой Российской революции по нарастающей линии к концу 1922 г. не привнесло замирения в стране и внутри правящей советской партийно-государственной элиты. Наоборот, «классовая», внутривластная и внутрипартийная борьба в СССР и внутри РКП (б) — ВКП(б) обострились и привели к многочисленным жертвам. Кульминацией всех этих событий стали индустриализация, коллективизация (И. В. Сталин

называл её «второй гражданской войной»), культурная революция и политические процессы 1930-х гг. В данном случае речь может идти о «советском термидоре» и продолжении Великой Российской революции 1917–1922 гг. по нисходящей линии, вплоть до конца 1930-х гг. На этой стадии своего развития и своей истории её важнейшей составной частью стало «советская модернизация» под лозунгами социализма и социалистического строительства.

3. Особенность Великой Российской буржуазно-демократической революции состояла ещё и в том, что она произошла в огромной крестьянской стране, созревшей не просто для модернизации, а для «ускоренной модернизации». Поэтому лозунги и идеи социализма, власти Советов нашли благодатную почву, стали весьма популярны — вначале среди студенчества и интеллигенции, а затем среди «разных чинов» (сословий). Именно под лозунгами социализма была консолидирована бывшая Российская империя, осуществлена «ускоренная модернизация» по советскому образцу, позволившая вывести СССР в число великих держав и одержать победу над фашизмом. Жертвы «социалистического строительства» были не напрасными. В. И. Ленин и И. В. Сталин не только сплотили новую элиту, но и стали настоящими «народными вождями», отражающими реальные интересы огромной массы населения и правящей советской номенклатуры всех уровней и типов. Поэтому термины «строительство социализма», «советский народ», «Советская власть» и другие им подобные вполне применимы к историческим реалиям Советской России и СССР, как и термин «советская история», вплоть до распада Советского Союза в 1991 г.

4. Вместе с тем, И. В. Сталин и его окружение 1930-е гг., осуществив индустриализацию, коллективизацию и культурную революцию, в ходе «большого террора» и политических процессов второй половины 1930-х гг.,

совершили «термидорианский переворот», контрреволюцию, уничтожив «старую ленинскую гвардию» и политическую оппозицию. Сталинский «термидорианский переворот» и контрреволюция второй половины 1930-х гг. при всех своих часто неоправданных жертвах были «меньшим злом» по сравнению с возможным вариантом претворения в жизни теории «мировой пролетарской революции» Л. Д. Троцкого и В. И. Ленина. Сталинизм опять же сплотил элиту и народ, что было важно в сложившейся ситуации тех лет, особенно накануне Великой Отечественной войны. Сталинизм и административно-командная система социализма утвердилась в СССР окончательно в предвоенные годы и в период войны. По своему содержанию они противоречили марксизму и соответствовали «исправленному марксизму» (марксизму-ленинизму). Неоднократные попытки реформ не меняли самой сути: административно-командная система и неосталинизм продолжали удерживать и контролировать власть и собственность в огромной стране вплоть до конца 1991 г., тогда как огромная масса населения были от них отчуждены. Номенклатура «приватизировала» само государство и экономику, которая по своей сути по этой причине могла быть только государственно-монополистической.

5. Мир и Европа жили другими реалиями. Запад учёл уроки Великой Российской буржуазно-демократической революции 1917–1922 гг. и реализовал у себя ряд глубинных экономических и социальных реформ, многие из которых были воплощены в жизнь в духе неомарксизма. Они шли весь XX в. по пути социализации собственности и расширения числа собственников, привлекая трудовые сословия к управлению производством и наделяя их собственностью. При этом основы частной собственности и естественных прав человека были закреплены как незыблемые и непреходящие ценности. Данная тенденция

сохраняется и сегодня. России и государствам СНГ следует вернуться на этот путь исторического и цивилизованного развития.

6. Решающую роль здесь снова сыграет номенклатура. При всех ошибках и неудачах, жертвах советская номенклатура сыграла в истории огромную позитивную роль. Она была рождена самой Великой Российской буржуазно-демократической революцией и несколько раз успешно модернизировала страну (СССР), выйдя победителем вместе с советским народом из Второй мировой и Великой Отечественной войн. Но в ходе очередных реформ и модернизации 1980-х – 1990-х гг. она не смогла сохранить единство. Советская государственно-партийная, военная и гражданская хозяйственная номенклатура, а вместе с ней и интеллигенция, раскололись на «консерваторов» и «демократов», что обрекло очередную модернизацию («перестройку» М. С. Горбачёва) на провал и погубило великую державу — СССР. Часть элиты-фронды из «консерваторов» объединилась с «демократами» на почве общего неприятия «перестройки» и самого М. С. Горбачёва как лидера. Они пошли на союз с олигархическими кланами «теневой экономики», что было в принципе оправдано, разумно и позитивно в сложившейся ситуации тех лет, но провально в геополитическом плане — за внутренней борьбой рождавшаяся «новая элита» и уходящая в прошлое «старая элита» не смогли сохранить великую государственность. Советский Союз распался. Противостояние с Западом, в том числе «холодная война» и соперничество с западными службами, финансировавшими развал Советского Союза, были проиграны. Это актуальнейший и важнейший урок из недавнего советского прошлого для всей нынешней российской и постсоветской номенклатуры.

7. России, всем бывшим республикам СССР, в том числе государствам СНГ, сегодня необходима спокойная и умеренная «консервативная модернизация», без крайностей и человеческих жертв. Её цель очевидна — возродить Великую Россию, объединиться вокруг неё, консолидировать саму элиту, номенклатуру и массы на основе патриотизма, христианских и других ценностей и, самое главное, на основе создания «новой экономики», способной обеспечить прежде всего высокий качественный уровень жизни населения и динамичное развитие страны в каждом из постсоветских государств и стран СНГ. Тогда умы и капиталы потекут не на Запад, а в обратном направлении. «Консервативная модернизация» может оказаться не менее Великой революцией, чем Великая Российская революция 1917–1938 гг. Её социальную базу могут составить правящая номенклатура, бизнес-сословие, «средний класс» и патриотически настроенная интеллигенция. Остальные сословные группы неизбежно будут следовать за ними.

8. Такова важнейшая векторная составляющая, с нашей точки зрения, нынешнего и дальнейшего развития России и бывших республик СССР в ближайшей и долгосрочной перспективе. 100-летие Великой Российской революции не должно повторить её предысторию и весь её трагический, в принципе, сценарий. Новое лучше создать в ходе «консервативной модернизации» и «консервативных реформ». Критика государственных устоев власти, как и собственного исторического прошлого, заискивание перед Западом и США контрпродуктивны и не могут служить интересам Великой России и других государств СНГ. Прошлое следует изучать как урок для настоящего и будущего.

И самое важное и главное: зачем нужна подобная переоценка событий 1917–1922 гг. в российской и советской истории? Что она даст? Чем уязвимы оценки и термины «Великий

Октябрь», «Великая Октябрьская социалистическая революция» или «Октябрьский переворот 1917 г.»?

1. Да, уязвимы, потому что они неадекватны, нетождественны событиям тех и последующих лет. И самое тяжёлое и неприятное (если мы остаёмся патриотами своей страны и болеем за своё прошлое искренне и честно) это то, что если признавать и далее, что в Советской России и СССР социализм и социалистическое строительство победили и были реальностью (а не под их лозунгами), то тогда следует согласиться с тем, что социализм на практике — это миллионы человеческих жертв, а в теории — оправдание необходимости таких, именно массовых, жертв. Тогда придётся признавать «красную», «чёрную» и другие «книги коммунизма», опубликованные и давно известные от советологов и «наших» историков. А вот буржуазные и буржуазно-демократические революции (все!) были далеко не бескровными, и мы (Россия и СССР) в этом случае также не исключение. Гильотина «работала» и во Франции в XVIII в., и у большевиков в XX в. Российская история и революция повторили в 1917–1922 гг. и далее то, что в своё время прошли Европа и США, только в более кровавом и «варварском» варианте, и не в силу каких-то «своих» особенностей, а потому, что постарались «спонсоры» из Германии, Великобритании, США, Франции и Японии, финансировавшие и элиту, и контрэлиту Российской империи, столкнув их в ходе этой великой и кровавой, действительно, революции.

2. Признание событий октября — ноября 1917 г. отдельной революцией, а тем более «великой», во-первых, не соответствует реалиям тех дней, о чём мы попытались сказать в данной статье, и, во-вторых, что важнее всего — «Великий Октябрь» и «Великая Октябрьская социалистическая революция» — это радикальный разрыв со своим собственным прошлым, это, вообще-то, прерывание леги-

тимности самой власти государства, это добровольный отказ от всей многовековой истории России без права на возрождение великого прошлого России, это то, что было надо Западу вчера и что нужно сегодня. Вариант «Великой Российской буржуазно-демократической революции», где «октябрьский переворот» 1917 г. — всего лишь эпизод, но великий и важный действительно, не разрывает цепь исторических событий прошлого и настоящего. Так и было. В. И. Ленин и Л. Д. Троцкий, как известно, не случайно сверяли происходящие события в России, творцами которых были, по книге П. Кропоткина «Великая Французская революция», а «комиссары», «коммуна» и другие революционные названия они взяли именно из той, Великой Французской буржуазной революции XVIII в. Под лозунгами Советов и социализма в России в 1917–1922 гг. произошла и победила буржуазно-демократическая революция. Она действительно была Великой и, конечно же, нашей — Российской.

3. Именно признание того факта, что в 1917–1922 гг. далее в России развернулась по нарастающей, а затем и затухала по нисходящей вплоть до конца 1930-х гг. Великая Российская буржуазно-демократическая революция, позволит более объективно, с нашей точки зрения, трактовать советскую и постсоветскую историю, и не только России, но и бывших республик СССР, причём всех без исключения. То, что происходило с Советским Союзом с 1985–1991 гг. соответствовало, по нашему мнению, июльской революции 1830–1831 гг. во Франции, которая затем драматично пережила 1848, 1851–1852 и 1870–1871 гг. Аналогичные события развернулись в советской истории на её финальной стадии и в современной постсоветской истории в России, государств СНГ, на всём постсоветском пространстве. Возможны, с нашей точки зрения, четыре варианта дальнейшего развития событий: «революция низов»

по образцу 1848–1849 гг. во Франции и Европе, «правый поворот» и бонапартизм, рывок к власти неофашизма (пример Украины сегодня) и «консервативная модернизация», которая, на наш взгляд, есть самый позитивный вариант развития событий и самый логичный, бескровный из тех, что развернулись в огромной и сильной Российской империи сто лет назад и которые её едва не погубили, потому что династия Романовых перестала чувствовать ритм истории и настроения своих подданных.

Литература

- Адо А. В. Место Французской революции в процессе перехода страны от феодализма к капитализму // ННИ. 1989. № 3. С. 17–25.
- Английская буржуазия революция XVII века / Под ред. Е. А. Косминского, Я. А. Левицкого. Т. 1–2. М., 1954.
- Арон Р. Мир и война между народами. М., 2000.
- Барг М. А., Черняк Е. Б. Революции европейского масштаба в процессе перехода от феодализма к капитализму (XVI–XIX вв.) // ННИ. 1988. № 3. С. 56–77.
- Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. М., 1977.
- Война и общество в XX веке: в 3 кн. Кн. 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны. М., 2008.
- Всемирная история. Т. 4–6. М., 1958–1959.
- Голдстоун Дж. К теории революции четвёртого поколения // Логос. 2006. № 5 (56). С. 58–103.
- 200 лет Великой Французской революции: Французский ежегодник. 1987 / Гл. ред. В. В. Загладин. М., 1989.
- Джонсон П. Мир с двадцатых по девяностые годы. Т. 1. М., 1995.
- Заболотный Е. Б. Революция 1917 года на Урале (Историография). Тюмень, 1995.
- История Европы. Т. 3–5. М., 1993–2000.

- История России. С древнейших времен до начала XXI в. / Под ред. А. Н. Сахарова. М., 2011.
- История России. XX век: 1894–1939. М., 2009.
- Кондратьева Т.* Большевики — якобинцы и призрак террора. М., 1993.
- Короленков А. В.* Политическая система при Сталине: взгляд российского и немецкого историков // РИ. 2013. № 3. С. 50–65.
- Коротаев В. И.* Революция 1917 г.: авантюра или закономерность? // Россия, 1917: взгляд сквозь годы. Архангельск, 1998.
- Коссок М.* 1789 г. и новые альтернативы в социальной трансформации // ННИ. 1989. № 4. С. 56–73.
- Коваль Б. И.* Революционный опыт XX века. М., 1987.
- Космач В. А.* Что такое революция и что случилось с Россией в 1917 году (субъективный взгляд на советскую историю 1920–1950-х гг.) // Материалы XVI научной сессии преподавателей и студентов: сборник докладов. Витебск, 2013. С. 232–236.
- Космач В. А.* Что такое революция и что случилось с Россией в 1917 году. Германский фактор в русской и советской истории первой половины XX века // Белорусско-германско-российская международная научная конференция «Актуальные проблемы германской, российской и белорусской истории и культуры в контексте развития цивилизаций и мировой геополитики в XX веке и «круглый стол» «Беларусь и Германия в истории европейской дипломатии и мировой политики XX века: опыт и уроки для современности», 6–7 июня 2013 г. Витебск, 2013. С. 3–13.
- Кропоткин П. А.* Великая Французская революция. 1789–1793. М., 1979.

- Лавринович Д. С.* Либерально-консервативная оппозиция в России: формирование и борьба за власть (1912–1917 гг.). Могилёв, 2006.
- Лященко Л.* Династия Романовых между рифмами революций // Наука и жизнь. 2013. № 9. С. 46–59.
- Логинов В. Т.* Революции в России: спорное прошлое и неопределённые перспективы (Круглый стол к 80-летию Великой Октябрьской социалистической революции // Альтернативы. 1997. № 3. С. 3–41.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. С. 419–459.
- Манфред А. З.* Великая Французская революция. М., 1983.
- Мерников А. Г.* Всемирная история войн. Мн., 2010.
- Мировые войны XX века. Кн. 1–4. М., 2002.
- Миронов Б. Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М., 2012.
- Нарочницкий А. Л.* Юбилей Французской революции: поиски и проблемы // НИИ. 1989. № 3. С. 3–16.
- Никонов В.* Крушение России. 1917. М., 2011.
- Олар А.* Политическая история Французской революции. Происхождение и развитие демократии и республики. 1789–1804. М., 1938.
- Пайнс Р.* Русская революция. Кн. 1–3. М., 2005.
- Пиренн А.* Нидерландская революция. М., 1937.
- Поппер К.* Открытое общество и его враги. Т. 2. М., 1992.
- Революция 1905–1907 годов в России. М., 1975.
- Ревуненков В. Г.* Очерк по истории Великой Французской революции. Падение монархии. 1789–1792. Л., 1982.
- Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооружённых сил. Статистическое исследование. М., 2001.
- Солоневич И. Л.* Великая фальшивка Февраля. М., 2007.
- Спирин Л. М.* Россия 1917 год: Из истории борьбы политических партий. М., 1987.

- Сенявский А. С. Великая русская революция 1917 года в контексте истории XX века // Проблемы отечественной истории: Источники, историография, исследования. СПб., 2008.
- Соколов А. К. К революционному взрыву привело высокое социальное напряжение. Февральская революция 1917 года в российской истории. «Круглый стол» // ОИ. 2007. № 5. С. 8–9.
- Чистозвонов А. Н. Нидерландская буржуазная революция XVI века. М., 1958.
- Чудинов А. В. Назревшая проблема изучения истории Великой французской революции (по материалам обсуждения в Институте всеобщей истории АН СССР // ННИ. 1989. № 2. С. 65–74.

Veniamin A. Kosmach

The Great Russian Revolution 1917–1922 and its Consequences: Experience of Comparative-Historical Analysis

This article presents the authors' point of view about the events of 1917–1922 in Russia, Soviet and post-Soviet periods of its history through the historical analogies with the history of the Great French bourgeois Revolution of the second half of the XVIII century. An attempt is made to determine the reasons, character, chronological frame and historical importance of the Great Russian Revolution of 1917.

Key words: the Great Russian Revolution, the character of the Revolution, the moving forces of the revolution, capitalism, socialism, communism, Stalinism, administrative–command system.

Филимонов А. В.

**«ИНГЕРМАНЛАНДСКОЕ» НАСЕЛЕНИЕ В
СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЯХ РСФСР
В КОНЦЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И
ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ
(1944–1948 гг.)**

В статье рассмотрены проблемы, связанные с устройством в северо-западных областях РСФСР (главным образом в Псковской области) в 1944–1948 гг. так называемого «ингерманландского» населения, репатриированного из Финляндии и размещенного здесь в качестве административно-высланного в соответствии с Постановлением Государственного комитета обороны.

Ключевые слова: Финляндия, СССР, Северо-Запад РСФСР, Псковская область, репатриация, ингерманландцы, переселенцы, административно-высланные, хозяйственное устройство.

Вторая мировая война, самая разрушительная и истребительная в истории человечества, «огненной колесницей» прошла по судьбам миллионов людей и целых народов, испытания для которых не закончились и после завершения кровавой бойни. В полной мере это коснулось граждан СССР, различными путями оказавшихся в годы войны на чужбине — военнопленных и гражданских лиц, насильственно угнанных или вывезенных оккупантами, а затем возвращавшихся на Родину. Советский Союз, понёсший огромные людские потери, был заинтересован в возвращении перемещённых лиц, чтобы хоть в некоторой степени восполнить нехватку рабочей силы. Советское руководство задалось целью вернуть всех, оказавшихся на Западе, репатриация была обязательной, при этом репатриантам объявлялось, что они сохраняют все права граждан СССР, но на практике те столкнулись с совершенно

другим. Так, угнанных насильственно в Германию и другие страны в качестве «остарбайтеров» существующий в СССР тоталитарный режим нередко рассматривал как людей, совершивших «добровольный выезд во вражескую страну». После возвращения им приходилось жить в обстановке враждебного отношения, испытывать явную дискриминацию при поступлении на работу и учёбу, а для некоторых категорий (в том числе отнесённых к ним по национальному признаку) власть определила даже места нового поселения без права покидать их. Показательна в этом отношении судьба населения так называемого «ингерманландского» происхождения, прежде всего финнов, проживавшего до войны на территории Ленинградской области — в Гатчинском, Павловском, Красносельском, Тосненском, Сланцевском, Волосовском, Ломоносовском и ряде других районов.

В начале Великой Отечественной войны по решению Советского правительства значительная часть их была депортирована в отдалённые и северные районы страны. Так, в марте 1942 г. из Ленинграда и его окрестностей были выселены ингерманландцы и финны: всего поступило на спецпоселение 44737 чел., из них 17837 чел. были расселены в Красноярском крае, 8267 чел. в Иркутской области, 3602 — в Омской, остальные — в Вологодской области, и небольшое число в Кировской. Уже после войны, по приказу НКВД от 28 января 1946 г. эти ингерманландцы и финны были сняты с учёта спецпоселений, после чего взяты на учёт как высланные в административном порядке в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. (как «социально опасный элемент, высланный из областей, объявленных на военном положении»).

Несколько иной оказалась судьба десятков тысяч ингерманландцев, оставшихся на территории Ленинград-

ской области, оккупированной фашистскими войсками. В 1943–1944 гг. по приказу немецко-фашистского командования производилась тотальная «эвакуация» населения области, в процессе которой ингерманландцы вынуждены были покинуть свои селения и оказались в Эстонии, где были поставлены перед выбором: эвакуация либо в Германию, либо в Финляндию. Они предпочли Финляндию. После подписания 19 сентября 1944 г. соглашения о перемирии между СССР, Великобританией и Финляндией, одним из пунктов которого правительство Финляндии обязывалось интернировать находящихся на её территории иностранных граждан, началась массовая репатриация этих лиц в СССР. Возвращались они на основе личного волеизъявления, и далеко не все. Большинство же их приняли решение вернуться в СССР, мотивировав это желанием возвратиться в родные места и найти потерянных во время войны родственников. Способствовали возвращению неудовлетворительные условия жизни в Финляндии и напряженность в отношениях с местным населением. Возвращались и те, кто оказался в Финляндии ещё до войны.

Но ещё до того, как это произошло, Постановлением СНК СССР от 19 сентября 1945 г. и директивой НКВД СССР от 24 сентября, как бы в отместку за то, что Финляндия была союзницей фашистской Германии, а ингерманландцы «добровольно» выехали во враждебную Советскому Союзу страну, став тем самым «пособниками» врага, им запрещено было возвращаться в прежние места проживания. Исключение делалось лишь для желающих воссоединиться с членами семьи — участниками Великой Отечественной войны, но только при наличии документального подтверждения и «отсутствии наличия компрометирующих материалов и особых возражений со стороны НКВД». Ранее это решение было узаконено Постановлением Госу-

дарственного комитета обороны от 19 ноября 1944 г., в соответствии с которым «ингерманландцы» направлялись на постоянное место жительства в Ярославскую, Калининскую, Новгородскую, Псковскую и Великолукскую области. Спецпереселенческий статус на них не распространялся, репатриированные ингерманландцы фактически превратились в административно-высланных.

В одном из отчётов Управления Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации в 1946 г. указывалось число репатриированных ингерманландцев — 43246 чел., в других же документах указанного ведомства отмечалось, что к этому времени из Финляндии было репатриировано 55942 ингерманландца, из них 19336 чел. расселено в Ярославской области, 14169 чел. — в Калининской, 10513 — в Новгородской, 6335 — в Псковской, 5589 — в Великолукской. Из этого числа уже к 16 января 1945 г. в указанных областях было расселено 55650 чел., расхождения же данных в документах Управления объясняются тем, что в первом случае учитывались только этнические ингерманландцы, а во втором — вместе с представителями других национальностей, репатриированных из Финляндии и направленных с ингерманландцами на поселение в указанные области. Например, в составе 5589 репатриированных из Финляндии (в документах все они названы ингерманландцами) и поступивших в середине января 1945 г. в Великолукскую область, было 3922 ингерманландца, 764 ижорца, 704 русских, 141 карел, 111 вепсов, 28 эстонцев, 14 украинцев, один литовец, и остальные — «прочие». Аналогичным было положение и в других областях, поэтому общие цифры репатриированных разнятся — 43246 чел. и 55942 чел.¹

---

¹ Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 2. 1940–1959 гг. М., 2001. С. 170–171; ГАПО. Ф. 1121. Оп. 1. Д. 170. Л. 1, 31, 76.

Страница, связанная с переселением и устройством на новых местах «ингерманландского» населения, в отечественной историографии представляет собой по-настоящему «белое пятно»: об этом нет никаких упоминаний ни в трудах по истории отдельных областей северо-запада России, ни в книгах о восстановлении после войны хозяйства и культуры региона. Вполне объяснимо умолчание об административно-высланных в историко-партийной монографии М. А. Абрамовой, вышедшей в начале 1980-х гг.², но монография В. А. Кутузова увидела свет уже в начале «перестройки», и автор, уделивший среди множества проблем специальное внимание вопросу эвакуации и репатриации населения в конце войны, об «ингерманландцах», тем не менее, тоже не обмолвился ни словом³. Никаких сведений об этом не привели и авторы большого коллективного труда об истории региона в годы Великой Отечественной войны, изданного к 60-летию Победы⁴. Умалчивают об этом факте и авторы общих трудов по истории Финляндии (как отечественные, так и финские), а также об истории этой страны в годы Второй мировой войны и советско-финских отношениях, даже вышедших в последние годы⁵. Лишь совсем недавно (в

---

² Абрамова М. А. На освобождённой земле. Деятельность Коммунистической партии по возрождению освобожденных от немецко-фашистской оккупации районов северо-западных областей РСФСР. 1944–1950 гг. Л., 1981.

³ Кутузов В. А. Возрождение земли Ленинградской. Коммунисты в авангарде восстановления народного хозяйства Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны. Л., 1985. С. 77–91.

⁴ Северо-Запад России в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. СПб., 2005.

⁵ См., напр.: Ингульская Л. А. В борьбе за демократизацию Финляндии (1944–1948 гг.). М., 1972; Барышников Н. И., Барышников В. Н., Фёдоров В. Г. Финляндия во Второй мировой войне. Л., 1989; Барышников Н. И. Пять мифов в военной истории Финляндии. 1940–1944 гг. СПб., 2007; Расула В. История Финляндии. Петрозаводск, 1996; Мейландер Х. История

2011 г.) увидела свет монография финского историка Тойво Флинка, специально посвящённая этой проблеме. Автор рассмотрел обстоятельства переселения «ингерманландцев» в Финляндию в разные исторические периоды (т. е. не только в годы Второй мировой войны), но главное внимание уделил процессу репатриации их в СССР⁶. В отечественной историографии аналогичных трудов по указанной проблеме пока что нет, а в монографии Т. Флинка вопросы обустройства «ингерманландцев» на новых местах освещены недостаточно: автор использовал документы архивов Финляндии и России, но не добрался до материалов местных архивохранилищ, т. е. областей, где расселялись «ингерманландцы».

Настоящая статья ставит целью приподнять по мере возможности завесу тайны этой по-настоящему драматической страницы, приходящейся на конец Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы и касавшейся, хотя и косвенно, истории взаимоотношений СССР и Финляндии. Но прежде всего, в ней делается попытка проследить судьбу большой группы людей «ингерманландского происхождения», не по своей воле оказавшейся на положении административно-высланных в нескольких северо-западных областях. Повествование построено главным образом на материалах Псковской области, а в основу его положены исключительно документы Государственного архива Псковской области (ГАПО) и Государственного архива новейшей истории Псковской области (ГАНИПО), — прежде всего фонды Облисполкома и его Переселенческого отдела, обкома ВКП(б), отдельных райкомов партии.

Финляндии. М., 2008; *Широкорад А. Б.* Финляндия. Через три войны к миру. М., 2009; *От войны к миру. СССР и Финляндия в 1939–1944 гг.* СПб., 2006; *Юссила О.* Политическая история Финляндии. 1809–2009 гг. М., 2010 и др.

⁶ *Флинт Т.* Домой в ссылку. Депортация ингерманландских переселенцев из Финляндии в Советский Союз. 1944–1955 гг. СПб., 2011.

Дополнением к архивным документам могли стать сообщения периодической печати изучаемого периода, но областная газета «Псковская правда» ни разу об «ингерманландцах» не обмолвилась. По мере возможности в статье приводятся цифровые данные и по другим областям.

Итак, 19 ноября 1944 г. ГКО принял Постановление № 6973 «О переселении из Финляндии ранее проживавшего в Ленинградской области населения ингерманландского происхождения», которым определил места проживания его в пяти российских областях. При этом на территории Псковской и Новгородской областей ингерманландцы расселялись «южнее Сланцевского, Осьминского и Лужского районов Ленинградской области, Батецкого, Новгородского, Маловишерского и Окуловского районов Новгородской области». Вследствие этого местами размещения были избраны 6 районов Новгородской области — Валдайский, Демянский, Молвотицкий, Крестецкий, Лычковский и Шимский (от 1000 до 5000 чел. в каждом), и 11 районов Псковской области — Лядский, Плюсский, Дновский, Стругокрасненский, Новосельский, Порховский, Гдовский, Пожеревицкий, Островский, Сошихинский и Псковский (от 500 до 3000 чел. в каждом)⁷. До 1500 семей предполагалось расселить в 10 районах Великолукской области — Сережинском, Торопецком, Плоскошском, Пенновском, Ленинском, Великолукском, Нелидовском, Октябрьском, Ильинском и Куньинском (от 100 до 200 семей в каждом)⁸. (В действительности же количество переселенцев в указанных областях и районах впоследствии оказалось меньшим).

Областные партийные и советские органы сразу же в оперативном порядке приняли совместные постановления по выполнению распоряжения ГКО — о размещении, хо-

---

⁷ ГАНИПО. Ф. 1219. Оп. 1. Д. 3. Л. 73–74.

⁸ ГАНИПО. Ф. 5473. Оп. 1. Д. 4. Л. 146.

зяйственном и трудовом устройстве «ингерманландского» населения: 24 ноября 1944 г. такое постановление приняли Псковский обком ВКП(б) и облисполком, на следующий день, 25 ноября – Великолукские организации. Для проведения всей работы были утверждены областные комиссии, решения областных органов продублировали райкомы партии и райисполкомы, создав соответственно районные комиссии⁹. В состав областных и районных комиссий включались руководители областей и районов (первый секретарь обкома, райкома ВКП(б), председатель облисполкома, райисполкома), начальники областных и районных управлений и отделов НКВД. Специальные уполномоченные направлялись на пограничные с Финляндией железнодорожные станции для встречи возвращающихся «ингерманландцев» и сопровождения их до мест назначения. В Псковской области, согласно принятому постановлению, по уточнённым теперь данным предстояло разместить 1500 семей (5–6 тыс. чел.), изменился несколько и перечень районов для расселения: в 10 районах – Гдовском, Дновском, Дедовичском, Лядском, Островском, Пожеревицком, Плюсском, Порховском, Славковском и Стругокрасненском – размещалось от 50 до 300 семей. Прибывавших переселенцев предполагалось размещать в имевшихся свободных домах, в порядке уплотнения, временно – в Домах колхозников, но главным образом – в деревнях, колхозах и совхозах – в порядке доприселения к местным жителям. В районах в трёхдневный срок определялся перечень сельсоветов и колхозов для размещения «ингерманландцев», в каждый из них направлялись уполномоченные из числа руководящих районных работников, на железнодорожных станциях, куда прибывали пе-

---

⁹ ГАНИПО. Ф. 1219. Оп. 1. Д. 1. Л. 272–273; Ф. 5473. Оп. 1. Д. 2. Л. 66–67; Ф. 136. Оп. 4. Д. 3. Л. 123; Ф. 750. Оп. 2. Д. 1. Л. 209; Ф. 481. Оп. 2. Д. 1. Л. 124–125.

реселенцы, организовывались эвакуационные пункты с горячим питанием и медицинским обслуживанием, ветеринарная проверка привозимого скота, для доставки людей и их имущества в места проживания предприятия, учреждения и колхозы выделяли авто-гужевой транспорт. Перед СНК СССР ходатайствовали о выделении для временного размещения населения на станциях прибытия 100 шт. больших утеплённых палаток. Всю работу по приёму и размещению «ингерманландцев» предстояло провести в чрезвычайные сроки — с 5 декабря 1944 г. по 15 января 1945 г.

Одновременно районные организации обязывались оказать содействие прибывшим в строительстве ими собственных домов, в приобретении и ремонте жилых и хозяйственных построек, обзаведении скотом и птицей, в срок до 1 марта 1945 г. наделить всех усадебными участками по нормам, предусмотренным Уставом сельхозартели, на 1945–1946 гг. переселенцы освобождались от всех государственных денежных налогов и страховых платежей, на 1945 г. — от поставки сельхозпродуктов. Сельхозбанку давалось поручение о выдаче им кредитов на обустройство и хозяйственное обзаведение в размере до 10 тыс. руб. на хозяйство, с возвратом в течение пяти лет¹⁰.

Великолукский обком ВКП(б) и облисполком, наметив меры, аналогичные псковским, в добавление к ним постановил «составить в пятидневный срок план потребного количества лесосеки для заготовки деловой древесины на жилые и хозяйственные постройки» и выдать районам, в которых размещались переселенцы, 150 т продовольственного зерна для продажи нуждающимся (из расчета до 1 ц на семью)¹¹.

---

¹⁰ ГАНИПО. Ф. 1219. Оп. 1. Д. 1. Л. 273–274.

¹¹ ГАНИПО. Ф. 5473. Оп. 1. Д. 2. Л. 66–67.

Путём переселения «ингерманландцев» в районы, лишь недавно освобождённые от немецко-фашистской оккупации и сильно пострадавшие в годы войны, руководство страны и областей надеялось хоть в малой степени восполнить потери в рабочей силе, остро необходимой для возрождения сельского хозяйства, а благодаря предоставляемым льготам всерьёз рассчитывало на закрепление переселенцев в местах расселения. С момента прибытия планировалось использовать их труд на сельскохозяйственных работах, а свободных от таковых — на лесозаготовках, рыбном промысле, восстановительных и других работах по их специальности. В то же время руководители на местах ясно осознавали и предстоящие немалые трудности, связанные с расселением и обустройством переселенцев, тяжёлым бременем ложившиеся на ресурсы разорённых войной колхозов и деревень. Поэтому они решили добиться через правительство страны хотя бы частичной компенсации расходов по устройству «ингерманландцев» со стороны Финляндии.

В начале декабря 1944 г. руководство Ленинградской, Псковской и Новгородской областей направило совместное письмо на имя секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Жданова, в котором просило через СНК СССР ходатайствовать перед финским правительством об обеспечении за счёт последнего вывоза всего принадлежащего «ингерманландцам» имущества — скота, продовольствия, семян, сельхозинвентаря, различного оборудования, инструментов и предметов домашнего обихода, стоимость оставленных ими в Финляндии жилых и хозяйственных построек компенсировать строительными материалами или стандартными домами для восстановления этих построек в местах нового жительства на территории СССР. Кроме того, в связи с отсутствием в районах Псковской и Новгородской областей помещений для размещения прибы-

вающего населения, финское правительство обязано было выделить для временного расселения 1000 стандартных барачков. Учитывая, что возвращающееся население имело в довоенное время в личном пользовании и в общественном хозяйстве в среднем на каждый двор: одну лошадь, 2–3 головы крупного рогатого скота, три овцематки и свинью, правительству Финляндии предстояло возратить разницу между имевшимся до войны скотом и фактически имевшимся поголовьем на момент возвращения, имевшим в Финляндии озимые посевы — возместить из нового урожая 50 % зерна, исходя из средней урожайности 10 ц с га, списать все числящиеся за «ингерманландцами» недоимки по налогам, платежам и кредитам. Населению, не имевшему запасов продовольствия до нового урожая, финское правительство должно было выдать на каждого человека по 20 кг муки и 30 кг картофеля и овощей в месяц, а также семенной материал для ярового и озимого сева 1945 г. в размере 4 ц зерновых культур и 1 т картофеля на одно хозяйство. Наконец, требовалось обеспечить питанием и медицинским обслуживанием на период нахождения переселенцев в пути, транспортом для подвоза их к станциям железных дорог и до конечных станций разгрузки¹².

От Финляндии, однако, добиться какого-либо участия в устройстве переселенцев на новых местах, видимо, не удалось: документального подтверждения этому нет. Пришлось, поэтому, опираться лишь на те скромные возможности, которые имелись на местах, и рассчитывать на государственную поддержку. Никто, к тому же, не представлял и того, как переселенцы будут уживаться с местным населением, как последнее примет «нахлебников» и «квартирантов», размещённых «в порядке доприселения» и др. Но Постановление ГКО в условиях продолжавшейся

---

¹² ГАНИПО. Ф. 1219. Оп. 1. Д. 3. Л. 74–76.

войны обсуждению не подлежало, и его необходимо было выполнять. 18 декабря 1944 г. Псковский облисполком «в целях обеспечения жилищного и хозяйственного строительства возвращающегося из Финляндии населения ингерманландского происхождения» обязал областное Управление лесоохраны и лесонасаждений «обеспечить в местах с наикратчайшим расстоянием вывозки отвод лесосечного фонда» для обеспечения прибывающих строительными материалами. Места лесосеки отводились в Порховском, Стругокрасненском, Гдовском и Псковском лесхозах, а норма отпуска делового леса на каждое хозяйство устанавливалась от 15 до 30 куб. м (в зависимости от условий районов) — по справкам райисполкомов. Одновременно по линии Сельхозбанка районам вселения был открыт кредит на 1945 г. на общую сумму в 1 млн. руб. для выдачи переселенцам долгосрочных ссуд на строительство жилых домов и приобретение скота¹³.

Первые шесть эшелонов с переселенцами (140 вагонов с людьми и 121 вагон со скотом и имуществом) прибыли на железнодорожные станции Псковской области — Вязье и Морино Дновского района, Порхов, Дедовичи, Струги Красные, Плюсса — 15 декабря 1944 г. Всего прибыло 4148 чел. (865 мужчин, 1868 женщин и 1415 детей), которые привезли с собой 6 лошадей, 300 коров и 61 голову мелкого скота. Правительство СССР для оказания им первой помощи отпустило 100 т зерна, 20 т бензина, 300 тыс. руб. на орграсходы и 47,5 тыс. руб. для выделения непосредственно переселенцам (по 150 руб. на человека). Прямо со станций они направлялись в места постоянного проживания¹⁴. Типичную картину следования прибывших от станции Плюсса в Лядский район и размещения их на месте нарисовал в своей информации, на-

---

¹³ ГАПО. Ф. 903. Оп. 1. Д. 29. Л. 364–366; Ф. 1121. Оп. 1. Д. 197. Л. 24.

¹⁴ ГАПО. Ф. 1121. Оп. 1. Д. 45. Л. 1.

правленной в Псковский обком ВКП(б) уже 19 декабря 1944 г., секретарь Лядского райкома партии Н. Г. Баронов: «15 декабря с. г. на станцию Плюсса для размещения в нашем районе прибыло возвращающееся из Финляндии население ингерманландского происхождения — 517 чел. С ними также прибыло 7 вагонов багажа, 43 коровы, телёнок, коза, 5 овец, 6 кроликов. В этот же день они были размещены временно в ближайшей деревне к станции Плюсса, откуда они затем вывезены на машинах и лошадях в район. Трудность в перевозке состояла в том, что у них очень много тяжеловесного багажа — 7 вагонов, кроме ручного багажа, а также в том, что в эти дни выпал снег, в результате чего на телегах и на санях ехать было тяжело. На доставку со станции Плюсса в район прибыло из Пскова 3 исправных трёхтонных машины, а из колхозов района мобилизовано 216 лошадей. Доставка ингерманландцев в район производилась следующим образом.

На границе нашего и Плюсского районов в деревне Игомель Игомельского сельсовета организованы обогревательный и санпропускной пункты с предоставлением для ингерманландцев бань и горячей пищи и квартир у колхозников, а из этого пункта они двигались исключительно на лошадях по колхозам — на постоянное место жительства. Из Плюсссы в Игомель 19 декабря ингерманландцы со своим грузом были перевезены поголовно, а в Игомеле их оставлено на 20 декабря около 300 чел., которые тягловой силой района будут доставлены в колхозы в течение 20–22 декабря. Всех прибывших в район размещаем в имеющиеся свободные дома, и некоторую часть — в порядке уплотнения на квартиры к колхозникам. Квартир для них вполне достаточно, можем разместить кроме их ещё значительное количество. Настроение у них в основном хорошее. Часть лишь недовольна тем, что их отправили не по своим районам — в Волосовский, Гатчинский и др., где

они имеют свои дома, а в наш район. Отношение трудящихся нашего района к ингерманландцам тоже неплохое — с удовольствием предоставляют помещения, готовят пищу и др. Решается и вопрос о хозяйственном устройстве. Отбираем специалистов и направляем их в организации, всех остальных в колхозы. Полагаем, что уже в текущую 5-дневку включим их в производственные дела. На деле приёма, размещения и трудоустройства работает не только комиссия, но и 12 чел. районного актива»¹⁵.

Это было в самом начале кампании по расселению ингерманландцев, но далеко не везде дело обстояло столь благополучно, как нарисовал Н. Г. Баронов, а к тому же с неизбежностью вставали новые проблемы. 15 декабря 1944 г. в область прибыла лишь первая (хотя и наиболее значительная) группа переселенцев, но прибывать они продолжали и в первом квартале 1945 г. В результате к марту 1945 г. в Псковской области оказалось 1848 «ингерманландских» семей с общим числом 6335 чел. (2305 мужчин, 4030 женщин и 2193 детей в возрасте до 16 лет). В районах вселения они были распределены: по колхозам (1291 семья), совхозам (135 семей) и промышленным организациям (122 семьи). Основная масса переселенцев, как свидетельствуют приведённые данные, оказалась в сельской местности, где потребность в рабочей силе была наибольшей, и это, по мнению властей, позволяло «наиболее быстро трудоустроить население». К тому же, как оказалось, большинство прибывших не имели профессии, и использовать их можно было лишь в качестве разнорабочих или же в колхозах, где преобладал ручной труд. Однако по окончанию кампании по расселению «ингерманландцев» отдельно был произведён учёт прибывших специалистов, каковых в общей сложности оказалось 457 чел. Среди них были люди самых разных профессий

---

¹⁵ ГАНИПО. Ф. 961. Оп. 3. Д. 4. Л. 20.

(медработники, педагоги, кузнецы, сапожники, агрономы, ветврачи, электрики, слесари, водопроводчики, шофера, механики и др.), и занятия им подбирались в соответствии с имевшейся квалификацией: некоторым нашли применение в сельской местности, отчасти — в районных центрах¹⁶.

Весной 1945 г. большинство переселенцев было наделено земельными участками под огороды, нуждающиеся получили семенную и продовольственную ссуду. На проверку же оказалось, что значительная часть прибывших никогда раньше в колхозах не работала, имела весьма смутное представление о сельскохозяйственном труде — почти исключительно ручном и очень тяжелом. В среде переселенцев преобладали женщины (многие с малолетними детьми), в то время как доля мужчин была значительно меньшей, поэтому особо рассчитывать на значительное пополнение трудовых ресурсов за счёт их не приходилось. Большинство «ингерманландцев» рассматривало места своего нового жительства в качестве временного пребывания, надолго в них задерживаться не собиралось и стремилось различными способами их покинуть. Правда, в местах вселения с «ингерманландцами» проводилась разъяснительная работа: их старались убедить в необходимости быстрее хозяйственного устройства, вступления в колхозы, получения ссуд и строительства собственных домов, приобретения скота. Но большинство их об обустройстве в новых местах не желало и слышать. Ссылаясь на то, что в Ленинградской области у них имеются собственные дома, переселенцы не хотели вступать в колхозы, категорически отказывались от ссуд, не желали строиться, обзаводиться хозяйством и принимали все меры к тому, чтобы выехать из Псковской области на прежнее место жительства в Ленинградскую область, а также в

---

¹⁶ ГАПО. Ф. 1121. Оп. 1. Д. 45. Л. 2, 7; Д. 197. Л. 24.

Карело-Финскую ССР или в соседние прибалтийские республики. Подстёгивало их стремление к выезду то, что в большинстве мест не оказалось надлежащих жилищных условий: свободного жилищного фонда область не имела, по данным на 1 января 1946 г. нуждались в жилье 22280 семей местных жителей, поэтому большинство «ингерманландцев» вынуждены были разместить в порядке уплотнения в крестьянских домах. Были отмечены случаи, когда переселенцы, проживавшие на частных квартирах, вынуждены были вносить высокую квартирную плату (500 руб. в месяц и больше), или в нарушение правил им отводились приусадебные участки ниже установленной нормы — по 12–13 соток вместо положенных 25¹⁷.

Отсутствие нормальных жилищных условий было главной причиной нежелания переселенцев обустроиться на новых местах, а ещё в большей степени они хотели избавиться от унижительного статуса административно-высланных. Это нашло отражение в многочисленных заявлениях и просьбах за получением разрешения вернуться в места довоенного проживания. Находясь на положении административно-высланных, самовольно покинуть определённые для них места проживания «ингерманландцы» не могли, поэтому требовалось в установленном порядке получить на это законное разрешение. Наиболее распространёнными были их просьбы с мотивировкой того, что «в настоящее время живу в чужом углу, а там есть собственный дом». «Жить мне здесь очень и очень трудно, — писала, например, переселенка из Пожеревицкого района, до войны проживавшая на ст. Низовская Гатчинского района Ленинградской области. — Плохо с квартирами, причём дети ходят в школу, я сама инвалид второй группы. Работы здесь нет по моей силе возможностей, а сельхозработы выполнять не могу, не умею. Муж мой в

---

¹⁷ ГАПО. Ф. 1121. Оп. 1. Д. 197. Л. 24; Оп. 2. Д. 8. Л. 24.

Красной Армии с 1941 г. О его судьбе ничего не знаю. На ст. Низовская сохранился дом моего отца, так что жилплощадью буду обеспечена». «Была насильно угнана в Финляндию, и после мирного договора с Россией первая же добровольно захотела на родину, — отмечалось в заявлении другой переселенки. — Теперь мне и моей маме приходится мучиться со скотиной по чужим углам, не смотря на то, что имеем свой дом в целости и сохранности в Павловском районе, д. Ванга-Мыза... Скоро наступит весна, нет никакого настроения налаживать жизнь на чужой сторонке, т. е. засеять поле или посадить картофель для своего пользования. С 9 декабря 1944 г., второй год так скитаемся, со дня возвращения на родину. Людям, возвращающимся даже из Германии, возвращают казённые квартиры обратно, так почему же нам нельзя в родной дом? Ещё раз хочу напомнить, что статья Сталинской Конституции гласит: «Граждане СССР равноправны». А вот ещё одна просьба из Дновского района, написанная полуграмотным почерком: «Пустите нас на родину, т. к. здесь жить мы не можем, т. к. у нас кончилась еда. Мы живём в чужом доме, нам всё время говорят, чтобы мы ушли, а нам уходить некуда, а на родину не пускают без пропуска».

Подобные заявления поступали в различные инстанции, вплоть до Москвы, но чаще всего кончались безрезультатно. «В соответствии с директивой НКВД СССР от 24 сентября 1945 г. пропуска на въезд в Ленинградскую область к прежнему месту жительства лицам, переселённым из Финляндии и являющимися ингерманландцами, выдавать на месте при наличии разрешения Псковского облисполкома на выезд из Псковской области, если они являются членами семей участников Великой Отечественной войны», — таков был стандартный ответ на поступавшие заявления. Совет Министров СССР своим распоряжением № 5211 от 16 мая 1947 г. в очередной раз разъяс-

нил, что «запрещено проживание в Ленинградской области лиц финской национальности, удалённых из Ленинграда и Ленинградской области во время Отечественной войны, в порядке принудительной эвакуации, а также ингерманландцев, репатриированных из Финляндии, за исключением лиц финской национальности и ингерманландцев — участников Отечественной войны, имеющих правительственные награды, а также членов их семей». Этим указанием и рекомендовано было строго руководствоваться при выдаче разрешений. Псковский облисполком, правда, просил уточнить: можно ли выдавать разрешения семьям военнослужащих, погибших или пропавших без вести, а также награждённых, но не могущих подтвердить факт награждения (например, в случае утери награды)? Ответ был следующим: семьи пропавших без вести таким правом не пользуются, факты же гибели или награждения должны подтверждаться документально. В среду переселенцев-ингерманландцев, репатриированных из Финляндии, изредка попадали русские, и им разрешения на въезд в Ленинградскую область выдавались беспрепятственно¹⁸. Следовательно, законным правом переселения пользовались только указанные категории «ингерманландцев», все остальные доводы (отсутствие жилья, работы, инвалидность, наличие дома по прежнему месту жительства и т. п.) в расчёт не принимались. К тому же до середины 1946 г. для выезда требовалось не только разрешение облисполкома, но и получение пропуска на право передвижения по железной дороге. Кое-кому удавалось получить в органах милиции паспорт, и уже с ним на законных основаниях устроиться на новом месте жительства, но такие случаи были крайне редкими, если имели место вообще (разве что обходным или незаконным путём).

---

¹⁸ ГАПО. Ф. 1121. Оп. 1. Д. 170. Л. 2, 9, 32, 70, 119; Оп. 2. Д. 8. Л. 6-8, 12-13.

Получить официальное разрешение удавалось немногим, но уже в 1945 г. всё более частыми становились самовольные выезды (по существу, незаконные побегы с мест высылки), число которых неуклонно возрастало. Различными путями за девять месяцев 1945 г. область покинули 269 семей (с момента вселения и до 1 января 1945 г. — 430, в том числе с разрешения облисполкома — не более 15 семей. Кроме того, было выявлено 156 семей, подлежащих возвращению в места прежнего жительства в соответствии с указанием СНК СССР от 19 сентября 1945 г.). В целях выяснения причин этого Переселенческий отдел Псковского облисполкома в октябре 1945 г. провёл обследование жилищно-бытовых условий переселенцев в нескольких районах — Дедовичском, Пожеревицком, Порховском, Плюсском и Славковском. Выяснилось, что к строительству собственных домов в 1945 г. никто из переселенцев не приступал, кредиты на строительство остались неиспользованными, ссуды на приобретение скота получили только 39 хозяйств (в двух районах) на общую сумму 115 тыс. руб., и большинство из них самовольно выехали из области, не погасив задолженности по ссудам. По-прежнему главная вина за сложившееся положение возлагалась на райисполкомы и сельсоветы, которые «слабо проводят разъяснительную работу с переселенцами, плохо заботятся об их хозяйственном устройстве».

В декабре 1945 г. Переселенческий отдел разработал план хозяйственного устройства переселенцев на 1946 г., которым предусматривалось строительство 982 жилых домов для них и наделение приусадебными участками хозяйств, их не имевших. Этот план был включён в областной план строительства домов для колхозников на 1946 г., утверждённый облисполкомом и доведённый до сведения районов. Для кредитования мероприятий по хозяйственному устройству переселенцев Сельхозбанком был открыт

кредит на 1946 г. в сумме 500 тыс. руб., райисполкомам направлено письмо с просьбой оказать всемерную помощь в выделении необходимого количества основных местных и фондируемых строительных материалов (лес, кирпич и др.) и доставке их к местам строительства. Одновременно председателям райисполкомов предлагалось усилить разъяснительную работу с переселенцами, убеждая их в том, что «они прибыли в район на постоянное место жительства и к местам прежнего жительства возвращаться не будут».

В течение 1946 г. работники Переселенческого отдела побывали во всех районах вселения с целью проверки работы по хозяйственному устройству «ингерманландцев» и проведения личных бесед с ними. Но, несмотря на принимаемые меры, положительных результатов не удалось добиться и в 1946 г. За весь год переселенцами было построено и куплено только 3 жилых дома, ссуд на приобретение скота выдано всего на 24 тыс. руб. (из 500 тыс.!), а самовольные выезды, наоборот, приняли массовый характер, особенно во второй половине года — после отмены с 1 июня пропусков на проезд по железным дорогам. За 1946 г. из области выбыло 1220 семей! В целях прекращения этого и закрепления «ингерманландцев» в местах вселения, 7 декабря 1946 г. облисполком направил в районы письмо, строго запрещавшее райисполкомам выдавать переселенцам разрешения на выезд и обязывавшее их «принять всевозможные меры к завершению хозяйственного устройства переселенцев». Но было уже поздно, потому что самовольные выезды приняли необратимый характер: на 1 января 1947 г. в области оставалось всего 399 семей «ингерманландцев», из которых 59 хозяйств являлись членами колхозов, 322 имели приусадебные участки, 184 хозяйства — коров, три семьи проживали в собственных домах, остальные по-прежнему в общежитиях и на чужой площади в порядке уплотнения, а несколько семей — во-

обще в землянках. Число же выбывших хозяйств достигло 1449, из которых 143 являлись семьями военнослужащих и выбыли с разрешения облисполкома, но 1306 хозяйств уехали самовольно. Все усилия по закреплению переселенцев оказались, таким образом, мало результативными.

Переселенческий отдел самокритично признал, что он «недооценил всей важности этой работы, увлѣкшись отбором и отправкой переселенцев в Калининградскую область и Сахалинскую область, а вопросы хозяйственного устройства ингерманландцев в местах вселения отодвинул на второй план». Не привлѣк он по-настоящему и внимание местных организаций, выезды же работников в районы сводились чаще всего к регистрации фактов. В Постановлении Совета Министров РСФСР от 29 мая 1947 г. и Коллегии Переселенческого управления при СМ РСФСР от 30 июня того же года подчѣркивалось, что не принял должных мер к хозяйственному устройству переселенцев и Псковский облисполком, которому было предложено разработать конкретный порайонный план хозяйственно-бытового и трудового устройства оставшихся ингерманландских семей. Выяснилось, что ни облисполком, ни его Переселенческий отдел не имели даже необходимых полных данных по этому вопросу, и для сбора и уточнения их потребовалось целых три месяца. Только 9 сентября 1947 г. план был принят: он предусматривал строительство 110 индивидуальных жилых домов и приобретение 60 голов скота для переселенцев. Но и этот план оказался невыполненным: с 9 сентября 1947 г. и до 1 января 1948 г. было приобретено только 2 дома и 2 коровы, а за весь 1947 г. освоено кредитов на строительство — 10 тыс. руб., на приобретение скота — 3 тыс. руб. (из 500 тыс.). В течение 1947 г. из области выбыло еще 140 семей переселенцев.

Следовательно, за три года с начала вселения «ингерманландцев» в Псковской области из 2 млн. открытых

кредитов было освоено всего 152 тыс. руб., из них на строительство — только 10 тыс. (4 хозяйства), построено и приобретено всего лишь 23 дома. За это же время из области выбыло 1589 семей — 86 % к общему числу вселившихся, из которых только 214 — с разрешения облисполкома, а все остальные — самовольно. На 1 января 1948 г. осталось всего 259 семей с населением 1782 чел., из них 164 семьи были заняты в колхозах и 95 — в местной промышленности; 23 семьи проживали в собственных домах, 148 — на совместной площади в порядке уплотнения, 64 — в квартирах, 19 семей — в общежитиях и 5 — в землянках. К этому времени все оставшиеся в области переселенцы, за исключением одиночек, работавших в промышленности, организациях и учреждениях (28 хозяйств), были наделены приусадебными участками по установленным нормам, 122 хозяйства вступили в колхозы, такое же количество семей имели коров, 18 — тёлочек, 119 — коз и овец. Больше всего «ингерманландцев» осталось в районах — Плюсском, Лядском, Гдовском, Порховском, Павском и др., в то время как в Дедовичском — всего 11 хозяйств (из 106), а в Пожеревицком районе их не осталось вообще (вселено было 120 хозяйств).

В начале 1948 г., во исполнение Постановления Совета Министров РСФСР от 21 января 1948 г. «О хозяйственном устройстве переселенцев», в области был разработан новый план мероприятий по хозяйственному устройству переселенцев (утверждён облисполкомом 19 февраля 1948 г.). Он предусматривал строительство 50 жилых домов, приобретение 100 голов продуктивного скота и выделение на эти цели ссуд на сумму 275 тыс. руб. Однако райисполкомы на местах этот вопрос на своих заседаниях не обсудили, эффективных мер к выполнению плана не приняли, поэтому и он оказался под угрозой срыва, хотя результаты всё же оказались лучшими, чем в предыдущие

годы. За 8 месяцев 1948 г. по строительству жилых домов он был выполнен на 80 % (построено и отремонтировано 40 домов из 50), приобретению скота — на 48 % (приобретено 48 коров и телок из 100 по плану), а из 275 тыс. руб. кредитов освоено только 23,3 тыс. руб. Чтобы исправить положение и добиться безусловного выполнения плана, решено было внести вопрос на рассмотрение облисполкома. С этой целью в августе 1948 г. был проверен ход реализации плана в двух районах — Порховском и Славковском, и выяснилось, что около половины семей переселенцев проживали в плохих или крайне стеснённых условиях. В общежитиях наблюдалась большая скученность и антисанитария, в комнатах площадью 8–10 кв. м проживало по две-три семьи (от 3 до 8 чел.), две семьи (7 чел.) жили в крестьянской бане площадью в 6 кв. м, три семьи — в землянках. План мероприятий по хозяйственному устройству «ингерманландцев» в указанных районах срывался: в Порховском районе из запланированных 6 домов был построен только один, из 17 коров приобретено три, в Славковском — из шести домов построено три, из необходимых четырёх коров приобретена одна. Райисполкомы жизнью и бытом переселенцев почти не интересовались, разъяснительная работа не велась, поэтому среди «ингерманландцев» ходили «всевозможные слухи о том, что их опять будут куда-то переселять», многие переселенцы всё ещё думали вернуться на прежнее место жительства, отмечались случаи «недружелюбного отношения» к переселенцам со стороны местного населения. Подтверждал эти выводы комиссии и сам Порховский райисполком, сообщивший, что «ингерманландцы» «ищут всякие способы вернуться на прежнее место жительства до момента их эвакуации. Они ежедневно обращаются в райисполком, а также в областной переселенческий отдел, но, не получая

разрешения на выезд, выезжают самовольно в неизвестном направлении».

Аналогичные проблемы существовали и в других районах области, и объяснялись они не только «недостаточным вниманием» или «полным невниманием» к ним руководящих органов, но и рядом объективных причин. Псковская область, сильно пострадавшая в годы войны, совершенно не располагала свободным жилым фондом. И хотя темпы и объёмы жилищного строительства постоянно возрастали, на 1 августа 1948 г. более 8,5 тыс. семей всё ещё не имели собственного жилья, а 437 семей проживали в землянках. «Мы не имеем возможности передавать переселенцам-ингерманландцам свободные жилые дома, как это рекомендуется Переселенческим управлением», — отмечалось в одном из отчётов областного Переселенческого отдела. — Нам нечего восстанавливать и ремонтировать, нам надо строить. Серьёзные трудности также и с обеспечением переселенцев продуктивным скотом. На 1 августа 1948 г. в области насчитывается 12112 бескоровных хозяйств. Эти трудности осложняются нежеланием самих переселенцев строиться и обзаводиться хозяйством»¹⁹. Чаще всего колхозы, где проживали «ингермаландцы», не желали устанавливать для них льготного положения и что-либо для них строить в силу того, что те не являлись колхозниками. Более того, попытки введения для них каких-либо привилегий вызывали законные нарекания со стороны местных жителей, которые сами находились в трудных условиях. «Вселить ингерманландцев в отдельные дома не представляется возможным, т. к. большая часть колхозников сами проживают в землянках, — сообщалось, например, из Гдовского района. — В постройке жилых домов вновь прибывшим будет оказана помощь в части отпуска леса и ссуд, если они будут добросовестно

---

¹⁹ ГАПО. Ф. 1121. Оп. 1. Д. 197. Л. 24-28; Д. 125. Л. 8, 55; Д. 183. Л. 6. Д. 184. Л. 32.

работать в колхозах. Привилегированного положения для них район создать не может в силу того, что район претерпел большие разрушения»²⁰.

К тому же и рекомендации Переселенческого Управления при СМ РСФСР не всегда были чёткими и последовательными, что со всей прямотой констатировал Псковский переселенческий отдел: «Много постановлений Переселенческого управления пишутся по установленному шаблону, одинаково для всех областей — для Псковской и Калининградской, Новгородской и Ярославской, для Великолукской и Сахалинской, без учета их особенностей, условий и возможностей. Взять хотя бы приказ Управления от 31 января 1948 г., в котором объявлен план строительства и ремонта домов для переселенцев. В нём всем 20 краям и областям запланирована *достройка* и ремонт домов, и только Приморскому и Хабаровскому краям — новое строительство домов. На долю Псковской области выпало *достроить и отремонтировать* 50 домов. Почему только 50? Если говорить о полном завершении хозяйственного устройства переселенцев в 1948 г., то надо было планировать не 50, а по меньшей мере 150 домов, т. к. на 1 января 1948 г. в области 148 семей проживают в крестьянских домах с уплотнением и 5 — в землянках, не считая 19 семей в общежитиях. Почему нам, как и Хабаровскому краю и Калининградской области, планируется *достройка и ремонт* жилых домов? Их нельзя сравнивать. Хабаровский край и другие восточные области не пострадали от войны, жилищный фонд сохранился, там уже в 1947 г. велось плановое строительство жилых домов для переселенцев и оказалось не достроено. Там и требуется *достройка*. В Калининградской области остались после выезда немцев дома, требующие ремонта. А в Псковской области, пострадавшей за время войны, уничтожено более половины жилищного фонда, здесь нечего достраивать и ремонтировать, надо строить дома заново не только

---

²⁰ ГАПО. Ф. 1121. Оп. 1. Д. 184. Л. 26.

для переселенцев, но и местных жителей. В Псковской области нет специальных поселений ингерманландцев, они вселены в существующие колхозы, а формы отчётности требуют данных о строительстве зернохранилищ, мельниц, скотных дворов, конюшен, бань, пожарных сараев, правлений колхозов и др. Коммунальная и частная квартира — не одно и то же. Раз имеют в крестьянской хате угол, и платят за него хозяину — это квартира?!...»²¹.

В конечном итоге намеченный план хозяйственного устройства «ингерманландцев» в 1948 г. впервые был выполнен с превышением: по жилищному строительству — на 112 % (построено, приобретено и отремонтировано 56 домов вместо 50 по плану), по обеспечению скотом — на 116 % (при плане 100 голов приобретено 116), однако, кредитов было освоено только 23,3 тыс. руб.²² И хотя хозяйственное устройство переселенцев было далеко от завершения, 1948 г. стал всё же в определённой мере переломным. И не только потому, что улучшились результаты выполнения намеченных мероприятий, но остановился, по существу, отток переселенцев из Псковской области, появилась тенденция к закреплению и обустройству оставшихся семей на новых местах. Мало того, в 1948 г. в область хлынул поток обратных переселенцев — не только тех, кто покинул её в предыдущие годы и не нашёл себе места в других регионах, но и новых, до этого в Псковской области не бывавших. Анализ этих новых процессов — тема отдельного повествования.

Источники

- ГАНИПО. Ф. 136. Оп. 4. Д. 3.
- ГАНИПО. Ф. 481. Оп. 2. Д. 1.
- ГАНИПО. Ф. 750. Оп. 2. Д. 1.
- ГАНИПО. Ф. 961. Оп. 3. Д. 4.
- ГАНИПО. Ф. 1219. Оп. 1. Д. 1.
- ГАНИПО. Ф. 1219. Оп. 1. Д. 3.

---

²¹ ГАПО. Ф. 1121. Оп. 1. Д. 197. Л. 29–32.

²² ГАПО. Ф. 903. Оп. 1. Д. 460. Л. 345; Ф. 1121. Оп. 1. Д. 197. Л. 41.

ГАНИПО. Ф. 5473. Оп. 1. Д. 2.
ГАНИПО. Ф. 5473. Оп. 1. Д. 4.
ГАПО. Ф. 903. Оп. 1. Д. 29.
ГАПО. Ф. 903. Оп. 1. Д. 460.
ГАПО. Ф. 1121. Оп. 1. Д. 45.
ГАПО. Ф. 1121. Оп. 1. Д. 125.
ГАПО. Ф. 1121. Оп. 1. Д. 170.
ГАПО. Ф. 1121. Оп. 1. Д. 183.
ГАПО. Ф. 1121. Оп. 1. Д. 184.
ГАПО. Ф. 1121. Оп. 1. Д. 197.
ГАПО. Ф. 1121. Оп. 2. Д. 8.

Литература

- Абрамова М. А.* На освобождённой земле. Деятельность Коммунистической партии по возрождению освобождённых от немецко-фашистской оккупации районов северо-западных областей РСФСР. 1944–1950 гг. Л., 1981.
- Барышников Н. И.* Пять мифов в военной истории Финляндии. 1940–1944 гг. СПб., 2007.
- Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй мировой войне. Л., 1989.
- Ингульская Л. А.* В борьбе за демократизацию Финляндии (1944–1948 гг.). М., 1972.
- Кутузов В. А.* Возрождение земли Ленинградской. Коммунисты в авангарде восстановления народного хозяйства Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны. Л., 1985.
- Мейнандер Х.* История Финляндии. М., 2008.
- Население России в XX веке: Исторические очерки. Т. 2. 1940–1959 гг. М., 2001.
- От войны к миру. СССР и Финляндия в 1939–1944 гг. СПб., 2006.
- Расила В.* История Финляндии. Петрозаводск, 1996.
- Северо-Запад России в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. СПб., 2005.

Флинк Т. Домой в ссылку. Депортация ингерманландских переселенцев из Финляндии в Советский Союз. 1944–1955 гг. СПб., 2011.

Широкорад А. Б. Финляндия. Через три войны к миру. М., 2009.

Юссила О. Политическая история Финляндии. 1809–2009 гг. М., 2010.

Anatoly V. Filimonov

The «Ingrian» Population in the North-West of the RSFSR at the End of World War II and the Early Postwar Years (1944–1948)

The article is focused on the problem of resettlement of the Ingrian Finns repatriated to the North-Western regions of Russia (mainly to the Pskov region) in 1944–1948. They were expelled from their homeland in accordance with the decision of the State Defense Committee of the USSR in revenge for support of the Hitlerite Germany by Finland.

Key words: Finland, the USSR, North-West of RSFSR, Pskov region, repatriation, Ingrian Finns, migrants, expulsion, household.

Медведева Н. М.

СОВЕТСКО-ВОСТОЧНОГЕРМАНСКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ СВЯЗИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-х гг.

В статье рассматривается сотрудничество между общественными организациями СССР и ГДР во второй половине 1960-х гг. В статье уделяется внимание рассмотрению форм сотрудничества между Советским обществом дружбы с ГДР и Обществом Германо-советской дружбы. Отдельно рассматривается создание городского отделения ОДСГ в городе Пскове.

Ключевые слова: Германская Демократическая Республика (ГДР), СССР, Советское общество дружбы с ГДР, Общество германо-советской дружбы, Псков.

В 2011 г. по решению Генеральной ассамблеи Организации объединенных наций был учреждён Международный день дружбы, который отмечается ежегодно 30 июля¹. Развитие этого движения приобрело массовые формы в XX в., когда международные связи на уровне общественных объединений являлись основной формой сотрудничества. В этом вопросе отражались как тенденции отношений между государствами, так и общественные и личные связи. Для рассматриваемого периода 1960-х гг. заметной также была идеологическая основа взаимоотношений.

Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами имел разветвлённую структуру, частью которой было действующее с 1958 г. Советское общество дружбы с ГДР. С другой стороны его партнером яв-

---

¹ Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 3 мая 2011 года — 65/275. Международный день дружбы. URL: <http://daccess-dds-nu.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/529/06/PDF/N1052906.pdf?OpenElement> (дата обращения: 27.04.2014).

лялось Общество Германо-советской дружбы. Общественное сотрудничество двух стран являлось важным компонентом их внешнеполитической линии и представляло собой осуществление принципов, зафиксированных в договорах, в том числе «Договоре о дружбе, взаимной помощи и сотрудничестве между СССР и ГДР» от 12 июня 1964 г.

Рассмотреть зарождение международных общественных форм сотрудничества на примере создания в 1967 г. Псковского городского отделения Советского общества дружбы с ГДР, оценить этот процесс с точки зрения времени его возникновения и разнообразия форм сотрудничества поможет обращение к деятельности Общества Германо-советской дружбы и Советского общества дружбы с ГДР во второй половине 1960-х г.

Между ними существовала практика заключения ежегодных совместных планов сотрудничества, основной целью которого было «всестороннее ознакомление трудящихся Советского Союза с достижениями трудящихся ГДР в социалистическом строительстве, с миролюбивой политикой ГДР» с одной стороны, а с другой – помощь в «ознакомлении общественности ГДР с достижениями советского народа в осуществлении программы строительства коммунизма ..., миролюбивой внешней политикой Советского Союза»².

Организация работы Обществ приурочивалась к знаменательным датам и юбилеям. Например, годовщинам образования ГДР, создания Общества германо-советской дружбы, юбилеям знаменитых политиков, деятелей науки и культуры. Особое внимание уделялось датам, связанным с победой над фашизмом. В 1967 г. сотрудничество проходило под знаком 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Идеям «со-

---

² Государственный архив Псковской области (далее – ГАПО). Ф. 108. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

циалистического интернационализма» отводилась ведущая роль. В официальных отчётных документах в первую очередь проводилась мысль о единстве и сплочённости стран «социалистического содружества», за которые борются в своей политике КПСС и СЕПГ³.

Активизации работы между обществами послужила состоявшаяся в феврале 1965 г. Вторая Всесоюзная конференция Советского общества дружбы с ГДР, в работе которой принял участие председатель секретариата Общества Германо-советской дружбы Ф. Фишер. Именно на этой конференции Общество советско-германской дружбы и культурной связи было переименовано в Советское общество дружбы с ГДР (ОДСГ). Произошла и некоторая его структурная перестройка. Новый состав Центрального Правления избрал Президиум и для решения практических задач сформировал шесть комиссий: пропагандистскую по работе с туристами, молодёжную, по работе среди женщин, школьную, по работе с коллективными членами г. Москвы и по работе с местными отделениями ОДСГ. Это реформирование положительно сказалось на работе такого сложного механизма, каким являлось ОДСГ, но само Правление отмечало, что за первое полугодие не все направления работы явились эффективными. Например, негативную оценку получила деятельность комиссии по связям с местными отделениями и пропагандистская, а комиссия по работе с коллективными членами практически не начала работу⁴.

Основные формы деятельности обществ были представлены обменом делегациями, торжественными собраниями, вечерами дружбы, лекциями и докладами, выставками, показами кинофильмов, проведением викторин. Большое значение придавалось знакомству с достижениями

---

³ ГАПО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

⁴ ГАПО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 1. Л. 12, 17.

ми науки и культуры. Как правило, оно оформлялось в форме проведения «дней культуры».

Многие мероприятия, имеющие официальную часть, проходили при обязательном участии глав и представителей органов власти. Так, акция «недели дружбы с ГДР» в Москве в 1967 г. начиналась с торжественного заседания в присутствии секретарей МГК КПСС и делегации от берлинского магистрата во главе с обербургомистром Большого Берлина Гербертом Фехнером. Празднование 18-ой годовщины образования ГДР в итоге прошло в форме более чем тридцати различных мероприятий, в которых приняли участие сотрудники посольства, туристы и делегаты, прибывшие на поездах дружбы. Масшовость празднования выразилась в том, что в нём приняли участие более 33 тыс. человек. Кроме столицы, мероприятия, приуроченные к празднику, прошли и в других регионах — в Казахской, Грузинской ССР. В Минске, Симферополе и Ялте были организованы совместные демонстрации Магдебургского и Московского Домов моделей⁵.

Лекторская работа между обществами использовалась не только в политико-пропагандистских, но и в научно-образовательных целях. Среди тем лекций были, например, такие, как «Борьба Советского Союза за мир», «Сибирь вчера, сегодня и завтра». Любая организационная работа требовала определённых умений, и местные отделения не всегда справлялись со всеми направлениями работы. Примером тому может служить случай, когда в период проведения «Дней культуры ГДР» в Грузинской ССР не было организовано выступление двух лекторов ОГСД⁶.

Специализированные туристические группы были основным механизмом получения практической пользы от работы двух обществ. Например, в 1967 г. Советский Союз

---

⁵ ГАПО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 4. Л. 7, 8.

⁶ Там же. Л. 21.

посетили 690 человек в составе 23 немецких групп, из которых четыре прибыли с целью изучения агитационно-пропагандистского опыта работы; семь — вопросов развития искусства, литературы и образования; семь — опыта в области промышленности, транспорта, строительства; пять — животноводства, полеводства, лесоводства и управления сельским хозяйством⁷.

Ещё более массовой формой работы обществ был обмен туристическими группами, так называемыми «поездами дружбы». В Советский Союз прибыли 14 таких поездов с численностью пассажиров 4620 человек, а учитывая полторы тысячи активистов Общества Германно-советской дружбы, участвующих в кампании «Члены ОГСД знакомятся с Советским Союзом», и других проектов, всего в 1967 г. СССР посетили восемь тысяч граждан ГДР. Именно в этом году Общество Германно-советской дружбы применило нововведение, создав комиссии и клубы по туризму, которые помогали подавшим заявку на посещение СССР, предоставляя им информацию о своей стране и стране прибытия. Курировал эту работу туристический отдел ОГСД во главе с бывшим послом ГДР в СССР Р. Дёллингом и его заместителями, одним из которых была Ева Урзула Петерайт — редактор русского издания журнала «ГДР».

С советской стороны туристический поток на этом этапе был малочисленнее. На тот же год в ГДР Советским обществом дружбы были направлены 510 туристов в составе 17 групп и одна группа 25 школьников. С другой стороны, значительное место отводилось работе с молодёжью — ОДСГ сотрудничало с комсомольскими органами. В том же 1967 г. 660 человек посетили ГДР на двух моло-

---

⁷ ГАПО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 4. Л. 11, 12.

дѣжных поездах дружбы и 225 человек — в составе 9 молодежных туристических групп⁸.

Расширение числа коллективных членов ОДСГ являлось одним из условий повышения эффективности его деятельности. По данным на 1966 г. в СССР таковых насчитывалось более 600, 100 из которых приходилось на Москву⁹. Представлены они были в основном коллективами промышленных предприятий, колхозов, высших и средних учебных заведений, а также творческими коллективами.

Вторая половина 1960-х гг. явилась временем активизации научно-технического сотрудничества двух стран, которое началось с подписания договоров между министерствами и ведомствами¹⁰. В рассматриваемый период территориальное расширение ОДСГ оставалось одной из важных задач его работы. Так, в 1965 г. были созданы Эстонское республиканское отделение и городские в Новосибирске и Баку, а в 1966 г. — городское отделение в Сочи. В 1967 г. начали действовать республиканские отделения в Грузинской и Казахской ССР, а на базе Иркутского городского отделения создано областное. В это же время было создано Псковское городское отделение Советского общества дружбы с ГДР¹¹. Включение Псковской области в процесс сотрудничества по линии общественных связей было обусловлено не только обстоятельствами, актуальными на тот момент, — в этой связи нельзя не упомянуть исторические предпосылки русско-немецкого сотрудничества на Псковской земле¹².

---

⁸ Там же. Л. 13.

⁹ ГАПО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.

¹⁰ Хаберл-Яковлева Г. А. «Справка для Косыгина»: из истории научно-технического сотрудничества между СССР и ГДР (1965-1970 гг.) // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2013. № 10 (111). С. 154.

¹¹ ГАПО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 4. Л. 20.

¹² См.: Бах Дитер. Немецкие следы в одном русском городе. Псков, 1997.

Учредительное собрание по созданию Псковского городского отделения ОДСГ состоялось 3 июля 1967 г. Высшим органом отделения стала Конференция, проводимая раз в 5 лет, а всю организационную работу вели Правление и Президиум. Первым председателем Правления стал И. Т. Гомонов — кандидат филологических наук, заведующий кафедрой русского языка Псковского государственного педагогического института. Институт являлся одним из самых активных коллективных членов отделения. В состав первого Президиума входили секретарь Псковского горкома КПСС Н. П. Андриянов, председатель Псковского областного комитета профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений П. Ф. Лукин, проректор Псковского педагогического института Н. И. Копычев¹³.

В Псковском отделении на начальном этапе работы состояли восемь организаций, из них три предприятия — Псковский завод Строймаш, Псковское локомотивное депо Октябрьской железной дороги, Псковская галантерейно-футлярная фабрика, и пять образовательных учреждений — Псковский пединститут им. С. М. Кирова, Псковское музыкальное училище, Псковский индустриальный техникум, Псковские школы № 8 и № 12¹⁴. Уже к концу первого календарного года деятельности в списке коллективных членов также числились Завод радиодеталей, Псковский сельскохозяйственный техникум и школы Пскова №№ 1, 9 и 19, то есть всего 13 организаций, из которых 4 предприятия, 4 учебных заведения и 5 школ¹⁵. Через семь лет, на 1974 г., в Псковской области более ста коллективов входили в состав двух городских и девяти районных отделений ОДСГ.

---

¹³ ГАПО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

¹⁴ ГАПО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 4. Л. 28.

¹⁵ ГАПО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

В первые годы своей деятельности Псковское городское отделение пыталось осуществить доступные формы деятельности ОДСГ. Первыми из них стали вечер встреч, обмен телеграммами, газетными статьями и туристические поездки. Вечер интернациональной дружбы, состоящий из торжественной части и выступлений художественной самодеятельности, посвящённый восемнадцатилетней годовщине образования ГДР, состоялся в Пскове 19 октября 1967 г. в Доме культуры профсоюзов. На него была приглашена делегация из посольства ГДР¹⁶.

Эффективности и систематизации различных форм сотрудничества служило налаживание связей между конкретными отделениями Советского общества дружбы с ГДР и Общества Германо-советской дружбы. Например, в 1965 г. Иркутское городское отделение установило дружеские отношения с Карл-Маркшгадтским окружным правлением¹⁷.

На начальном этапе работы Псковского отделения поиск контактов с немецкой стороной привёл к сотрудничеству с окружным отделением Общества германо-советской дружбы Нойбранденбурга и выразился в переписке и отправке материалов для информационной работы о Пскове. В Псков, в свою очередь, были отправлены произведения самодеятельности округа Нойбранденбург для организации выставки, приуроченной к 18-ой годовщине образования ГДР¹⁸. С Лейпцигским окружным отделением работа строилась по линии сотрудничества музеев и обмена информацией о деятельности В. И. Ленина. В итоге, Псковское отделение получило материалы об издании

---

¹⁶ ГАПО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 3. Л. 1, 2.

¹⁷ ГАПО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.

¹⁸ ГАПО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 6. Л. 25–26, 56, 63–65.

«Искры» в Лейпциге и отправило копии документов для местного музея о псковском этапе этой работы¹⁹.

Ставшие впоследствии многолетними партнёрские отношения Псковской области и округа Гера были оформлены в 1969 г., а начало связей было положено приездом президента ОГСД Лотара Больца и обменом партийными делегациями (обкома КПСС и Герского окружкома СЕПГ)²⁰. Псковское областное отделение Советского общества дружбы с ГДР было создано в 1970 г. Сотрудничество с округом Гера приобрело в 1970-е гг. следующие формы: обмен делегациями и группами активистов, торжественные акты, посвящённые знаменательным датам, митинги и вечера дружбы, лекции, доклады, беседы, тематические конференции, концерты, выставки, просмотры фильмов, личная переписка²¹. Сотрудничество было весьма объёмным и разноплановым. Оно осуществлялось на партийном, профсоюзном, комсомольском, журналистском уровнях, между коллективами предприятий, колхозов, учебных заведений и школ.

В налаживание общественных связей между городами, областями и округами двух стран, а также их трудовыми, учебными и творческими коллективами, таким образом, значительный вклад вносила инициатива и способности отдельных личностей. Структурно и процедурно деятельность рассмотренных общественных организаций была связана с представителями административной и партийной власти, но своей эффективностью она была обязана далеко не только им. Все формы сотрудничества имели как внешнюю, партийно-государственную, так и внутреннюю мотивацию — со стороны общественного актива. Не отрицая функцию политической пропаганды, на первые места в шкале взаимной

---

¹⁹ ГАПО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.

²⁰ Бакусов Г. А. Товарищ Гера. У истоков дружбы // Политическая ин-формация. 1974. № 15. С. 26; № 16. С. 17-19.

²¹ Там же. № 18. С. 18-19.

значимости общественного сотрудничества следует поместить практическую, профессиональную пользу для коллективов и обогащение личного опыта его участников.

Иллюстрации

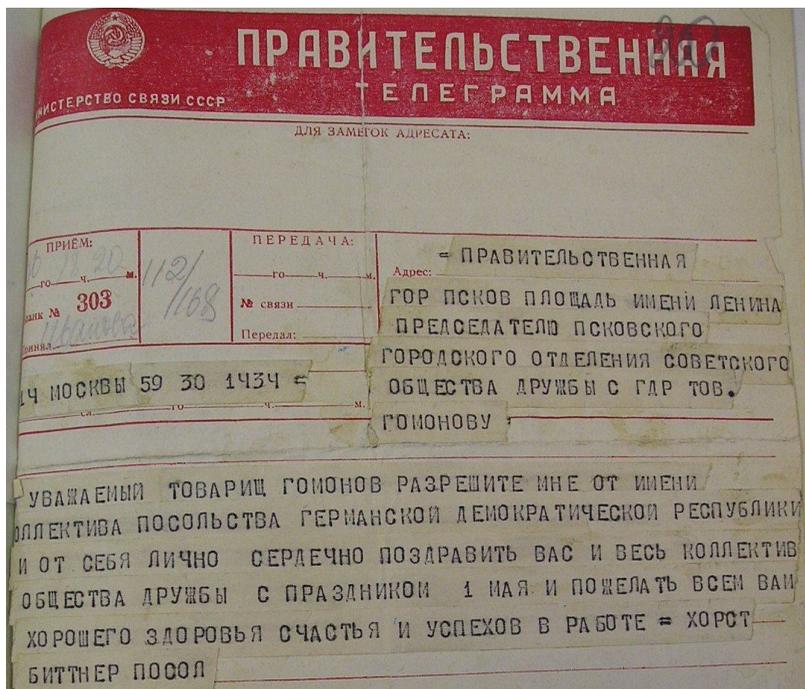

Рис. 1. Телеграмма посла Х. Биттнера в Псковское городское отделение ОДСГ с поздравлением с 1 мая²²

²² ГАПО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 15. Л. 20.

Рис. 2. Фоторабота корреспондента Союза обществ дружбы А. Нефедченко «Мы живём в ГДР». 1968 г.²³

---

²³ ГАПО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 11. Л. 1.

Рис. 3. Фотоработы корреспондента Союза обществ дружбы
А. Нефедченко «Мы живём в ГДР». 1968 г.²⁴

---

²⁴ ГАПО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 11. Л. 3, 6.

Рис. 4. Открытка с поздравлением с 50-ой годовщиной Великой Октябрьской революции от Х. Зайдер из г. Нойбранденбург²⁵

ГДР БЕРЛИН МОРЕНШТРАССЕ 69/64 ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ОБЩЕСТВА ГЕРМАНО-СОВЕТСКОЙ ДРУЖБЫ ДОКТОРУ ЛОТАРУ БОЛЬЦУ

ОТ ИМЕНИ ПСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА ДРУЖБЫ С ГДР

ГДР БЕРЛИН МОРЕНШТРАССЕ 63/64 ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ОБЩЕСТВА ГЕРМАНО-СОВЕТСКОЙ ДРУЖБЫ ДОКТОРУ ЛОТАРУ ГОЛЬЦУ

ПЗВОЛЬТЕ ОТ ИМЕНИ ПСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА ДРУЖБЫ С ГДР СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВИТЬ ВАС И ВСЕХ ЧЛЕНОВ ОБЩЕСТВА ГЕРМАНОСОВЕТСКОЙ ДРУЖБЫ С 24-ОЙ ГОДОВЩИНОЙ ОСВОБОЖДЕНИЯ НЕМЕЦКОГО НАРОДА ОТ ГИТЛЕРОВСКОГО ФАШИЗМА

Рис. 5. Текст поздравительной телеграммы от Псковского городского отделения ОДСГ председателю ОГСД Лотару Больцу. 1969 г.²⁶

²⁵ ГАПО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.

²⁶ ГАПО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 15. Л. 18.

GESELLSCHAFT FÜR DEUTSCH-SOWJETISCHE FREUNDSCHAFT
BEZIRKSVORSTAND NEUBRANDENBURG

63

Gesellschaft für Freundschaft
mit der DDR

Bankkonto: Deutsche Notenbank 81 36
Telefon 37 89

Sitz Neustrelitz, ~~1967 12 21~~
Reichsbahnkomplex Baulei-
tung Baracke 8

P s k o w

Zeichen

Ihre Nachricht vom

Unser Zeichen
Heu/Kr.

Unsere Nachricht vom
21.12.1967

Liebe Freunde!

Zum Jahreswechsel übermittelt Ihnen das Sekretariat des Be-
zirksvorstandes Neubrandenburg der Gesellschaft für Deutsch-
Sowjetische Freundschaft herzliche Grüße.

Wir wünschen Ihnen in Ihrer Arbeit zum Wohle unserer beiden
Völker weitere große Erfolge und Ihnen und Ihren Familienan-
gehörigen viel Glück, Gesundheit und Schaffenskraft.

Gleichzeitig danken wir Ihnen für die große Unterstützung,
die Sie uns im Jubiläumsjahr des Großen Oktober bei der Durch-
führung unserer Aufgaben gegeben haben, die dazu beigetragen
hat, daß wir auf ein erfolgreiches Jahr in der weiteren Festi-
gung und Vertiefung der deutsch-sowjetischen Freundschaft zu-
rückblicken können.

Mit freundschaftlichem Gruß

Frind
Bezirkssekretär

Рис. 6. Поздравление с новым 1968 г. от секретариата окружного прав-
ления ОГСД округа Нойбранденбург. 21 декабря 1967 г.²⁷

²⁷ ГАПО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 6. Л. 64.

Источники

- ГАПО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 1.
ГАПО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 3.
ГАПО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 4.
ГАПО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 6.
ГАПО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 7.
ГАПО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 9.
ГАПО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 11.
ГАПО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 12.
ГАПО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 15.

Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 3 мая 2011 года – 65/275. Международный день дружбы. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/529/06/PDF/N1052906.pdf?OpenElement> (дата обращения: 27.04.2014).

Литература

Хаберл-Яковлева Г. А. «Справка для Косыгина»: из истории научно-технического сотрудничества между СССР и ГДР (1965–1970 гг.) // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2013. № 10 (111). С. 147–156.

Бах Дитер. Немецкие следы в одном русском городе. Псков, 1997.

Бакусов Г. А. Товарищ Гера. У истоков дружбы // Политическая информация. 1974. № 15. С. 17–22; № 16. С. 17–22; № 18. С. 18–22.

Natalia M. Medvedeva

Soviet and East-German Relations in the Second Half of 1960 s

The article discusses cooperation between civil society organizations of the USSR and the GDR in the second half of the 1960s. The article deals with the forms of cooperation between Soviet Society of Friendship with the GDR with the German-Soviet Friendship Society. Creating a city branch of the Soviet Friendship Society of the GDR in the city of Pskov is considered separately.

Key words: German Democratic Republic (GDR), USSR, Soviet Society of Friendship with the GDR, German-Soviet Friendship-Society, Pskov.

ИЗУЧЕНИЕ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ В ВУЗЕ

УДК 378

Филиппова Т. В.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ КООПЕРАТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ (НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ ТЕМЫ «"ХОЛОДНАЯ ВОЙНА": ВЧЕРА И СЕГОДНЯ»)¹

В статье представлена методическая разработка семинарского занятия по теме «Холодная война» в форме технологии кооперативного обучения по методу Jigsaw.

Ключевые слова: преподавание истории, технология кооперативного обучения, «Холодная война».

Технология кооперативного обучения (cooperative learning), обучения в малых группах в настоящее время приобретает популярность в условиях дистанционного обучения и в условиях реализации новой парадигмы образования, требующей смещения акцента с деятельности преподавателя на деятельность студента.

Технология кооперативного обучения включает в себя следующие этапы: 1) подготовительный этап (определение темы и целей занятия, системы передачи инфор-

---

¹ Автор выражает благодарность доценту кафедры всеобщей истории и регионоведения исторического факультета ПсковГУ, кандидату исторических наук Михееву Дмитрию Владимировичу за предоставление материалов, необходимых для проведения семинарского занятия по теме «Холодная война».

мации и координирования деятельности учащихся, количественного состава рабочих групп; распределение студентов по группам); 2) деятельностный этап (распределение задания (с помощью электронной почты или вывешивания информации на сайте), установка времени его выполнения, поиск и анализ информации, организация межгруппового сотрудничества, общение экспертов (в чате или видеозвонка Skype)); 3) презентационный этап (презентация результатов деятельности, обсуждение и подведение итогов работы группы); 4) оценочный этап (индивидуальный опрос учащихся в чате или посредством видеозвонка Skype).

Представим методическую разработку занятия по теме «**«Холодная война» вчера и сегодня**», построенного в соответствии с технологией кооперативного обучения.

Цели:

Образовательная:

- охарактеризовать геополитические итоги Второй мировой войны;
- выявить основные тенденции в развитии системы международных отношений в послевоенный период;
- охарактеризовать деятельность специальных организаций ООН и операции ООН по поддержанию мира;
- выявить причины и результаты «холодной войны»;
- охарактеризовать основные этапы и события «холодной войны».

Воспитательная:

- способствовать ориентации учащихся на неприятие любых форм тоталитаризма и осознанию угрозы демократическому обществу и миру на Земле;
- способствовать формированию понимания роли личности в истории;
- способствовать воспитанию коммуникативной культуры учащихся.

Развивающая: создать условия для дальнейшего развития: 1) логического и творческого мышления учащихся; 2) навыков самостоятельной работы по отбору и систематизации материала; 3) умения применять различные формы устной и письменной коммуникации на русском языке; 4) умение работать в группе; 5) умение использовать межпредметные связи с историей России, политологией, экономикой для теоретических выводов и обобщений; 6) социальных, коммуникативных, информационных, учебно-познавательных компетентностей.

Оборудование: ПК (с доступом в интернет), мультимедиапроектор, мультимедийная доска.

План семинарского занятия по теме «Холодная война»: вчера и сегодня» (2 часа)

1. «Холодная война»: содержание понятия. Причины и предпосылки «холодной войны». Периодизация «холодной войны».

2. Глобальное противостояние двух систем (1946–1953 гг.) «Доктрина Трумэна» и план Маршалла: политика обороны демократических ценностей или экспансия американского империализма?

3. Второй период «холодной войны». «Карибский кризис»: уроки и последствия.

4. Ослабление международной напряжённости в 1960-е – 1970-е гг.

5. Конец 1970-х – начало 1980-х гг.: новое обострение международной напряжённости.

6. Распад биполярного мирового устройства и окончание «холодной войны».

Источники:

1. Пономарёв М. В., Смирнова С. Ю. Новая и новейшая история стран Европы и Америки. Учебное пособие для вузов в 3-х частях. Ч. 3. Индустриальная цивилизация в период государственно-монополистического капитализма.

ма. Становление постиндустриального общества. М., 2000. С. 211–224.

2. Кеннан Дж. Истоки советского поведения // США: ЭПИ. 1989. № 12. С. 42–53.

3. Сергеев Е. Ю. Новейшая история. Подробности. 1945–1999. Хрестоматия. М., 2000.

4. Смирнова Н. Д. Греция в политике США и СССР. 1945–1947 гг. Новые архивные документы // НИИ. 1997. № 5. С. 21–25.

5. Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946: Документы российских архивов. М., 2000.

6. Участие СССР в корейской войне (новые документы). (Вступительная статья Ю. Н. Сёмина, С. Н. Рубана) // ВИ. 1994. № 11–12. С. 11–15.

Литература:

1. Барышев А. Мировая политика и ООН. 1945–2009. М., 2009.

2. Берге И. В. Историческое недоразумение? «Холодная война». М., 1996.

3. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1999.

4. Висков С. Н., Кульбакин В. Д. Союзники и «германский вопрос»: 1945–1949. М., 1990.

5. Войны и вооружённые конфликты второй половины XX века. М., 2003.

6. Джонсон П. Современность: Мир с 20-х по 90-е годы. Т. 2. М., 1995.

7. Дубинин Ю. В. Тернистый путь к Хельсинки, 1975 г. // НИИ. 1994. № 4–5. С. 177–194.

8. Евсеева Е. Н. СССР и холодная война (1945–1953 гг.) // НИВ. 2004. № 10. С. 45–47.

9. Злобин Н. В. По пути усиления «холодной войны» // ВИ. 2000. № 9. С. 134–146.

10. Лавренев С. Я., Попов И. М. и др. СССР в локальных войнах и вооружённых конфликтах второй половины XX века. М., 2000.

11. Печатнов В. О., Манькин А. С. История внешней политики США. М., 2012.

12. Уткин А. Мировая холодная война. М., 2005.

13. Филитов А. М. «Холодная война»: историографические дискуссии на Западе. М., 1991.

14. Холодная война 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива. М., 2003.

Продолжительность разработки, подготовки и проведения занятия: 2 недели.

Форма занятия: технология кооперативного обучения по методу Jigsaw.

Ход занятия по методу Jigsaw

Этап занятия	Деятельность преподавателя	Активизация познавательной деятельности учащихся
1. Подготовительный этап	<ul style="list-style-type: none"> - Определение темы, целей семинарского занятия, количества участников. - Формулировка и выдача заданий (по электронной почте, вывешивая информацию на сайте и т. п.). В этом задании задается общая тема для изучения	<ul style="list-style-type: none"> - Знакомятся с темой и планом семинарского занятия. - Использование синхронной или асинхронной коммуникации, студенты проанализируют (структурируют) полученное задание и разбиваются на несколько подзаданий (от двух до четырёх). - Разрабатывают план будущей деятельности

	<p>(проблемная ситуация, отдельный вопрос темы и пр.).</p> <ul style="list-style-type: none"> - Мотивация на активную практическую деятельность. - Консультация и координация в вопросах поиска информации при подготовке к занятию. - Определение временных рамок и этапов работы 	<ul style="list-style-type: none"> - Выбирают методы работы. - Определяют источники информации. - Осуществляют сбор, анализ и систематизацию необходимой информации
<p>2. Деятельност- ный этап <i>А) общение экспертов (синхронная или асинхронная коммуникация)</i></p>	<ul style="list-style-type: none"> - Проведение консультаций. - Координация работы учащихся 	<ul style="list-style-type: none"> - Использование синхронной или асинхронной коммуникации (студенты, ответственные за конкретный вопрос, на этом этапе наладить контакты по сети со своими «коллегами» из других групп, получивших такое же задание. Их совместная задача — обсудить друг с другом стратегию поиска и представления ин-

<p>Б) поиск и анализ информации, работа с различными источниками информации</p> <p>В) тренировка экспертов (в чате или путём видеозвонка Skype)</p>	<ul style="list-style-type: none"> - Проведение консультаций. - Координация работы учащихся - Проведение консультаций. - Координация работы учащихся. - Оказание помощи в подготовке и проведении занятия. - Определение даты, времени и места проведения занятия 	<p>формации другим членам группы, обменяться известной информацией по изучаемому вопросу)</p> <ul style="list-style-type: none"> - Индивидуальная работа по сбору и анализу информации - Совместная работа экспертов (они представляют собранную информацию друг другу (или третьему лицу, например, приглашенному «независимому» эксперту) - Подведение итогов проделанной работы, вырабатывают окончательный вариант презентации по данной теме, которую они затем представят другим участникам группы
<p>3. Презентационный этап</p> <p>А) общий сбор группы (в рамках списков рассылки)</p>	<ul style="list-style-type: none"> - Предварительная оценка результатов деятельности учащихся. 	<ul style="list-style-type: none"> - Каждый из экспертов «возвращается» в установленный срок в свою группу и проводит

<p>Б) анализ работы</p>	<ul style="list-style-type: none"> - Организация выступления групп. - Определение глубины проработки фактического материала. - Оценка результатов деятельности учащихся 	<p>презентацию. Его задача сводится к тому, что за минимальное время он должен научить своих однокурсников тому, что он узнал сам и представить учебные материалы, которыми он пользовался при подготовке к семинару. В рамках списков рассылки (можно и передавать текстовые материалы, и презентации PowerPoint), либо в виде мультимедийных телеконференций (видеоконференций)</p> <ul style="list-style-type: none"> - Презентация и подведение итогов деятельности. - Обсуждение и оценка работы подгруппы в целом
<p>4. Оценочный этап (индивидуальный опрос уча-</p>	<ul style="list-style-type: none"> - Выборочный опрос одного из студентов 	<ul style="list-style-type: none"> - Осуществляют анализ и оценку результатов проде-

<i>щихся в чате или видеозвонка Skype)</i>	подгруппы. Преподаватель может, например, встретиться со студентом в чате и задать ему несколько вопросов, ответы на которые требуют хорошего владения материалом	ланной работы с помощью методики «Три вектора» (как я работал; как мне помогали одногруппники; что получилось и не получилось в работе группы)
--	---	--

Источники

- Пономарёв М. В., Смирнова С. Ю. Новая и новейшая история стран Европы и Америки. Учебное пособие для вузов в трёх частях. Ч. 3. Индустриальная цивилизация в период государственно-монополистического капитализма. Становление постиндустриального общества. М., 2000. С. 211–224.
- Кеннан Дж. Истоки советского поведения // США: ЭПИ. 1989. № 12. С. 42–53.
- Сергеев Е. Ю. Новейшая история. Подробности. 1945–1999. Хрестоматия. М., 2000.
- Смирнова Н. Д. Греция в политике США и СССР. 1945–1947 гг. Новые архивные документы // ННИ. 1997. № 5. С. 21–25.
- Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946: Документы российских архивов. М., 2000.
- Участие СССР в корейской войне (новые документы) // ВИ. 1994. № 11–12. С. 11–15.

Литература

- Барышев А. Мировая политика и ООН. 1945–2009. М., 2009.
- Берге И. В. Историческое недоразумение? «Холодная война». М., 1996.

- Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1999.
- Висков С. Н., Кульбакин В. Д. Союзники и «германский вопрос»: 1945–1949. М., 1990.
- Войны и вооружённые конфликты второй половины XX века. М., 2003.
- Джонсон П. Современность: Мир с 20-х по 90-е годы. Т. 2. М., 1995.
- Дубинин Ю. В. Тернистый путь к Хельсинки, 1975 г. // НИИ. 1994. № 4-5.
- Евсеева Е. Н. СССР и холодная война (1945–1953 гг.) // НИВ. 2004. № 10. С. 45–47.
- Злобин Н. В. По пути усиления «холодной войны» // ВИ. 2000. № 9. С. 134–146.
- Лавренов С. Я., Попов И. М. и др. СССР в локальных войнах и вооружённых конфликтах второй половины XX века. М., 2000.
- Печатнов В. О., Манькин А. С. История внешней политики США. М., 2012.
- Уткин А. Мировая холодная война. М., 2005.
- Филлитов А. М. «Холодная война»: историографические дискуссии на Западе. М., 1991.
- Холодная война 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива. М., 2003.

Tatiana V. Filippova

**Using Cooperative Learning Technology in Higher Education
(Case Study on the Topic «Cold War: Yesterday and Today»)**

The article presents a methodical lesson packet for a seminar on «Cold War» using cooperative learning technology and 'jigsaw' learning method.

Key words: teaching of history, technology of cooperative learning, «Cold War».

Кудрявцева Т. В.

**РЕЦЕНЗИЯ НА: КЕССИДИ Ф. Х.
ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ ФУКИДИДА.
СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 2008. 272 с.**

В рецензии на книгу Ф. Х. Кессиди «Философия истории Фукидида» даётся представление о её содержании, основных положениях и выводах автора. Делается вывод: в работе содержится множество спорных утверждений, не доказуемых на конкретно-историческом материале античной Греции; очень много фактологических ошибок, опечаток; проигнорирована современная западная историография проблемы. Многочисленные цитаты из современной периодики и её пересказ, отсылки к современным проблемам плохо связаны с текстом книги, не проясняют мысль автора, а напротив, затемняют её, уводя в сторону.

Ключевые слова: Ф. Х. Кессиди, Фукидид, философия истории, Древняя Греция, Афины.

Отечественная историческая наука задолжала Фукидиду: до выхода в свет рецензируемой монографии специальных исследований, посвящённых величайшему греческому историку, в ней не было. Скорей всего, не по тем причинам, на которые указал сам Ф. Х. Кессиди: якобы, «в царской России цензура могла запретить выход в свет труда об атеисте, пусть и древнегреческом», а «в атеистическом СССР Эпитафия Перикла (у Фукидида) превозносила демократию и осуждала тоталитаризм» (с. 7, прим. 1). Просто за два века существования научного антиковедения в России сообщество профессионалов-классиков, численность коего в советские годы после ликвидации классического образования резко поубавилась, успело осветить далеко не все проблемы античной истории

и не успело охватить все античные персоналии в «именных» исследованиях. Конечно, о Фукидиде писали, рассуждали, анализировали его критический метод. Был, к примеру, блестящий обзор В. П. Бузескула в «Кратком введении в историю Греции», очерк о Фукидиде в «Факеле Прометея» Э. Д. Фролова; были послесловия и приложения в опубликованных переводах Ф. Г. Мищенко — С. А. Жебелёва и Г. А. Стратановского и т. п.

Книга Ф. Х. Кессиди открывается чем-то вроде введения под названием «Предварительные замечания». Помимо предваряющей «Структуры исследования» в нём содержатся несколько кратких параграфов: «История как процесс и знание о нём», «Различные концепции философии истории», «Философия истории и историография». Понятно, что на тех немногих страницах, которые отводятся каждому из них, даже в весьма сжатой форме не изложить вынесенные в заглавия проблемы, посему их изложение весьма тривиально¹ и субъективно. Так, среди «философов истории», удостоенных упоминания и резюме их взглядов, фигурируют современные российские философы и политологи А. А. Ивин, И. А. Гобозов, А. С. Панарин, А. Я. Флиер, а также К. Маркс, А. Камю (о каждом из двух — буквально одно предложение) и К. Поппер.

Глава I «Фукидид и его эпоха» повествует о биографии историка (параграф первый); в этом же параграфе утверждается, что Фукидид «стремился создать философию истории, а не ограничиться простым

---

¹ Например: «История означает область знания о прошлом, об установлении причинно-следственных связей, о смене событий и поколений, а не просто их описание в хронологической последовательности ... Историчность означает временность, ограниченность и несовершенство. И человек историчен, ограничен и несовершенен в своем действительном или предполагаемом совершенстве среди других существ на Земле» и т. д. и т. п. (Кессиди Ф. Х. Философия истории Фукидида. СПб., 2008. С. 5).

описанием событий»; в качестве доказательства приводится цитата из Фукидида, в которой тот говорит, что труд его создан на века (Thuc. I. 22.4). Во втором параграфе «Греческие полисы» дается характеристика Спарты и Афин через противопоставление этих полисов. Противопоставление это, до крайности модернизированное, выглядит как соревнование двух идей: справедливость выше индивидуальной свободы (автор идеи – Ликург, Спарта) (с. 27), с одной стороны, – и принципы свободы, равенства и частнособственнические отношения, с другой (с. 40–45). По мнению автора, греческая, особенно афинская, демократия «явилась внешним выражением их [греков] внутренней (духовно-психологической) свободы» (с. 45). Еще более решительно это противопоставление выражено автором на с. 114: «Логика стремления к имущественному равенству и единообразному образу жизни и жизнепонимания, характерная для спартанцев, привела к олигархии и казарменному равенству, а индивидуальная свобода, избранная афинянами, породила **непосредственную (прямую) демократию**» [выделение – Ф. Кессиди].

Глава II называется «Социально-политические воззрения Фукидида». В параграфе первом «Объективизм Фукидида. Многообразие взглядов на его политические позиции» объективизм греческого историка выражен следующим образом: «Фукидид стремится избежать предвзятости; настроен быть объективным, нейтральным, т. е. изображать события такими, какими они имели место на самом деле» (с. 53). «С объективизмом Фукидида связана его осознанная установка распространить на историю методы естествознания и прежде всего Гиппократовой медицины» (с. 55). Что касается обзора историографии по политическим воззрениям Фукидида, то Ф. Х. Кессиди просто пересказывает статью советского исследователя

А. И. Юделевича «К вопросу о социально-политических взглядах Фукидида»² (с. 57–61), аргументируя это тем, что со времени выхода статьи (1982 г.) по части оценки взглядов Фукидида «мало что изменилось», а сама статья вышла в малотиражном сборнике (с. 58). Кстати, сам Ф. Х. Кессиди считает Фукидида приверженцем умеренной демократии, чьи взгляды в постперикловскую эпоху эволюционировали «в сторону умеренной олигархии и решительного неприятия радикальной (крайней) демократии» (с. 83). В параграфе втором «Карл Поппер об «антидемократизме» Фукидида» Ф. Х. Кессиди пылко защищает Фукидида от обвинений в антидемократизме и симпатии к олигархам, высказанными по адресу историка автором книги «Открытое общество и его враги» (с. 62–65).

Глава III «Экспансия Афин. Критики и сторонники Афинской демократии. Греческий парадокс» посвящена Афинам в Пелопоннесской войне и афинской демократии. В параграфе первом «Сицилийская экспедиция. Философские идеи, навеянные экспедицией» речь идет об организации и реализации Сицилийской экспедиции, которая, по мнению Ф. Кессиди, явилась кульминационным моментом в Пелопоннесской войне и предопределила её исход (с. 69). Автор разбирает речи Никия и Алкивиада, приведённые у Фукидида, и приходит к парадоксальному выводу: «Впечатление такое, что афиняне, столь увлечённые идеей похода, делали всё возможное, чтобы провалить его» (с. 74). Кажется, ни у кого до сих пор такого впечатления не возникало, так что объяснить его можно спецификой личного восприятия Ф. Х. Кессиди текста Фукидида, тем более что никаких разъяснений, на чём базируется данное впечатление, не

---

² Юделевич А. И. К вопросу о социально-политических взглядах Фукидида // Социальная структура и политическая организация античного общества. Межвуз. сб-к / Под ред. Э. Д. Фролова. Л., 1982. С. 75–113.

даётся. Что касается «философских идей, навеянных экспедицией», то, видимо, таковые содержатся в заключительной фразе данного параграфа: «Главная причина поражения Афин в Сицилийской экспедиции и Пелопоннесской войне заключается в природе их демократии, позволившей настроению многих (точнее, массовому психозу) взять верх над разумными доводами немногих выступавших против Сицилийской затеи. Однако демократия демократии рознь» (с. 78).

В параграфе, названном «Критики афинской «прямой» демократии и её приверженцы», сначала действительно разбираются некоторые суждения Псевдо-Ксенофонта как представителя первых (с. 79–80), но затем возникает такое впечатление, что автор «забывает», что было анонсировано в качестве темы данного параграфа. Далее (со с. 81) он излагает кратко спор Клеона и Диодота — «митиленские дебаты»; в них вклинивается на пару страниц критика современных «великодушных либералов», ратующих за отмену смертной казни (с подробным изложением статьи В. Е. Гиулиева «Право жить и право умирать» из «Независимой газеты» — с. 85–87). Затем Ф. Х. Кессиди рассуждает о функциях Совета 500 (с. 87), пересказывает доклад П. Родса «Кому принадлежит власть в демократических Афинах» (с. 88–89) и вновь возвращается к фатальным последствиям Сицилийской экспедиции (с. 90). Разбор, точнее, пересказ Надгробной речи Перикла в соответствующем параграфе («Надгробная речь Перикла. Афины — «школа Эллады») — с. 91–96) приводит автора к выводу, с которым нельзя не согласиться: «Эпитафия Перикла — это идеализация афинского строя и образа жизни. Поэтому, излагая эту речь, Фукидид изображает особенности политической и индивидуальной (частной) жизни не такими, какими они были в действительности, а такими, какими они **должны**

были бы быть (т. е. хотелось бы, чтобы были) в своём наилучшем варианте» (с. 95). Правда, следующая же фраза заставляет усомниться в логике автора: «Сказанное означает, что демократический строй, созданный не богами, а поколениями людей, представляет собой наиболее приемлемую организацию государства». Для кого означает, почему, где тут причинно-следственная связь? Для Фукидида? Маловероятно. Для читателя книги? Отнюдь. Для самого Ф. Кессиди? К чему тут тогда боги? И т. п.

И нас уже почти не удивляет, что в параграфе «Становление радикальной демократии» мы мало что узнаём об этом самом становлении, ибо после рассказа об осуждении на смерть стратегов-победителей автор пересказывает мнения некоторых греческих писателей и софистов об относительном и условном характере правовых и нравственных норм (с. 98–101), попутно осуждая агрессию США против Вьетнама в Ираке и ввод советских войск в Чехословакию и в Афганистан (с. 101).

Параграф пятый «“Мелосский диалог” — философия Калликла и Фразимаха в действии». Анализируя мелосский диалог, автор считает одной из главных философских идей, в нём выраженных, то, что «человеческой природе изначально свойственно (генетически присуще, говоря в современных терминах) как стремление к преобладанию и власти, так и жажда свободы и независимости» (с. 105). Однако, долго не задерживаясь на тексте Фукидида, автор по уже устоявшейся традиции кончает этот параграф несколько «притянутым за уши» анализом двух статей И. Джадана из «Русского журнала» на тему цивилизационных теорий, столкновения цивилизаций и проч. (с. 107–108).

В следующем параграфе «Греческий парадокс. Агональный менталитет древних греков» Ф. Кессиди отдал

должное агональному духу древних греков, ссылаясь на работы Ю. В. Андреева³ и А. И. Зайцева⁴.

Глава IV «Фукидид: идеи философии истории», видимо, была задумана как главная концептуальная глава книги. Параграф первый «Идея прогресса в античном мире (предварительные замечания)» автор, как это уже не раз бывало с другими проблемами, которых он касался выше, пересказывает одну работу — на этот раз статью Е. Доддса «The Ancient Concept of Progress»⁵, выражая сожаление в том, что «Е. Доддс не указывает (а если указывает, то неясно), какой концепции придерживается Фукидид: циклической, прямолинейной по восходящей или какой-либо иной. Впрочем, принято считать, что в античности... преобладала циклическая концепция истории» (с. 119–120) (кто именно так считает, не указано). К вопросу о прогрессе у Фукидида Ф. Х. Кессиди потом ещё вернётся, заметив вскользь, что «идея прогресса, выраженная Фукидидом в так называемой «Археологии», сменилась под влиянием Пелопоннесской войны овеянным драматизмом циклическим воззрением на историю» (с. 131).

«Антропологическая установка в философии истории Фукидида» (название второго параграфа), по мнению Ф. Кессиди, заключается в том, что история у греческого историка «есть развёртывание заложенных в человеке качеств, возможностей, устремлений и действий сообразно обстоятельствам»; одно из постоянных свойств человека — стремление к превосходству, завоеванию власти (с. 124). В параграфе «Человеческая природа и возможность повторения исторических событий» автор утверждает, что

---

³ Андреев Ю. В. Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб., 1998.

⁴ Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII-V вв. до н. э. Л., 1985.

⁵ Dodds E. The Ancient Concept of Progress // The Ancient Concept of Progress and Other Essays on Greek Literature and Belief. Oxford, 1973. P. 1–25.

у Фукидида «под влиянием школы Гиппократов и антропологии софистов... наметилось биосоциальное понимание природы человека»; он противопоставляет его Марксову пониманию человека как совокупности общественных отношений и бихеовиризму как отрицанию человеческой природы и относит Фукидида к «далёким потомкам» Г. И. Гурджиева (С. 129–130)⁶. Доводов для того, чтобы причислить греческого историка к создателю «биосоциальной концепции», приводится явно недостаточно (см. с. 129), если только не разумеется под ней нечто тривиальное; к тому же сам Ф. Кессиди признаётся, приведя несколько кратких цитат, что «эти мысли, явно не высказанные Фукидидом, подспудно содержатся в его воззрениях». Стоит ли говорить, как далеко мы зайдём, ежели будем конструировать на свой вкус «подспудные» мысли изучаемых авторов!

В параграфе четвёртом со ставящим в тупик названием «Фукидид о причине Пелопоннесской войны в общественном мнении и на самом деле», порассуждав немного о поводах к Пелопоннесской войне в духе вузовского учебника (с. 138–141), автор, видимо, чтобы приблизить войну между Спартой и Афинами к современности и одновременно наполнить философским смыслом, пересказывает интервью доктора биологических наук В. Дольника («Аргументы и факты», № 39, 1994), в котором тот отвечает на вопросы корреспондента, как то: «Почему люди убивают друг друга» etc. (с. 133–135). Затем мы знакомимся с кратким изложением статьи Б. Г. Юдина о человеческой природе (с. 144) (это уже параграф пятый — «История как развёртывание человеческой природы»). Причина же Пелопоннесской войны, по мнению Ф. Кессиди: «Борьба прогрессивных сил Афин за высокие

---

⁶ Об этом современном философе Ф. Х. Кессиди написал книгу на греческом языке, на которую ссылается в сноске на с. 130.

стандарты жизни и демократические ценности как награда за их активность, предприимчивость и изобретательность, т. е. их достоинства, оказалась опасной угрозой гегемонии Спарты для сохранения политического равновесия в Греции» (с. 142). И содержательно, и стилистически – по comments.

В параграфе шестом «Понимание Фукидидом случайности. Вероятностный характер хода событий» автор рассматривает представления о случайности Демокрита (строгий детерминист) и Фукидида (признавал случайность – τύχη), а также «современные концепции случайности» – советских и российских учёных (с. 146–156).

В параграфе седьмом «Самодетерминация истории. Роль политических деятелей» Ф. Х. Кессиди даёт краткую характеристику Фемистоклу, Кимону, Аристиду, упомянув и о печальной судьбе этих и других лидеров афинской демократии (с. 159–161). Поскольку далее он переходит к анализу статей современных публицистов (в том числе – о создании мирового демократического правительства – с. 163–164), в чём именно заключается «самодетерминация истории», осталось непонятным.

Параграф восьмой «Суждения Фукидида о роли экономического фактора в истории» содержит вывод: хотя Фукидид признавал роль экономического фактора в жизни общества, для него «решающим фактором общественно-исторических событий, будь то войны, гражданские междоусобицы или что-либо аналогичное, служит **природа человека, его психический склад** (менталитет)» (с. 167; выделение – Ф. Кессиди).

Параграф девятый «Об идеале Фукидида. Polemika вокруг Перикла и его Эпитафии (эпизоды)» и заключительная глава V «Обзор мировоззрений Фукидида в русском и советском антиковедении» носят обзорно-

историографический характер. В параграфе анализируются статьи и монографии, посвященные изображению Перикла и его Надгробной речи у Фукидида (Ж. Ромийи, Й. Фогта, Г. Штрасбургера, Г. Флашара, С. Влахоса); в главе — статьи (или главы в монографиях) о Фукидиде отечественных антиковедов: Ф. Г. Мищенко, В. П. Бузескула, С. А. Жебелёва, С. Я. Лурье, А. Ф. Лосева, Т. А. Миллер, А. И. Немировского, Г. А. Стратановского, Э. Д. Фролова; попутно упоминаются некоторые западные работы, посвященные историку (Ф. Корнфорд, Э. Эндрюс).

Конспективно изложив содержание монографии Ф. Кессиди, отметим некоторые её серьёзные недостатки.

В работе содержится множество спорных утверждений, не доказуемых (без откровенных подтасовок) на конкретно-историческом материале античной Греции. Несколько примеров: [тирания] «в конце VI — сер. V вв. до н. э. пала во всех греческих полисах, в которых установилась, уступив место полисной республике, демократическому строю»; «народное собрание [в Афинах — Т. К.] в последней четверти V в. до н. э. стало пренебрегать законами, что привело к различию между постановлениями и собственно конституционными законами» (с. 96) etc. Есть и откровенно ошибочные утверждения, например: «У древних греков наказания по суду ограничивались четырьмя видами: штраф, остракизм, лишение гражданских прав и смертная казнь» (с. 55); «доступ простого народа в народное собрание **по жребию** [выделение — Ф. Кессиди]» (с. 79). Последнее — настолько чудовищная ошибка, что позволяет надеяться, будто произошла некая потеря куска текста, однако на с. 83, перечисляя те органы власти, в которые избирались по жребию, Ф. Кессиди опять упоминает народное собрание: «Подавляющее большинство представителей народного собрания, Совета пятисот, гелиеэ и многих других

административных учреждений определялось по жребию». Кстати, именно это обстоятельство, по мнению автора, способствовало «понижению интеллектуального уровня народа» (sic! — Т. К.). Обвинение по делу стратегов — победителей при Аргинусских островах, оказывается, было предъявлено «шести из восьми отозванных в Афины стратегов» (с. 97). Автору невдомёк, что два стратега просто не явились на суд в Афины, как и то, что дела по исангелии вполне могли разбираться в народном собрании — здесь как раз никакого нарушения судопроизводства, усматриваемого Ф. Х. Кессиди именно в данном обстоятельстве, не было. Недоумение вызывают такие перлы, как: Надгробная речь Перикла у Фукидида — «переработка устной народной речи первоклассным мастером слова, оратором» (с. 92); в прим. 1 на с. 122 читаем, что пентакосиомедимнами назывались 50-вёсельные суда; на с. 171 — о том, что Делосский союз был создан в 483–482 г. до н. э. И т. д., и т. п.

Качество редактуры, вычитанности текста — ниже всякой критики. То, что издательство «Алетейя» экономит на корректорах и редакторах, — не секрет; тем более повышается ответственность писателя, рискнувшего предложить свои произведения этой конторе: *onus corrigendi* лежит именно на авторе рукописи. Количество *lapsuum calami, linguae, memoriae* в рецензируемой книге поражает. Все они, прежде всего, на совести Ф. Х. Кессиди, не удосужившегося вычитать свою книгу, проверить ряд фактов. «Буекул» (вместо «Бузескул»)⁷ — в названии раздела главы V в «Содержании» (с. 267); «Феогнит» (вместо «Феогнид» — с. 43); «Эфиальд» (с. 46) (судя по всему, это не описка, ибо на этой странице таким образом Ф. Кессиди

---

⁷ Бузескулу вообще не везёт: на с. 10 в названии сборника статей в его честь этот замечательный ученый ошибочно назван Ф. Х. Кессиди «Владимиром» вместо «Владислава».

именует афинского политика несколько раз), праздник «Больших Панафиней» (с. 47); М. А. Кондратюк превратилась в мужчину (с. 49); «афинское архэ» – упорно в среднем роде (с. 48, 49, 50, 51 etc.); на с. 139 мегарская псефизма названа «спефизмой», а на с. 140 – «псифизмой» и т. д. Встречаются пропуски слов, слитное написание, орфографические ошибки, описки, в том числе в греческих и латинских словах (е. g. – contradiction in adjekto – с. 220), ошибки в немецких, французских, английских названиях научных работ – всё это *passim*.

Работу отличают многочисленные современные «вкрапления»: так, в сноске по поводу греческой колонизации вклинивается замечание о том, что «подлинный бич Греции – наплыв иммигрантов..., из которых 65 % составляют этнические албанцы», и что Греции грозит участь Косово (с. 25); в параграфе, посвящённом Спарте, читатель попутно узнаёт, что в СССР был создан «железный занавес», и во время Всемирного фестиваля молодёжи и студентов в 1957 г. автор книги смотрел на иностранцев как на инопланетян (с. 32); цитирование слов Брасида о праве сильного государства господствовать над слабым (Thuc. V. 86.6) сопровождается примечанием о порочной практике современных международных отношений, когда «та или иная сверхдержава может самовольно оккупировать малую страну, игнорируя Совет Безопасности». Подобных примеров можно привести десятки. Если автор хотел таким образом «осовременить», актуализировать свой текст, это ему едва ли удалось. «Привязка» многих из этих современных отсылов к тексту выглядит шаткой и сомнительной; они свидетельствуют разве что о политических вкусах и предпочтениях автора и кажутся порой просто неуместными. Как, например, конспект статьи некоего Г. К. Ашина «Зачем человеку власть?».

оказавшийся в сноске к словам Фукидида о «жажде власти, коренящейся в алчности и жадности» (с. 126–127). И таких «конспектов» статей и заметок различных публицистов, журналистов, политологов, часть коих не являются ни признанными научными авторитетами, ни «медийными», — немало. Апофеоз этих «конспектов» — пересказ книги американского советника президентов Никсона и Рейгана П. Бьюкенена «Смерть Запада...» по статье М. Момонта «Апокалипсис? Сегодня» в любимом Ф. Х. Кессиди «Русском журнале» (с. 131–133 — здесь сам нечистый запутается с источником/первоисточником!). У нас сложилось такое впечатление, что придерживаться рассказа о «преданьях старины глубокой» и старине Фукидиде Ф. Х. Кессиди просто скучно, вот и вползает в его текст изо всех дыр, где только можно и не можно, современность ...

Подведем итоги. Рецензируемая книга — небрежно, неряшливо написанное сочинение, и с точки зрения формы, и с точки зрения содержания; читатель едва ли вынесет из неё связное и чёткое представление о содержании «философии истории Фукидида». Фактически это — черновик, заметки «по поводу», записная книжка. Изложение хаотично, фактология искажена, логика хромает, современная западная историография проигнорирована, сноски небрежны (с неполными или вовсе отсутствующими выходными данными, ссылками на неких безымянных исследователей), текст не вычитан, многочисленные ошибки и описки не выправлены — одним словом, перед нами *халтура*.

Литература

Андреев Ю. В. Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб., 1998.

Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э. Л., 1985.

Кессиди Ф. Х. Философия истории Фукидида. СПб., 2008.

Dodds E. The Ancient Concept of Progress // The Ancient Concept of Progress and Other Essays on Greek Literature and Belief. Oxford, 1973. P. 1-25.

Tatiana V. Kudryavtseva

Book Review: F. Kessidy «The Thucydides' Philosophy of History».
St. Petersburg: Aletheia, 2008. 272 P.

A review of the book by F. Kessidy «The Thucydides' Philosophy of History» provides an insight into its content and main ideas. The analysis of the book leads to the conclusion: it contains a lot of controversial claims which cannot be proved by reference to the historical material of Ancient Greece; there are many evidential errors, printing mistakes; the modern Western historiography of the problem is ignored. The numerous quotations from the contemporary periodicals, the references to the current problems instead of clarifying the author's thoughts cloud the issues.

Key words: F. Kessidy, Thucydides, the philosophy of history, Ancient Greece, Athens.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ – Вестник древней истории. М.
ВИ – Вопросы истории. М.
ВИЕТ – Вопросы истории естествознания и техники. М.
ВФ – Вопросы философии. М.
НИВ – Новый исторический вестник. М.
НИИ – Новая и новейшая история. М.
ОИ – Отечественная история. М.
РА – Российская археология. М.
РИ – Российская история. М.
СВ – Средние века. М.
США: ЭПИ – США: экономика, политика, идеология. М.
AAASH – Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae.
Budapest.
AION – Annali dell'Istituto Orientale di Napoli. Napoli.
AMM – Acta Militaria Mediaevalia. Kraków; Sanok.
ANRW – Aufstieg und Niedergang der römischen Welt /
H. Temporini und W. Haase (hrsg.). B.; N. Y.
AOASH – Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae.
Budapest.
BIE – Bulletin de l'Institut d'Égypte. Caire.
BSOAS – Bulletin of the School of Oriental and African Studies. L.
C&M – Classica et Mediaevalia. Copenhagen.
CCNB – Coordinating Committee for Numismatics in Britain.
CHC. 6 – The Cambridge History of China. Vol. 6. Alien Re-
gimes and Border States. 710–1368 / Ed. by H. Franke,
D. Twitchett. Cambridge, 2008.
CHI. 3(1) – The Cambridge History of Iran. Vol. 3 (1). The Seleu-
cid, Parthian and Sasanian Periods / Ed. by E. Yarshater.
Cambridge etc., 1983.
CPh – Classical Philology. Chicago.
CR – The Classical Review. Cambridge.
DOP – Dumbarton Oaks Papers. Washington.
EW – East and West. Rome.

- FAH – Fasciculi Archaeologiae Historicae. Łódź.
FGH – Jacoby F. Die Fragmente der griechischen Historiker. Tl. I-III. B.; Leiden.
HZ – Historische Zeitschrift. München.
IA – Iranica Antiqua. Leiden; Gent.
IG – Inscriptionum Graecae. Editio minor. Vol. I-II/III. Berolini, 1913-1924.
IMKU – Istoriya material'noy kul'turi Uzbekistana. Tashkent.
IS – Iranian Studies. Chestnut Hill.
JHS – Journal of Hellenic Studies. L.
JNSI – Journal of the Numismatic Society of India. Bombay.
JPh – Journal of Philology. L.; Cambridge.
LCM – Liverpool Classical Monthly. Liverpool.
MGH. – Monumenta Germaniae Historica. Hannouerae; Berolini.
ML – *Meiggs R., Lewis D. A. A Selection of Greek Historical Inscriptions. Oxford, 1969.*
MMJ – Metropolitan Museum Journal. N. Y.
PBSR – Papers of the British School at Rome. Rome.
RE – Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung. Stuttgart; München.
RH – Revue historique. Paris.
RhM – Rheinisches Museum für Philologie. Frankfurt am Main.
TAPhA – Transactions of the American Philological Association. Baltimore.

АВТОРЫ ВЫПУСКА

АБАШЕВА Жанна Васильевна — аспирант кафедры всемирной истории (Харьковский национальный педагогический университет им. Г. С. Сковороды, г. Харьков, Украина);
e-mail: tjv_86@mail.ru

АЛЕКСАНДРОВА Ольга Игоревна — аспирант кафедры всеобщей истории (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: olgaalex@lenta.ru

АНТИПОВ Владимир Сергеевич — доцент кафедры всеобщей истории и регионоведения, кандидат философских наук, доцент (Псковский государственный университет, г. Псков, Россия); e-mail: v_antipov@mail.ru

ГОЛУБЕВА Ирина Владимировна — директор Государственного предприятия Охранной археологической службы Украины «Слобожанская археологическая служба», кандидат исторических наук, доцент (г. Харьков, Украина);
e-mail: tatiana.krupa@gmail.com

ГРАЧЁВ Артём Юрьевич — аспирант кафедры отечественной истории (Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия); e-mail: grachovau@gmail.com

ДАНИЛОВ Евгений Сергеевич — старший преподаватель кафедры всеобщей истории, кандидат исторических наук (Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, г. Ярославль, Россия); e-mail: explorer@list.ru

ДМИТРИЕВ Владимир Алексеевич — доцент кафедры всеобщей истории и регионоведения, кандидат исторических наук, доцент (Псковский государственный университет, г. Псков, Россия); e-mail: demetrius@rambler.ru

КОЛПАКОВ Максим Юрьевич — заведующий кафедрой всеобщей истории и регионоведения, кандидат исторических наук (Псковский государственный университет, г. Псков, Россия); e-mail: kolpakov.m@gmail.com

КОРОЛЁВА Нина Александровна — доцент кафедры всеобщей истории и регионоведения, кандидат исторических наук, доцент (Псковский государственный университет, г. Псков, Россия); e-mail: istfakultet@rambler.ru

КОСМАЧ Вениамин Аркадьевич — профессор кафедры всеобщей истории и регионоведения, доктор исторических наук, профессор (Псковский государственный университет, г. Псков, Россия); e-mail: v.kosmach@tut.by

- КОСОВ Александр Петрович** – заведующий кафедрой всеобщей истории и мировой культуры, кандидат исторических наук, доцент (Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, г. Витебск, Белоруссия);
e-mail: alekos1979@mail.ru
- КОХАНОВА Елена Александровна** – аспирант кафедры истории Украины (Харьковский национальный педагогический университет им. Г. С. Сковороды, г. Харьков, Украина);
e-mail: alena_kokhanova@mail.ru
- КРУПА Татьяна Николаевна** – заведующая реставрационной мастерской (Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, г. Харьков, Украина);
e-mail: tatiana.krupa@gmail.com
- КУБИК Адам Лех** – независимый исследователь (г. Вроцлав, Польша); e-mail: atakan-al-vefa@wp.pl
- КУДРЯВЦЕВА Татьяна Владимировна** – заведующая кафедрой всеобщей истории, доктор исторических наук, профессор (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: tatyana_vk@yandex.ru
- МЕДВЕДЕВА Наталья Михайловна** – старший преподаватель кафедры всеобщей истории и регионоведения, кандидат исторических наук (Псковский государственный университет, г. Псков, Россия); e-mail: medvedeva-nata@yandex.ru
- МИТИН Валерий Владимирович** – старший преподаватель кафедры всеобщей истории и регионоведения (Псковский государственный университет, г. Псков, Россия);
e-mail: rumata68@mail.ru
- МИХЕЕВ Дмитрий Владимирович** – доцент кафедры всеобщей истории и регионоведения, кандидат исторических наук (Псковский государственный университет, г. Псков, Россия);
e-mail: tankred85@mail.ru
- ОМЕЛЬЧЕНКО Дарья Михайловна** – младший научный сотрудник, кандидат исторических наук (Библиотека Российской Академии наук, г. Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: dorothy_om@mail.ru
- ПЕРЕПЕЛИЦА Максим Сергеевич** – студент исторического факультета (Белорусский государственный университет, г. Минск, Белоруссия); e-mail: perapialitsa@yahoo.com

- ПИЛИПЧУК Ярослав Валентинович** — младший научный сотрудник отдела Евразийской степи, кандидат исторических наук (Институт востоковедения им. А. Ю. Крымского Национальной Академии наук Украины, г. Киев, Украина); e-mail: pylypchuk.yaroslav@gmail.com
- ПОЗНЯК Ольга Сергеевна** — магистрант кафедры религиоведения (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия); e-mail: olunyatwix@mail.ru
- ПРОХОРОВ Андрей Аркадьевич** — доцент кафедры истории древнего мира и средних веков, кандидат исторических наук, доцент (Белорусский государственный университет, г. Минск, Белоруссия); e-mail: andrei_prokhorov@mail.ru
- РАЙКОВА Вера Алексеевна** — доцент кафедры всеобщей истории, кандидат исторических наук, (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия); e-mail: raivera@yandex.ru
- ТОЛСТОКОРОВА Алиса Валерьевна** — кандидат филологических наук, независимый научный эксперт (г. Киев, Украина); e-mail: alicetol@yahoo.com
- ФИЛИМОНОВ Анатолий Васильевич** — заведующий кафедрой русской истории, кандидат исторических наук, профессор (Псковский государственный университет, г. Псков, Россия); e-mail: istfakultet@rambler.ru
- ФИЛИППОВА Татьяна Владимировна** — ассистент кафедры русской истории, аспирант кафедры педагогики (Псковский государственный университет, г. Псков, Россия); e-mail: rada510@rambler.ru
- ХРИШКЕВИЧ Татьяна Георгиевна** — доцент кафедры всеобщей истории и регионоведения, кандидат исторических наук, доцент (Псковский государственный университет, г. Псков, Россия); e-mail: faschoda@mail.ru
- ХРУСТАЛЁВ Вячеслав Константинович** — старший преподаватель кафедры всеобщей истории, кандидат исторических наук (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия); e-mail: vyacheslav2511@gmail.com

ЧЕПЕЛЬ Александр Иванович — доцент кафедры истории, кандидат исторических наук (Санкт-Петербургский государственный морской технический университет, г. Санкт-Петербург, Россия); e-mail: achepel@mail.ru

ЯКОВЛЕВА Галина Николаевна — доцент кафедры всеобщей истории и мировой культуры, кандидат исторических наук, доцент (Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, г. Витебск, Белоруссия); e-mail: gnyakovleva@mail.ru

CONTRIBUTORS

- Zhanna V. ABASHEVA** – Post-graduate Student of the Department of World History (H. S. Skovoroda Kharkiv National Pedagogical University, Kharkiv, Ukraine); e-mail: tjv_86@mail.ru
- Olga I. ALEKSANDROVA** – Post-graduate Student of the Department of World History (Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia); e-mail: olgaalex@lenta.ru
- Vladimir S. ANTIPOV** – Associate Professor of the Department of World History and Area Studies, Candidate of Philosophical Sciences, Docent (Pskov State University, Pskov, Russia); e-mail: v_antipov@mail.ru
- Aleksander I. CHEPEL** – Associate Professor of the Department of History, Candidate of Historical Sciences (Saint- Petersburg State Marine Technical University, Saint- Petersburg, Russia); e-mail: achepel@mail.ru
- Evgeniy S. DANILOV** – Senior Lecturer of the Department of World History, Candidate of Historical Sciences (P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia); e-mail: explorator@list.ru
- Vladimir A. DMITRIEV** – Associate Professor of the Department of World History and Area Studies, Candidate of Historical Sciences, Docent (Pskov State University, Pskov, Russia); e-mail: demetrius@rambler.ru
- Anatoly V. FILIMONOV** – Head of the Department of Russian History, Candidate of Historical Sciences, Professor (Pskov State University, Pskov, Russia); e-mail: istfakultet@rambler.ru
- Tatiana V. FILIPPOVA** – Assistant Lecturer of the Department of Russian History, Post-graduate Student of the Department of Pedagogy (Pskov State University, Pskov, Russia); e-mail: rada510@rambler.ru
- Irina V. GOLUBEVA** – Director of the Sloboda Ukraine Archeological Service, Candidate of Historical Sciences, Docent (Kharkiv, Ukraine); e-mail: tatiana.krupa@gmail.com
- Artem Y. GRACHEV** – Post-graduate Student of the Department of Russian History (Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia); e-mail: grachovau@gmail.com
- Tatyana G. KHRISHKEVICH** – Associate Professor of the Department of World History and Area Studies, Candidate of Historical Sciences, Docent (Pskov State University, Pskov, Russia); e-mail: faschoda@mail.ru

- Vyacheslav K. KHRUSTALYOV** – Senior Lecturer of the Department of World History, Candidate of Historical Sciences (Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia); e-mail: vyacheslav2511@gmail.com
- Elena A. KOKHANOVA** – Post-graduate Student of the Department of Ukrainian History (H. S. Skovoroda Kharkiv National Pedagogical University, Kharkiv, Ukraine); e-mail: alena_kokhanova@mail.ru
- Maksim Yu. KOLPAKOV** – Head of the Department of World History and Area Studies, Candidate of Historical Sciences (Pskov State University, Pskov, Russia); e-mail: kolpakov.m@gmail.com
- Nina A. KOROLYOVA** – Associate Professor of the Department of World History and Area Studies, Candidate of Historical Sciences, Docent (Pskov State University, Pskov, Russia); e-mail: istfakultet@rambler.ru
- Veniamin A. KOSMACH** – Professor of the Department of World History and Area Studies, Candidate of Historical Sciences, Docent (Pskov State University, Pskov, Russia); e-mail: v.kosmach@tut.by
- Alexander P. KOSOV** – Head of the Department of World History and Culture, Candidate of Historical Sciences, Docent (Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Vitebsk, Belarus); e-mail: alekos1979@mail.ru
- Tatiana N. KRUPA** – Head of the Restoration Workshop (V. N. Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine); e-mail: tatiana.krupa@gmail.com
- Adam L. KUBIK** – Independent Researcher (Wroclaw, Poland); e-mail: atakan-al-vefa@wp.pl
- Tatiana V. KUDRYAVTSEVA** – Head of the Department of World History, Doctor of Historical Sciences, Professor (Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia); e-mail: tatyana.vk@yandex.ru
- Natalia M. MEDVEDEVA** – Senior Lecturer of the Department of World History and Area Studies, Candidate of Historical Sciences (Pskov State University, Pskov, Russia); e-mail: medvedeva-nata@yandex.ru
- Dmitry V. MIKHEEV** – Associate Professor of the Department of World History and Area Studies, Candidate of Historical Sciences (Pskov State University, Pskov, Russia); e-mail: tankred85@mail.ru

- Valeriy V. MITIN** – Senior Lecturer of the Department of World History and Area Studies (Pskov State University, Pskov, Russia); e-mail: rumata68@mail.ru
- Darya M. OMELCHENKO** – Junior Research Fellow, Candidate of Historical Sciences (Library of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia); e-mail: dorothe_om@mail.ru
- Maksim S. PERAPIALITSA** – Graduate Student of Historical Faculty (Belarusian State University, Minsk, Belarus); e-mail: perapialitsa@yahoo.com
- Olga S. POZNYAK** – Master's Degree Student of the Department of Religious Studies (Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia); e-mail: olunyatwix@mail.ru
- Andrei A. PROKHOROV** – Associate Professor of the Department of Ancient and Medieval History, Candidate of Historical Sciences, Docent (Belarusian State University, Minsk, Belarus); e-mail: andrei_prokhorov@mail.ru
- Yaroslav V. PYLYPCHUK** – Junior Research Fellow, Candidate of Historical Sciences (A.Yu. Krymskyi Institute of Oriental Studies of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine); e-mail: pylypchuk.yaroslav@gmail.com
- Vera A. RAIKOVA** – Associate Professor of the Department of World History, Candidate of Historical Sciences (Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia); e-mail: raivera@yandex.ru
- Alissa V. TOLSTOKOROVA** – Candidate of Philological Sciences, Independent Expert (Kiev, Ukraine); e-mail: alicetol@yahoo.com
- Galina N. YAKOVLEVA** – Associate Professor of the Department of World History and Culture, Candidate of Historical Sciences, Docent (Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Vitebsk, Belarus); e-mail: gnyakovleva@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ научного альманаха «Метаморфозы истории»

Рукописи представляются в редколлегию альманаха в электронном виде. Набор текста осуществляется в текстовом редакторе Microsoft Word со следующими параметрами: шрифт — Times New Roman, междустрочный интервал — 1, размер шрифта — 14, все поля — 2 см, выравнивание — по ширине, абзацный отступ — 1,25 см. Файл с электронным вариантом рукописи должен иметь формат *.doc. Объём рукописи **не должен превышать 1** авторского листа (40 000 знаков с пробелами). Иллюстрации выполняются в графических редакторах и представляются дополнительно к тексту рукописи в виде отдельных графических файлов форматов *.tif или *.jpg с разрешением не ниже 300x300 dpi.

Материалы для опубликования могут быть представлены в редколлегию журнала на русском и английском языках.

Вместе с текстом статьи в редакцию представляется **авторская справка**, в которой **обязательно** указываются: фамилия, имя, отчество (полностью), полное и краткое наименование организации, являющейся местом работы (для аспирантов — учёбы) автора, должность, учёная степень, учёное звание, контактная информация (телефон, адрес электронной почты). Фамилия, имя, отчество автора приводятся **на русском и английском языках**.

Материалы, представляемые для опубликования, должны содержать шифр УДК, а также **на русском и английском языках**: заглавие; резюме (250–400 печатных знаков); ключевые слова (до 10 слов).

Ссылки на используемую литературу оформляются в виде **подстрочных ссылок** (примечаний) **в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008**. Размер шрифта — 10, интервал — 1, выравнивание по ширине. Точка и тире, разделяющие области библиографического описания, заменяются точкой (т. е. **тире не ставится**); издательство, объём работы в страницах, ISBN **не указываются**. При ссылке на

конкретные страницы работы указываются их номера. Фамилия и инициалы автора выделяются курсивом. Например:

¹ *Флоренский П. А.* У водоразделов мысли. М., 1990. Т. 2.

² *Флоренский П. А.* У водоразделов мысли. М., 1990. Т. 2. С. 27–29.

При ссылке на публикацию в сборнике, журнале и т. п. **указываются** номера первой и последней страниц публикации, либо конкретные страницы, на которые делается ссылка. Например:

³ *Корявко В. И.* Эволюция форм применения объединений ВМФ // Военная мысль. 2006. № 4. С. 64–67.

⁴ *Корявко В. И.* Указ. соч. С. 64.

⁵ Там же. С. 66.

Пример ссылки на Интернет-ресурс:

⁶ *Ермолова И. Е.* Римская империя и федераты в IV в. // Новый исторический вестник. 2001. № 4. [Электронный ресурс]: URL: http://www.nivestnik.ru/2001_2/3.shtml#_ednref19/ (дата обращения: 28.05.2012)

Пример ссылки на архивный документ:

¹ Государственный архив Псковской области (далее – ГАПО). Ф. 12. Оп. 7. Д. 29. Л. 3.

² ГАПО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 23. Л. 7.

Ссылки на сочинения древних и средневековых авторов помещаются в тексте статьи в круглых скобках с сокращением имени автора и названия сочинения по общепринятым правилам, указанием номера книги римскими цифрами, главы и параграфа – арабскими. Например:

Об этих событиях сообщают многие авторы (*Arrian. Anab.* II. 3.2, 4.2–3; III. 1.2; *Greg. Tur. Hist. Franc.* III. 2; IV. 1–3; *Herod.* III. 51 и др.).

При использовании иллюстраций **обязательно приводятся** ссылки на их источники.

Слова «век», «века», «год», «годы», наименования мер длины, площади, массы и т. п., числительные («тысяча», «миллион» и т. д.) **сокращаются** («в.», «вв.», «г.», «гг.», «м», «км», «кг», «т», «тыс.», «млн.» и т. д.) в соответствии с ГОСТ Р 7.0.12–2011 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографиче-

ская запись. Сокращение слов и словосочетаний на русском языке. Общие требования и правила» и ГОСТ 8.417–2002 «Государственная система обеспечения единства измерений. Единицы величин».

В конце статьи приводится составленный в алфавитном порядке список использованных источников и литературы, куда включаются все публикации, на которые имеются ссылки в тексте. Список оформляется по тем же правилам, что и ссылки; размер шрифта — 14. Все слова, кроме артиклей и предлогов, в названиях работ на английском языке пишутся с заглавной буквы.

К статье отдельным файлом **обязательно** прилагается список использованных сокращений:

НИИ — Новая и новейшая история. М.

JHS — Journal of Hellenic Studies. L.

Рукописи проходят процедуру рецензирования. По итогам рецензирования редколлегия имеет право возвратить рукопись автору для доработки либо отказать в принятии ее к публикации в случае несоответствия профилю журнала или недостаточно высокого научного уровня. Редколлегия оставляет за собой право вносить в публикуемые материалы незначительные исправления, не искажающие смысл публикации.

Авторы несут ответственность за достоверность приводимых в публикациях фактов, цифр, цитат, статистических данных, имён собственных и прочих сведений.

ПРИМЕР оформления рукописи статьи

УДК 94(5)

Иванов И. И.

РОССИЯ И ЛИГА АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

На современном этапе отношения Российской Федерации (РФ) и Лиги арабских государств (ЛАГ) характеризуются рядом новых тенденций. В статье рассмотрены экономические и поли-

тические аспекты взаимоотношений России и ЛАГ в начале XXI в. Отдельное внимание уделено проблеме глобализации.

Ключевые слова: Россия, Лига арабских государств, глобализация, экономика, политика

Текст статьи. Текст статьи.

Источники

Herodoti Historiarum libri IX / Ed. H. R. Dietsch. Ed. altera, stereotypa. Lipsiae, 1903. Vol. 2.

Аристотель. Афинская полития. Государственное устройство афинян / Пер., примеч. и послесл. С. И. Радцига. 3-е изд., испр. М., 2007.

Литература

Гаврилов В. П., Ивановский С. И. Общество и природная среда. М., 2006.

Ермолова И. Е. Римская империя и федераты в IV в. // Новый исторический вестник. 2001. № 4.

[Электронный ресурс]:

URL: http://www.nivestnik.ru/2001_2/3.shtml#_ednref19/ (дата обращения: 28.05.2012)

Шмидт С. О., Гутнова Е. В., Исламов Т. Р. Абсолютизм в странах Западной Европы и в России (опыт сравнительного изучения) // ННИ. 1985. № 3. С. 42–54.

Frye R. N. The History of Ancient Iran. München, 1984.

Ivan I. Ivanov

Russia and the League of Arab States

At the present stage the relationship of Russian Federation (RF) and the League of Arab States (LAS), or Arab League, is characterized by a number of new trends. Article describes the economic and political aspects of relations between Russia and the Arab League at the beginning of XXI century. A special attention is paid to the process of globalization.

Key words: Russia, the Arab League, globalization, economics, politics.

GUIDELINES for Authors of «Metamorphoses of History»

This guide describes how to prepare contributions for submission. We recommend you read this in full if you have not previously submitted a contribution to «Metamorphoses of History». Papers must be submitted to the editorial board in the form of electronic documents prepared in Microsoft Word with the following parameters:

- **Font and Spacing:** the usual font for «Metamorphoses of History» is Times New Roman and the size is always 14-pt. Single space your paper.
- **Margins:** the standard margin size is 2 cm for all four sides. Text should be justified, indented 1.25 cm.

Please save Word documents using the file extension **doc**. Instructions to do this are as follows:

- Select the Office button in the upper left corner of the Word 2007 window and choose «Save As»;
- Select «Word 97-2003 Document»;
- Enter a file name and select «Save».

The paper should not exceed 1 author's sheet (40000 characters with spaces). Illustrations and figures must be presented as **separate** graphic files of *.tif or *.jpg format with resolution not lower than 300x300 dpi.

Papers for publication may be submitted to the editorial board in English or in Russian.

Please fill out and submit your **Author Information** which must include: first name, middle name, surname; contact information (telephone number and e-mail address) and **Author Affiliation:** include department, institution (full and short titles of place of work), position, academic degree, academic rank. Graduate students should give the name of their university.

Contribution for publication should include its **title, abstract** (300–500 characters, spaced), **key words** (up to 10 words or terms).

References in the text of the article should be given as **footnotes**. The usual font is Times New Roman and the size is 10-pt, single-spaced, justified, indented 1 cm, the author's name should be given in italics. For example:

¹ *Sykes P.* A History of Persia. Vol. 1. L., 1921. P. 19–21.

² *Sykes P.* Op. cit. P. 19–20.

³ *Ibid.* P. 117.

When referring to an article in a book, a magazine, etc., the numbers of the first and last pages of the publication or specific pages to which a reference is made **must be indicated**. For example:

⁴ *Mommsen Th. Ammians Geographica // Hermes. 1881. Bd. 16. S. 602–636.*

⁵ *Drijvers J. W. Ammianus Marcellinus' Image of Arsaces and Early Parthian History // The Late Roman World and its Historian: Interpreting Ammianus Marcellinus. L.; N. Y., 1999. P. 193–206.*

⁶ *Mommsen Th. Op. cit. S. 635.*

⁷ *Drijvers J. W. Ammianus Marcellinus' Image of Arsaces and Early Parthian History. P. 203.*

References to the works of Classical and Medieval authors are placed in the text in parentheses with the abbreviations of the name of the author and the title of works according to common rules, specifying the number of book in Roman numerals, whereas chapters and sections are given in Arabic. For example:

Many classical and medieval authors wrote about these events (Arrian. *Anab.* II. 3.2, 4.2–3; III. 1.2; Oros. III. 16.12; Greg. Tur. *Hist. Franc.* III. 2; IV. 1–3).

When using illustrations links to their sources **should be given**.

Contribution must be supplied with the **list of used primary sources and secondary sources** (books, articles) in alphabetical order, which include all the publications, which are referred to in the text.

A separate file with the list of abbreviations is required. For example:

CQ – The Classical Quarterly. Oxford.

DOP – Dumbarton Oaks Papers. Washington.

Papers are evaluated by means of peer review. The paper may be accepted for publication without any further changes required from the authors, or it may be accepted for publication in principle once the authors have made some revisions in response to the referees' comments, the paper can be rejected with no offer to reconsider a submitted version, if it doesn't correspond to subject area of this almanac or does not report original scientific research and is of no scientific importance.

Authors are responsible for the accuracy of facts, figures, citations, statistic data, proper names and any other information.

An example of formatting a paper is **given below**.

John J. Johnson

RUSSIA AND THE LEAGUE OF ARAB STATES AT THE MODERN STAGE

At the present time the relationship of the Russian Federation (RF) and the League of Arab States (LAS), or Arab League, is characterized by a number of new trends. The article describes economic and political aspects of relations between Russia and the Arab League at the beginning of the XXI century. A special attention is paid to the process of globalization.

Key words: Russia, the Arab League, globalization, economics, politics.

The text of the article. The text of the article.

Primary sources

Herodoti Historiarum libri IX / Ed. H. R. Dietsch; cur. H. Kallenberg. Ed. altera, stereotypa. Lipsiae, 1903. Vol. 2.

Dionis Cassii Cocceiani Historia Romana. Vol. 4 / Cum annot. L. Dindorfii. Lipsiae, 1864.

Secondary sources

Brunt P. A. Persian Accounts of Alexander's Campaigns // CQ. 1962. Vol. 12 (56). P. 141-155.

Cameron A. Agathias on the Sassanians // DOP. 1969-1970. № 23/24. P. 67-183.

Drijvers J. W. Ammianus Marcellinus' Image of Arsaces and Early Parthian History // The Late Roman World and its Historian: Interpreting Ammianus Marcellinus. L.; N. Y., 1999. P. 193-206.

Bacevich A. The New American Militarism. Oxford; N. Y., 2005.

МЕТАМОРФОЗЫ ИСТОРИИ

Metamorphoses of History

Научный альманах

Выпуск 5

На первой странице обложки: фрагмент иллюстрации «Америка – на фронт!» («America to the Front!») из выпуска британского журнала «Панч» от 10 апреля 1918 г. (Punch. 1918. Vol. 154. P. 227).

На четвертой странице обложки: фрагмент иллюстрации «Франция. 1919 г. Готов идти домой» («France. 1919. Ready to Go Home») из книги К. Лероя Болдриджа ««Я был там»: с американцами на Западном фронте» («I Was There»: with the Yanks on the Western Front. 1917-1919. N. Y.; L., 1919).

Технические редакторы:

А. А. Кирсанов, М. Е. Самуйлова

Корректор: С. Н. Емельянова

Компьютерная вёрстка: А. А. Кирсанов

Подписано в печать 10.10.2014 г. Формат 60x90/16.

Гарнитура Book Antiqua.

Объем издания усл. п. л. 31,75. Тираж 100 экз.

Заказ № 4980.

Адрес издательства:

180000, Россия, г. Псков, ул. Л. Толстого, д. 4а

Издательство Псковского государственного университета

ΜΕΤΑΜΟΡΦΩΣΕΙΣ ἸΣΤΟΡΙΑΣ

METAMORPHOSES of HISTORY